АФРИКА 2027

ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Экспертно-аналитический справочник Центра изучения Африки НИУ ВШЭ

Под общей редакцией А.А.Маслова

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
Центр изучения Африки

Африка 2027
Возможности и риски

Экспертно-аналитический справочник

Под общей редакцией А.А. Маслова

Издательский дом
Высшей школы экономики

Москва
2026

УДК 327.7
ББК 66.4(6),61
А94

Цифровая версия
справочника доступна
по ссылке:

Под общей редакцией А. А. Маслова

Африка 2027. Возможности и риски [Текст] : экспертно-аналитический справочник / А. А. Маслов и др.; под общ. ред. А. А. Маслова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Центр изучения Африки. — М.: ВШЭ, 2026. — 268 с. — 35 экз. — ISBN 978-5-6054390-4-2

Экспертно-аналитический справочник посвящен ключевым тенденциям, вызовам и перспективам развития континента. Он продолжает серию изданий «Африка 2023. Возможности и риски», «Africa 2025: Prospects and Challenges» и «Африка 2025. Возможности и риски», предлагая российский взгляд на экономические, социальные и технологические процессы в странах Африки. Новое издание существенно расширяет тематический охват серии. Наряду с анализом макроэкономической динамики и стратегий развития особое внимание уделено демографии, системам здравоохранения, языковому разнообразию и религиозным организациям, природному капиталу и урбанизации. Отдельные разделы посвящены ключевым для экономического развития континента отраслям – добыче полезных ископаемых и информационно-коммуникационным технологиям. Книга подготовлена командой экспертов и исследователей, объединенной Центром изучения Африки НИУ ВШЭ.

ISBN 978 5 6054390 4 2
9 785605 439042 >

© Центр изучения Африки НИУ ВШЭ и авторы, 2026
Все права защищены.

Оглавление

Предисловие 4

Население 9

Здоровье и здравоохранение 27

Языковые процессы 55

Религия и религиозные организации 75

Макроэкономика 109

Природный капитал 141

Минерально-сырьевой сектор 169

Города: демография, экономика, инфраструктура 191

Инфраструктура связи и цифровизация 211

Долгосрочные планы развития: от стратегий до реализации 237

Авторы 261

Организационное обеспечение 261

Предметный указатель 262

О Центре изучения Африки НИУ ВШЭ 264

Предисловие

«Африка 2027: возможности и риски» – 4-й обзорный экспертно-аналитический справочник, подготовленный Центром изучения Африки НИУ ВШЭ; ему предшествовали издания 2023 и 2025 годов (разные по содержанию книги Africa 2025 и Африка 2025, на русском и английском языках)[1].

В каждом новом справочнике архитектура и смысловые акценты смещаются, и новые книги таким образом дополняют опубликованные ранее. Сквозной для всех справочников компонент названия – «возможности и риски» – отражает ориентированность на читателя, принимающего решения. Каждый аспект развития континента открывает новые возможности и обуславливает риски, природа рисков же сводится к недостатку достоверной, актуальной и полной информации.

Каждый из 10 разделов настоящего справочника представит читателю панораму ключевых тенденций, возможностей и рисков для учета при работе. Первые 4 раздела книги (население, здоровье, языки, религиозные организации) посвящены человеческому капиталу Африки и раскрывают его многообразие с различных сторон, дополняя и расширяя наши прошлые исследования[2]; 5-й, центральный раздел, посвящен макроэкономике, следующие 4 – различным отраслям экономического развития: монетизации природного капитала, горной разведке и добыче, городской экономике и цифровой инфраструктуре. Завершает книгу раздел о стратегиях.

Население – основное богатство континента, потенциал которого только предстоит раскрыть. Любой обзор современной Африки уже несколько лет как принято начинать с рассказа о впечатляющем росте численности её населения. Рост этот сложно измерить, сложно понять его причины и структуру. 1% его уходит пока на заселение внешнего по отношению к Африке мира, остальные 99% новых африканцев живут, перемещаются, ищут работу и покупают товары внутри континента. В результате не только растут привычные потребительские рынки, но и появляются новые.

Впечатляющую динамику демонстрируют рынки, связанные с охраной **здоровья**: диагностика, лечение заболеваний, продажа и производство фармацевтических препаратов, вакцин. Суммарный объем африканских рынков здравоохранения приближается к 100 млрд долл./год. Устойчивости росту добавляет роль частных денег и высокая конкуренция в большинстве сегментов, которая оставляет возможности для занятия рыночных ниш через партнерства, поглощения и инвестиции. В числе рисков – неразвитость инфраструктуры дистрибуции и систем сертификации. Риски означают и возможности, в частности, для цифровых платформ в сфере диагностики и доставки лекарств.

Отдельный раздел справочника впервые посвящён **языкам**. Хотя арабский, английский и французский остаются основными рабочими языками континента, роль собственно африканских языков растет. Но не всех. В переводы на более чем 30 языков Африки уже инвестируют крупные корпорации. Современные технологии, искусственный интеллект, стирают грани между устной и письменной речью, разрушают

1 Африка 2023. Возможности и риски [Текст] : экспертно-аналитический справочник / А. А. Маслов, В. Ю. Свиридов и др. ; под общ. ред. А. А. Маслова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Центр изучения Африки. — 2-е изд., доп. — М.: Изд. дом ВШЭ, 2023. — 224 с. — 2000 экз. — ISBN 978-5-7598-2906-5 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-2872-3 (e-book).
Africa 2025: Prospects and Challenges (Third edition, revised and expanded). Maslov A., Sviridov V. et al.; Higher School of Economics Center for African Studies. – Moscow : HSE, 2025. – 200 p. – 500 copies.
Африка 2025. Возможности и риски [Текст] : экспертно-аналитический справочник / А. А. Маслов, В. Ю. Свиридов и др. ; под общ. ред. А. А. Маслова и В. Ю. Свиридова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Центр изучения Африки. — М.: Изд. дом ВШЭ, 2025. — 216 с. — 100 экз. — ISBN 978-5-6054390-0-4

2 См. главу «Знание – сила: кто обучает африканских лидеров» в справочнике «Африка 2025. Возможности и риски»; см. главу «Человеческий капитал» в справочнике «Африка 2023. Возможности и риски».

барьеры перед быстро меняющимися и динамично растущими языками Африки, которые становятся частью глобального информационного поля. Но ещё около 2 тыс. языков Африки будут бороться за место в цифровой лингвосфере. Любая российская организация, компания, планирующая продвижение в Африку платформенных цифровых решений, должна учитывать особенности местного языкового ландшафта. С другой стороны, все заметнее влияние африканцев в англо- и особенно франкофонном интернете, что открывает новые возможности.

Раздел книги, посвященный **религиям**, наша команда готовила больше двух лет: развернутое высказывание на эту тему мы публикуем впервые. Африка в целом непрозрачна, а деятельность религиозных организаций непрозрачна вдвойне. Но практический опыт привёл нас к убеждению, что именно религиозные организации – важнейший и активный участник политических, хозяйственных и социальных процессов на континенте. Они контролируют капиталы и землю, влияют на исходы выборов, формируют контуры внешних связей Африки. Религиозные организации – важный партнер, а часто и конкурент государственных институтов. Дальнейшее становление суверенных государств будет определяться динамикой их отношений с религиозными организациями, центры принятия решений в которых неизбежно смещаются внутрь континента. В нашем обзоре ведущих религиозных организаций континента – факторы и механизмы их влияния, численность, ресурсы, которыми они располагают, внешние связи. По полноте и глубине, а также беспристрастности он превосходит, надеемся, доступные нам зарубежные аналоги.

Раздел, посвященный **макроэкономике**, наоборот, уже по традиции, есть в каждом нашем справочнике. В этом году, помимо традиционного обзора внешней торговли и финансов, особое внимание уделено государственным бюджетам. Постепенно растёт доля госрасходов в экономике и доля инвестиций в госрасходах – в большинстве стран. Вместе с тем у многих, например, у Эфиопии, бюджеты пока настолько малы, что не соответствуют ни возможностям их экономик, ни потребностям. Постепенно госинвестиции становятся в Африке основным драйвером экономического роста, и именно они заменяют иностранные инвестиции в этой роли.

Растущее население Африки оказывает давление на экосистемы: города и пашни расползаются по континенту, территория лесов сокращается. **Природный капитал** Африки – пашни, леса, источники воды – может быть использован более эффективно. Сельское хозяйство большинства стран либо достигло уже предела экстенсивного развития (за счёт распашки лесов и саванн), либо близко к этому пределу. Будущее за повышением отдачи: ирригацией, удобрениями, новыми сортами и цифровыми технологиями. Вместе с тем всё больше внимания и инвесторов, и регуляторов привлекает экономика моря.

Раздел по минерально-сырьевой базе посвящен **горной добыче** и разведке твердого минерального сырья – и представляет панораму нескольких тысяч проектов, реализуемых в секторе различными инвесторами, прежде всего, частными. Сектор остаётся одним из основных каналов привлечения иностранных инвестиций в Африку, где разворачивается острая конкуренция между Китаем и Западом, который пытается действовать всё чаще сообща. Важный тренд последних лет – заметное усиление роли государств в секторе, пока в основном через укрепление регуляторных функций. На этом направлении могут быть востребованы в том числе и российские компетенции, однако пока Африка, в целом, остаётся гостеприимной для частных инвесторов в горной добыче. Риски для них связаны чаще с деятельностью незаконных вооруженных формирований, чем с изменениями регуляторной среды.

Население **городов** Африки растет со скоростью 4% в год, города становятся основными центрами развития потребительских рынков и платформенной экономики. Ключевые направления инвестиций – транспортная и логистическая

инфраструктура, коммунальное хозяйство, водоснабжение, недвижимость. Тем не менее городская среда Африки не похожа на другие части света: часто это одноэтажная застройка, которая тянется на десятки километров и постепенно переходит в сельскую местность. Города как будто бы растворяются в окружающей среде. В этой нечеткости, зыбкости границ, характерной для любого аспекта африканской жизни, есть и риски, и потенциал. Например, города в Африке только обретают административную субъектность, у них появляются инвестиционные бюджеты, планы развития. Они становятся покупателями и партнерами. Возможно, сейчас лучшее время для предложений.

Цифровизация на протяжении нескольких лет – в числе ключевых приоритетов работы Центра изучения Африки НИУ ВШЭ. Например, Центром опубликованы 3 выпуска ежегодника E-Governance in Africa[3], который стал ведущим в мире изданием по цифровизации госуправления в регионе. Сама концепция «цифрового суверенитета», его ценности, понимание важности лидерства государственных институтов в цифровизации своих стран укореняются в Африке, в значительной мере благодаря работе Программы трансфера компетенций в сфере государственного управления, которую поддерживают Правительство Российской Федерации, компания «Иннопрактика» и координацию которой осуществляет Центр изучения Африки НИУ ВШЭ. Раздел нового справочника посвящён одному из ключевых и наиболее капиталоёмких направлений цифровизации Африки – развитию **аппаратной инфраструктуры**. Точки роста – развитие ЦОД, оптоволоконной связи и запуск низкоорбитальных спутников. Последнее направление перспективно на горизонте 10 лет и больше (рано или поздно у Starlink должны появиться конкуренты), а ЦОД – важнейший элемент инфраструктуры цифрового суверенитета прямо сейчас, в сектор идут как государственные, так и частные, в том числе иностранные инвестиции.

Завершает книгу исследование корпуса **стратегий**, в соответствии с которыми идёт развитие континента. Документы стратегического планирования постепенно превращаются из политических манифестов в работающие документы: они определяют[4] цели развития, задачи, дают основания для бюджетных расходов, в том числе и для их расширения, помогают запустить контролируемый государством инвестиционный процесс. Стратегии становятся обязательным элементом ландшафта, который необходимо учитывать при реализации любого инвестиционного проекта. Кроме того, сама подготовка стратегий – сложный, многоуровневый процесс, в который вовлечены различные участники со своими интересами. В Африке видное место среди них традиционно занимают иностранные консультанты и советники, часто действующие через партнерства с местными организациями.

Также нами выполнены исследования транспортно-логистической инфраструктуры, различных отраслей энергетики, промышленности, сельскохозяйственных рынков, политических систем и внешнеполитической ориентации стран Африки. Соответствующие разделы в настоящий справочник не вошли, но некоторые их результаты доступны в рамках страновых разделов СППР «Африка: возможности и риски», которая регулярно обновляется и пополняется на сайте НИУ ВШЭ. Также одновременно со справочником будет опубликована **карта**[5] социально-экономического развития Африки, которая должна в едином визуальном контексте иллюстрировать основные направления роста и развития континента.

3 E-Governance in Africa 2024: Opportunities and Challenges. Maslov A., Kalashnik O. et al.; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : HSE, 2023. – 154 p. – 500 copies.
E-Governance in Africa 2025: Balancing Globalisation and Self-Reliance. Maslov A., Kalashnik O. et al.; Higher School of Economics Center for African Studies. – Moscow : HSE, 2024. – 184 p. – 500 copies.
E-Governance in Africa 2026: Digitalisation Across Sectors. Maslov A., Golovko N. et al.; Higher School of Economics Center for African Studies. – Moscow, 2026. – 196 p. – 30 copies.

4 Центр изучения Африки НИУ ВШЭ. СППР«Африка: возможности и риски». URL: https://we.hse.ru/irs/cas/africa_decisions

5 Центр изучения Африки НИУ ВШЭ. Современная Африка. Социально-экономическая карта. URL: https://we.hse.ru/irs/cas/map

У российской африканистики, опирающейся на традиции изучения континента в советский и досоветский период, есть потенциал глобального лидерства. Чтобы его реализовать, необходима поддержка устойчивых работоспособных коллективов и долгосрочное планирование исследовательских программ.

В последние год-два место в наших рабочих процессах прочно занял искусственный интеллект: им пользуются все, и прежде всего те, кто нас читает. Как и прежние большие технические достижения, ИИ в значительной мере уравнял возможности больших исследовательских институтов и небольших команд из 1–2 человек. Теперь книгу может написать каждый и за пару дней. Результатом пока стало наводнение ноосферы множеством низкокачественной «аналитики», которая проникает порой и на высокие уровни подготовки и принятия решений. Генерация текста как такового, инструментами ИИ, – это, как правило, обобщение поисковой выдачи с добавлением гладких грамматических и как будто бы логических связок. Такой анализ не добавляет знаний. Зияющая пустота знаний об Африке только отражается в многочисленных зеркалах, которые обобщают друг друга, критикуют, спорят.

Конечно, искусственный интеллект, портфель инструментов различного происхождения и назначения, использовался авторами при подготовке данного издания, и без ИИ эта книга, надеемся, была бы всё-таки хуже. Мы выработали множество внутренних протоколов проверки и требований к качеству публикуемых данных, публикуемых текстов. В основе – проверенные, очищенные от ошибок датасеты – упорядоченные и структурированные наборы численных показателей, которые берутся из надежных источников. Точно так же текстовые данные – записи событий с указанием их места, времени, участников и содержания, указывающие также на преемство и обусловленность событий и их последовательность должны храниться отдельно от общего, площадного интернета, чтобы, передавая их в работу ИИ-агенту, вы могли быть уверены в достоверности и верифицируемости получаемых результатов.

Экспертно-аналитическая работа отличается от научной. Если наука ищет новое знание, то ключевым критерием качества экспертно-аналитических материалов всегда будут результаты их применения на практике. Экспертиза должна заканчиваться оценкой, сценариями и рекомендациями; она работает с будущим, – и поэтому наш справочник называется «Африка 2027» – мы пишем о возможностях и рисках, которые будут актуальны для ваших решений в 2027 г.

Роль Африки в жизни России растёт. В 2026 г. должен пройти III Саммит Россия-Африка, участники которого договорятся об общих контурах и рамках взаимодействия на период до 2029 г. Растет торговля, обмен турпоездками, гуманитарные контакты. Растет российский экспорт в Африку, медленно подходит к отметке 30 млрд долл. Но давно уже ясно, что дальнейшее, заметное расширение экспорта возможно только через реализацию инвестиционных проектов непосредственно в странах континента.

Объектами инвестирования могут быть транспортно-логистические мощности, транспортные компании, сервисные центры, производственные площадки, диагностические и медицинские центры и др. – это те проекты, в реализации которых может быть заинтересована Россия. Например, строительство многопрофильного медицинского центра формирует каналы для экспорта лекарств, услуг лечения и диагностики, возможности для совместных исследований и т.п. Однако, за редким исключением, российские экспортеры к таким инвестициям пока не готовы. В числе ключевых причин – нехватка самих проектов, которые были бы качественно проработаны с учетом реальной обстановки на местах, достоверных данных о ценах, объемах, рисках, регуляторных ограничениях.

С другой стороны, африканцы – руководители министерств и ведомств, даже представители деловых кругов, любую внешнюю площадку рассматривают как инструмент для привлечения инвестиций. У них много идей, но их доработка до уровня качественно проработанных проектов, готовых к реализации, требует времени и командной работы.

Задача данного справочника, как и предыдущих наших книг, – сформировать достоверное понимание африканского инвестиционного ландшафта, с учетом его природного фундамента, инфраструктуры, правового, политического, культурного и других полей. Развеять, хотя бы отчасти, мифы, предрассудки, информационный туман. Из наших книг становится ясно, в каком направлении искать проекты с приемлемым уровнем риска и окупаемости. Ежегодно в Африке заключаются многие тысячи инвестиционных сделок, привлекается финансирование, получается прибыль, и всё чаще участниками этих сделок становятся российские компании.

Маслов А.А.
Директор Центра изучения Африки НИУ ВШЭ

НАСЕЛЕНИЕ

Панин Н.А., Ульянова Ю.А.

Население

С 1960 г. население Африки увеличилось более чем в 5 раз: с 283 млн до свыше 1,5 млрд человек в 2024 г.[1] По среднему сценарию Отдела народонаселения ООН к 2050 г. оно достигнет 2,5 млрд[2]. Континент прибавляет 35–36 млн жителей в год – быстрее любого другого региона планеты. Доля Африки в мировом населении к середине XXI в. вырастет с менее чем 10% в 1960 г. до примерно 28%[3]. Кроме того, из восьми стран, на которые придётся более половины прироста мирового населения до 2050 г., пять расположены в Африке: Демократическая Республика Конго, Египет, Эфиопия, Нигерия и Танзания[4].

Рост населения обеспечивает не миграция, как в Европе, а высокая рождаемость на фоне снижения смертности.

Младенческая смертность в Африке упала со 145 случаев на 1000 родившихся в 1960 г. до 38 в 2024 г., средняя ожидаемая продолжительность жизни выросла с 43 до 66 лет[5]. Ещё нагляднее сдвиг последних двух десятилетий. По оценке ВОЗ, ожидаемая продолжительность жизни в Африканском регионе выросла с 53 лет в 2000 г. до 64,5 лет в 2019 г. – на 12 лет менее чем за 20 лет[6]. Ожидаемая продолжительность жизни с поправкой на состояние здоровья (HALE) за тот же период выросла на 10 лет, что больше среднего прироста в других регионах мира.

Почему Африка продолжает расти?

Общий коэффициент рождаемости[7] в Африке снизился с 47–48‰ в 1960-х гг. до 31–32‰ за последние пять лет, или примерно в 1,5 раза. В то же время коэффициент смертности сократился примерно в 3 раза (с 22‰ до 8‰). Разрыв между темпами снижения смертности и рождаемости и определяет высокий естественный прирост населения.

Средняя плотность населения континента увеличилась с 28 человек на км^2 в 2000 г. до 51 человека на км^2 в 2024 г. Стоит подчеркнуть, что за этим усреднённым показателем скрывается колоссальная неравномерность распределения населения[8]. Не учитывается и степень пригодности земель для освоения, а между тем для плотного заселения непригодны обширные пространства Сахары, тропических болот и засушливых саванн.

Насколько на самом деле заселены (или перенаселены) пространства Африки, зависит от того, как считать. Наиболее применимый к континенту подход – оценка агроклиматического потенциала земель: их пригодности для земледелия с учётом почв, рельефа и осадков[9]. Зона Гвинейской саванны, протянувшаяся широкой полосой от Сенегала через центр континента до Мозамбика, охватывает около 600 млн гектаров, из которых примерно 400 млн пригодны для земледелия.

1 United Nations Economic Commission for Africa (UNECA). As Africa's population crosses 1.5 billion, the demographic window is opening. URL: https://www.uneca.org/stories/(blog)-as-africa%E2%80%99s-population-crosses-1.5-billion,-the-demographic-window-is-opening-getting

2 United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects Publications. URL: https://population.un.org/wpp/publications

3 См. сноску 1.

4 См. сноску 1.

5 См. сноску 1.

6 World Health Organization (WHO) Regional Office for Africa. Healthy life expectancy in Africa rises by almost ten years. URL: https://www.afro.who.int/news/healthy-life-expectancy-africa-rises-almost-ten-years

7 Общий коэффициент рождаемости (смертности) — число живорождений (смертей), зарегистрированных за год на 1000 человек среднегодовой численности населения. Показатель не учитывает возрастную структуру населения и в этом его отличие от суммарного коэффициента рождаемости (СКР). Разность между общим коэффициентом рождаемости и общим коэффициентом смертности даёт коэффициент естественного прироста населения.

8 См. сноску 2.

9 World Bank. (2009). Awakening Africa's sleeping giant: Prospects for commercial agriculture in the Guinea Savannah zone and beyond (Directions in Development). http://hdl.handle.net/10986/2640

На Африку, по оценкам ФАО, приходится около 60% всех необрабатываемых пахотных земель планеты[10]. Значительная часть этого резерва, впрочем, едва ли доступна на практике. По текущим оценкам, из сотен миллионов гектаров теоретически пригодной земли готовы к возделыванию лишь порядка 20–30 млн, сосредоточенных в девяти странах (Ангола, Чад, ДРК, Мадагаскар, Мозамбик, Южный Судан, Судан, Танзания, Замбия)[11]. Остальные земли либо лишены дорог и инфраструктуры, либо скрыты под лесным покровом, либо находятся на охраняемых природных территориях и в зонах вооружённых конфликтов. По обеспеченности пахотной землёй на человека Африка близка к среднемировому уровню (около 0,2 га/чел.).

Даже с этими оговорками Африка остается последним на планете крупным пространством, способным вместить значительный прирост населения. Прогнозируемое удвоение населения к концу века не обрекает континент на катастрофическую перенаселённость. Обрабатываемых земель хватит, а физиологическая плотность – число людей на квадратный километр пашни – даже при таком росте останется заметно ниже, чем в перенаселённых аграрных странах Азии, где она давно перешагнула тысячу человек на квадратный километр пахотной земли[12].

Насколько надёжны цифры?

Внушительная точность приводимых ООН показателей обманчива, и лучше всего это видно на первой пятёрке стран по числу жителей. Она отчётливо распадается на две группы. Египет провёл перепись в 2017 г. (четырнадцатую с 1882 г. и первую полностью цифровую). Танзания провела шестую по счёту перепись

Плотность населения: субрегионы Африки в сравнении с другими регионами мира

Источник: Центр изучения Африки на основе данных WorldPop.

Плотность по территории — численность населения, делённая на всю площадь региона, включая пустыни, леса и другие незаселённые пространства.

Плотность среды проживания — взвешенная по населению медианная плотность (PWD-M): половина жителей региона живёт в местах плотнее этого значения, половина — реже. Показатель отражает условия, в которых фактически живёт типичный житель, и почти не зависит от размеров незаселённых территорий.

Доля закрашенных клеток в каждом квадрате из 100 показывает значение относительно максимума в выборке: 445 чел./км^2 для плотности по территории и 4332 чел./км^2 для плотности среды проживания.

10 Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). Family Farming Detail. URL: https://www.fao.org/family-farming/detail/en/c/380877

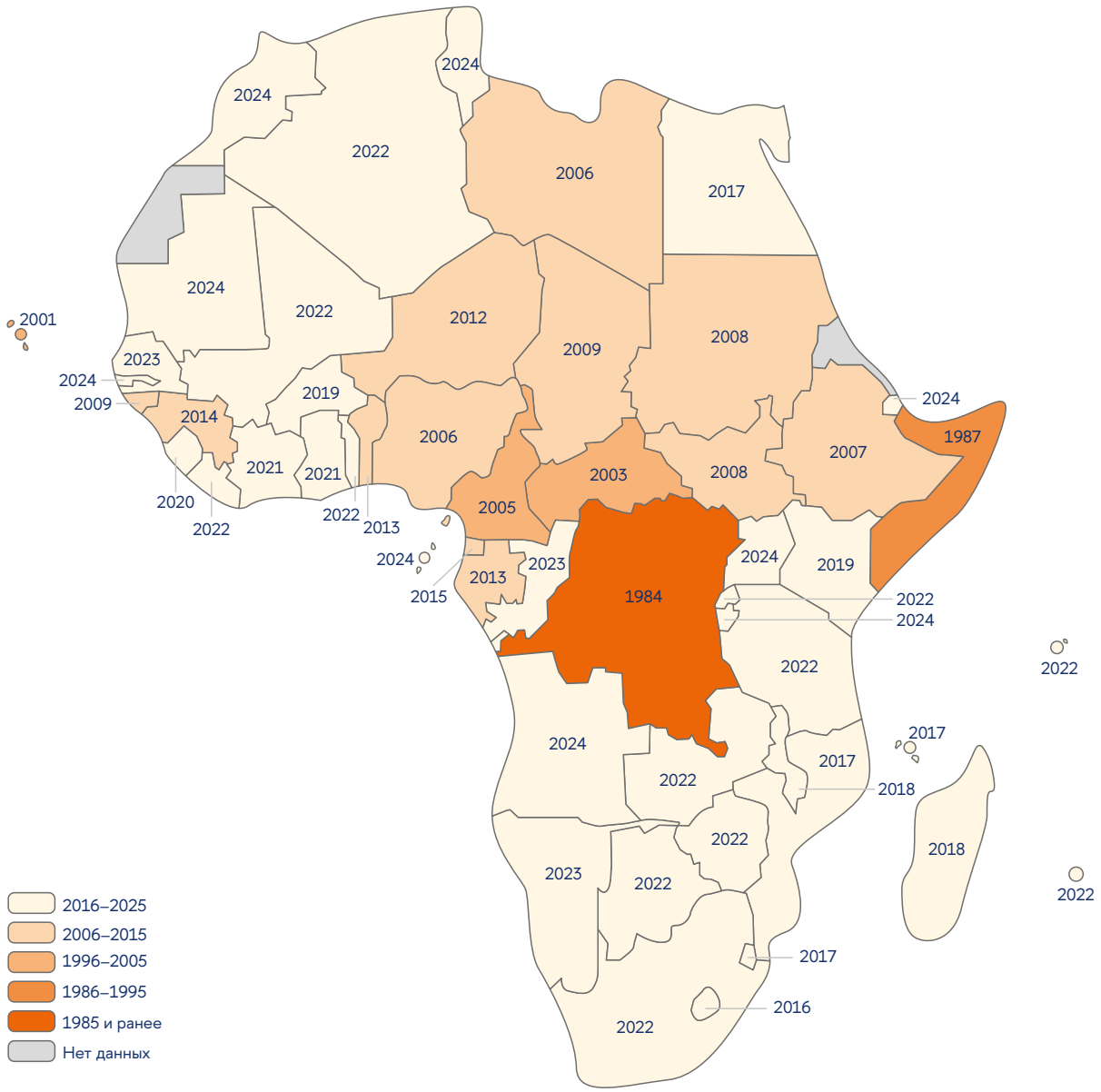
11 Готовые к возделыванию – часть потенциально пригодных земель, которая может быть экономически эффективно введена в сельскохозяйственный оборот в настоящее время. Необрабатываемые сельскохозяйственные угодья (Uncultivated agricultural land) - это земли, которые ранее использовались в качестве сельскохозяйственных угодий, но больше не обрабатывались по экономическим, социальным или иным причинам. McKinsey & Company. Winning in Africa's Agricultural Market. URL: https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/industries/agriculture/our%20insights/winning%20in%20africas%20agricultural%20market/winning-in-africas-agricultural-market.pdf

12 FAO. 2022. Land use statistics and indicators. Global, regional and country trends – 2000–2020. FAOSTAT Analytical Brief, no. 48. Rome. https://doi.org/10.4060/cc0963en

в 2022 г., тоже впервые в цифровом формате. Эти государства знают своё население с приемлемой точностью, однако три другие страны первой пятёрки его фактически не считают. Крупнейшая страна континента – Нигерия – не проводила переписи с 2006 г. ДРК последний раз пересчитывала жителей в 1984 г., Эфиопия – в 2007 г.

Все актуальные «национальные» показатели этих трёх стран строятся на проекциях многолетней давности, наложенных на ряд допущений о темпах рождаемости и смертности[13]. С учётом того, что три из пяти самых населённых стран Африки (всего же на первую пятёрку приходится около трети населения континента) опираются

Год последней опубликованной переписи населения

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ООН.

13 University of Southampton. WorldPop census calculation for Nigeria. URL: https://www.southampton.ac.uk/news/2020/10/worldpop-census-calculation-nigeria.page

на устаревший или спорный учёт, любые сводные показатели по Африке следует интерпретировать с учётом высокой степени неопределённости.

В отсутствие переписей исследовательские группы (например, GRID3) дают оценки численности населения методом «снизу вверх», комбинируя выборочные подсчёты домохозяйств со спутниковыми снимками застройки и геопространственными данными. Такие оценки расходятся с официальными: Нигерия планировала вакцинацию от полиомиелита по данным переписи 2006 г., но вакцины на местах то не хватало, то оставался избыток, потому что реальное число детей всегда отличалось от расчётного[14].

Расхождения касаются и прогнозных сценариев. Согласно упомянутому среднему варианту ООН, население Африки увеличится с 1,5 млрд чел. в 2024 г. до 3,8 млрд человек к 2100 г. (в 2,5 раза). Однако среднегодовые темпы прироста снизятся примерно с 2% в 2024–2030 гг. до менее 0,5% к концу века, то есть демографический переход постепенно завершится. При этом различия между субрегионами усилятся: население Восточной Африки вырастет с 501 млн до 1,4 млрд человек, Центральной – с 213 млн до 790 млн человек, причем Центральная Африка уже к 2040 г. превзойдёт по численности населения Северную. В то же время Юг Африки покажет самые скромные темпы роста (население увеличится с 73 млн до 109 млн человек). Разрыв между населением Восточной и Западной Африки вырастет с 44 млн до более чем 300 млн человек. Таким образом, к концу XXI в. крупнейшими по численности населения субрегионами станут Восточная, Западная и Центральная Африка.

Сколько людей живёт в Нигерии?

Краткий ответ – точно неизвестно. Официальная оценка отталкивается от переписи 2006 г., результаты которой оспаривались ещё при подведении итогов: например, власти штата Лагос заявляли о более чем 17,5 млн жителей, а федеральные власти насчитали там 9 млн человек. Расхождение носит политико-экономический характер и связано с распределением нефтяных доходов: основную часть бюджета Нигерии дают нефтяные поступления, которые делятся между штатами пропорционально численности населения, что создаёт у властей штатов стимул завышать число жителей и рождаемость и занижать смертность и эмиграцию[15].

Спутниковые оценки дают собственную, независимую от административного интереса картину расселения, но они не заменяют полноценной переписи и в конечном счёте опираются на допущения. В августе 2025 г. исследование GRID3 оценило[16] население Нигерии в 237,5 млн чел. (в 2006 г. официальная перепись насчитала 140,4 млн чел.)[17].

Практический вывод: любые «точные» цифры населения африканских стран стоит читать как порядок величины, а не как точное измерение.

14 WorldPop. Nigeria Case Study. URL: https://www.worldpop.org/case_studies/nigeria/

15 См. сноску 14.

16 Geo-Referenced Infrastructure and Demographic Data for Development (GRID3). Geospatial Data Nigeria. URL: https://grid3.org/geospatial-data-nigeria

17 Специалисты WorldPop из Саутгемптонского университета (Англия) взяли за основу подсчёты населения, собранные в 2022–2023 гг. Национальной программой по искоренению малярии, и с помощью статистического моделирования распределили эти данные по ячейкам сетки размером около 100 м с учётом изменчивости данных и неопределённости расчётов. Полученную пространственную картину затем «подтянули» к средним национальным прогнозам ООН: спутниковая модель уточняет географию расселения, но итоговая цифра по стране всё равно откалибрована по оценке ООН, а не заменяет её.

Альтернативный прогноз Института измерения показателей здоровья (IHME), опубликованный в журнале Lancet в 2020 г.[18], предполагает более быстрый спад рождаемости. По оценке авторов исследования, мировое население достигнет пика в 9,7 млрд около 2064 г. и снизится до 8,8 млрд к 2100 г., что меньше оценки ООН примерно на 1,4 млрд человек.

Оценка IHME в отношении ДРК расходится с ООН в другую сторону: если ООН оценивает население ДРК к 2100 г. в 431 млн чел., то IHME – в 246 млн. То же самое – по Эфиопии (367 млн чел. и 223 млн чел. соответственно) и некоторым другим странам региона. Сами авторы исследования отмечали, что их прогноз для стран Африки южнее Сахары может оказаться заниженным.

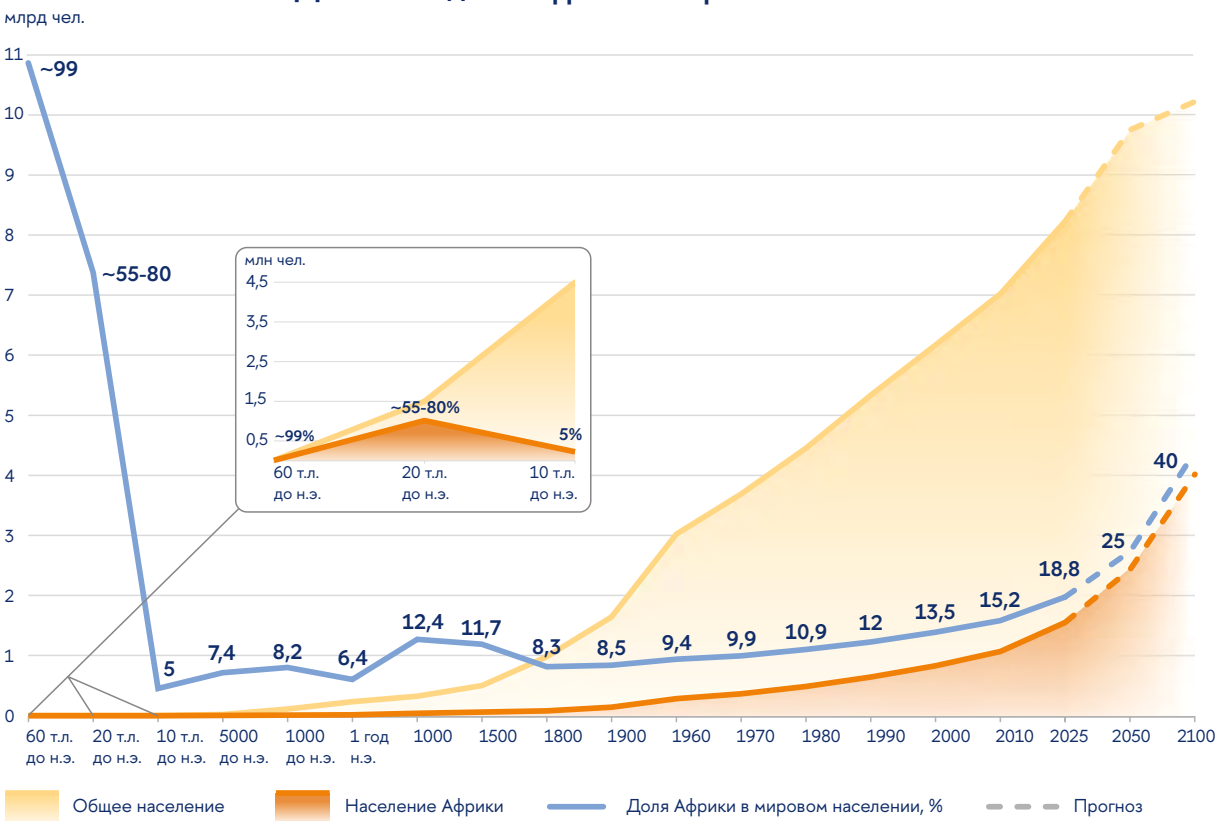
Согласно этому сценарию, Африка окажется единственным регионом мира, где население к концу века вырастет, а не снизится.

К 2100 г. население Нигерии вырастет – с большим отрывом от других стран континента – до 791 млн чел. (в прогнозе ООН – 477 млн чел.) и выведет страну на второе место в мире[19].

Возвращение к норме

Вне зависимости от прогнозов нынешняя доля Африки в мировом населении не аномалия, а возвращение к исторической норме. Здесь стоит опереться на работы П. Мэннинга, специалиста

Динамика доли Африки в мировом населении

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных UN World Population Prospects (2024), History Database of the Global Environment.

18 Vollset, S., Goren, E., Yuan, C., et al. (2020). Fertility, mortality, migration, and population scenarios for 195 countries and territories from 2017 to 2100: a forecasting analysis for the Global Burden of Disease Study. The Lancet, 396, 1285-1306.

19 World Economic Forum. Africa's population could triple by the end of the century. URL: https://www.weforum.org/stories/2020/07/africa-population-triple/

по исторической демографии Африки, чьи оценки построены на моделировании работорговли по данным трансатлантической базы невольничьих перевозок[20]. Мэннинг отталкивается от приблизительно известного населения континента в 1950 г. (около 220 млн человек) и шаг за шагом восстанавливает более ранние значения[21]. Его расчёты показывают, что к XX в. на континенте проживало около 140 млн человек и что без вывоза невольников население Африки в XIX в. было бы как минимум на 40% выше.

Эту картину дополняют оценки К. Макэведи и Р. Джонса, авторов классического «Атласа мировой демографической истории». По их оценке, на заре Нового времени (XVI в.) на Африку приходилось 15–17% всего человечества, но к началу XX в. её доля сократилась до 7–8%[22]. Иными словами, вследствие работорговли, колонизации и завезённых европейцами болезней доля континента в мировом населении снизилась почти вдвое, и восстанавливаться она начала лишь во второй половине XX в. Поэтому нынешний демографический подъём в Африке корректнее описывать как обратный ход маятника, а не как беспрецедентный взрыв[23].

Как урбанизируется Африка?

Снижение рождаемости в Африке ускоряет прежде всего урбанизация – рост доли городского населения. При этом привычное деление на «город» и «село» плохо описывает африканскую реальность. По методологии ООН, учитывающей лишь крупные административно оформленные города, уровень урбанизации Африки оценивается примерно в 45%. Альтернативный подход, предложенный проектом Africapolis, определяет город как непрерывную застройку с населением от 10 тыс. человек, распознаваемую по спутниковым снимкам. По этому критерию доля городского населения континента уже в 2020 г. составила 54% (в сравнении с 31% в 1990 г.)[24].

С 1990 г. по 2025 г. городское население Африки выросло в 5 раз – со 163 до 826 млн человек. К 2050 г., по оценкам, число горожан увеличится ещё примерно на 950 млн[25].

Основа городской сети – города с населением до 1 млн человек.

На них приходится 98% всех городских центров (9 228 из 9 334), и в них живёт больше людей, чем в городах-миллионниках (419 млн и 404 млн соответственно). С 1990 г. именно они обеспечили почти половину общего прироста городского населения (+310 млн), распределённого между тысячами населённых пунктов. Города-миллионники тоже значительно выросли (+351 млн), однако более половины этого прироста обеспечили всего 5 стран: Нигерия, Египет, Кения, ДР Конго и ЮАР. В большинстве государств Африки основной прирост пришёлся на субмиллионные города, а число малых и средних городских центров увеличилось почти на 7 тыс. (новых миллионников появилось 82).

Урбанизация в Африке может происходить «на месте», когда плотно населённые сельские районы переходят через порог городской застройки без всякой миграции[26], а вокруг существующих городов разрастаются пери-урбанные зоны[27].

20 Frankema, E. (2019). Africa and the Demographic Consequences of the Columbian Exchange. Asian Review of World Histories, 7(1-2), 66-79. https://doi.org/10.1163/22879811-12340046

21 Jerven, Morten. (2013). African population: Methods. URL: https://www.mortenjerven.com/wp-content/uploads/2013/04/AfricanPopulation.Methods.pdf

22 Price, G. N., & Whatley, W. (2023). Did the African Slave Trades Reduce African Population?

23 Маслов А.А., Суслов Д.В. Возвращение в Африку: Как сделать его российским приоритетом // Россия в глобальной политике. 2022. №1 (113).

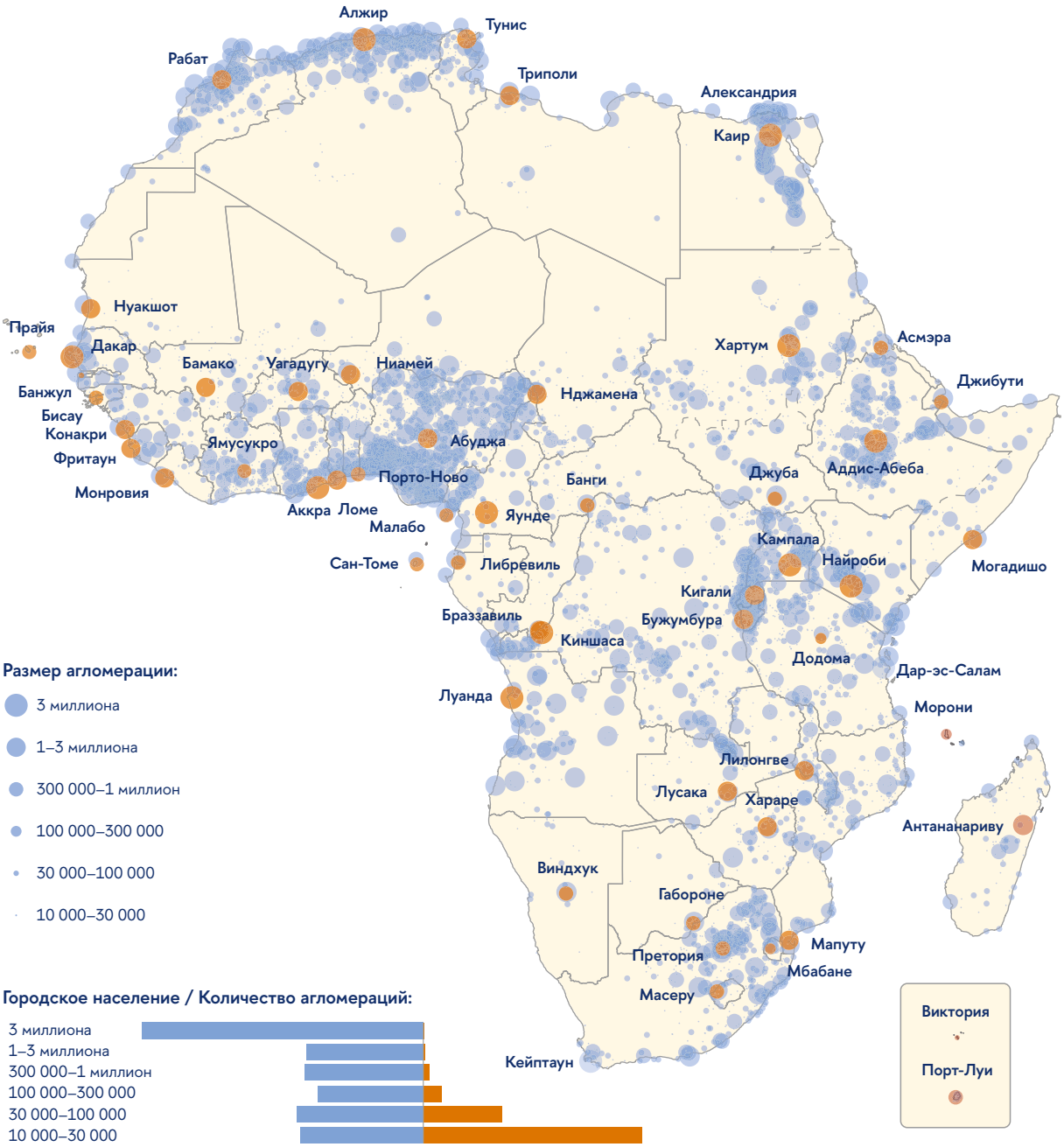
24 Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Urbanisation and Development. URL: https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/urbanisation-and-development.html

25 Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Africa's Urbanisation Dynamics 2020. URL: https://www.oecd.org/en/publications/africa-s-urbanisation-dynamics-2020_b6bccb81-en.html

26 Combes, P. P., Gorin, C., Nakamura, S., & Roberts, M. (2025). An anatomy of urbanization in Sub-Saharan Africa. Regional Science and Urban Economics, 104152.

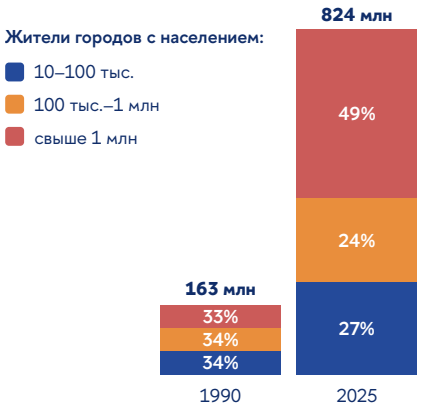
27 Пери-урбанные зоны – это динамично трансформирующиеся переходные территории на границе города и сельской местности, где происходит смешение городских и сельских функций, образа жизни и землепользования, обеспечивается тесная связь с мегаполисом через инфраструктуру и маятниковую миграцию.

Городские агломерации Африки

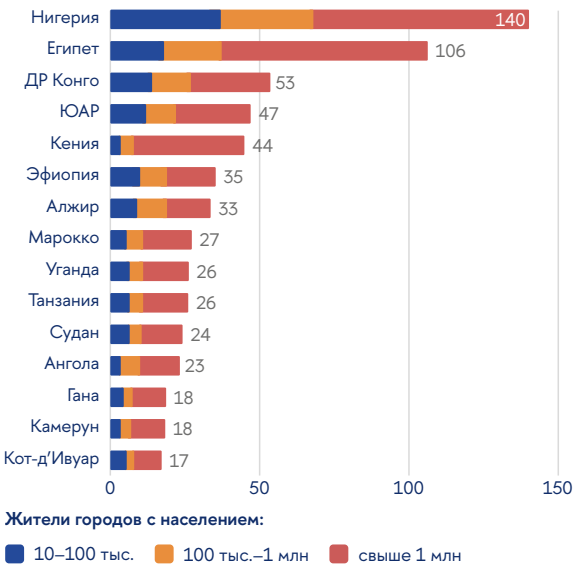
Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Africapolis.

Структура городского населения в Африке

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных проекта Африкаполис.

Структура городского населения в 15 крупнейших странах Африки, млн чел.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных проекта Африкаполис.

Одновременно в отчетах ООН подчеркивается, что Африка южнее Сахары — единственный регион мира, где число сельских жителей за последние 75 лет значительно выросло вопреки общемировой тенденции к его сокращению[28]. До 2012 г. сельская местность оставалась преобладающей формой расселения. Города стали более многочисленными, чем сельские территории, лишь недавно, и урбанизация в Африке южнее Сахары сохраняет тесную связь с сельской местностью.

Руанда по переписи 2022 г. имела плотность 503 человека на км^2 при площади 26 338 км^2 (сравнимо с Республикой Крым) – один из самых высоких показателей в материковой Африке, сопоставимый с Нидерландами[29]. При этом Руанда остаётся страной с преимущественно сельским населением: в городах сосредоточено лишь 28% жителей, и эта цифра появилась уже после реклассификации ряда поселений в ходе переписи 2022 г.[30] Плотность населения внутри страны колеблется от почти 3 000 человек на км^2 в столичном округе до нескольких сотен в восточных саваннах.

Где живут люди – решает экономика

В истории Африки были попытки искусственно управлять расселением населения. Так, в рамках курса уджамаа в Танзании в 1973–1976 гг. в укрупнённые деревни переселили до 5 млн чел. В Эфиопии принудительное переселение крестьян про-

28 United Nations Department of Economic and Social Affairs (UN DESA). World Urbanization Prospects 2025: Summary of Results. URL: https://desapublications.un.org/publications/world-urbanization-prospects-2025-summary-results

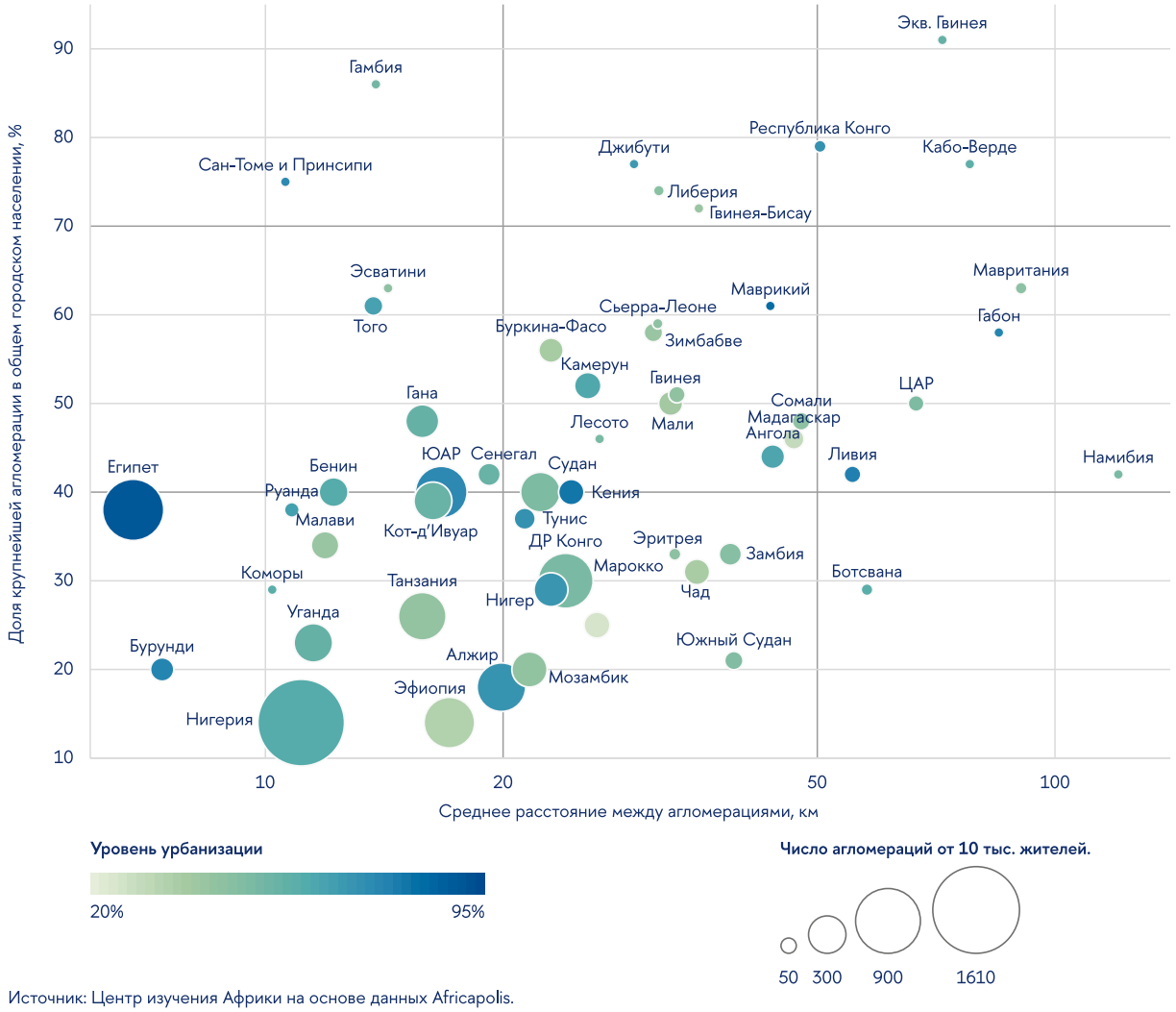
29 National Institute of Statistics of Rwanda (NISR). Population Size and Population Characteristics. URL: https://statistics.gov.rw/statistical-publications/population-size-and-population-characteristics

30 National Institute of Statistics of Rwanda (NISR). 5th Rwanda Population and Housing Census (RPHC5) Main Indicators Report. URL: https://www.statistics.gov.rw/sites/default/files/documents/2025-02/RPHC5_MainIndicatorsReport_Final.pdf

водил военный режим Дерга в 1980-х гг. В той же логике ранее действовали и колониальные администрации (например, в Бельгийском Конго крестьян принуждали к обязательному земледелию на отведённых участках под надзором приставленного агронома; эта система получила название «paysannat»). Эти проекты объединяет не только вера власти в то, что размещение населения можно вычертить на карте в обход хозяйственной логики, но также и провал этой идеи на практике. Демографическая политика устойчива лишь при опоре на реальные экономические стимулы, а попытки государства диктовать людям, где им жить, вопреки экономической логике и реальному расположению рабочих мест и источников дохода, были обречены на неудачу. Население постепенно возвращалось на прежние места или оставалось жить в бедности в новых условиях.

Наоборот, там, где расселение следует за экономикой, оно складывается устойчиво, пусть и не всегда так, как хотелось бы планировщикам. Алжир и Марокко схожи демографически, но разошлись по уровню урбанизации – именно в силу разной структуры хозяйства.

Урбанизация в странах Африки

Источник: Центр изучения Африки на основе данных Africapolis.

В Алжире в городах проживает около 76% населения – один из самых высоких показателей в Африке. Здесь сказываются географические особенности: большая часть территории страны занята Сахарой. Но решающую роль сыграла экономическая политика, сформировавшаяся после обретения независимости. Алжир выбрал путь централизованного развития, основанного на государственном регулировании экономики, национализации ключевых отраслей и ускоренной индустриализации за счёт нефтегазовых доходов. На протяжении десятилетий государство оставалось одним из основных работодателей и гарантом социального обеспечения. Углеводородный сектор приносил значительные поступления в бюджет, которые в том числе направлялись на субсидирование городского хозяйства и расширение государственного сектора. Сегодня на государственный сектор приходится порядка 40% формальной занятости[31]. В результате города стали основными центрами экономической активности, занятости и доступа к социальным благам. Историческая роль портовых городов, концентрация рабочих мест и более высокий уровень государственной поддержки городской среды сделали переезд в города рациональным выбором для значительной части населения.

Марокко, напротив, урбанизировано слабее: доля городского населения ниже, чем в Алжире, и составляет 63%[32]. Причина не в численности населения Марокко (оно примерно на 10 млн меньше, чем в Алжире), а в другой структуре хозяйства. Марокко обладает большей площадью пригодных для проживания и сельскохозяйственного освоения земель, поэтому сельские территории сохраняют заметную экономическую роль. Сельское хозяйство создаёт лишь 10% ВВП, но обеспечивает основную занятость и доходы населения. В Алжире такую роль взял на себя город – через государственную занятость, нефтегазовые доходы и систему социальных субсидий.

Парадокс африканского города

В отличие от мегаполисов стран Персидского залива и Юго-Восточной Азии, которые растут вверх, большинство городов в Африке растут вширь[33]. Вертикальный рост, как в Аддис-Абебе, пока остаётся исключением.

В большинстве городов застроенная площадь расширяется быстрее, чем растёт их население.

Земля поглощается стремительно, а уплотнение уже застроенных кварталов идёт медленно, из-за чего значительная часть земли внутри городской черты годами пустует. Возникает парадокс: город занимает огромную территорию, но средняя плотность населения в нём остаётся низкой, тогда как отдельные семьи, как правило, живут в тесноте. По оценке ООН-Хабитат, в 2020 г. в трущобных условиях жило 51% городского населения Африки южнее Сахары – более половины всех горожан региона (в других развивающихся регионах этот показатель находится в пределах 20–31%)[34].

Одним из признаков трущобного жилья считается нехватка жилого пространства. Нормой признаётся не более трёх человек на пригодную для жизни комнату, и большинство городских домохозяйств Африки этой норме не отвечает[35].

31 Camporeale, C., Del Ciello, R., & Jorizzo, M. (2021). Beyond the Hydrocarbon Economy: The Case of Algeria. In Sustainable Energy Investment - Technical, Market and Policy Innovations to Address Risk. IntechOpen. https://doi.org/10.5772/intechopen.91033

32 World Bank. Morocco Overview. URL: https://www.worldbank.org/ext/en/country/morocco

33 Xu, G., Dong, T., Cobbinah, P. B., Jiao, L., Sumari, N. S., Chai, B., & Liu, Y. Urban expansion and form changes across African cities with a global outlook: Spatiotemporal analysis of urban land densities. Journal of Cleaner Production, 2019. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0959652619309862

34 Li, C., Yu, L., Oloo, F., Chimimba, E. G., Kambombe, O., Asamoah, M., Opoku, P. D., & Fawcett, D. Slum and urban deprivation in compacted and peri-urban neighborhoods in sub-Saharan Africa. Sustainable Cities and Society, 2023. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2210670723004742

35 Socio.Health. Urban slums: concepts and characteristics. URL: https://socio.health/ecology-environment-urban-development/urban-slums-concepts-characteristics/

В Аддис-Абебе в перенаселённом жилье живёт 67% домохозяйств[36], в Нигерии часто можно встретить семьи из 8–12 человек, размещённые в жилище всего с двумя комнатами.

Иными словами, низкая средняя плотность города – статистическая иллюзия. Обширные пустоши и незастроенные участки внутри городской черты заполняют итоговый показатель, а в реальности люди заполняют тесные жилища, раскиданные по огромной, рыхло застроенной территории.

Такая пространственная рыхлость дорого обходится. В сравнении с городами Азии средний африканский город на 20% более фрагментирован, на 29% дороже в обустройстве и дает своим жителям на 37% меньше доступа к рабочим местам[37]. Разрастание неформальных поселений опережает создание инфраструктуры, услуг и рабочих мест, и издержки этой разорванности ложатся на горожан: жильё в африканских городах стоит на 55% дороже, а транспорт – на 42% дороже, чем в других регионах мира[38].

В итоге африканские мегаполисы пока что с трудом реализуют свой потенциал. Значительную часть ресурсов они тратят на преодоление последствий слабой инфраструктуры и больших внутренних расстояний и потому не могут извлечь выгоду из пространственной концентрации населения и предприятий. Вместо этого города забирают ресурсы из сельской местности, не обеспечивая сопоставимой отдачи для национальной экономики[39].

Что замедляет снижение рождаемости?

Африка находится в середине демографического перехода, но проходит его медленнее и позже, чем другие регионы мира. В Азии и Латинской Америке рождаемость достигла пиковых значений в 1960–1965 гг., тогда как в Африке южнее Сахары пик — почти 7 детей на женщину — пришёлся только на 1975–1980 гг., то есть полтора десятилетия спустя.

Среди факторов снижения рождаемости в Африке обычно называют урбанизацию, рост доходов населения, снижение детской смертности и повышение уровня образования. Однако последние исследования показывают, что устойчивую связь с рождаемостью имеет прежде всего образование женщин[40]. Остальные факторы во многом действуют через него. Урбанизация сама по себе не ведёт к сокращению числа детей: в городах девочки чаще и дольше учатся, к тому же продолжительность образования сильнее всего влияет на репродуктивное поведение[41]. Снижение детской смертности действует схожим образом: родителям больше не нужно «страховаться» дополнительными рождениями в расчёте на то, что часть детей не доживёт до взрослого возраста, поэтому семьи становятся менее многочисленными.

В Африке почти не действует ещё один фактор, который заметно снижает рождаемость во многих странах мира, – женская занятость. Оплачиваемая работа заставляет женщин выбирать между карьерой и воспитанием детей. В Африке этот выбор менее жёсткий благодаря расширенной семье: за детьми помогают присматривать бабушки, тётки, старшие дети и другие родственники. Такая поддержка позволяет совмещать работу и материнство, поэтому занятость женщин почти не влияет на размер семьи. Гораздо важнее образование: оно откладывает вступление в брак, расширяет жизненные возможности женщины и укрепляет её способность самостоятельно принимать решения о числе детей.

36 Keleb, A., Kassaw, A.B., Bezie, A.E. et al. (2026). Geospatial patterns and socio-environmental factors of household overcrowding in Ethiopia: Evidence from 2019 Ethiopian demographic and health survey data. Sci Rep, 16, 8504. https://doi.org/10.1038/s41598-026-42516-w

37 International Growth Centre (IGC). Making Room for Africa's Urban Billion. URL: https://www.theigc.org/blogs/making-room-africas-urban-billion

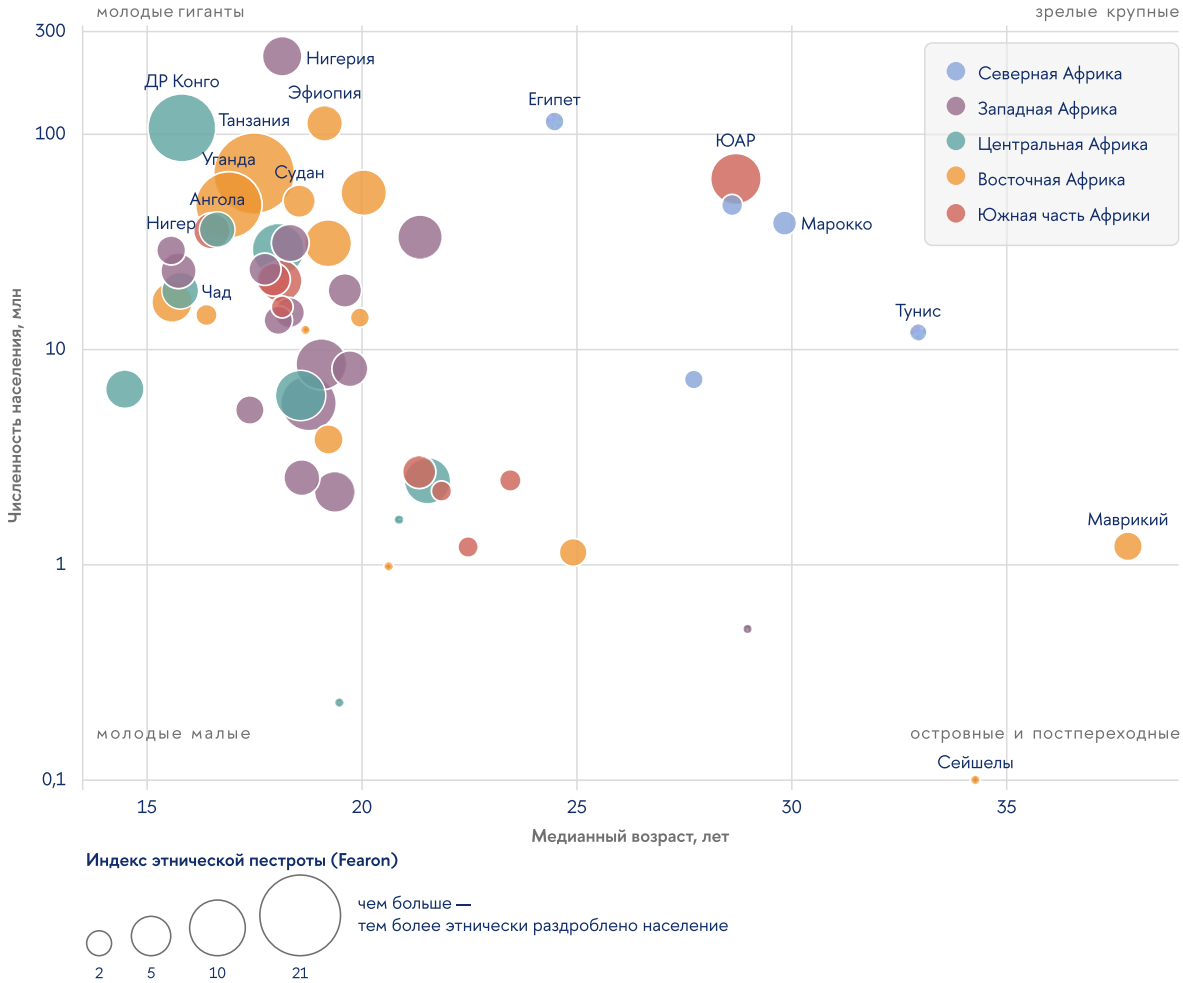
38 Madden, P., & Gutman, J. (2020). Urban economic growth in Africa: Analyzing constraints to agglomeration. BROOKINGS. October.

39 Gollin D., Jedwab R., Vollrath D. Urbanization with and without industrialization //Journal of Economic Growth. – 2016. – Т. 21. – №. 1. – С. 35-70.

40 Там же.

41 Kebede, E., Goujon, A., & Lutz, W. (2019). Stalls in Africa's fertility decline partly result from disruptions in female education. Proceedings of the National Academy of Sciences, 116(8), 2891-2896.

Типология стран Африки по численности, возрасту и этническому составу населения

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ООН и Fearon J. D. Ethnic and Cultural Diversity by Country, Journal of Economic Growth, 2003.

Цена демографического дивиденда

Африка – самый молодой континент планеты. Медианный возраст её населения составляет чуть более 19 лет (для сравнения: в Европе – 42 года), хотя с 1960-х гг. он постепенно рос[42].

В 1980–2000 гг. он держался на уровне 16–17 лет. Такая возрастная структура, казалось бы, создаёт предпосылки для получения значительного демографического дивиденда. К 2050 г. население трудоспособного возраста почти удвоится и превысит 60% населения континента, и тогда на Африку будет приходиться более четверти всей рабочей силы в мире[43].

Однако рост доли трудоспособного населения сам по себе не обеспечивает экономического подъёма. Демографический

42 См. сноску 2.
43 См. сноску 1.

дивиденд приносит отдачу только при наличии необходимых условий, прежде всего эффективной государственной политики и работающих институтов[44]. Чтобы увеличение численности рабочей силы ускорило экономический рост, людям необходимы образование и продуктивная занятость. В 2017 г. Африканский союз принял дорожную карту реализации демографического дивиденда через вложения в молодёжь, увязав её с «Повесткой 2063»[45].

Без таких вложений демографический дивиденд рискует превратиться в «демографическую ловушку».

Опыт Восточной Азии показывает, что демографический дивиденд становится источником роста лишь при одновременном расширении среднего и профессионального образования и создании рабочих мест в промышленности и сфере услуг. Однако воспроизвести восточноазиатскую модель в Африке нельзя. Африканские мегаполисы, как отмечалось ранее, пока не стали «фабриками роста». Поэтому создание рабочих мест должно опираться на два других направления. Первое – развитие малых и средних городов, расположенных ближе к сельскому населению. Они доступнее для малоквалифицированных работников, а близость к родным деревням снижает риски миграции: в случае неудачи вернуться домой значительно проще. Второе направление – создание рабочих мест в сельской местности за пределами сельского хозяйства. Наибольший потенциал здесь связан с переработкой, хранением, транспортировкой и сбытом сельхозпродукции, а также с малыми предприятиями и услугами, возникающими по мере модернизации аграрного сектора[46]. Агропереработка и связанные с ней виды деятельности уже стали важным источником занятости в Руанде и Сенегале[47].

По оценке Африканского банка развития, на рынок труда ежегодно выходят 10–12 млн молодых африканцев, тогда как формальная экономика создаёт лишь 3 млн рабочих мест[48]. К середине века разрыв станет ещё больше: число молодых людей, ежегодно пополняющих рынок труда, будет исчисляться уже десятками миллионов.

Главная проблема континента – не нехватка рабочих мест сама по себе, а недостаточное качество человеческого капитала, которое формируется ещё на этапе начального образования. Всемирный банк оценивает его с помощью показателя «бедности обучения» (learning poverty) – доли десятилетних детей, неспособных прочитать и понять простой текст. В странах Африки южнее Сахары этот показатель достигает почти 89% – самый высокий уровень в мире[49]. Иными словами, почти девять из десяти детей к десяти годам не овладевают базовыми навыками чтения. В Северной Африке (в статистике Всемирного банка она объединена с Ближним Востоком) ситуация заметно лучше, однако и там около 63% детей не достигают этого уровня.

Континент начинает стареть?

Страны Африки стареют. К 2050 г. численность населения в возрасте старше 60 лет увеличится более чем втрое – с 74,4 млн до 235 млн человек.

Численность пожилых людей на континенте превысит соответствующий показатель Латинской и Северной Америки и приблизится к европейскому уровню[50].

44 См. сноску 1.

45 United Nations Population Fund (UNFPA). African Union Demographic Dividend Roadmap (2017). URL: https://wcaro.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/AU%20 2017%20DD%20ROADMAP%20Final%20-%20EN.pdf

46 Christiaensen, L., & Maertens, M. (2022). Rural employment in Africa: Trends and challenges. Annual Review of Resource Economics, 14, 267-289.

47 Mastercard Foundation. Africa Youth Employment Outlook 2026. URL: https://mastercardfdn.org/en/our-research/africa-youth-employment-outlook-2026/

48 African Development Bank (AfDB). What is the Jobs for Youth in Africa Strategy? URL: https://www.afdb.org/en/topics-and-sectors/initiatives-partnerships/jobs-for-youth-in-africa/what-is-the-jobs-for-youth-in-africa-strategy

49 World Bank. 70% of 10-Year-Olds Now in Learning Poverty, Unable to Read and Understand a Simple Text. URL: https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/06/23/70-of-10-year-olds-now-in-learning-poverty-unable-to-read-and-understand-a-simple-text

50 He, W. (2022). Increases in Africa's older population will outstrip growth in any other world region. The United States Census Bureau.

Государства континента столкнутся с двойной нагрузкой, поскольку им придется создавать рабочие места для молодёжи и развивать системы пенсионного обеспечения и ухода за пожилыми. Эту задачу осложняет урбанизация, из-за которой молодёжь всё чаще переезжает в города, а традиционная семейная поддержка пожилых постепенно ослабевает[51].

По данным Международной организации труда (МОТ), пенсию по старости получают лишь 17% пожилых африканцев[52]. Тем не менее некоторые страны уже начали расширять систему социальной защиты. ЮАР первой на континенте ввела финансируемую из бюджета социальную пенсию, которую сегодня получают около 3,6 млн человек[53]. В 2016 г. Занзибар первым в Восточной Африке ввёл всеобщую пенсию для всех жителей старше 70 лет. В Уганде программа SAGE предусматривает выплаты людям старше 80 лет, а Кот-д'Ивуар в 2020 г. создал отдельную систему социального обеспечения для самозанятых[54]. Пока эти меры носят локальный характер, однако они задают направление, в котором африканским государствам предстоит развивать системы социальной поддержки по мере старения населения.

Африканская миграция остаётся внутренней

Господствующее в европейском восприятии представление об «африканском нашествии» не подтверждается статистикой. В 2024 г. в мире насчитывалось 304 млн международных мигрантов, из которых африканцы составляли 46 млн или 15%[55]. Это соответствует примерно 3% населения континента.

При этом африканская миграция носит преимущественно внутриконтинентальный характер.

В 2024 г. около 25 млн африканцев жили в другой стране Африки – на 21% больше, чем за её пределами (21 млн человек)[56]. Среди тех, кто эмигрировал за пределы Африки, большинство осело в Европе (около 11 млн человек), Азии (почти 7 млн) и Северной Америке (около 2,7 млн)[57].

Исключение составляет Северная Африка, откуда около 90% мигрантов направляются за пределы континента[58]. Сама Европа активно вкладывается в укрепление границ североафриканских режимов – в 2026 г. Еврокомиссия продолжила наращивать поддержку пограничного контроля в Алжире, Египте, Ливии, Марокко и Тунисе[59]. В июле 2023 г. Тунис подписал с ЕС меморандум о взаимопонимании, получив 105 млн евро бюджетной поддержки в обмен на ужесточение контроля над отплывающими с его побережья[60]; уже в том же году власти Туниса смогли «перехватить» 70 тыс. мигрантов, более 77% из которых были выходцами из стран Африки южнее Сахары[61].

Основные направления миграции отражают различия в причинах переселения – поиске работы, последствиях вооружённых конфликтов и исторических связях, сохранившихся с колониальной эпохи.

51 World Bank. Extending Pension Coverage to the Informal Sector in Africa. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/153021563855893271/pdf/Extending-Pension-Coverage-to-the-Informal-Sector-in-Africa.pdf

52 International Labour Organization (ILO). Sub-Saharan Africa: Only One in Five Older Persons Receives Old-Age Pension. URL: https://www.ilo.org/resource/news/sub-saharan-africa-only-one-five-older-persons-receives-old-age-pension

53 Mostert, C. M., Mekkaoui, N. E., Ali, S., Trepel, D., Ranchod, K., Udeh-Momoh, C., ... & Merali, Z. (2025). Investing in equitable healthy aging: Why Africa must reform social pension schemes to improve Alzheimer's disease and dementia outcomes. Alzheimer's & Dementia, 21(2), e14527.

54 International Social Security Association (ISSA). Reforms in Africa Extend Contributory Old-Age Pensions to Difficult-to-Cover Groups. URL: https://www.issa.int/analysis/reforms-africa-extend-contributory-old-age-pensions-difficult-cover-groups

55 Global Migration Data Portal (IOM). International Migrant Stocks Overview. URL: https://www.migrationdataportal.org/themes/international-migrant-stocks-overview

56 The Conversation. African migration: focusing on Europe misses the point – most people move within the continent. URL: https://theconversation.com/african-migration-focusing-on-europe-misses-the-point-most-people-move-within-the-continent-273679

57 International Organization for Migration (IOM). World Migration Report 2026: Chapter 3 - Africa. URL: https://worldmigrationreport.iom.int/what-we-do/world-migration-report-2026/chapter-3/africa

58 United Nations Academic Impact. Migration Dynamics: Refugees and Internally Displaced Persons in Africa. URL: https://www.un.org/en/academic-impact/migration-dynamics-refugees-and-internally-displaced-persons-africa

59 EU Observer. EU eyes more migrant-busting support to north Africa regimes. URL: https://euobserver.com/222432/#1

60 The Tahrir Institute for Middle East Policy. Externalizing Migration Control to the MENA Region: Tunisia. URL: https://timep.org/2025/05/01/externalizing-migration-control-to-the-mena-region-tunisia/

61 Там же.

Крупнейший миграционный коридор связывает Буркина-Фасо и Кот-д'Ивуар; буркинийцы составляют более половины всех иностранцев в Кот-д'Ивуаре или ок. 5% от общей численности населения страны[62]. Данный миграционный поток сформировался благодаря многолетней трудовой миграции и соглашениям о свободе передвижения в Западной Африке. Крупные потоки между Южным Суданом, Суданом, Чадом и Угандой имеют другую природу: их определяют вооружённые конфликты и вынужденное переселение. Коридоры, соединяющие Северную Африку с Европой и Ближним Востоком, складываются под влиянием географической близости, постколониальных связей и спроса на рабочую силу. К ним относятся маршруты из Египта в Саудовскую Аравию, из Алжира во Францию и из Марокко в Испанию.

Среди внутриафриканских диаспор также выделяется сомалийская община в кенийском районе Истли – «Маленьком Могадишо». Некогда тихий жилой квартал превратился в точку притяжения сомалийского бизнеса: неформальная торговля и системы денежных переводов позволили району обеспечивать ок. 30% всех налоговых поступлений округа Найроби, сделав его одним из самых значимых деловых центров кенийской столицы[63].

Для Африки миграция служит своеобразным предохранительным клапаном: она снижает давление на рынки труда, перераспределяет рабочую силу между странами и поддерживает национальные экономики за счёт денежных переводов мигрантов.

Финансовое значение миграции для Африки трудно переоценить. В 2023 г. денежные переводы мигрантов в страны Африки южнее Сахары составили около 54 млрд долл.[64]. Они уже давно превышают как объём прямых иностранных инвестиций, так и официальной помощи развитию. За последние десять лет объём переводов вырос на 57%, тогда как приток ПИИ сократился на 41%[65]. Для небольших экономик переводы стали одним из важнейших источников доходов: в Гамбии, Лесото и на Коморских Островах они превышают пятую часть ВВП, а в Либерии, Кабо-Верде и Гвинее-Бисау – десятую часть[66].

Однако наряду с добровольной миграцией континент остаётся крупнейшим в мире очагом вынужденного перемещения населения. Африка – единственный регион, где сразу несколько стран одновременно входят в число крупнейших источников беженцев и крупнейших стран их приёма. Судан, Южный Судан и ДРК не только порождают массовые потоки вынужденных переселенцев, но и принимают сотни тысяч беженцев из сопредельных стран[67].

Самый тяжёлый кризис разворачивается в Судане, где с 2023 г. продолжается крупнейшая в мире волна вынужденного перемещения. К октябрю 2025 г. свои дома покинули не менее 14 млн человек, из которых 11,5 млн остались перемещёнными[68]: 7,3 млн – внутри страны и 4,2 млн – в качестве беженцев[69]. Судан стал вторым по числу беженцев государством-источником в Африке (около 2,1 млн человек), уступая только Южному Судану (около 2,3 млн). Большинство суданских беженцев принял соседний Чад[70]. Если учитывать внутренне перемещённых лиц, то на ДРК и Судан в 2024 г. пришлось почти 80% всех вызванных конфликтами перемещений в странах Африки южнее Сахары. Уганда остаётся крупнейшей страной убежища на континенте и пятой в мире: к концу 2024 г. там находилось почти 1,8 млн беженцев, главным образом из Южного Судана и ДР Конго.

62 African Arguments. Côte d'Ivoire, Mali and Burkina Faso: a shared history collides with political fractures. URL: https://africanarguments.org/2026/01/cote-divoire-mali-and-burkina-faso-a-shared-history-collides-with-political-fractures/

63 Carrier, N. C. (2017). Little Mogadishu: Eastleigh, Nairobi's Global Somali Hub. Oxford University Press, New York.

64 World Bank. Remittances Slowed in 2023, Expected to Grow Faster in 2024. URL: https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/06/26/remittances-slowed-in-2023-expected-to-grow-faster-in-2024

65 Global Migration Data Portal (IOM). Remittances Overview. URL: https://www.migrationdataportal.org/themes/remittances-overview

66 Подробнее см. главу «Макроэкономика».

67 См. сноску 73.

68 United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR). Sudan Emergency. URL: https://www.unhcr.org/us/emergencies/sudan-emergency

69 Важно различать беженцев (пересёкших границу) и внутренне перемещённых лиц: в Африке преобладают именно последние.

70 См. сноску 73.

Другим ключевым источником вынужденных перемещений становятся стихийные бедствия. Так, Чад – одна из наиболее уязвимых к изменению климата стран мира – в 2024 г. пережил крупнейшее в своей истории наводнение, из-за которого более 1,3 млн человек были вынуждены покинуть свои дома[71].

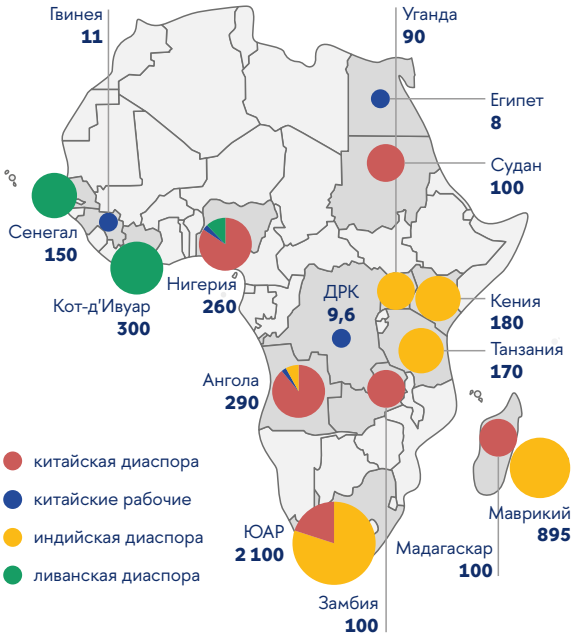
Неафриканский фактор

Отдельного внимания заслуживают иностранные диаспоры, влияние которых на экономику Африки значительно превосходит их численность.

Диаспоры в Африке, формирование которых берет свое начало в колониальный период, в целом делятся на две группы: европейские колонисты (например, потомки приезжих поселенцев в Зимбабве, которые после земельной реформы начала 2000-х гг. были в значительной степени вытеснены со своих территорий, продолжая в 2026 г. добиваться компенсаций за конфискованные земли)[72] и завезённые рабочие (как малайцы в Кейптауне, чьи предки были привезены голландцами в XVII в. в качестве рабов и политических ссыльных)[73].

Китайская диаспора – самая молодая и наиболее тесно связанная с инвестиционными проектами. Число китайских рабочих в Африке выросло со 152 тыс. в 2011 г. до почти 264 тыс. в пиковом 2015 г., а затем сократилось до 88 тыс. к 2022 г.[74] Это не означает ослабления позиций Китая на континенте. Напротив, меняется модель его присутствия: вместо масштабных инфраструктурных проектов, для которых рабочую силу привозили из КНР, китайские компании всё чаще используют местных работников и переходят к менее трудоёмким формам участия. Этому также способствуют изменения в законодательстве африканских стран, поощряющие локализацию занятости.

Диаспоры в африканских странах, тыс. чел.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых данных.

Индийская диаспора – старейшая и крупнейшая: более 3 млн человек, укоренившихся на континенте за полтора века. Её вес объясняется не численностью, а глубиной хозяйственного укоренения: потомки законтрактованных рабочих и торговцев XIX в. выросли в промышленников и банкиров и теперь доминируют в торговле, обрабатывающей промышленности и услугах Восточной и Южной Африки[75]. Крупнейшая община – в ЮАР (около 1,3 млн, преимущественно в Дурбане), а на Маврикии выходцы из Индии составляют почти 70% населения и потому определяют политику и экономику острова. В том числе благодаря этому Маврикий превратился в главный перевалочный пункт для инвестиций в саму Индию, играя для Дели почти ту же роль, что Гонконг для Пекина[76]. В Кении индийская община

71 См. сноску 73.

72 Ecofin Agency. Zimbabwe Plans New Phase of Compensation and Land Restitution for White Farmers. URL: https://www.ecofinagency.com/news-agriculture/0805-55390-zimbabwe-plans-new-phase-of-compensation-and-land-restitution-for-white-farmers#1

73 Yaseen Kader. Cape Malay: a South African Muslim identity borne out of colonialism. URL: https://taalmuseum.co.za/wp-content/uploads/2025/02/Cape-Malay-a-South-African-Muslim-identity-borne-out-of-colonialism-aug-2021.pdf

74 SAIS China-Africa Research Initiative (CARI). Data: Chinese Workers in Africa. URL: https://www.sais-cari.org/data-chinese-workers-in-africa

75 Khannawalia, P. Indian Diaspora in Africa and Their Role in Bilateral Ties. The Diplomatist, 2025. URL: https://diplomatist.com/indian-diaspora-in-africa-and-their-role-in-bilateral-ties/

76 См. сноску 92.

насчитывает ок. 50–100 тыс. чел.; в 2017 г. на тот момент президент Кении Ухуру Кениата объявил о признании кенийцев индийского происхождения 44-м племенем в Кении и пригласил их участвовать в политическом, экономическом, культурном и социальном развитии страны[77].

Ливанская диаспора, напротив, невелика по численности, но обладает заметным экономическим влиянием. В странах Западной и Центральной Африки проживает около 250 тыс. ливанцев, крупнейшая община сосредоточена в Кот-д'Ивуаре. Несмотря на сравнительно небольшую численность, представители диаспоры контролируют существенную долю оптовой и розничной торговли, строительства и сферы услуг[78]. Первые переселенцы из Ливана прибыли в Африку ещё в конце XIX в. Начав с небольших предприятий, ливанские торговцы заняли те ниши мелкой и местной торговли, которые европейцы считали для себя незначительными и оставляли без внимания. В конечном счете ливанцы постепенно расширили своё присутствие, выйдя в текстильную промышленность, строительство и крупную розничную торговлю[79].

Еврейская община ЮАР, сформировавшаяся в том числе за счёт приезда мигрантов из черты оседлости Российской империи на рубеже XIX–XX вв.[80], в последние годы сталкивается с растущей напряжённостью: внутриполитический фактор – риторика некоторых политических сил – приобретает внешнее измерение, отражая глобальные тренды[81]. В Марокко еврейская диаспора, напротив, стала мостом между странами: более 1 млн марокканских евреев и их потомков живут сегодня в Израиле, образуя одну из крупнейших культурных групп страны[82], в 2026 г. парламент Израиля утвердил закон об учреждении национального дня памяти исхода марокканских евреев[83].

В ЮАР вспышки ксенофобии остаются регулярным явлением: по состоянию на 2026 г. не менее 70% коренных южноафриканцев демонстрируют негативное отношение к иностранцам[84]. Корни этой напряжённости уходят в политику апартеида: тогда властям было легче привозить дешёвую рабочую силу из соседних стран, чем договариваться с местным населением, – и диаспоры стали жертвами этой политики.

На этом фоне особого внимания заслуживает политика США в отношении ЮАР. В мае 2026 г. администрация Трампа повысила ежегодную квоту на приём беженцев с 7,5 тыс. чел. до 17,5 тыс. чел., причём дополнительные 10 тыс. мест были зарезервированы исключительно для африканеров[85]. Однако остаётся открытым вопрос, насколько оправдано данное увеличение квоты – реальное число данной группы беженцев не превышает 10 тыс. чел.[86], сам шаг носит скорее политический, чем практический характер.

77 Graphic. Kenyans of Indian descent become 44th tribe. URL: https://www.graphic.com.gh/international/international-news/kenyans-of-indian-descent-become-44th-tribe.html#1

78 Pukas, A. Lebanese across the globe: How the country's international community came to be. Arab News, 2018. URL: https://www.arabnews.com/node/1296211/middle-east

79 См. сноску 73.

80 Gorelik, B. (2010). A lost tribe: Russian-speaking Jews in South Africa today (Vol. 8). Kaplan Centre for Jewish Studies and Research, University of Cape Town.

81 DW. South Africa's Jews troubled by ANC government. URL: https://www.dw.com/en/south-africas-jews-troubled-by-anc-government/a-68355517

82 AP News. A language course is reviving Moroccan Jewish culture and bridging Middle East divide. URL: https://apnews.com/article/morocco-jewish-language-french-hebrew-arabic-289f4d813e8998344cf5f052beddf5a9#1

83 JNS. Knesset approves law to mark immigration story of Moroccan Jews. URL: https://www.jns.org/israel-news/knesset-approves-law-to-mark-immigration-story-of-moroccan-jews#1

84 African News Agency. Rising distrust of African immigrants could spark instability, warns Inclusive Society Institute. URL: https://africannewsagency.com/rising-distrust-of-african-immigrants-could-spark-instability-warns-inclusive-society-institute/#1

85 PBS News. 3 things to know about Trump's order raising the U.S. refugee cap only for white South Africans. URL: https://www.pbs.org/newshour/politics/3-things-to-know-about-trumps-order-raising-the-u-s-refugee-cap-only-for-white-south-africans

86 Tri-City Herald. WA has taken in just 198 refugees this year. They're all South African. URL: https://www.tri-cityherald.com/news/state/washington/seattle/article316141452.html

ЗДОРОВЬЕ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Панин Н.А.

При участии Ульяновой Ю.А.

Здоровье и здравоохранение

Рост продолжительности жизни в Африке сопровождается двумя взаимосвязанными процессами – демографическим и эпидемиологическим переходами. Первый связан со снижением рождаемости, что приводит к постепенному изменению возрастного состава населения, а второй – с изменением структуры причин смерти: по мере снижения смертности от инфекций (особенно среди детей) всё большую долю составляют сердечно-сосудистые заболевания, диабет и рак. При этом эпидемиологический переход в Африке идёт ускоренными темпами. Доля неинфекционных заболеваний в смертности за последние 20 лет выросла более чем на 50%[1]. В странах Восточной Азии аналогичный переход также происходил быстро, а в Западной Европе этот сдвиг занял почти столетие. Специфика Африки заключается в том, что инфекционные заболевания составляют весомую группу среди причин смерти, а неинфекционные заболевания (НИЗ) становятся всё более существенной нагрузкой для систем здравоохранения. В результате разные стадии эпидемиологического перехода проявляются одновременно, а не сменяют друг друга, что оказывает дополнительное давление на системы здравоохранения африканских стран.

За двадцать лет – десять лет жизни

За 2000–2019 гг. жители Африки в среднем прибавили 10 лет здоровой жизни – больше, чем население любого другого региона мира (в среднем по миру – рост на 5 лет)[2].

Средняя продолжительность жизни без тяжёлых заболеваний и инвалидизации в Африканском регионе ВОЗ[3] выросла с 46 до 56 лет, а общая ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) увеличилась с 53 до 64,5 лет. Эти позитивные изменения стали результатом массового развёртывания с середины 2000-х гг. программ лечения ВИЧ, туберкулёза и малярии, успехов в охране материнского и детского здоровья и расширения доступа к базовым медицинским услугам – с 24% населения в 2000 г. до 46% в 2019 г.[4]

За средними показателями, однако, скрывается разрыв, повторяющий экономическую карту континента. На одном полюсе находятся страны Северной Африки и островные государства (Алжир, Тунис, Маврикий, Сейшелы и Кабо-Верде), где ОПЖ превышает 70 лет. На другом полюсе – Чад, Нигерия, ЦАР, Лесото, Южный Судан и Сомали, где ОПЖ не достигает и 55 лет[5]. Разница между крайними значениями составляет, таким образом, более 20 лет, и она определяется основными факторами заболеваемости и смертности.

1 Barry, A., Impouma, B., Wolfe, C. M., Campos, A., Richards, N. C., Kalu, A., ... & Farham, B. (2025). Non-communicable diseases in the WHO African region: analysis of risk factors, mortality, and responses based on WHO data. Scientific reports, 15(1), 12288.

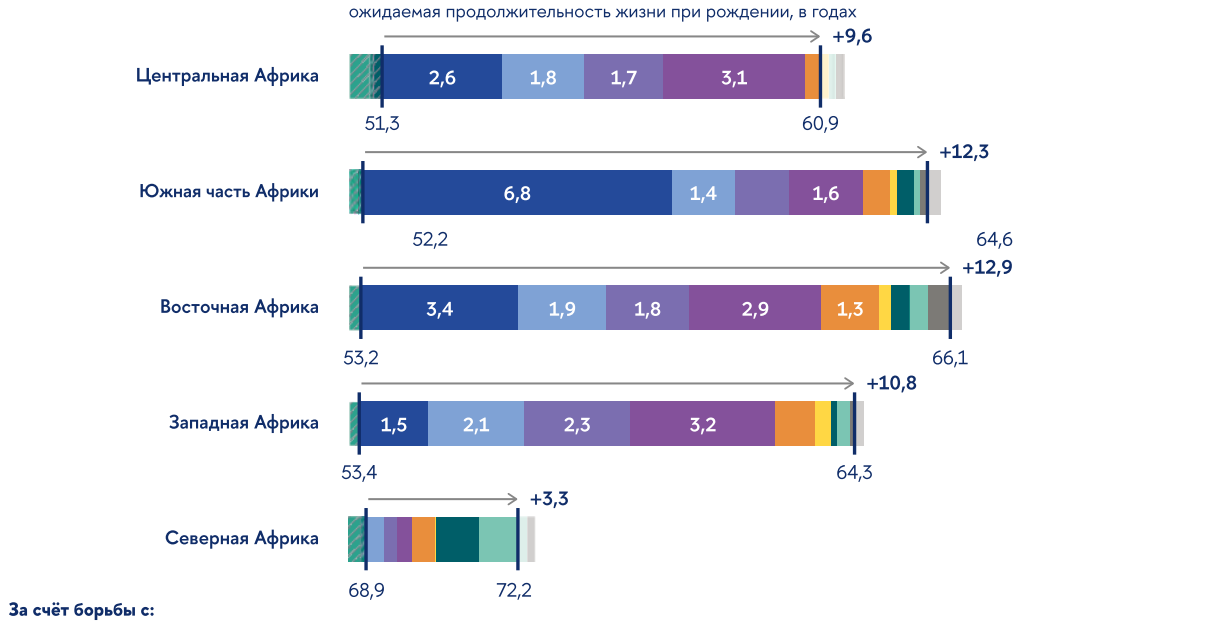
2 World Health Organization (WHO) Regional Office for Africa. Healthy life expectancy in Africa rises by almost ten years. URL: https://www.afro.who.int/news/healthy-life-expectancy-africa-rises-almost-ten-years

3 Африканский регион ВОЗ – одна из шести административных зон, на которые Всемирная организация здравоохранения делит мир для работы в области медицины и борьбы с болезнями. Штаб-квартира регионального бюро находится в городе Браззавиль (Республика Конго). Египет, Ливия, Марокко, Судан, Тунис, Джибути, Сомали относятся не к Африканскому, а к Средиземноморскому региону ВОЗ.

4 См. сноску 2.

5 United Nations. (2024). World Population Prospects 2024: Summary of Results (UN DESA/POP/2024/TR/NO. 9).

Динамика и факторы прироста ожидаемой продолжительности жизни в Африке по субрегионам (2023 г. в сравнении с 2000 г.)

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Института показателей и оценки здоровья (2023 г.).

Достигнутый прирост продолжительности жизни в разных субрегионах связан с разными факторами. На Юге Африки более половины прироста ОПЖ, по оценке Института показателей и оценки здоровья, стало возможным благодаря снижению смертности от ВИЧ. В Восточной Африке фактор ВИЧ также имел значение (26% прироста ОПЖ), тогда как в странах Западной Африки его вклад составил 14%. Наоборот, главную роль здесь сыграло сокращение смертности от малярии и других инфекционных заболеваний, кишечных инфекций и туберкулеза. В государствах Северной Африки, где исходная ОПЖ была более высокой, рост продолжительности жизни составил чуть более 3 лет, причем почти треть прироста обеспечило снижение смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, поскольку инфекционный этап эпидемиологического перехода страны региона уже в основном прошли.

Во всех пяти субрегионах рост смертности населения от онкологических заболеваний стал фактором сокращения ОПЖ на 0,2–0,4 года. Пандемия COVID-19 поставила эти достижения под угрозу, а сокращение внешнего финансирования в 2025 г. ударило прежде всего по программам борьбы с ВИЧ, которые обеспечили большую часть роста ОПЖ на Юге Африки[6].

6 См. сноску 2.

Двойное бремя болезней

Классическая модель эпидемиологического перехода предполагает смену одного профиля болезней другим. В странах Африки южнее Сахары эта последовательность нарушается.

Их системы здравоохранения не могут вполне взять под контроль инфекционные заболевания. Малярия уносит около 610 тыс. жизней в год (95% – в Африке)[7], а три четверти умерших – дети до 5 лет. В странах Африки южнее Сахары живёт и большинство людей с ВИЧ[8].

Урбанизация, распространение западного рациона питания, курение и загрязнение воздуха ускоряют рост неинфекционных заболеваний (НИЗ)[9]. Однако граница между инфекционными и неинфекционными заболеваниями в Африке не всегда однозначна. Значительная часть болезней, которые статистически относятся к НИЗ, имеет инфекционное происхождение или формируется как отдалённое последствие инфекции, которое затем трансформируется в хроническое заболевание. Так, почти 30% случаев рака в Африке южнее Сахары связаны с инфекциями[10], а хронические поражения лёгких нередко остаются после перенесённого туберкулёза[11]. В статистике такие случаи учитываются как НИЗ, а рост доли НИЗ (37% всех смертей в 2024 г. в сравнении с 20% в 2000 г.[12]) отражает не только распространение хронических заболеваний, но и последствия инфекций, которые проявляются спустя годы. Поздняя диагностика НИЗ, слабый эпидемиологический надзор и нехватка врачей усиливают это бремя.

Особенно быстро растёт смертность от рака[13]. В Африке в ближайшие два десятилетия она превысит среднемировой уровень примерно на 30%[14]. У женщин смертельными чаще всего оказываются рак молочной железы и рак шейки матки, которые можно предотвратить или выявить на ранней стадии, но из-за слабой диагностики их обнаруживают слишком поздно.

Помимо «большой четвёрки» неинфекционных заболеваний[15], значительное бремя создают и менее заметные хронические состояния, которые напрямую влияют на качество жизни и трудоспособность населения. От заболеваний полости рта страдают примерно 44% жителей Африканского региона ВОЗ, причём за последние три десятилетия число таких случаев выросло более чем на 257 млн – быстрее, чем в любом другом регионе мира[16]. В странах Африки южнее Сахары около 111 млн человек имеют различные нарушения зрения, ещё 40 млн живут с инвалидизирующей потерей слуха[17]. Экономический ущерб от неустранённой тугоухости ВОЗ оценивает примерно в 27 млрд долл. ежегодно[18].

Отсюда возникает «двойное бремя» – инфекционных и хронических заболеваний, а вместо перехода чаще происходит накопление вызовов для здравоохранения.

7 World Health Organization. (2025). World malaria report 2025. URL: https://www.who.int/publications/i/item/9789240117822

8 Joint United Nations Programme on HIV/AIDS. (2025). AIDS, crisis and the power to transform: UNAIDS Global AIDS Update 2025.

9 Sharma, R., Aashima, Nanda, M., Fronterre, C., Sewagudde, P., Ssentongo, A. E., Yenney, K., Arhin, N. D., Oh, J., Amponsah-Manu, F., & Ssentongo, P. (2022). Mapping cancer in Africa: A comprehensive and comparable characterization of 34 cancer types using estimates from GLOBOCAN 2020. Frontiers in Public Health, 10, 839835. https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.839835

10 Parkin, D. M., Hämmerl, L., Ferlay, J., & Kantelhardt, E. J. (2020). Cancer in Africa 2018: The role of infections. International journal of cancer, 146(8), 2089-2103.

11 Gebremedhn, A. T., Bobosha, K., Fantaye, Y. A., Teferi, M. Y., El-Khatib, Z., Bukate, T. A., ... & Boltena, M. T. (2025). Prevalence and associated factors of post-tuberculosis lung disease in Sub-Saharan Africa: a systematic review and meta-analysis. BMC Pulmonary Medicine, 26(1), 55.

12 При этом 63,6% смертей от НИЗ приходится на возраст 30–70 лет (т.е. происходят в трудоспособном возрасте и являются преждевременными), на фоне 41,8% в среднем по миру. World Health Organization (WHO) Regional Office for Africa. Deaths from noncommunicable diseases on the rise in Africa. URL: https://www.afro.who.int/news/deaths-noncommunicable-diseases-rise-africa

13 Hamdi, Y., Abdeljaoued-Tej, I., Zatchi, A. A., Abdelhak, S., Boubaker, S., Brown, J. S., & Benkahla, A. (2021). Cancer in Africa: The untold story. Frontiers in Oncology, 11, 650117. https://doi.org/10.3389/fonc.2021.650117

14 BusinessDay. Cancer deaths in Africa could rise over 30% – WHO. URL: https://businessday.ng/health/article/cancer-deaths-in-africa-could-rise-over-30-who/

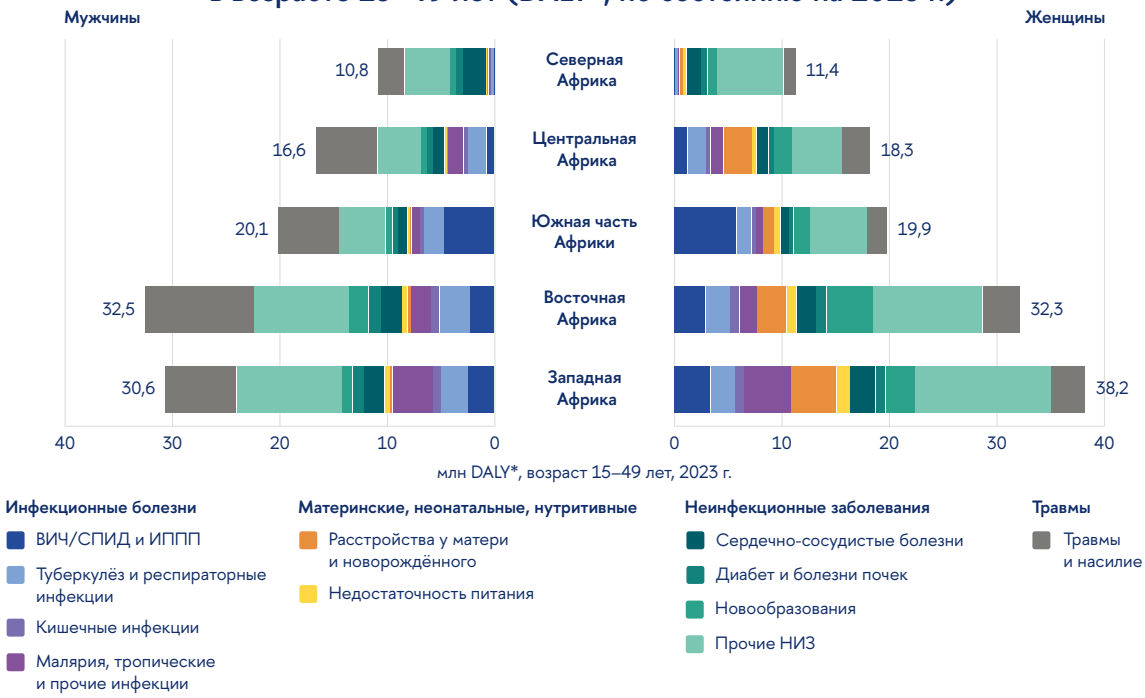
15 «Большая четвёрка» неинфекционных заболеваний – это сердечно-сосудистые болезни, злокачественные новообразования (рак), хронические респираторные заболевания и сахарный диабет. Они наносят самый большой вред здоровью людей во всём мире.

16 World Health Organization (WHO) Regional Office for Africa. Africa burdened with largest global increase of oral diseases. URL: https://www.afro.who.int/news/africa-burdened-largest-global-increase-oral-diseases

17 World Health Organization (WHO) Regional Office for Africa. Noncommunicable diseases. URL: https://www.afro.who.int/health-topics/noncommunicable-diseases

18 World Health Organization (WHO) Regional Office for Africa. Burden of hearing loss in Africa could rise to 54 million by 2030: WHO report. URL: https://www.afro.who.int/news/burden-hearing-loss-africa-could-rise-54-million-2030-who-report

Ключевые факторы потери здоровых лет жизни в Африке населением в возрасте 15–49 лет (DALY*, по состоянию на 2023 г.)

* DALY — один год, который человек либо не дожил из-за ранней смерти, либо прожил в болезни.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных на основе данных Института показателей и оценки здоровья (2023 г.).

Ряд стран континента также подвержен еще одному фактору: травмам и прочим последствиям вооружённых конфликтов и климатических бедствий[19].

Государства Северной Африки и Маврикий дальше других продвинулись в эпидемиологическом переходе. Профиль факторов риска для здоровья трудоспособного населения (15–49 лет) в этих странах преимущественно определяется не инфекционными, а хроническими заболеваниями.

В разрезе факторов риска в странах Северной Африки с повышенным артериальным давлением связано почти 30% смертей мужчин и более 34% смертей женщин, с избыточной массой тела – 15% и 20% соответственно. Среди мужчин одним из ведущих факторов риска также стал табак (почти 19% смертей). В остальных субрегионах ведущие позиции сохраняют такие факторы риска, как недостаточное питание (с разбросом от 9,5% смертей на Юге Африки до 20,6% в Западной Африке), загрязнение воздуха, небезопасная вода, плохие санитарные условия.

Картина заболеваемости на Юге Африки также несколько сдвинулась в сторону НИЗ (там фиксируются самые высокие стандартизованные по возрасту показатели по диабету и онкологии), но эти же страны сталкиваются с самым тяжёлым в мире бременем ВИЧ[20]. Восточная Африка занимает промежуточное положение: быстрая урбанизация ускоряет рост хронических заболеваний, но инфекционная заболеваемость также остаётся высокой[21]. Страны Западной и Центральной Африки по-прежнему больше всего страдают от инфекционных болезней, а также высокой материнской и детской смертности[22].

19 См. сноску 9.
20 См. сноску 7.
21 См. сноску 9.
22 См. сноску 9.

Основные факторы риска, приводящие к смертности, в разных субрегионах Африки

Верхняя полоса — мужчины, нижняя (светлая) — женщины

Метаболические риски
Повышенное систолическое давление, повышенный индекс массы тела, высокий уровень глюкозы натощак

Поведенческие и диетические риски
Питание, табачный дым, небезопасный секс

Экологические и санитарные риски
Загрязнение воздуха, вода и санитария

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ

Единственный фактор риска, одинаково значимый для всех стран континента, – загрязнение воздуха, с которым связано от 7,6% до 13,2% смертей. Однако причины загрязнений разные: например, угольная генерация на Юге Африки, использование твёрдого бытового топлива в странах Сахеля, транспортные выбросы в крупнейших городах Северной Африки.

Впрочем, эти оценки требуют той же осторожности, что и демографические прогнозы. В большинстве африканских стран пока отсутствует надёжная система регистрации причин смерти, поэтому почти все показатели основаны на моделировании, а не на прямом учёте[23]. К тому же при интерпретации статистики важно учитывать региональную классификацию ВОЗ. Несмотря на географическую принадлежность к Африке, Египет, Ливия, Тунис, Марокко, Судан, Сомали и Джибути относятся к Восточно-Средиземноморскому региону, а Африканский регион ВОЗ включает только 47 государств.

Смертность вне новостных заголовков

Болезни, которые уносят больше всего жизней африканцев, почти не попадают в новостные сводки. Ведущей причиной смерти на континенте остаются инфекции нижних дыхательных путей – прежде всего пневмония, на которую приходится 8,6% всех смертей[24]. Туберкулёз, о котором сегодня говорят значительно реже, ежегодно уносит больше жизней, чем любой другой отдельный инфекционный возбудитель, даже ВИЧ. На страны Африки южнее Сахары приходится 24% новых случаев и более трети всех смертей от туберкулёза в мире, хотя это всего 14% населения планеты[25]. Диарейные заболевания, туберкулёз и пневмония вместе остаются главными «пожирателями» здоровых лет жизни в регионе[26].

Пока внимание СМИ и глобального здравоохранения приковано к громким вспышкам, смертность формируется «привычными» эндемичными заболеваниями. Так, эбола за всё время

23 См. сноску 9.

24 Statista. Distribution of the leading causes of death in Africa in 2021. URL: https://www.statista.com/statistics/1029337/top-causes-of-death-africa/

25 Li, S., Mensah, E., Liu, M., Pan, L., Lu, W., Zhou, S., Zhang, L., Cheng, Y., Zhao, H., Wei, S., & Zha, L. (2025). The burden of tuberculosis and drug resistance in 22 Sub-Saharan African countries, 1990–2021: A GBD 2021 analysis and progress towards WHO 2035 targets with projections to 2050. Frontiers in Microbiology, 16, 1695592. https://doi.org/10.3389/fmicb.2025.1695592

26 World Bank. The Global Burden of Disease: Main Findings for Sub-Saharan Africa. URL: https://www.worldbank.org/en/region/afr/publication/global-burden-of-disease-findings-for-sub-saharan-africa

известных вспышек унесла примерно столько же жизней, сколько туберкулёз уносит за несколько дней, однако именно эбола попадает в заголовки и становится поводом для мобилизации ресурсов международного сообщества. К сожалению, логика глобального реагирования, скорее, определяется не масштабом смертности, а тем, насколько вспышка того или иного заболевания способна напугать богатые страны и имеет шансы на распространение за пределы региона.

От вспышки к вспышке

Эпидемии инфекционных заболеваний в Африке цикличны, и с распространением диагностики и ростом выявляемости такие кризисы возникают всё чаще. Число объявленных чрезвычайных ситуаций в области общественного здоровья выросло со 152 в 2022 г. до 213 в 2024 г. – на 41% всего за два года[27].

Каждый год приносит новые эпидемии. Реакция на них остаётся практически неизменной: выявление угрозы, объявление чрезвычайной ситуации, мобилизация ресурсов доноров и организаций, спад заболеваемости и отмена режима. Например, в августе 2024 г. в связи со вспышкой оспы обезьян (mpox) Africa CDC впервые в своей истории объявил чрезвычайную ситуацию континентального масштаба, вскоре аналогичный режим международного значения ввела и ВОЗ[28]. Новый субтип вируса поражал прежде всего женщин и детей, причём 96% всех случаев были зарегистрированы в ДРК[29]. К осени 2025 г. заболеваемость начала снижаться: в сентябре ВОЗ отменила режим чрезвычайной ситуации, а в январе 2026 г., после того, как число подтверждённых случаев за год сократилось примерно на 60%[30], то же сделал Africa CDC[31]. Новая, семнадцатая по счёту, вспышка Эболы в ДРК в 2026 г. также развивалась по этому сценарию.

Марбургская лихорадка также хорошо показывает разрыв между медийной заметностью инфекции и её вкладом в картину смертности в Африке. Это редкое геморрагическое заболевание с высокой летальностью, поэтому даже небольшие вспышки получают большое внимание. Осенью 2024 г. Руанда пережила первую в своей истории вспышку (66 случаев заболевания и 15 смертей, преимущественно среди медицинских работников), и тогда впервые в мире была применена экспериментальная вакцина против вируса[32]. В начале 2025 г. вспышка произошла в Танзании, где погибли все десять заболевших[33]. На рубеже 2025–2026 гг. вирус впервые был выявлен в Эфиопии, где умерли 9 из 14 пациентов с подтверждённым диагнозом[34].

Вместе с тем всё очевиднее в зонах вооружённых конфликтов и климатических кризисов становится рост заболеваемости холерой. Крупнейшие вспышки 2024–2025 гг. пришлись на охваченные конфликтом Судан и ДРК, где была зарегистрирована самая тяжёлая вспышка за последнюю четверть века[35].

Достигнутый прогресс в области иммунизации остаётся ограниченным. Несмотря на рост охвата второй дозой противокоревой вакцины с 5% в 2000 г. до 55% в 2024 г., Африканский регион всё ещё далёк от 95%-го охвата, необходимого для формирования коллективного иммунитета. Пока этого уровня достигли только 5 стран – Ботсвана, Кабо-Верде, Маврикий, Руанда и Сейшелы[36].

27 Nairametrics. Africa CDC launches epidemic fund as public health reports 213 emergencies in 2024. URL: https://nairametrics.com/2025/03/12/africa-cdc-launches-epidemic-fund-as-public-health-reports-213-emergencies-in-2024/

28 World Health Organization (WHO) Regional Office for Africa. African CDC and WHO launch joint continental plan to scale up mpox outbreak response. URL: https://www.afro.who.int/news/african-cdc-and-who-launch-joint-continental-plan-scale-mpox-outbreak-response

29 Ngongo, N., Boum, Y., Mercy, K., Fallah, M. P., Dereje, N., Muteba, M., & Kaseya, J. (2025). Still not over: Africa CDC and WHO issue third reaffirmation of mpox emergency. Journal of Public Health in Africa, 16(1), 1556.

30 Science. Africa's mpox epidemic no longer an international emergency, WHO says. URL: https://www.science.org/content/article/africa-s-mpox-epidemic-no-longer-international-emergency-who-says

31 AllAfrica. Africa CDC Declares End to Mpox As Continental Health Emergency. URL: https://allafrica.com/stories/202601230405.html

32 Centers for Disease Control and Prevention (CDC). Marburg Outbreak in Rwanda 2024. URL: https://archive.cdc.gov/www_cdc_gov/marburg/outbreaks/rwanda-2024.html

33 Centers for Disease Control and Prevention (CDC). Marburg Outbreak in Tanzania 2025. URL: https://www.cdc.gov/marburg/outbreaks/tanzania-2025.html

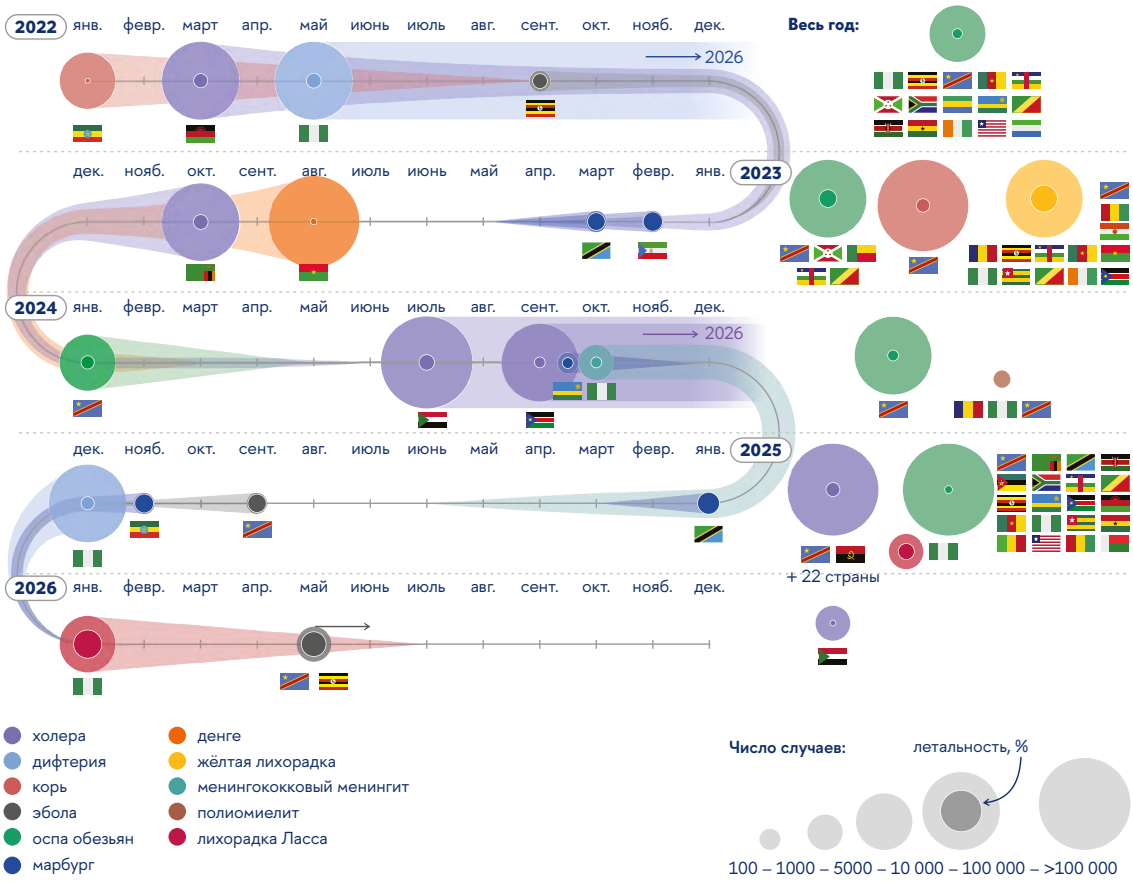
34 World Health Organization (WHO). Marburg virus disease - Ethiopia. URL: https://www.who.int/emergencies/disease-outbreak-news/item/2026-DON592

35 Africa Centres for Disease Control and Prevention (Africa CDC). Africa's New Cholera Plan: Darfur Crisis Shows Why Peace and Multisectoral Action Are Essential. URL: https://africacdc.org/news-item/africas-new-cholera-plan-darfur-crisis-shows-why-peace-and-multisectoral-action-are-essential/

36 World Health Organization (WHO) Regional Office for Africa. Nearly 20 million lives saved in Africa through measles vaccinations. URL: https://www.afro.who.int/news/nearly-20-million-lives-saved-africa-through-measles-vaccinations

На этом фоне заметны успехи. Впервые в истории Африканский регион ВОЗ подтвердил ликвидацию кори сразу в трёх странах – Кабо-Верде, на Маврикии и на Сейшелах (ноябрь 2025 г.)[37]. Против малярии сегодня используются две одобренные ВОЗ вакцины – RTS,S британской компании GSK и более доступная R21/Matrix-M, разработанная Оксфордским университетом совместно с индийским Serum Institute. К 2024 г. при поддержке Gavi[38] их внедрение охватило около полутора десятков стран, а число детей, которых планировалось вакцинировать, достигло 6,6 млн[39]. Важный вклад в эпидемиологическую безопасность континента должна внести российская вакцина от лихорадки Эбола, эффективность которой против штамма Бундибугио была доказана в конце июля 2026 г.[40] В борьбе с ВИЧ также достигнуты исторические результаты. К 2024 г. антиретровирусную терапию получали около 31,6 млн человек – 77% всех людей, живущих с вирусом, а семь стран – Ботсвана, Эсватини, Лесото, Намибия, Руанда, Замбия и Зимбабве – выполнили целевой показатель «95-95-95»[41,42].

Хронология вспышек инфекционных заболеваний в Африке, 2022–2026 гг.

Источник: Центр изучения Африки на основе открытых данных.

37 World Health Organization (WHO) Regional Office for Africa. Cabo Verde, Mauritius and Seychelles eliminate measles and rubella. URL: https://www.afro.who.int/countries/cabo-verde/news/cabo-verde-mauritius-seychelles-eliminatemeasles-and-rubella

38 GAVI (Глобальный альянс по вакцинам и иммунизации) – это международное государственно-частное партнерство, созданное в 2000 году с целью расширения доступа к детской вакцинации в странах с низким уровнем дохода. Альянс объединяет правительства разных стран, Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ), ЮНИСЕФ, производителей вакцин, а также частные и благотворительные фонды (например, Фонд Билла и Мелинды Гейтс).

39 University of Oxford. Côte d'Ivoire makes history as first nation to deploy R21/Matrix-M™ Malaria Vaccine. URL: https://www.ox.ac.uk/news/2024-07-15-c-te-d-ivoire-makes-history-first-nation-deploy-r21matrix-m-malaria-vaccine

40 Известия. Российская вакцина от лихорадки Эбола защищает от штамма Бундибугио. URL: https://tass.ru/obschestvo/27954945

41 Глобальная цель ЮНЭЙДС: 95% людей с ВИЧ знают свой диагноз, 95% из них получают антиретровирусную терапию, у 95% получающих лечение вирусная нагрузка подавлена до неопределяемого уровня.

42 См. сноску 7.

Здоровье молодого поколения как основа демографического дивиденда

Реализация демографического дивиденда, о котором говорилось ранее, во многом зависит от здоровья молодого поколения, однако с этим пока есть ряд проблем. На государства Африки южнее Сахары приходится 46% всех неонатальных (в первые 28 дней жизни) смертей в мире, а общий уровень неонатальной смертности в регионе более чем в 2 раза превышает целевой показатель устойчивого развития[43]. Риск материнской смертности также остаётся одним из самых высоких в мире. Например, в Чаде и ЦАР вероятность того, что 15-летняя девушка в течение жизни умрёт от причин, связанных с беременностью и родами, составляет один к двадцати четырём[44]. На страны Западной и Центральной Африки приходится более половины всех случаев материнской смертности в мире (в 2023 г. в этих странах умерли около 135 тыс. женщин)[45]. При этом квалифицированную помощь во время родов получают лишь 73% рожениц – самый низкий показатель среди всех регионов мира[46].

Тех, кто пережил первые дни жизни, продолжают уносить предотвратимые болезни. Три четверти всех смертей от малярии в регионе приходятся на детей младше 5 лет, ведущие причины детской смертности – пневмония и диарейные заболевания[47].

К инфекционным угрозам добавляются хронические заболевания. За 2011–2021 гг. распространённость среди детей и подростков сахарного диабета 1 типа в африканском регионе выросла почти в пять раз – примерно с 4 до 20 случаев на 1000 человек[48]. Однако инсулин доступен лишь половине пациентов с поставленным диагнозом, что напрямую сказывается на прогнозе жизни. Так, в сельских районах Мозамбика ребёнок с диабетом 1 типа после постановки диагноза в среднем живёт всего семь месяцев[49].

Здесь прослеживается прямая связь с демографическим дивидендом. Поколение, которое начинает жизнь с недоеданием, задержкой роста, недостаточной вакцинацией и тяжёлым бременем перенесённых болезней, вступает во взрослую жизнь менее здоровым и продуктивным. В результате потенциал экономического роста расходуется ещё до того, как люди выходят на рынок труда. Проявляется корреляция и с женским образованием: у матерей с начальным и средним образованием младенческая смертность на 60–85% ниже[50]. Поэтому инвестиции в здоровье ребёнка и образование его матери не просто социальные расходы, а вложение в будущий демографический потенциал стран континента.

Ещё одна особенность здравоохранения в Африке связана с распределением ресурсов внутри домохозяйства. Классическое исследование в сельской местности Буркина-Фасо показало, что семьи тратят на лечение заболевшего ребёнка меньше времени и денег, чем на лечение заболевшего взрослого[51]. Ограниченные средства направлялись прежде всего на лечение членов семьи, чья трудоспособность имела наибольшее значение для сохранения дохода домохозяйства, то есть речь шла о стратегии распределения ресурсов в условиях их дефицита. Исследования в Эфиопии показывают, что при заболевании новорождённого семьи откладывают обращение за медицинской помощью или выбирают более дешёвое традиционное лечение, поскольку

43 World Health Organization (WHO) Regional Office for Africa. African region's maternal and newborn mortality declining, but progress still slow. URL: https://www.afro.who.int/news/african-regions-maternal-and-newborn-mortality-declining-progress-still-slow

44 China Daily. Childbirth deaths alarm Sub-Saharan Africa: UN. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202504/09/WS67f5ccf4a3104d9fd381e43c.html

45 UNICEF. (2025). Maternal, Newborn and Child Health Regional snapshot: West and Central Africa Region (WCAR) 2025. https://data.unicef.org/wp-content/uploads/2025/10/UNICEF-WCAR-MNCH-regional-snapshot_web-version_eng.pdf

46 United Nations. The Sustainable Development Goals Extended Report 2024. URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2024/extended-report/Extended-Report_Goal-3.pdf

47 World Health Organization (WHO). World malaria report 2025. URL: https://www.who.int/teams/global-malaria-programme/reports/world-malaria-report-2025

48 World Health Organization (WHO) Regional Office for Africa. Diabetes, a silent killer in Africa. URL: https://files.aho.afro.who.int/afahobckpcontainer/production/files/iAHO_Diabetes_Regional_Factsheet.pdf

49 World Health Organization (WHO) Regional Office for Africa. African region tops world in undiagnosed diabetes: WHO analysis. URL: https://www.afro.who.int/news/african-region-tops-world-undiagnosed-diabetes-who-analysis

50 Enyew, E. F., Getnet, M., Gebiru, A. M., & Dessie, G. (2025). Individual and community level determinants of neonatal mortality in sub saharan Africa: findings from recent demographic and health survey data. Italian Journal of Pediatrics, 51(1), 144.

51 Sauerborn, R., Berman, P., & Nougtara, A. (1996). Age bias, but no gender bias, in the intrahousehold resource allocation for health care in rural Burkina Faso. Health transition review, 131-145.

расходы на лечение приходится соотносить с другими потребностями семьи[52]. Это сказывается и на частоте обращений за медицинской помощью: по данным демографических и медико-санитарных обследований по 24 странам Африки южнее Сахары, её получают около 45% детей до пяти лет с острыми заболеваниями[53]. Аналогичная асимметрия сохраняется и в лечении ВИЧ: антиретровирусную терапию получают 79% взрослых и 55% детей, причём за последнее десятилетие разрыв между ними увеличился вдвое (правда, причины здесь не только семейные, а даже в большей степени – рыночные: детские лекарственные формы разрабатываются с отставанием из-за ограниченного потенциала коммерциализации, а ранняя диагностика младенцев требует отдельной инфраструктуры)[54].

В 2001 г. на саммите Африканского союза в Абудже страны-члены организации обязались направлять на здравоохранение не менее 15% государственных расходов[58].

Однако к 2026 г. этого ориентира достигли лишь единицы. В 2021 г. намеченный показатель выполнили Кабо-Верде и ЮАР[59]. По более консервативной оценке ВОЗ, стабильно удерживала планку с 2014 по 2020 г. только ЮАР[60]. На чрезвычайном саммите АС в Аккре в июле 2026 г. отмечалось, что государственные расходы на здравоохранение в большинстве стран континента не достигают 2% ВВП[61]. В ряде стран ситуация ухудшается: с учётом инфляции семь государств континента в последние годы тратили на здравоохранение в расчёте на душу населения меньше, чем в 2000 г., а на Мадагаскаре и в Бенине эти расходы сократились примерно на 62%[62].

Кто платит за здоровье африканцев?

Средств на борьбу с двойным бременем болезней, охрану материнского и детского здоровья и реагирование на регулярные вспышки хронически не хватает. Совокупные расходы на здравоохранение в Африке в 2022–2023 гг. составляли 110–145 млрд долл.[55] – примерно 5% ВВП континента[56]. В мировом разрезе это всего лишь 1% всех расходов, при том что на Африку приходится почти четверть глобального бремени заболеваний[57].

Проблема недофинансирования здравоохранения – часть более общей и широкой проблемы институциональной слабости и фискального голода большинства африканских государств (подробнее см. главу «Макроэкономика»). Хронический недобор денег в бюджетных системах не позволяет государствам планировать и осуществлять долгосрочные инвестиции в человеческий капитал и в том числе в здравоохранение.

Основную нагрузку по финансированию здравоохранения в Африке южнее Сахары несут не государства и не доноры, а домохозяйства.

52 Onarheim, K. H., Sisay, M. M., Gizaw, M., Moland, K. M., Norheim, O. F., & Miljeteig, I. (2018). Selling my sheep to pay for medicines–household priorities and coping strategies in a setting without universal health coverage. BMC health services research, 18(1), 153.

53 Yaya, S., Odusina, E. K., & Adjei, N. K. (2021). Health care seeking behaviour for children with acute childhood illnesses and its relating factors in sub-Saharan Africa: evidence from 24 countries. Tropical Medicine and Health, 49(1), 95.

54 UNAIDS. Global HIV & AIDS statistics – Fact sheet. URL: https://www.unaids.org/en/resources/fact-sheet

55 ONE Campaign. Health Financing. URL: https://data.one.org/analysis/health-financing

56 Это последняя сводная оценка, построенная на глобальной базе расходов на здравоохранение ВОЗ: национальные счета здравоохранения публикуются с лагом в два-три года, поэтому сопоставимых данных за 2024–2025 гг. пока нет.

57 Africa CDC. Financing Africa's Health Security and Sovereignty. URL: https://africacdc.org/news-item/financing-africashealth-security-and-sovereignty/

58 Human Rights Watch. African Governments Falling Short on Healthcare Funding. URL: https://www.hrw.org/news/2024/04/26/african-governments-falling-short-healthcare-funding

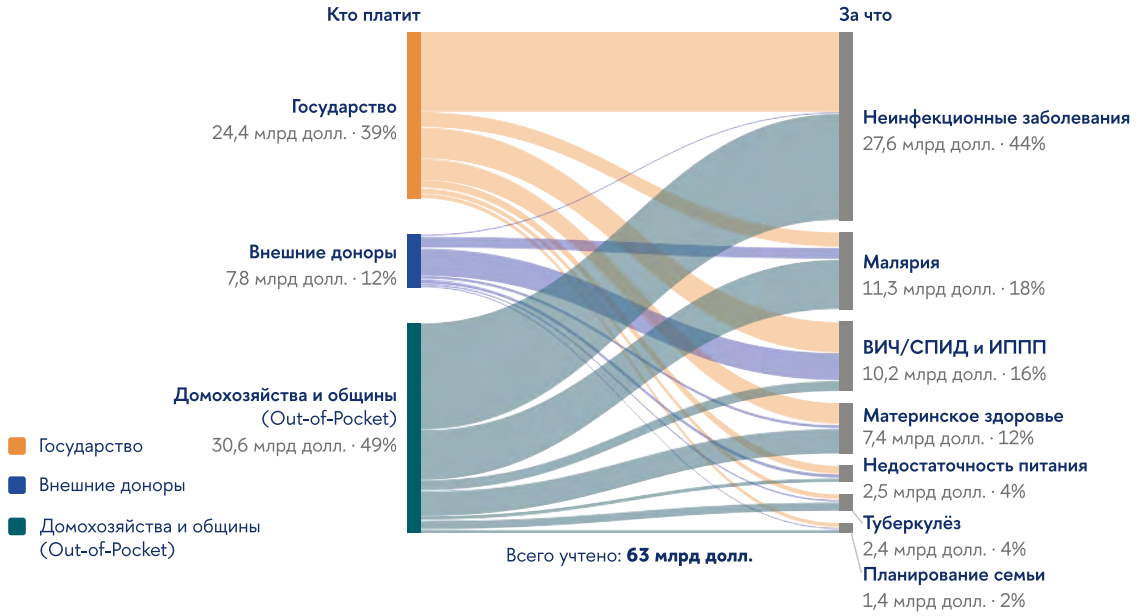
59 См. сноску 55.

60 World Health Organization (WHO) Regional Office for Africa. WHO African Region Health Expenditure Atlas 2023. URL: https://www.afro.who.int/publications/who-african-region-health-expenditure-atlas-2023-0

61 GhanaMMa. Accra Summit 2026: A Blueprint for Africa's Health Revolution and the UN's Unwavering Commitment. URL: https://www.ghanamma

62 См. сноску 58.

Основные источники и направления финансирования здравоохранения в Африке южнее Сахары (совокупно по 43 странам региона)

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ВОЗ, Global Health Expenditure Database, 2025 г.

По семи направлениям расходов, которые учитывает ВОЗ, страны региона потратили 63 млрд долл., почти половину из которых население оплатило напрямую из собственного кармана (т.н. out-of-pocket), 38,8% пришлось на государственные бюджеты и лишь 12,4% – на внешнее финансирование. Высокая доля прямых платежей населения увеличивает риск катастрофических расходов, способных привести домохозяйство к бедности[63].

Неинфекционные заболевания уже стали крупнейшей статьёй расходов здравоохранения в странах Африки южнее Сахары: на них приходится 44% всех расходов – это больше, чем было потрачено на ВИЧ, малярию, туберкулёз, кишечные инфекции и охрану материнства вместе взятые. Основное бремя несут домохозяйства (57%) и государства (42%).

Внешняя помощь сосредоточена не на поддержке систем здравоохранения в целом, а именно на отдельных заболеваниях. Более половины всех донорских средств – 4,1 млрд из 7,8 млрд долл. – направляется на борьбу с ВИЧ и покрывает около 40% совокупных расходов. На малярию доноры предоставляют 15% финансирования (прежде всего для детского населения), зато почти две трети затрат население оплачивает самостоятельно.

По мере того как страны Африки продвигаются по траектории эпидемиологического перехода, растущее бремя хронических заболеваний будет всё в большей степени финансироваться либо из бюджета, либо за счёт прямых платежей населения. В этой связи основной задачей государственных программ развития здравоохранения становится постепенная адаптация к новым вызовам. Необходимо не только наращивать финансирование, но и создавать инфраструктуру оказания помощи (в том числе на деньги населения), чтобы не откладывать развитие хронических заболеваний до того момента, когда борьба с ними становится бессмысленной и сводит на нет демографические преимущества.

63 Human Rights Watch. New Data Exposes Global Healthcare Funding Inequalities. URL: https://www.hrw.org/news/2025/04/10/new-data-exposes-global-healthcare-funding-inequalities

Скрытая угроза демографическому дивиденду

Главная проблема хронических заболеваний (таких как диабет и гипертония) в Африке заключается не столько в их распространенности, сколько в отсутствии зачастую возможностей для их выявления на ранних стадиях. Поскольку системы здравоохранения пока не приоритезируют профилактическую диагностику и хронические заболевания в целом, эти болезни развиваются незаметно. К моменту обращения за помощью состояние пациентов часто становится критическим: так, в Танзании осложнения, связанные с гипертонией, уже составляют 4% всех смертей от неинфекционных заболеваний[64].

Масштаб этой угрозы нарастает: из-за урбанизации, изменения рациона и хронического стресса число людей с гипертонией на континенте неуклонно растет и, по оценкам, к 2030 г. достигнет отметки в 216 млн чел.[65] Отсутствие доступной инфраструктуры для ранней диагностики приводит к тому, что лечение на поздних стадиях становится малоэффективным и финансово неподъемным. Это выводит из строя трудоспособное население, превращая потенциальный демографический дивиденд Африки в катастрофическую нагрузку на экономику домохозяйств.

Выход из ловушки высоких платежей «из кармана населения» возможен при распределении рисков через систему медицинского страхования, и по этому пути уже идет ряд африканских стран. Гана ввела национальную систему медицинского страхования ещё в 2003 г. В Руанде высокий процент населения имеет доступ к медицинским услугам благодаря системе медицинского страхования на базе общины (Community-Based Health Insurance, CBHI). В Кении в 2023–2024 гг. прежний Национальный фонд медицинского страхования был заменён системой обязательного социального медицинского страхования, а Нигерия сделала медицинское страхование обязательным, приняв соответствующий закон в 2022 г.[66] Однако возможности страховых систем, основанных на взносах, ограничены масштабами неформальной занятости: если большинство работников не имеет официального дохода, регулярный сбор страховых взносов затрудняется[67].

Дополнительной «подушкой безопасности» для многих африканцев остается традиционная медицина: так, среди диагностированных сахарным диабетом взрослых 12,5% пациентов в Кении, 19% пациентов в Гане, 33% пациентов в Гвинее, 42% пациентов в Египте, 50% пациентов в Нигерии, 77% пациентов в Танзании используют средства традиционной медицины, в том числе одновременно с обычными лекарственными препаратами[68]. Услуги народных целителей зачастую оказываются значительно дешевле, географически доступнее и просто понятнее, чем обращение в государственные или частные клиники, особенно в сельской местности. В условиях дефицита государственных медицинских услуг и высоких прямых расходов такая практика позволяет населению получать базовую помощь[69].

64 Doro Altan, A. M., Tchenebou, B., Iffio, K., Bortolot, G., Orlando, S., Guidotti, G., ... & Ciccacci, F. (2025). Hypertension outcomes in a fragile setting: predictors of blood pressure reduction and control in the Central African Republic. Frontiers in Public Health, 13, 1664189.

65 Там же.

66 Nigeria Health Watch. Universal Health Care in Nigeria: Accelerating the NHIA Act's Implementation. URL: https://nigeriahealthwatch.com/articles/thought-leadership/universal-health-care-in-nigeria-accelerating-the-nhia-acts-implementation/

67 Amu, H., Dickson, K. S., Kumi-Kyereme, A., & Darteh, E. K. M. (2018). Understanding variations in health insurance coverage in Ghana, Kenya, Nigeria, and Tanzania: evidence from demographic and health surveys. PloS one, 13(8), e0201833.

68 Ekpor, E., Osei, E., & Akyirem, S. (2024). Prevalence and predictors of traditional medicine use among persons with diabetes in Africa: a systematic review. International Health, 16(3), 252-260.

69 World Health Organization (WHO) Regional Office for Africa. Traditional healers broaden health care in Ghana. URL: https://www.afro.who.int/photo-story/traditional-healers-broaden-health-care-ghana

Существует и третий источник финансирования – денежные переводы африканской диаспоры[70]. Значительная часть этих средств расходуется на оплату лечения, покупку лекарств и страховые взносы.

Разные модели – разные возможности

Говорить о единообразной системе здравоохранения в Африке не приходится: на континенте существуют десятки разных систем, их вид зависит от выбранного критерия.

По колониально-правовому наследию системы здравоохранения делятся на англо-, франко- и лузофонные (португалоязычные). От этого зависят особенности регулирования, язык регистрационных досье и региональные интеграционные связи. Так, например, во франкоязычной Западной Африке – одни из самых длительных в мире сроков регистрации лекарственных препаратов[71].

Получение странами Африки поддержки со стороны Gavi и Глобального фонда для борьбы со СПИДом, туберкулёзом и малярией зависит от того, как Всемирный банк классифицирует их по уровню дохода.

По степени зрелости национальных регуляторов различия не менее велики: по оценке ВОЗ, 7% стран континента обладали умеренным потенциалом регулирования обращения лекарственных средств, тогда как остальные либо имели минимальный потенциал, либо вовсе им не располагали[72].

По тому, кто выступает основным источником финансирования здравоохранения, страны Африки распадаются на три группы.

В 26 государствах – почти в половине стран континента – большую часть расходов несут домохозяйства.

Наиболее яркий пример – Нигерия, где население оплачивает 74% всех расходов на здравоохранение. Это значит, что страховые механизмы здесь практически не играют роли. К этой же группе относятся Либерия, Камерун, Того, Экваториальная Гвинея, Египет, Судан, Нигер, Мали, Эфиопия и ДР Конго.

За расходами домохозяйств часто стоят более широкие общности – неформальные механизмы взаимного страхования и финансовой поддержки, которые формируются на основе родовых

Основные каналы продаж на ключевых фармацевтических рынках Африки, млрд долл.

Источник: Центр изучения Африки на основе данных IQVIA.

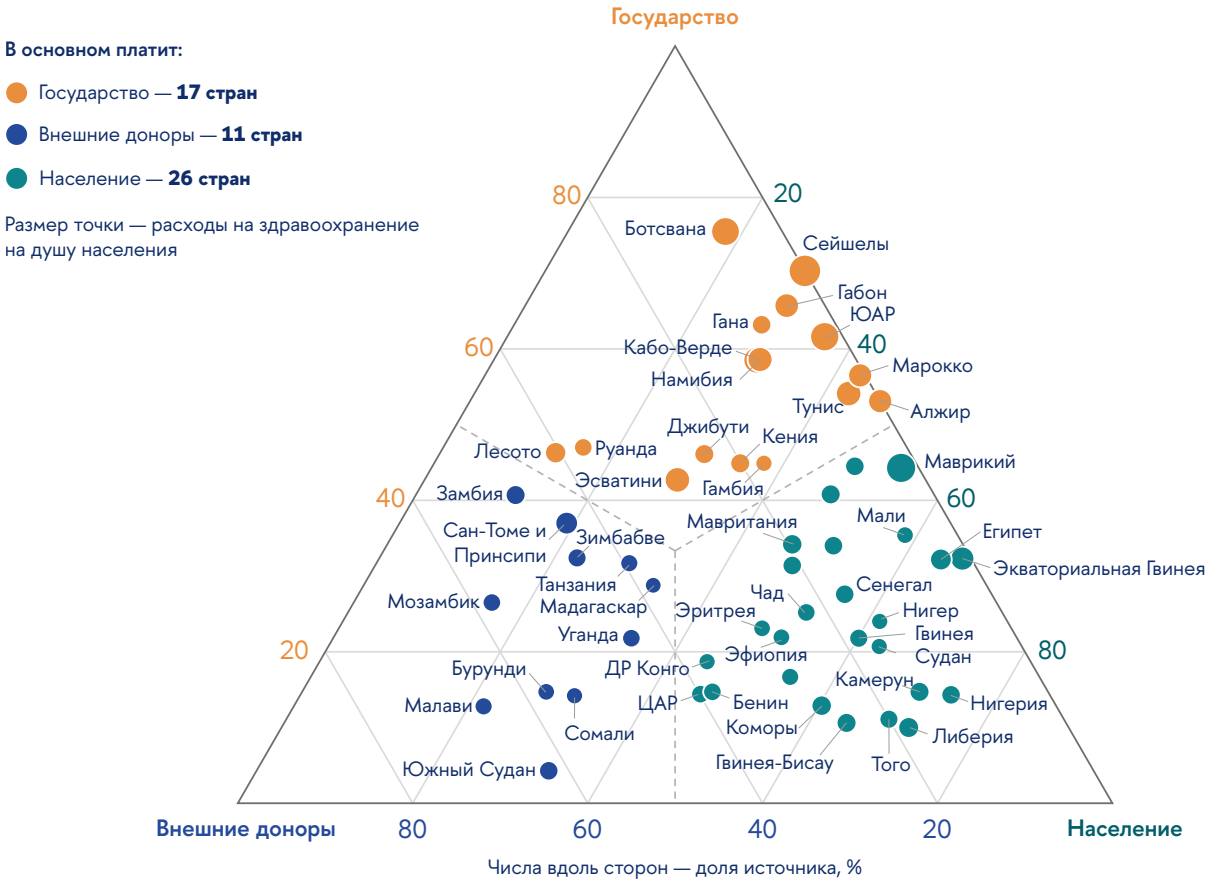
70 World Bank. Remittance Flows Continue to Grow in 2023 Albeit at Slower Pace. URL: https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2023/12/18/remittance-flows-grow-2023-slower-pace-migration-development-brief

71 Sillo, H., Ambali, A., Azatyan, S., Chamdimba, C., Kaale, E., Kabatende, J., ... & Ahonkhai, V. (2020). Coming together to improve access to medicines: The genesis of the East African Community's Medicines Regulatory Harmonization initiative. PLoS medicine, 17(8), e1003133.

72 Center for Global Development (CGD). A Defining Moment for Medicines Regulation in Africa: The Establishment of the African Medicines Agency. URL: https://www.cgdev.org/blog/defining-moment-medicines-regulation-africa-establishment-african-medicines-agency

и общинных институтов, но выходят далеко за их пределы и иногда даже приобретают цифровую форму. Показателен эфиопский иддыр – по сути, неформальное страхование: участники регулярно вносят фиксированные платежи в общий фонд, из которого получают заранее определённую компенсацию при оговорённых событиях. Иддыры возникли как институт взаимопомощи при похоронах, но сегодня могут также покрывать расходы на лечение и нехватку продовольствия[73]. В отличие от них, системы эсусу и аджо, распространённые в Западной Африке, относятся скорее к ротационным сберегательным схемам (ROSCA)[74]. Их участники регулярно вносят деньги в общий фонд и по очереди получают всю накопленную сумму, то есть распределяют сбережения, но не страхуют друг друга от риска. Такие механизмы могут служить основой для общинного медицинского страхования благодаря привычности и доверию к ним, но их способность покрывать множественные и непредсказуемые медицинские расходы остаётся отдельным вопросом. Таким образом, расходы на лечение во многих

Типология стран Африки с точки зрения основного источника финансирования здравоохранения

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ВОЗ, Global Health Expenditure Database.

73 Will, M., Groeneveld, J., Frank, K., & Müller, B. (2021). Informal risk-sharing between smallholders may be threatened by formal insurance: Lessons from a stylized agent-based model. PloS one, 16(3), e0248757.

74 Essien, N. L. (2025). Financial risk protection and Nigeria's journey towards universal health coverage. npj Health Systems, 2(1), 17.

случаях компенсирует не только малая семья, но и более широкая сеть родственников, соседей и участников взаимопомощи, объединённых регулярными взносами или разовыми трансфертами.

В 17 странах основным плательщиком выступает государство, однако внутри этой группы сложились две разные модели.

Ботсвана, ЮАР, Намибия и Эсватини сочетают значительные государственные расходы с развитой системой добровольного медицинского страхования. Так, в ЮАР формальное страхование покрывает 30% всех расходов на здравоохранение, а прямые платежи населения составляют менее 7%, что сопоставимо с европейскими странами. Ливия, Алжир, Марокко, Тунис и Сейшелы, напротив, опираются на бюджетное финансирование, но с высоким уровнем прямых платежей населения: в Алжире на них приходится 45% расходов, в Тунисе – 38%.

Донорская модель в чистом виде характерна для 11 государств: Малави (65,5% расходов), Южного Судана (62%), Мозамбика (58%), Бурунди (57%), Сомали (54%), а также Замбии, Зимбабве, Уганды, Сан-Томе и Принсипи, Танзании и Мадагаскара. В Южном Судане государство финансирует 4% расходов на здравоохранение, что отражает практически полную зависимость здравоохранения страны от внешней помощи и неформального сектора.

Модель финансирования тесно связана с общим уровнем расходов на здравоохранение. Медианные расходы на одного человека в год составляют 253 долл. в странах, где главным источником финансирования выступает государство, 70 долл. – там, где основную нагрузку несут домохозяйства, и лишь 45 долл. – в странах с преобладанием донорской помощи. Внешняя помощь сконцентрирована там, где собственных ресурсов недостаточно для базового финансирования системы, но сама по себе она не выводит уровень расходов на более высокий уровень.

Трансформация программ донорской помощи

Хрупкость донорской модели финансирования перестала быть теоретической проблемой в 2025 г. До этого каждый из доноров выполнял свою функцию: Глобальный фонд обеспечивал поставки лекарств и диагностических средств для борьбы с ВИЧ, туберкулёзом и малярией; PEPFAR – Чрезвычайный план президента США по борьбе со СПИДом – финансировал лечение и профилактику ВИЧ (за четверть века, по оценкам, удалось спасти около 26 млн жизней)[75]; Gavi и ЮНИСЕФ отвечали за закупку детских вакцин.

В январе 2025 г. администрация Д. Трампа на 90 дней заморозила программы иностранной помощи и приступила к демонтажу USAID[76]. В сентябре была опубликована «Стратегия глобального здоровья» США, закрепившая переход от многосторонних механизмов к двусторонним соглашениям[77].

К июлю 2026 г. Госдепартамент подписал 34 меморандума, более 20 – с африканскими государствами, включая Анголу, Ботсвану, ДРК, Кению, Нигерию, Руанду, Танзанию, Уганду. Совокупный объём финансирования по ним превышает 24 млрд долл. (более 14,3 млрд – американская сторона, свыше 9,6 млрд – софинансирование стран-получателей)[78]. Меморандумы предусматривают постепенную передачу программ национальным правительствам.

75 См. сноску 7.

76 Think Global Health. Questions for the America First Global Health Strategy. URL: https://www.thinkglobalhealth.org/article/questions-for-the-america-first-global-health-strategy

77 Think Global Health. Tracking the «America First» Bilateral Health Agreements. URL: https://www.thinkglobalhealth.org/article/tracking-the-america-first-bilateral-health-agreements

78 U.S. Department of State. United States and Tanzania Advance Global Fight Against Infectious Diseases Through Bilateral Health Memorandum of Understanding. URL: https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/07/united-states-and-tanzania-advance-global-fight-against-infectious-diseases-through-bilateral-health-memorandum-of-understanding

Внешние игроки: у каждого своя роль

Индия, главный поставщик недорогих дженериков, обеспечивает более половины потребности Африки в лекарственных препаратах[79].

Объем её фармацевтического экспорта в Африку в 2025 г. составил 4,5 млрд долл. (ключевые импортеры – ЮАР, Нигерия и Кения, а также Танзания, ДРК, Эфиопия, Гана, Судан, Мозамбик и Уганда) и 17% всего объема экспорта товаров фармацевтической группы. Ведущие экспортёры – компании Cipla, Aurobindo, Sun Pharma, Dr. Reddy's и Lupin[80].

Западные страны поставляют оригинальные лекарственные препараты и финансируют ряд программ здравоохранения.

Их присутствие на континенте, однако, заметно изменилось по структуре за последние годы. Наиболее устойчивая форма – точечные партнёрства по передаче технологий: южноафриканская Biovac при участии французской Sanofi освоила выпуск шестикомпонентной вакцины Hexaxim (единственный подобный проект Sanofi в мире), а по соглашению с американской Pfizer та же Biovac перешла от упаковки к формуляции и розливу пневмококковой вакцины Prevenar 13[81]. В июле 2026 г. Африканский банк развития поддержал строительство нового завода Biovac в Кейптауне, который к 2028 г. должен стать первым на континенте предприятием полного цикла по производству оральной вакцины против холеры, а затем инактивированной полиовакцины и пневмококковой вакцины. Технологическими партнёрами выступают Международный институт вакцин, Sanofi, индийские Biological E и Bharat Biotech, а также южнокорейская EuBiologics[82].

Топ-10 африканских стран по импорту фармацевтической продукции, 2025 г.

	%			%	
Египет	15%	3 000 млн долл.	Кения	3%	643 млн долл.
	Германия, США, Франция			Индия, Китай, Франция	
ЮАР	14%	2 700 млн долл.	Кот-д'Ивуар	3%	625 млн долл.
	Индия, США, Германия			Индия, Франция, Китай	
Алжир	8%	1 500 млн долл.	Тунис	3%	593 млн долл.
	Франция, Германия, Бельгия			Франция, Германия, Бельгия	
Марокко	7%	1 400 млн долл.	Уганда	2%	451 млн долл.
	Германия, Франция, Индия			Индия, Китай, Кения	
Нигерия	6%	1 200 млн долл.	Замбия	2%	448 млн долл.
	Индия, Китай, Бельгия			Индия, Пакистан, Египет	

% — доля импорта страны в общем импорте фармацевтической продукции Африки

Основные страны происхождения импорта

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных TradeMap.

79 Eximpedia. Mapping India's Top 10 Pharmaceutical Export Destinations in 2025-26. URL: https://www.eximpedia.app/blog/pharmaceutical-export-from-india

80 International Trade Centre (ITC) Trade Map. India's exports to Africa in 2025, by importer (HS 30 Pharmaceutical products). URL: https://www.trademap.org/en/goods/trade-indicators/exports/c/699/g/7/p/30/byPartner/mirror/table

81 Manufacturing Chemist. Sanofi and Pfizer engage Biovac Institute with vaccines production in South Africa. URL: https://manufacturingchemist.com/sanofi-and-pfizer-engage-biovac-institute-with-vaccines-production-in-south-africa-156848

82 Devdiscourse. AfDB Backs Biovac's New Vaccine Manufacturing Facility in Cape Town. URL: https://www.devdiscourse.com/article/business/3955315-afdb-backs-biovacs-new-vaccine-manufacturing-facility-in-cape-town

Как подешевело лечение ВИЧ

Массовое лечение ВИЧ в Африке стало возможным не только благодаря международным программам, но и благодаря одному из самых громких патентных конфликтов. К концу 1990-х гг. эпидемия в ЮАР приобрела катастрофический масштаб: распространённость ВИЧ среди беременных женщин, наблюдавшихся в государственных клиниках, выросла с 0,8% в 1990 г. до 10,4% в 1995 г.[83], а к началу 2000-х гг. с вирусом жили уже почти 5 млн жителей страны[84]. Стремясь расширить доступ к терапии, правительство ЮАР разрешило импорт более дешёвых дженериков и использование механизмов принудительного лицензирования. В ответ в 1998 г. Ассоциация производителей лекарственных средств ЮАР и 39 фармацевтических компаний, включая крупнейших западных производителей (Pfizer, GSK и Merck), обратились в суд, утверждая, что эти меры нарушают положения Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС)[85]. Позицию истцов поддержали США и Европейская комиссия[86].

Однако спор быстро вышел за рамки национального законодательства. ЮАР сумела объединить вокруг своей позиции развивающиеся страны, ВОЗ и международные НПО, превратив судебный процесс в дискуссию о соотношении патентной защиты и права на жизнь[87]. Одновременно изменились и экономические условия. В феврале 2001 г. индийская компания Cipla предложила африканским странам комбинированную антиретровирусную терапию по цене около 350 долл. на пациента в год – в сравнении с 10–15 тыс. долл. у оригинальных препаратов. Спустя два месяца фармацевтические компании безоговорочно отозвали иск[88]. Политическим итогом конфликта стала Дохийская декларация ВТО, принятая в ноябре 2001 г. Она подтвердила право государств использовать предусмотренные Соглашением ТРИПС механизмы для защиты общественного здоровья, включая принудительное лицензирование и параллельный импорт лекарственных средств.

Дальнейшее снижение цен обеспечила уже конкуренция производителей дженериков. К 2005 г. стоимость годового курса антиретровирусной терапии опустилась ниже 100 долл., а к 2017 г. компании Mylan и Aurobindo предлагали его примерно за 75 долл. в год. Индийские производители обеспечивали более 80% объемов поставок антиретровирусных препаратов, закупаемых международными донорами для стран с низким и средним доходом, включая 91% педиатрических лекарственных форм[89]. Именно ценовая конкуренция дженериков, а не снижение цен со стороны владельцев патентов, сделала массовое лечение ВИЧ в Африке экономически доступным.

83 Haal, K., Smith, A., & Van Doorslaer, E. (2018). The rise and fall of mortality inequality in South Africa in the HIV era. SSM-population health, 5, 239-248.
84 Médecins Sans Frontières (MSF) Access Campaign. South Africa: Big Pharma Backs Down. URL: https://msfaccess.org/south-africa-big-pharma-backs-down
85 Médecins Sans Frontières (MSF) Access Campaign. 1998: Big Pharma versus Nelson Mandela. URL: https://msfaccess.org/1998-big-pharma-versus-nelson-mandela
86 Knowledge Ecology International (KEI). SCP25: South Africa's Experience Related to the Topic of Access to Medicines. URL: https://www.keionline.org/23235
87 Halbert D. Moralized Discourses: South Africa's Intellectual Property Fight for Access to AIDS Drugs // Seattle Journal for Social Justice. – 2002. – Vol. 1. – № 2. https://digitalcommons.law.seattleu.edu/sjsj/vol1/iss2/2
88 Fox News. Drug Companies Drop South Africa AIDS Suit. URL: https://www.foxnews.com/story/drug-companies-drop-south-africa-aids-suit.print
89 Brown, K. L., Wekell, P., Osla, V., Sundqvist, M., Sävman, K., Fasth, A., ... & Berg, S. (2010). Profile of blood cells and inflammatory mediators in periodic fever, aphthous stomatitis, pharyngitis and adenitis (PFAPA) syndrome. BMC pediatrics, 10(1), 65.

Коммерческое присутствие западных компаний, наоборот, сокращается. В августе 2023 г. британская GSK, проработавшая на континенте более полувека и ставшая 2-м по объему производителем фармпрепаратов в Нигерии, прекратила прямую коммерческую деятельность в стране, передав дистрибуцию компании World Wide Commercial Ventures. В декабре 2023 г. она также ушла из Кении. Тремя месяцами позже её примеру последовала Sanofi, передавшая дистрибуцию в Нигерии компании CFAO Healthcare[90]. О переходе к сторонней дистрибуции объявила и немецкая Bayer. Официальными причинами послужили невозможность получить валюту для закупки сырья и репатриации выручки (за пять лет найра обесценилась с 361 до 1250 за доллар), бюрократия, множественное налогообложение, а главное – конкуренция с дешёвыми индийскими и китайскими дженериками[91]. После ухода GSK и Sanofi Нигерия столкнулась с дефицитом ряда препаратов[92].

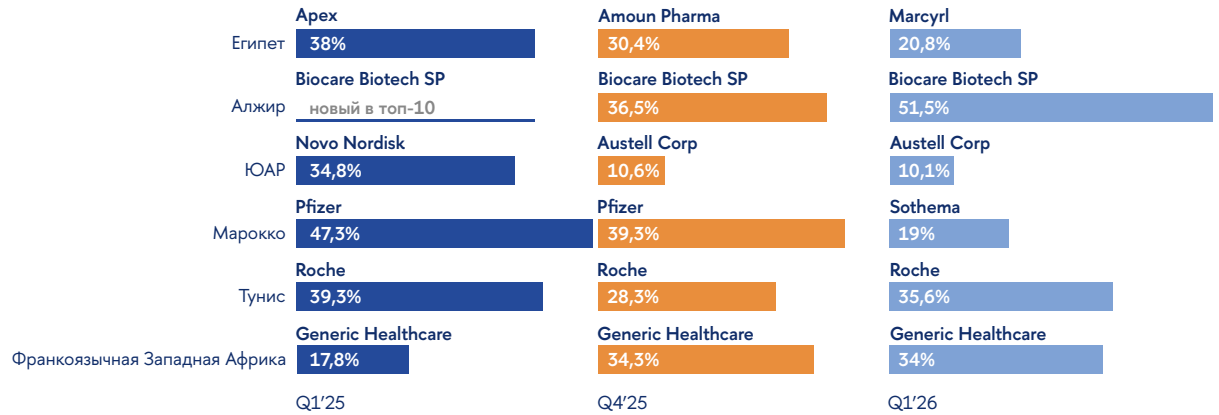
Китай, наоборот, делает ставку на развитие медицинской инфраструктуры и долгосрочное присутствие на местах (его поставки препаратов в страны Африки в семь раз меньше, чем поставки Индии, — 623 млн долл.)[93]. Первую медицинскую бригаду КНР направила в Алжир ещё в 1963 г. С тех пор Китай регулярно направляет своих специалистов в африканские страны[94].

Компании-лидеры и их доля рынка по ключевым фармацевтическим рынкам Африки,%

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных IQVIA.

Самые быстрорастущие компании из топ-10 игроков на ключевых фармацевтических рынках Африки

% — доля рынка

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных IQVIA.

90 BioSpace. GSK, Sanofi Exit Nigerian Market Amid Lingering Foreign Exchange Crisis. URL: https://www.biospace.com/gsk-sanofi-exit-nigerian-market-amid-lingering-foreign-exchange-crisis

91 African Pharmaceutical Review. Why Multinational Pharma Companies Are Withdrawing Operations In Africa. URL: https://www.africanpharmaceuticalreview.com/public/why-multinational-pharma-companies-are-withdrawing-operations-in-africa

92 Business Day (South Africa). LENIAS HWENDA: Big pharma's exit from Africa a blow for access to medicines. URL: https://www.businessday.co.za/bd/opinion/2024-04-30-lenias-hwenda-big-pharmas-exit-from-africa-a-blow-for-access-to-medicines/

93 См. сноску 80.

94 Think Global Health. China's Foreign Policy and Global Health Leadership. URL: https://www.thinkglobalhealth.org/article/chinas-foreign-policy-and-global-health-leadership

За всё время на континенте проработали около 25 тыс. китайских врачей в 48 государствах[95]. На саммите FOCAC 2024 г. Пекин представил «Партнёрскую программу действий в здравоохранении», в рамках которой предусматривается подготовка 2 тыс. медицинских работников, запуск 20 программ по борьбе с малярией и создание альянса китайских и африканских больниц[96]. В сфере здравоохранения Китай делает основной акцент на борьбе с малярией – так же, как США были традиционно сосредоточены на противодействии ВИЧ. Эта стратегия опирается на применение артемизинина, открытого китайской исследовательницей Ту Юю, удостоенной за это Нобелевской премии по физиологии и медицине в 2015 г. В рамках «Шелкового пути здоровья» компания Shanghai Fosun Pharma строит под Абиджаном в Кот-д'Ивуаре завод противомалярийных препаратов и антибиотиков мощностью около 5 млрд таблеток в год[97].

Страны Персидского залива также сформировали собственную нишу, сосредоточившись на строительстве госпиталей и гуманитарной инфраструктуры. Так, ОАЭ развернули два полевых госпиталя для суданских беженцев в Чаде – в Амджарасе и Абеше[98]. Последний, стоимостью более 20 млн долл., рассчитан на 50 коек и управляется сетью Burjeel Hospital из Абу-Даби[99].

Россия пока занимает узкую, но чётко выраженную нишу – подготовка медицинских кадров и обеспечение эпидемиологической безопасности.

Поставки лекарств и вакцин (оценочно 72 млн долл. по итогам 2025 г.) пока играют вспомогательную роль и существенно уступают потенциальному объёму этих рыночных ниш[100]. За советский и современный периоды в стране прошли обучение более 310 тыс. специалистов из стран Африки, от четверти до трети из них обучались в медицинских вузах[101]. При участии Роспотребнадзора созданы центр эпидемиологии в Республике Конго[102], мобильные противоэпидемические лаборатории в Республике Конго и Буркина-Фасо[103], организовано обучение специалистов в Уганде, оказана техническая помощь Руанде, ДРК, Гвинее и Эфиопии в связи со вспышками оспы обезьян[104]. Во время вспышки Эболы в 2026 г. Россия также передала около 7 тыс. тест-систем[105].

Усилия по государственной линии постепенно дополняет и частный сектор, у которого есть собственные коммерческие интересы и производственные возможности. В июле 2026 г. российская биотехнологическая компания «Рапид Био» совместно с танзанийским партнёром LifeTX Africa объявила о проекте локализации в Танзании производства экспресс-тестов для выявления малярии, ВИЧ, туберкулёза и гепатита – первого российского промышленного биотехнологического проекта в стране[106]. Проект предусматривает передачу технологий и совместные исследования с Университетом медицины и смежных наук Мухимбили, крупнейшим медицинским вузом Танзании.

95 Там же.
96 Там же.
97 CB Insights. Fosun Pharmaceutical. URL: https://www.cbinsights.com/company/fosun-pharmaceutical
98 The National. New UAE field hospital set up in Chad to support Sudanese refugees. URL: https://www.thenationalnews.com/news/uae/2024/04/08/new-uae-field-hospital-set-up-in-chad-to-support-sudanese-refugees/
99 Arab News. Chad-based UAE field hospital treats 6,110 Sudanese refugees since opening. URL: https://www.arabnews.com/node/2363556/middle-east
100 См. сноску 84.
101 RT. Fellowship: Why African students decide to connect their lives with Russia. URL: https://www.rt.com/africa/591699-russia-became-educational-mecca-africa
102 ТАСС. Россия передала Конго две новые мобильные медицинские лаборатории – Роспотребнадзор. URL: https://tass.com/society/2120995
103 News Pravda (Burkina Faso). Russia will transfer a mobile laboratory to Burkina Faso to study infections. URL: https://burkina-faso.news-pravda.com/en/russia/2025/07/31/3240.html
104 Там же.
105 Plus News Uganda. Russia sends 7,000 Ebola test kits to Africa as Bundibugyo outbreak spreads across Uganda and DRC. URL: https://plusnews.ug/russia-sends-7000-ebola-test-kits-to-africa-as-bundibugyo-outbreak-spreads-across-uganda-and-drc/
106 Африканская инициатива. Российская компания запускает производство медицинских тестов в Танзании. URL: https://afrinz.ru/2026/07/rossiyskaya-kompaniya-zapuskaet-proizvodstvo-meditsinskih-testov-v-tanzanii/

Опыт «вакцинной дипломатии», напротив, оказался ограниченным. Хотя «Спутник V» был зарегистрирован примерно в полутора десятках африканских стран, реальные поставки оставались незначительными. Так, Ангола получила лишь около 40 тыс. доз из предусмотренных контрактом 12 млн, а Кения и Намибия впоследствии отказались от использования вакцины[107].

Как лекарства доходят до больных

Даже зарегистрированный и доступный по цене препарат в Африке не всегда доходит до пациента: уязвимое звено – путь от склада до больного. Государственные поставки проходят через централизованные склады, которые регулярно сталкиваются с перебоями, а сеть лицензированных аптек в основном сосредоточена в крупнейших городах. Образовавшийся разрыв заполняет неформальный сектор. Так, в Нигерии на несколько тысяч зарегистрированных аптек приходится до 200 тыс. патентных торговцев – продавцов без фармацевтического образования[108]. При малярии и детских заболеваниях значительная часть населения обращается прежде всего к ним, а не в аптеку или медицинское учреждение.

Популярность неформального сектора объясняется не только его доступностью. С учётом того, что медицинская помощь преимущественно оплачивается напрямую населением, цена становится решающим фактором. Неформальные продавцы нередко отпускают лекарства поштучно, тогда как в лицензированной аптеке им пришлось бы покупать целую упаковку. Масштаб фрагментации розничного рынка также показателен: в Гане насчитывается около 10 тыс. независимых точек продажи лекарственных препаратов, для сравнения: в США более 90% аптечных продаж приходится всего на четыре компании[109].

Сколько людей погибает из-за поддельных лекарств?

Имеющиеся оценки расходятся в несколько раз. По данным ВОЗ, каждый десятый медицинский продукт в странах с низким и средним уровнем дохода не соответствует стандартам или фальсифицирован, при этом более 40% всех сообщений о такой продукции поступает из стран Африки[110]. Нижнюю границу возможных потерь дают расчёты Лондонской школы гигиены и тропической медицины – около 116 тыс. предотвратимых смертей от малярии наступает ежегодно вследствие применения некачественных противомалярийных препаратов[111]. Верхняя оценка, предложенная Управлением ООН по наркотикам и преступности, – почти 500 тыс. смертей в год от применения поддельных противомалярийных препаратов и антибиотиков[112]. Такой разброс объясняется не только различиями в методиках расчётов, но и ограниченными данными о масштабах нелегального рынка лекарств в Африке. Поэтому любые оценки носят ориентировочный характер, тогда как сам масштаб проблемы сомнений не вызывает. Первым многосторонним обязывающим документом против такой торговли стала Ломейская инициатива 2020 г., которую подписали Республика Конго, Гана, Нигер, Сенегал, Того и Уганда.

107 The Moscow Times. Kenya's Failed Sputnik V Deal Used Emirati Resale Scheme. URL: https://www.themoscowtimes.com/2021/07/19/kenyas-failed-sputnik-v-deal-used-emirati-resale-scheme-a74554

108 Beyeler, N., Liu, J., & Sieverding, M. (2015). A systematic review of the role of proprietary and patent medicine vendors in healthcare provision in Nigeria. PloS one, 10(1), e0117165.

109 World Bank. Policy Note: The Pharmaceutical Sector in Ghana. URL: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/3c66a8b0-a1e2-5ca2-b2f3-c898e3d1125f/content

110 World Health Organization (WHO). 1 in 10 medical products in developing countries is substandard or falsified. URL: https://www.who.int/news/item/28-11-2017-1-in-10-medical-products-in-developing-countries-is-substandard-or-falsified

111 Там же.

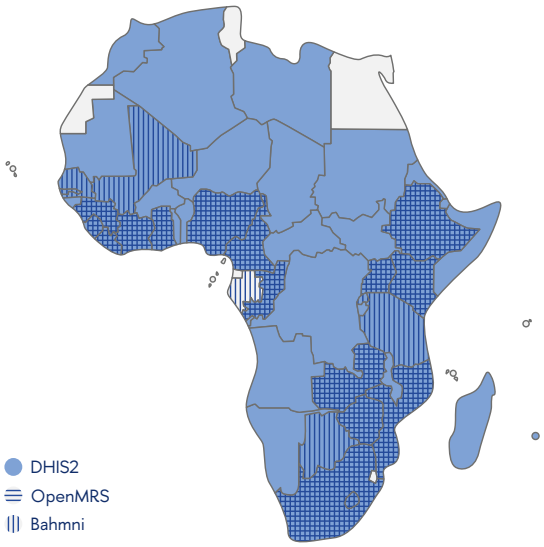
112 Statista. Up To 500,000 Killed by Fake Medicines in Sub-Saharan Africa. URL: https://www.statista.com/chart/30068/falsified-medicines-in-sub-saharan-africa/

Поэтому неформальный сектор – вместе с традиционными целителями и самолечением – обеспечивает основу первичной медицинской помощи, но вместе с этим повышает риски распространения некачественных лекарственных препаратов и увеличивает вероятность формирования устойчивости к антибиотикам, которые воспринимаются населением как универсальное средство лечения и используются бесконтрольно.

Развитие технологий частично позволяет закрыть те разрывы, с которыми не справляется существующая инфраструктура здравоохранения. С 2016 г. беспилотники Zipline доставляют кровь и лекарственные препараты в Руанде; эта практика была также распространена на Гану, Нигерию, Кот-д'Ивуар и Кению[113]. В условиях плохой транспортной доступности использование беспилотников почти вдвое снижает внутрибольничную смертность женщин с послеродовыми кровотечениями[114]. Система проверки подлинности лекарств по SMS-коду (mPedigree), созданная в 2007 г. в Гане, помогает отличать оригинальные препараты от подделок при покупке. Сегодня она работает в Гане, Нигерии, Кении, Уганде, Египте и Танзании, а в Нигерии регулятор NAFDAC сделал такую маркировку обязательной для всех противомалярийных препаратов и антибиотиков[115]. Кроме того, развиваются онлайн-аптеки, а мобильные платёжные сервисы всё чаще используются для оплаты медицинской помощи и страховых взносов.

В результате маршрут пациента редко ограничивается одной системой: в течение одного эпизода болезни он может обращаться в государственную поликлинику, частную аптеку, к неформальному продавцу лекарств, традиционному целителю и цифровым медицинским сервисам. Последовательность этих обращений определяется прежде всего доступностью и стоимостью помощи, а не медицинскими рекомендациями. Следствиями такой адаптации населения, влияющими на его общее здоровье, становятся позднее выявление заболеваний[116], прерывание лечения, рост устойчивости к противомикробным препаратам[117] и финансовые трудности пациентов[118].

Охват стран Африки системами электронных медицинских карт (ЭМК)

DHIS2 (District Health Information Software 2)
Система управления данными здравоохранения с открытым исходным кодом, используемая для сбора, анализа и визуализации агрегированных статистических данных на уровне медицинских учреждений и регионов. Разработана Университетом Осло (Норвегия).

OpenMRS (Open Medical Record System)
Открытая платформа для ведения электронных медицинских карт пациентов, ориентированная на условия с ограниченными ресурсами. Разработка велась при участии Regenstrief Institute (США) и Partners In Health; проект развивается международным сообществом разработчиков и организаций здравоохранения. Широко применяется в программах по борьбе с ВИЧ/СПИД и туберкулёзом.

Bahmni
Комплексная система управления больничной информацией с открытым исходным кодом, объединяющая электронные медицинские карты, регистратуру, лабораторные и аптечные модули. Построена на базе OpenMRS и OpenELIS, разработана индийской компанией Thoughtworks совместно с медицинскими НКО. Ориентирована на использование в небольших и средних больницах.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ЮНЕСКО.

113 Save the Children. Deliveries by Drone: The Technology Making Childbirth Safer for Refugees in Rwanda. URL: https://www.savethechildren.net/news/deliveries-drone-technology-making-childbirth-safer-refugees-rwanda

114 Wharton Knowledge (University of Pennsylvania). How Rwanda Is Using Drones to Improve Health Care. URL: https://knowledge.wharton.upenn.edu/article/how-rwanda-is-using-drones-to-improve-health-care/

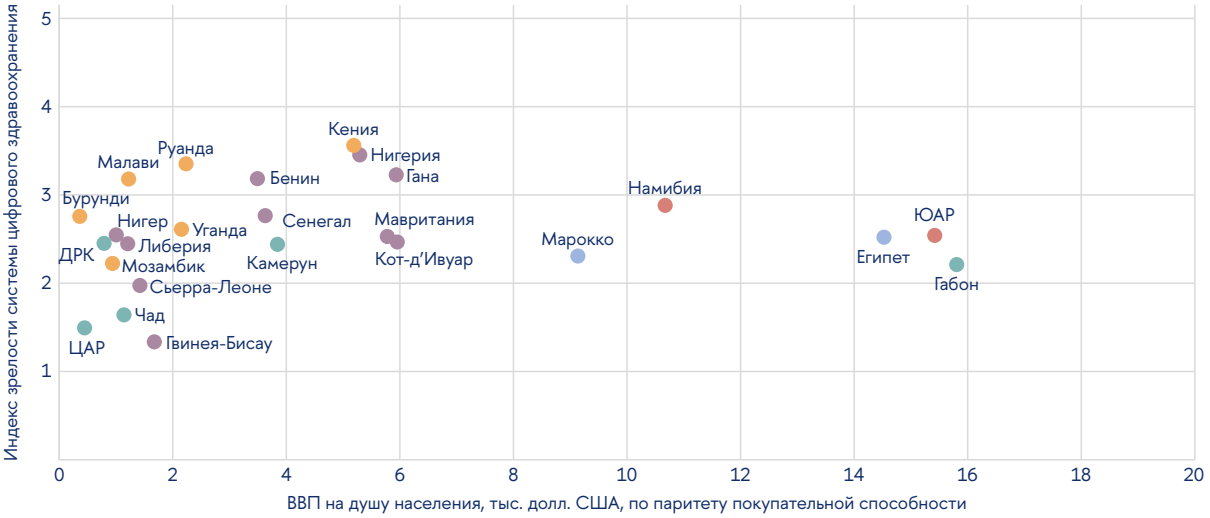
115 Skoll Foundation. mPedigree. URL: https://skoll.org/organization/mpedigree/

116 Mbuthia, G. W., Olungah, C. O., & Ondicho, T. G. (2018). Health-seeking pathway and factors leading to delays in tuberculosis diagnosis in West Pokot County, Kenya: A grounded theory study. PloS one, 13(11), e0207995.

117 Keenan, K., Fredricks, K. J., Al Ahad, M. A., Neema, S., Mwanga, J. R., Kesby, M., ... & HATUA Consortium Sunday Benjamin Ndaki Pendo Benitez-Paez Fernando Clarkson Madeleine Ke Xuejia Konje Eveline T. (2023). Unravelling patient pathways in the context of antibacterial resistance in East Africa. BMC Infectious Diseases, 23(1), 414.

118 Moshabela, M., Schneider, H., Silal, S. P., & Cleary, S. M. (2012). Factors associated with patterns of plural healthcare utilization among patients taking antiretroviral therapy in rural and urban South Africa: a cross-sectional study. BMC health services Research, 12(1), 182.

Уровень зрелости систем цифрового здравоохранения в странах Африки

Итоговый рейтинг страны формируется на основе нескольких показателей и в целом соответствует следующим уровням:
5 — Высокий уровень развития в масштабах страны
4 — Региональная зрелость и масштабирование
3 — Активное развитие с хорошим потенциалом
2 — Слабое развитие, наличие проблем
1 — Минимальный прогресс в цифровизации

- Северная Африка
- Западная Африка
- Центральная Африка
- Восточная Африка
- Южная часть Африки

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных IQVIA.

Последними в очереди

Новые лекарственные препараты доходят до пациентов в африканских странах значительно позже, чем до жителей большинства других регионов мира. Между первой подачей регистрационного досье препарата (как правило, в одной из развитых стран или Китае) и первым одобрением препарата в одной из стран Африки южнее Сахары в среднем проходит от 4 до 7 лет[119]. В развитых странах этот процесс обычно занимает от 6 до 12 месяцев.

Одна из причин – незрелость и фрагментированность регуляторных систем. Производители вынуждены проходить регистрацию отдельно в каждой стране и адаптировать досье к национальным требованиям, каждый раз оплачивая регистрационные сборы, но при этом объём каждого национального рынка нередко слишком мал, чтобы оправдать такие затраты[120]. Например, производители в среднем принимают решение о выводе своих препаратов на рынок ЮАР от года до шести лет после того, как они появляются в США, а на рынки франкоязычной Западной Африки – 8 лет спустя[121].

Однако даже регистрация не гарантирует последующей доступности препарата. Так, в ЮАР в течение 5 лет после регистрации в частных аптеках появляется лишь около четверти одобренных лекарственных препаратов, что в том числе связано с коммерческими соображениями компаний при распределении поставок своих препаратов на рынки присутствия[122].

119 Bill & Melinda Gates Foundation. Africa's health security requires strong African regulators. URL: https://www.gatesfoundation.org/ideas/articles/african-medicines-agency-improving-africas-health-security

120 См. сноску 71.

121 Mridu Bhutani. Getting Quality Medicines to Patients Faster in Africa: How to Solve Access Issues. URL: https://www.iqvia.com/locations/middle-east-and-africa/blogs/2023/01/getting-quality-medicines-to-patients-faster-in-africa-how-to-solve-for-access-issues

122 Mpanza, N. M., Godman, B., Keele, M. G., & Matlala, M. (2023). Trends in the utilization of medicines sold in the private sector post-registration in South Africa and the implications for similar countries. BMC Public Health, 23(1), 192.

Почти полная зависимость континента от импорта усугубляет ситуацию.

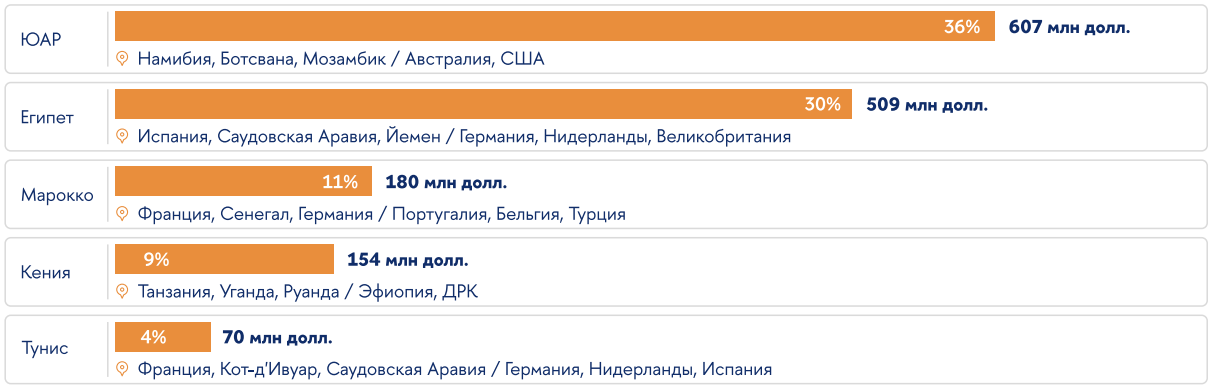
Африка импортирует более 70% готовых лекарственных препаратов, свыше 99% вакцин и более 95% фармацевтических субстанций[123].

На долю континента оценочно приходится 3% мирового производства лекарств в натуральном выражении и менее 1% в стоимостном[124]. Основная часть этого производства ограничивается финальными стадиями – фасовкой и упаковкой импортированных субстанций[125]. Существующие производства сосредоточены в восьми странах: Египте, Тунисе, Алжире, Марокко, ЮАР, Сенегале, Нигерии и Эфиопии. В результате любые сбои в глобальных цепочках поставок или резкий рост мировых цен быстро оборачиваются дефицитом лекарств в больницах, аптеках и на складах. Работают африканские фармацевтические мощности почти исключительно на свои внутренние рынки.

Несмотря на структурные проблемы, африканские фармацевтические рынки входят в число наиболее перспективных в мире. Оценки совокупного объёма «рынка Африки», однако, сильно различаются. По оценке IQVIA, основанной на аудированных продажах, объём рынка составляет 25–30 млрд долл.[126] при среднегодовом росте около 6%[127]. В то же время отдельные аналитические компании оценивают его почти в 60 млрд долл.[128] Крупнейшим рынком континента остается Египет (ожидаемый объем составит 5,8 млрд долл. к 2027 г.), за ним следуют Нигерия и ЮАР. На эти три страны приходится более 60% совокупной выручки фармацевтических компаний в Африке, а больше половины этих продаж дают дженерические препараты[129].

Международные фармацевтические компании концентрируют инвестиции прежде всего на крупнейших и наиболее предсказуемых рынках.

Топ-5 африканских стран по (ре-)экспорту фармацевтической продукции, 2025 г.

% — доля импорта страны в общем импорте фармацевтической продукции Африки

Основные страны направления экспорта (топ-3 / прочие из топ-10)

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных TradeMap.

123 Gavi. Africa imports over 70% of its medicines. Making active ingredients locally would change this. URL: https://www.gavi.org/vaccineswork/africa-imports-over-70-its-medicines-making-active-ingredients-locally-would-change

124 Sagandira, C. R. (2025). Agile local manufacturing of active pharmaceutical ingredients in Africa could improve health security and economic growth. Communications Medicine, 5(1), 358.

125 Tsega, C. (2025). Ensuring vaccine access through local production: the need for a harmonized and sustainable approach. Journal of Law and the Biosciences, 12(2), lsaf020.

126 IQVIA. Africa's next chapter: a continent of opportunity. URL: https://www.iqvia.com/locations/emea/blogs/2024/10/africas-next-chapter-a-continent-of-opportunity

127 Grand View Research. Africa Pharmaceutical Market (2025 - 2033). URL: https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/africa-pharmaceuticals-market-report

128 Credence Research. Africa Pharmaceutical Market By Product Type, Drug Type, Application, Route of Administration, Distribution Channel – Growth, Share, Opportunities & Competitive Analysis, 2024 – 2032. URL: https://www.credenceresearch.com/report/africa-pharmaceutical-market

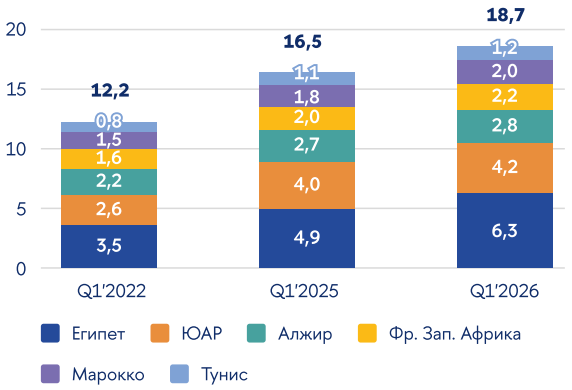
129 См. сноску 127.

В ЮАР десять крупнейших компаний контролируют 53% рынка: крупнейшим игроком выступает местная Adcock Ingram (9,3%), а самые высокие темпы роста демонстрирует индийская Cipla. Во франкоязычной Западной Африке транснациональные корпорации обеспечивают около 53% продаж, однако местные производители постепенно наращивают свою долю рынка быстрее международных конкурентов.

ЮАР благодаря деятельности SAHPRA выступает главным регуляторным центром континента, Египет – ведущей производственной площадкой Северной Африки, а Нигерия – наиболее быстрорастущим национальным рынком. Основную часть рынка формируют тендеры и государственные закупки, обеспечивающие около 48% выручки, но наиболее динамично развивается розничный сегмент, включая онлайн-аптеки.

По сравнению с 2022 г. усилия отрасли по расширению доступа стран к лекарственным препаратам ослабли: развитие механизмов добровольного лицензирования замедлилось, а передачу технологий африканским производителям осуществляют лишь 6 компаний из 20 – Boehringer Ingelheim, Gilead, Merck, Novo Nordisk, Pfizer и Sanofi, причём почти все эти проекты сосредоточены в ЮАР[130]. Впрочем, ЮАР выглядит исключением из общего правила: лицензионные соглашения в основном охватывают Индию, Бразилию и Китай.

Основные фармацевтические рынки Африки, млрд долл.

Источник: Центр изучения Африки на основе данных IQVIA.

Основные препараты, продвигаемые компаниями, на ключевых фармацевтических рынках Африки

% - динамика продаж год к году

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных IQVIA.

130 PharmaBoardroom. Novartis Tops 2024 Access to Medicine Index, Dethroning GSK After 16 Years, But Major Access Gaps Remain. URL: https://pharmaboardroom.com/articles/novartis-tops-2024-access-to-medicine-index-dethroning-gsk-after-16-years-but-major-access-gaps-remain/

С 2021 г. датская компания Novo Nordisk реализует в 49 странах Африки программу iCARE, установив предельную цену в 3 долл. за флакон человеческого инсулина – самого первого поколения инсулинов[131]. Совместно с южноафриканской Aspen она расширяет локальное производство: так, в 2024 г. планировалось выпустить 16 млн флаконов (годовая потребность более 1 млн пациентов) с планами выйти на обеспечение 4 млн пациентов к 2026 г.[132] Вместе с тем в октябре 2023 г. компания отказалась участвовать в тендере ЮАР на поставку человеческого инсулина в шприц-ручках, оставив государственный сектор без контрактного поставщика. Правительству пришлось закупить более дорогие аналоговые ручки у Sanofi по цене от 2,24 до 4,26 долл. за штуку, а затем Novo Nordisk предложила собственные аналоговые ручки по 3,95 долл. Организация «Врачи без границ» настаивает, что себестоимость производства одной шприц-ручки составляет около 0,94 долл., и добивается цены в 1 долл.[133], а Комиссия по конкуренции ЮАР начала расследование в отношении Novo Nordisk и Sanofi[134]. Расхождение между «социальной» ценой на флаконы и рыночной ценой в удобных для пациента ручках показывает, что доступность лекарства определяется не столько заявленными программами, сколько коммерческой логикой.

Этот вывод подтверждает и динамика рынка препаратов класса GLP-1 для лечения диабета и ожирения. После того, как американская Eli Lilly вывела на рынок ЮАР препарат Mounjaro в конце 2024 г., объём этого сегмента вырос втрое за полтора года – примерно до 2,2 млрд рандов (ок. 116 млн долл.)[135]. Это говорит о недооценённой платёжеспособности африканского частного сегмента: там, где пациент готов платить, спрос формируется стремительно. В то же время здесь проявляется и обратная сторона: «Врачи без границ» связывают дефицит инсулиновых шприц-ручек с переключением производственных мощностей компаний на выпуск более прибыльных препаратов для снижения веса[136].

Инвестиции в Африке фармкомпании также распределяют крайне избирательно, ориентируясь прежде всего на коммерческий потенциал рынков, а не на структуру бремени болезней. Наиболее привлекателен для бизнеса быстрорастущий сегмент хронических неинфекционных заболеваний, а вот борьба с инфекциями по-прежнему во многом зависит от международного донорского финансирования.

Стремление к лекарственному суверенитету

В ответ на фрагментированность африканского фармацевтического рынка страны континента продвигают концепцию лекарственного суверенитета – развития собственных регуляторных механизмов, производства и совместных закупок. Центральным элементом этой системы должно стать Африканское агентство по лекарственным

131 Novo Nordisk. Novo Nordisk announces new partnership to supply human insulin to millions of people living with diabetes in the African continent. URL: https://www.novonordisk.com/news-and-media/latest-news/new-partnership-to-supply-human-insulin.html

132 Fierce Pharma. Novo Nordisk taps Aspen to help produce insulin for Africa. URL: https://www.fiercepharma.com/pharma/following-eli-lilly-novo-nordisk-links-aspen-produce-insulin-africa

133 Médecins Sans Frontières (MSF) Access Campaign. MSF welcomes Novo Nordisk's commitment to supply South Africa with analogue insulin pens, but the price must come down to $1 per pen. URL: https://msfaccess.org/msf-welcomes-novo-nordisks-commitment-to-supply-south-africa-analogue-insulin-pens-price-must-come

134 Médecins Sans Frontières (MSF) South Africa. MSF Welcomes the Competitions Commission's Investigation of Novo Nordisk and Sanofi. URL: https://www.msf.org.za/news-and-resources/press-release/msf-welcomes-probe-novo-nordisk-and-sanofi-msf

135 Yahoo Finance. Drugmaker Aspen targets Mounjaro approval. URL: https://finance.yahoo.com/news/drugmaker-aspen-targets-mounjaro-approval-093037968.html

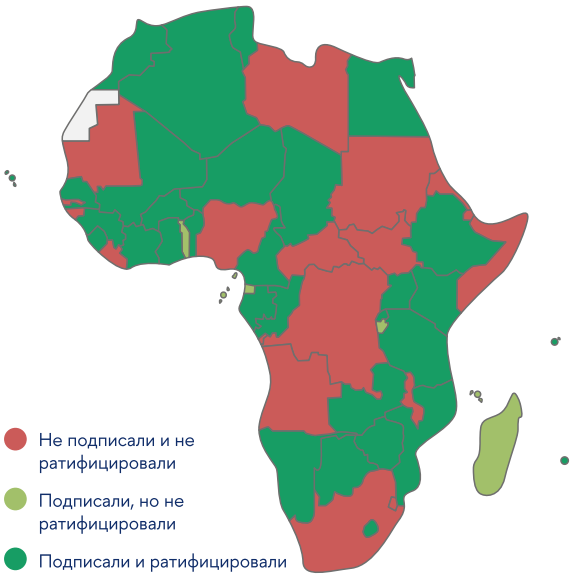
136 GroundUp. MSF slams Novo Nordisk for South Africa's insulin pen shortage. URL: https://groundup.org.za/article/msf-slams-norvo-nordisk-for-south-africas-insulin-pen-shortage/

средствам (AMA) под эгидой Афросоюза[137]. Соглашение о его создании вступило в силу в ноябре 2021 г., штаб-квартира расположена в Кигали (Руанда). В 2025 г. агентство приступило к работе под руководством Делесе Мими Дарко, ранее возглавлявшей регуляторный орган Ганы[138]. Предполагается, что AMA позволит заменить более 50 национальных процедур единым континентальным механизмом оценки лекарственных препаратов и тем самым существенно сократить сроки их вывода на рынок.

Однако реализация проекта сталкивается с теми же трудностями, что и многие другие интеграционные инициативы в Африке. К концу 2025 г. соглашение ратифицировала 31 страна из 55 членов Афросоюза. Кения, Танзания и ДРК завершили ратификацию в 2023–2024 гг., а вот два крупнейших фармацевтических рынка континента – Нигерия и ЮАР – пока этого так и не сделали, предпочитая сохранять собственные регуляторные механизмы[139]. На саммите Афросоюза в феврале 2026 г. лидеры вновь призвали оставшиеся страны ратифицировать договор без дальнейших отлагательств.

Появлению AMA предшествовала инициатива по гармонизации регулирования обращения лекарственных средств, запущенная ещё в 2009 г.[140] В её рамках был налажен механизм сотрудничества между национальными регуляторами и унифицированы базовые подходы к регулированию обращения лекарственных средств. Однако возможности большинства национальных регуляторов по-прежнему ограничены. По классификации ВОЗ лишь немногие страны континента достигли 3-го уровня зрелости, соответствующего стабильному функционированию регуляторной системы[141].

Статус участия государств в договоре о создании Африканского медицинского агентства

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

Кроме того, успех проекта во многом зависит от прогресса в функционировании Африканской континентальной зоны свободной торговли. Без свободного перемещения лекарств через границы собственное производство было бы экономически невыгодным: большинство национальных рынков слишком малы, чтобы обеспечить необходимый масштаб выпуска[142].

Параллельно предпринимаются попытки создать собственную производственную базу. Программа Африканского союза по развитию производства вакцин предусматривает, что к 2040 г. на континенте будет выпускаться до 60% необходимых вакцин (на сегодня – менее чем 1%)[143].

137 African Union (AU). Treaty for the establishment of the African Medicines Agency (AMA) enters into force. URL: https://au.int/en/pressreleases/20211109/treaty-establishment-african-medicines-agency-ama-enters-force

138 Ismail, A. J., Darko, D. M., Walker, S., & Salek, S. (2026). The African Medicines Agency: historical perspective of its origins, evolution, institutional structure and future prospects. Frontiers in Medicine, 13, 1763261.

139 Nature Africa. What the launch of the African Medicines Agency means for drug and health regulation. (2025). URL: https://www.nature.com/articles/d44148-025-00350-8

140 Ndomondo-Sigonda, M., Azatyan, S., Doerr, P., Agaba, C., & Harper, K. N. (2023). Best practices in the African Medicines Regulatory Harmonization initiative: Perspectives of regulators and medicines manufacturers. PLOS Global Public Health, 3(4), e0001651.

141 Center for Global Development (CGD). A Defining Moment for Medicines Regulation in Africa: The Establishment of the African Medicines Agency. URL: https://www.cgdev.org/blog/defining-moment-medicines-regulation-africa-establishment-african-medicines-agency

142 African Development Bank (AfDB) & Africa CDC. AFRICA CDC hosts lead partners of Partnerships for African Vaccine Manufacturing (PAVM) for review of vaccine manufacturing ecosystem in Africa. URL: https://www.afdb.org/en/news-and-events/press-releases/africa-cdc-hosts-lead-partners-partnerships-african-vaccine-manufacturing-pavm-review-vaccine-manufacturing-ecosystem-africa-59784

143 Africa CDC. Partnerships for African Vaccine Manufacturing (PAVM) Framework for Action. URL: https://africacdc.org/download/partnerships-for-african-vaccine-manufacturing-pavm-framework-for-action/

Появляются и производственные мощности. Завод BioNTech в районе Кигали (Руанда) начал тестовый выпуск препаратов на основе мРНК-технологии и в 2025 г. получил крупное финансирование со стороны ЕС[144]. В странах Африки формируется собственная база производства фармацевтических субстанций: в частности, нигерийские Emzor и Fidson, южноафриканские Aspen и Chemical Process Technologies, угандийская Dei BioPharma начали проекты по выпуску действующих веществ, а Emzor привлекла от Европейского инвестиционного банка 14 млн евро на строительство завода.

Механизмы совместных закупок, запущенные Africa CDC в 2024 г., развивают более ранние инициативы[145]. Первую попытку создать такую систему предприняло Сообщество развития стран Юга Африки (САДК), которое обсуждало объединение закупок ещё с 1999 г. В 2018 г. функции оператора были переданы Департаменту медицинских складов Танзании, а ожидаемое снижение закупочных цен оценивалось примерно в 40%[146]. Однако проект до сих пор не заработал в полном объёме, прежде всего из-за отсутствия взаимного признания регистрации лекарственных препаратов между странами[147]. Готовность к участию в системе пока подтвердили 8 государств (Ботсвана, Замбия, Зимбабве, Малави, Мозамбик, Намибия, Танзания и Эсватини, но не ЮАР)[148]. Ещё одним важным этапом стала Африканская платформа медицинских поставок, на базе которой был создан Африканский трастовый фонд приобретения вакцин (AVAT). Именно через него в 2021 г. государства Африканского союза впервые осуществили коллективную закупку вакцин против COVID-19.

Интересен опыт алжирской компании SAIDAL: её предприятие в Константине освоило производство российского инсулина по технологии «Герофарм»[149], а затем заключило соглашение с датской Novo Nordisk о выпуске инсулиновых шприц-ручек нового поколения[150]. Такой подход показывает стремление стран региона диверсифицировать технологическое сотрудничество и не зависеть от какого-либо одного внешнего партнёра.

Однако пока многие инициативы находятся на этапе проработки. Континент по-прежнему производит лишь незначительную часть потребляемых лекарственных препаратов, сроки их регистрации остаются длительными, а значительная часть национальных систем здравоохранения продолжает зависеть от внешнего финансирования. События 2025 г. лишь усилили внимание к проблеме лекарственного суверенитета.

Этой теме была посвящена первая в истории чрезвычайная сессия Ассамблеи Африканского союза по вопросам здравоохранения, состоявшаяся в Аккре 21–22 июля 2026 г. под девизом «Построение устойчивой и самодостаточной системы здравоохранения Африки». Открывая сессию, президент Ганы Джон Махама сравнил стоящие перед континентом задачи с борьбой за политическую независимость:

«Освобождение, к которому мы стремимся сегодня, – это освобождение не от колониального правления, а от неравенства, предотвратимых болезней, материнской смертности, слабых систем здравоохранения и зависимости от других в вопросах нашего здоровья»[151].

144 Pharmaceutical Technology. BioNTech mRNA Vaccine Manufacturing Facility, Rwanda. URL: https://www.pharmaceutical-technology.com/projects/biontech-mrna-facility-rwanda/

145 Africa CDC. African Pooled Procurement Mechanism (APPM). URL: https://africacdc.org/appm/

146 Southern African Development Community. SADC, Tanzania sign MoU on Pooled Procurement Services of Pharmaceuticals. URL: https://www.sadc.int/latest-news/sadc-tanzania-sign-mou-pooled-procurement-services-pharmaceuticals

147 Health Procurement Africa (HPA). Pooled Procurement. URL: https://portal.healthprocurementafrica.org/learning/knowledge-library/pooled-procurement

148 Southern African Development Community. SADC steps up efforts to operationalise its Pooled Procurement Services through Group Contracting model. URL: https://www.sadc.int/latest-news/sadc-steps-efforts-operationalise-its-pooled-procurement-services-through-group

149 AKM.RU. GEROPHARM started insulin production in Algeria. URL: https://www.akm.ru/eng/news/geropharm-started-insulin-production-in-algeria/

150 Trendsnafrica. Algeria Strengthens Health Sovereignty with Landmark Saidal–Novo Nordisk Partnership for Local Insulin Production. URL: https://trendsnafrica.com/algeria-strengthens-health-sovereignty-with-landmark-saidal-novo-nordisk-partnership-for-local-insulin-production/

151 Graphic Online. President urges self-reliant health care. URL: https://graphiconline.com/news/general-news/president-urges-self-reliant-health-care.html

Он призвал африканские государства ускорить развитие собственного производства лекарственных препаратов и укрепление национальных систем здравоохранения[152]. По итогам сессии была принята Аккрская декларация, закрепившая обязательства государств по развитию первичной медико-санитарной помощи, увеличению внутреннего финансирования здравоохранения и локализации производства лекарственных препаратов и вакцин[153].

За последние четверть века страны Африки добились значительного снижения смертности и заметно увеличили продолжительность жизни населения. Однако континент импортирует большую часть лекарственных препаратов, почти все вакцины и значительную часть медицинского оборудования. Ряд национальных систем здравоохранения критически зависит от донорского финансирования, но главное финансовое бремя заботы о своем здоровье несет само население. Поэтому долгосрочная устойчивость здравоохранения в Африке зависит от сокращения этой нагрузки – через развитие страховых механизмов и рост государственных расходов на здравоохранение.

По отдельности многие африканские рынки слишком малы, чтобы производителям было экономически выгодно быстро выводить на них новые лекарственные препараты. Механизмы коллективных закупок, добровольного лицензирования и передачи технологий позволяют континенту получать современные препараты быстрее и дешевле, и этой же цели служат развитие собственного производства, создание Африканского агентства по лекарственным средствам, гармонизация регулирования и формирование общеафриканского рынка лекарственных средств. Дальнейшие успехи африканского здравоохранения будут зависеть от того, насколько удастся сократить финансовую нагрузку на пациента и превратить внешнюю помощь из источника финансирования в инструмент передачи технологий и укрепления собственных возможностей.

Глобальное значение африканского бремени болезней будет расти вместе с демографическим весом континента. Уже сегодня на страны Африки приходится около 30% мировых рождений, а к 2050 г. их доля превысит 40%. При этом регион несёт почти четверть глобального бремени болезней, располагая на борьбу с ними лишь 1% мировых расходов на здравоохранение. Поэтому зрелость систем здравоохранения континента имеет значение за его пределами – в частности, для сдерживания распространения устойчивости к противомикробным препаратам, своевременного выявления новых патогенов и контроля качества лекарственных средств. При этом африканские государства сами формулируют собственную повестку здравоохранения: Аккрская декларация, принятая в июле 2026 г., ставит в центр укрепление первичной медико-санитарной помощи, рост внутренних расходов на здравоохранение, развитие собственного производства лекарств и вакцин и усиление эпидемиологического надзора. Для России эта повестка может стать основой практического сотрудничества: подготовка кадров, где уже накоплен опыт обучения африканских специалистов; развитие эпидемиологической и лабораторной инфраструктуры; сотрудничество в сфере контроля качества и противодействия фальсификации лекарств; наконец, передача технологий и локализация производства. В последнем случае поставки готовой продукции целесообразно рассматривать как часть более широкого подхода: в общем случае конкурировать с индийскими дженериками по цене сложно, однако в отдельных нишах – например, в производстве инсулина полного цикла, экспресс-диагностике инфекций и разработке вакцин против особо опасных возбудителей – российские производители создали уникальные и конкурентоспособные компетенции, которые могли бы быть интересны африканским партнерам.

152 MyJoyOnline. Africa's pharmaceutical manufacturing plan goes beyond paper – Mahama. URL: https://www.myjoyonline.com/africas-pharmaceutical-manufacturing-plan-goes-beyond-paper-mahama/

153 allAfrica. Africa: AU Commits to Stronger Health Systems, Universal Coverage. URL: https://allafrica.com/stories/202607240310.html

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

Давыдов А.В.

При участии Суховой Д.М.

Языковые процессы

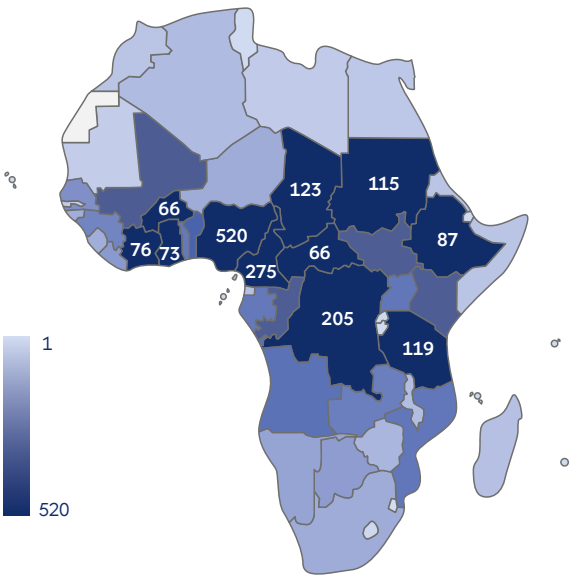
Африка – прародина человечества. Предки современного Homo sapiens покинули Восточную Африку около 50–70 тыс. лет тому назад. Предполагают, что к тому моменту они уже обладали языком современного типа. Сегодня на территории Африки насчитывается более 2 тыс. языков, что составляет почти треть всех существующих языков мира. Такое языковое богатство обусловлено длительной историей формирования, а также историческими процессами миграции и культурного взаимодействия африканских народов. Невозможность назвать точное количество языков объясняется отсутствием у лингвистов единого подхода к разграничению понятий «язык» и «диалект», а также продолжающимися открытиями новых языков.

Африка – прародина всех человеческих языков.

Для большинства африканских стран характерно многоязычие. В пределах одной страны могут сосуществовать десятки, а иногда и сотни языков, принадлежащих к разным языковым семьям. Например, в Нигерии[1] используется более 500 языков, в Камеруне[2] – свыше 250, а в Демократической Республике Конго[3] – более 200. В Чаде – 130 языков, Танзании – около 130 языков, Судане и Южном Судане (многие повторяются, на Судан приходится ок. 115 языков) – 130 языков, Эфиопии – до 90 языков, Кот-д'Ивуаре и Гане – по 80 языков, Кении и ЦАР – приблизительно по 70. Итого: на 10 стран приходится около 1500 языков, или более 2/3 всего языкового разнообразия на континенте.

При этом языковое разнообразие наблюдается не только на государственном, но и на региональном и местном уровнях: жители одной территории нередко владеют несколькими языками, используя каждый из них в определённых сферах общения. Для многих африканцев владение двумя, тремя и более языками – повседневная норма.

Количество языков в странах Африки, 2026 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Ethnologue.

Современная языковая ситуация на континенте сформировалась под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. До европейской колонизации на территории Африки существовали многочисленные ранние государства и общества с собственными языковыми традициями. Многие языки выполняли функции межэтнического общения и использовались в торговле, дипломатии и религиозной жизни. При этом государств европейского типа – с установленными границами и письменным законодательством – не сформировалось, не было необходимости и в стандартизации языков, а также в унификации в пределах территориальных границ.

1 SIL Global. Ethnologue. Nigeria. URL: https://www.ethnologue.com/country/NG/
2 SIL Global. Ethnologue. Cameroon. URL: https://www.ethnologue.com/country/CM/
3 SIL Global. Ethnologue. Democratic Republic of the Congo. URL: https://www.ethnologue.com/country/CD/

Важнейшим фактором как распространения языков, так и появления новых оставались на протяжении многих лет миграции. Отсутствие для подавляющего большинства языков письменности обусловливало и большую динамику, подвижность языковых норм.

Колониальный период привёл к распространению европейских языков – английского, французского, португальского, испанского, нидерландского и в меньшей степени немецкого и итальянского. После получения независимости большинство государств сохранили языки бывших метрополий в качестве официальных, поскольку они выполняли роль нейтрального средства общения между представителями многочисленных этнических групп и обеспечивали преемственность государственного управления.

Особое место в языковой картине Африки занимает арабский язык. Он широко распространён в странах Северной Африки и стал не только государственным языком многих стран региона, но и важнейшим языком ислама. Благодаря религиозному, культурному и историческому влиянию арабский язык значительно выходит за пределы арабоязычных стран, оказывая воздействие на языки народов Сахеля, Восточной и Западной Африки.

Несмотря на исключительное языковое разнообразие, многие африканские языки находятся под угрозой исчезновения.

Процессы урбанизации, глобализации, развитие массового образования и средств массовой информации способствуют усилению позиций крупных национальных и международных языков. Молодое поколение всё чаще использует официальные языки или наиболее распространённые региональные языки, что постепенно сокращает число носителей малых языков. Одновременно во многих странах реализуются программы по сохранению языкового наследия, развитию письменности, созданию учебных материалов и расширению использования национальных языков в образовании и средствах массовой информации.

Современная языковая политика большинства африканских государств направлена на поиск баланса между сохранением богатого языкового наследия народов Африки и необходимостью использования языков международного общения для обеспечения государственного единства и успешного участия в глобальных процессах.

Африканские языки сохраняются в диаспорах за пределами Африки, однако степень их сохранности сильно зависит от истории миграции, размера общины, конкретного языка и страны проживания. В недавних диаспорах, например среди выходцев из Нигерии, Эфиопии, Сомали, Эритреи, Ганы или Республики Конго, представители первого поколения обычно продолжают активно использовать родные языки в семье и общине, тогда как во втором и третьем поколениях часто происходит постепенный переход на язык страны проживания, и родной язык может сохраниться лишь в бытовом общении или исчезнуть вовсе. В качестве примера витального африканского языка, сохраняющегося и передающегося в диаспоре в течение нескольких поколений, можно привести язык народа сонинке (семья манде), происходящего с запада Мали и юга Мавритании и традиционно занятого в международной торговле.

Оказавшись в результате трансатлантической работорговли в Новом Свете, африканские языки не смогли сохраниться из-за насильственного смешения людей из разных регионов и запрета на использование родной речи, однако их влияние прослеживается в лексике и грамматике креольских языков, музыке, именах и других элементах культуры.

Африканские языки и их классификация

Современная генеалогическая классификация языков Африки включает несколько крупных языковых семей, различающихся по происхождению, структуре и ареалу распространения.

К крупнейшим из них относятся нигеро-конголезская, афразийская и нило-сахарская семьи. Кроме того, на юге континента представлены койсанские языки, также продолжают развиваться отдельные языки-изоляты и небольшие языковые семьи, происхождение которых до сих пор остаётся предметом научных дискуссий. Мальгашский (малагасийский) язык, распространённый на Мадагаскаре, относится к австронезийской семье, основной ареал которой находится не в Африке, а в Юго-Восточной Азии и Океании.

Нигеро-конголезская макросемья (в другой терминологии: Нигер-Конго) – крупнейшая языковая семья Африки. В числе главных особенностей многих языков этой семьи – сложные системы именных классов: имена существительные распределены по семантически обусловленным грамматическим категориям, то есть правила изменения формы слова в языке зависят от его значения. Большинство языков Нигер–Конго – тональные, то есть значение слова зависит от высоты произнесения гласных звуков. К таким языкам относятся, например, **бамбара**, **хауса**, **йоруба**, **игбо**, **акан** и **эве**.

Банту – самая известная и крупная ветвь нигеро-конголезской семьи.

Языки банту распространены на обширной территории Центральной, Восточной и Южной Африки. Столь широкое распространение языков – результат ряда доисторических миграций носителей праязыка банту из района южной части современного Камеруна. В ходе этого расселения, обладая передовыми для своего региона навыками земледелия и скотоводства, они ассимилировали и вытесняли местные группы охотников-собирателей. Экспансия банту происходила примерно между 4000 годом до н.э. и 500 годом н.э.

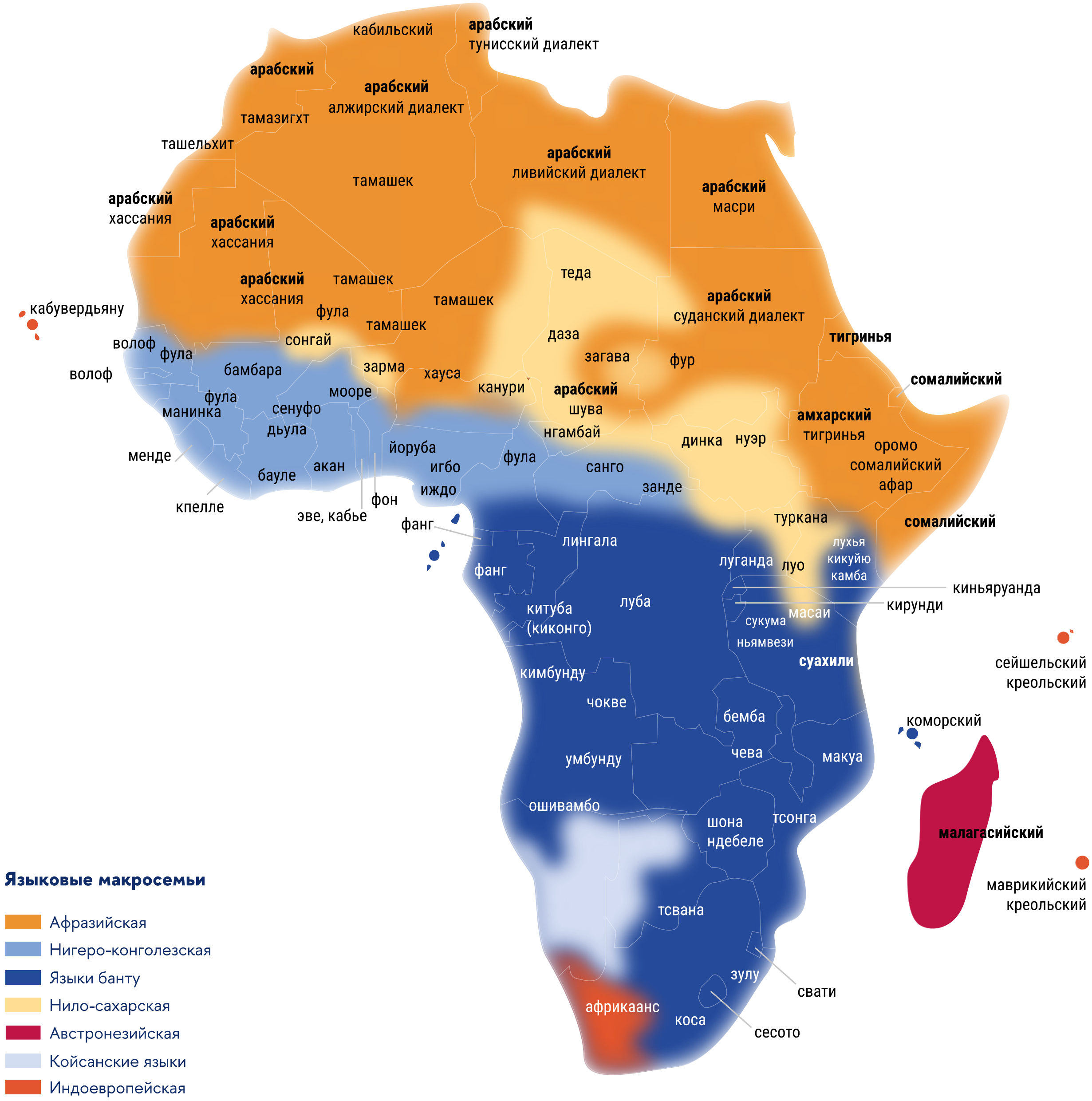
По площади распространения ветвь банту превосходит все другие группы языков Нигер–Конго. На этих языках говорят не менее 400 млн человек более чем в половине стран Африки. К крупнейшим языкам банту относятся суахили (свыше 150 млн говорящих в Танзании, Кении и соседних странах), лингала (свыше 50 млн в Республике Конго и Демократической Республике Конго), зулу (28 млн в ЮАР), коса (19 млн в ЮАР), киньяруанда (15 млн в Руанде), шона (около 14 млн в Зимбабве) и другие.

В 1950-х гг. лингвист Джозеф Гринберг обосновал объединение значительной части языков Субсахарской Африки в единую семь, которую он назвал нигеро–конголезской. Большинство лингвистов признает существование нигеро-конголезской макросемьи, но продолжаются споры о включении в неё некоторых семей. В частности, обсуждается принадлежность языков манде и догон, а также нет окончательного доказательства того, что **убангийские языки** действительно входят в эту семью.

Второй по значимости является **афразийская языковая семья**, распространённая в Северной Африке, на Африканском Роге и в отдельных районах Сахеля. Вторая часть ареала этой семьи, как видно из самого её названия, находится в Азии. В её состав входят арабский, берберские языки, амхарский и многие другие языки Эфиопии и Эритреи, сомалийский, а также древнеегипетский язык, известный по письменным памятникам и его наследник – коптский. Афразийские языки имеют древнюю письменную традицию и сыграли значительную роль в развитии государственности, религии и культуры Африки, Ближнего Востока и Европы.

Значительную часть Восточной Африки и зоны Сахеля охватывает **нило-сахарская** языковая семья. Языки этой семьи распространены в Мали, Нигере, Судане, Южном Судане, Чаде, ЦАР, Уганде, Кении и ряде других государств. Хотя её состав и генетическое единство продолжают обсуждаться в современной лингвистике, большинство исследователей выделяют в ней такие группы, как восточносуданские, включая широко распространённые (от Южного Судана до Танзании) нилотские, сахарские (северная Нигерия, Нигер), центральносуданские (Чад, ЦАР) и языки сонгай (Мали, Нигер).

Основные языки крупных населённых пунктов и торговых путей Африки

Примечание: на карте указаны языки, которые использует более 50% населения, проживающего на соответствующей территории; большинство языков имеет национальный или региональный статус; являются языками межэтнического общения.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

Особое место занимает **австронезийская** языковая семья, представленная в Африке лишь на острове Мадагаскар. Малагасийский язык, государственный язык Мадагаскара, имеет общих предков с языками островной Юго-Восточной Азии. Это свидетельствует о древних миграциях австронезийских народов через Индийский океан и делает языковую ситуацию Мадагаскара уникальной для Африки. Интересно отметить, что с миграциями в Африку попали и важные культурные животные и растения – например, домашняя курица[4] и банан[5].

На юге континента, главным образом в Намибии, Ботсване и ЮАР, распространены **койсанские языки**. Их наиболее известная особенность – щёлкающие согласные (кликсы), которые практически не встречаются в других языковых семьях мира. Численность носителей этих языков относительно невелика и не превышает 300 тыс. человек, а многие из них находятся под угрозой исчезновения.

Другие небольшие языковые семьи и языки-изоляты, происхождение которых до настоящего времени окончательно не установлено, продолжают использоваться в Африке в повседневном общении (например, язык хадза в Танзании и язык бангери-ме в Мали). Кроме того, на континенте широко распространены креольские языки, возникшие в результате длительных языковых контактов между местным населением и европейскими колонизаторами. Отдельного внимания заслуживают многочисленные африканские жестовые языки глухонемых, многие из которых развиваются как самостоятельные языковые системы и не связаны происхождением с национальными жестовыми языками Европы или Америки.

Важная особенность языковой ситуации Африки – использование большого числа лингва франка – языков межэтнического общения.

По оценкам исследователей, около 100 африканских языков регулярно используются представителями различных этнических групп в качестве второго языка. Среди наиболее распространённых – арабский, суахили, хауса, амхарский, сомалийский, фула, йоруба, зулу, шона, манден (или мандинго, включая бамбара), малагасийский и африкаанс. Многие из этих языков обслуживают торговлю, образование, средства массовой информации, религиозную деятельность и региональное управление, объединяя миллионы носителей различных этнических групп.

Характерным примером языка межэтнического общения стал санго в Центральноафриканской Республике. На санго как на родном языке говорят около 9% жителей страны, но практически на всей территории ЦАР санго используется как язык повседневного общения между представителями различных этнических групп. Остальная часть населения говорит на десятках местных языков, крупнейшие из которых – гбайя и банда, однако именно санго обеспечивает языковое единство страны. По своему функциональному положению он сопоставим с суахили в Восточной Африке или языками манден в Западной Африке, где число людей, использующих язык как второй, значительно превышает число тех, для кого он родной.

Несмотря на широкое использование многих африканских языков в повседневной жизни, школьном образовании, местной прессе и радиовещании, лишь небольшая их часть имеет статус государственных или официальных языков. Тем не менее немало африканских языков имеют статус официальных хотя бы на региональном уровне, то есть пользуются определенной поддержкой, в т.ч. в системе образования, массовых коммуникаций. В числе этих языков, например, суахили, амхарский, мальгашский, киньяруанда, санго, языки ЮАР и стран Альянса Сахеля.

4 Cole R., de Blij H. J. (2000). A Survey of Subsaharan Africa: A regional geography. New York: Oxford University Press. P. 188.
5 Murdock, G. P. (1960). Staple subsistence crops of Africa. Geographical Review, 50(4), 523–540.

В странах Африки южнее Сахары государственными языками чаще всего остаются языки бывших метрополий – английский, французский и португальский.

Языковые союзы

Нередко приходится слышать мнение о том, что языки, функционирующие на одной территории, даже заведомо неродственные (например, английский и суахили в Кении), звучат похоже. В лингвистике такое явление называется «языковой союз» (калька с нем. Sprachbund). Под союзом понимается группа генетически неродственных или отдалённо родственных языков, которые в результате длительных и интенсивных контактов приобрели сходные структурные особенности. Такие сходства возникают не вследствие общего происхождения, а благодаря языковой конвергенции. Наиболее известный и хорошо описанный языковой союз – балканский.

В Африке существует несколько языковых союзов, сформировавшихся в различных регионах континента. К наиболее известным относятся Эфиопский языковой союз, объединяющий семитские и кушитские языки Африканского Рога. В Западной Африке также можно говорить о существовании как минимум двух крупных союзов – зоны Сахеля и прибрежной лесной зоны. Среди прочих параметров, например, языки первого характеризуются либо отсутствием тонов, либо наличием простой, обычно двухэлементной, системы тонов; языки второго, напротив, отличаются высокой тоновой сложностью, напоминающей языки Восточной и Юго-Восточной Азии.

Европейские языки

Современная языковая ситуация в большинстве африканских государств во многом стала результатом европейской колонизации XIX–XX вв. В период раздела Африки между европейскими державами на континенте утвердились языки метрополий, которые стали использоваться в системе государственного управления, образовании, судебной практике, армии, торговле и миссионерской деятельности. После обретения независимости многие африканские государства сохранили эти языки в качестве официальных или рабочих, несмотря на то что для большинства населения они не были родными.

Такое решение объяснялось несколькими причинами. Во-первых, большинство африканских стран, как отмечалось, отличается чрезвычайно высоким уровнем языкового разнообразия. Выбор одного из местных языков в качестве государственного мог привести к политическим конфликтам и усилению межэтнических противоречий. Использование языка бывшей метрополии рассматривалось как относительно нейтральное решение, не создающее искусственных преимуществ для какой-либо этнической группы. Это привело к тому, что государственным языком, например, Нигерии стал английский, а не хауса, йоруба или игбо (крупнейшие по числу носителей языки страны).

Во-вторых, европейские языки уже занимали важное место в государственном аппарате, системе образования и делопроизводстве. Их сохранение позволяло избежать масштабной перестройки административной системы и обеспечивало преемственность государственного управления.

В-третьих, владение международными языками облегчало участие молодых государств в мировой экономике, дипломатии, международных организациях и научном сотрудничестве.

Европейские языки стали важным инструментом интеграции африканских стран в глобальное политическое и экономическое пространство.

Наиболее распространённым европейским языком в Африке остается **английский**. Он получил широкое распространение в бывших владениях Британской империи, включая Нигерию, Гану, Кению, Уганду, Танзанию, Замбию, Зимбабве, Ботсвану, Лесото, Эсватини, Сьерра-Леоне,

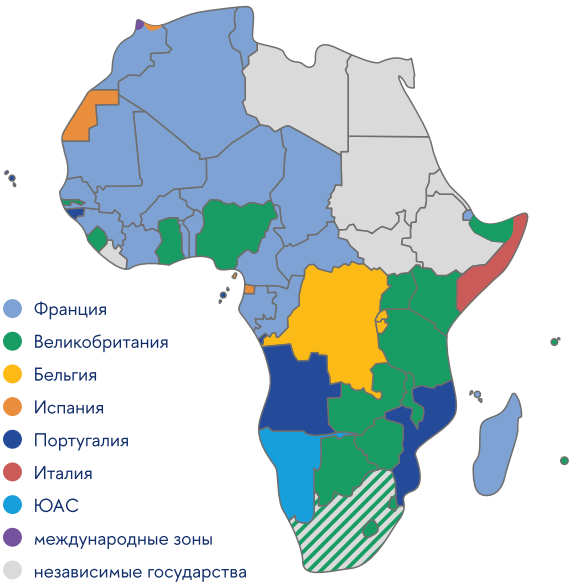
Гамбию и другие государства. Кроме того, английский – один из официальных языков Южно-Африканской Республики. Во многих странах английский используется в деятельности государственных учреждений, системе высшего образования, средствах массовой информации и международном бизнесе. Для основной части населения он является вторым или третьим языком, тогда как родными остаются местные африканские языки, включая африкаанс, произошедший от голландского.

Французский язык – наиболее распространённый официальный язык для стран Западной и Центральной Африки. После распада Французской колониальной империи он сохранил статус государственного языка в Сенегале, Кот-д'Ивуаре, Гвинее, Бенине, Буркина-Фасо, Нигере, Мали, Чаде, Габоне, Республике Конго, Демократической Республике Конго и ряде других стран. Кроме того, французский используется в бывших бельгийских колониях – Руанде (наряду с другими официальными языками) и Демократической Республике Конго. Для большинства жителей этих стран французский остается вторым языком, однако именно он выполняет функции языка государственного управления, законодательства, образования и межэтнического общения.

Португальский язык сохраняет официальный статус в бывших португальских колониях: Анголе, Мозамбике, Гвинее-Бисау, Кабо-Верде и Сан-Томе и Принсипи. В некоторых из этих государств, особенно в Анголе и Кабо-Верде, число носителей португальского как родного языка постепенно растёт благодаря урбанизации и развитию образования. Вместе с тем большинство населения продолжает использовать в повседневной жизни местные африканские языки, включая креольские.

Испанский язык имеет значительно более ограниченное распространение. В Экваториальной Гвинее он выполняет роль государственного, в Западной Сахаре имеет статус официального (хотя правительство этого государства и не контролирует большую часть территории страны).

Иностранные владения в Африке, 1956 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых данных.

Кроме того, испанский используется на территориях Сеуты, Мелильи и Канарских островов, находящихся под юрисдикцией Испании.

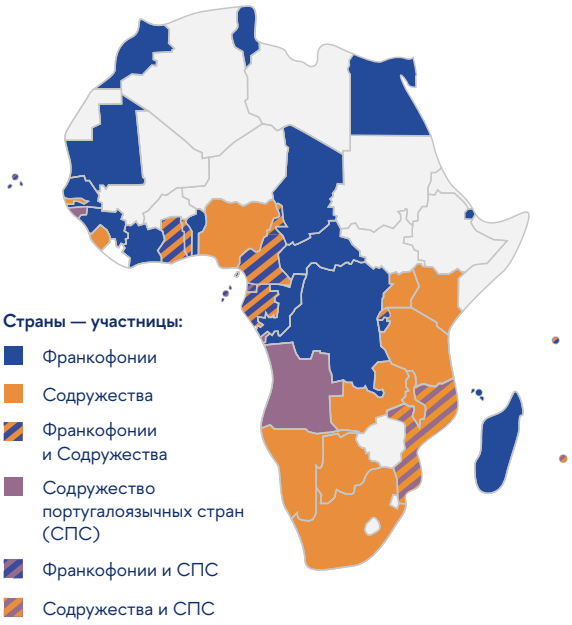
Особое место среди европейских языков занимает **африкаанс**. Он сформировался на основе нидерландского языка, принесённого европейскими переселенцами в XVII в., и впоследствии испытал влияние английского и ряда африканских языков. Сегодня африкаанс – один из официальных языков Южно-Африканской Республики, широко распространён также в Намибии и (более ограниченно) в Зимбабве и Замбии. Для миллионов жителей региона он родной, что отличает его от большинства других европейских языков Африки, которые обычно функционируют преимущественно как вторые языки.

Следует отметить, что роль европейских языков в разных странах различается. В одних государствах они используются главным образом в официальной сфере, тогда как повседневное общение ведётся на местных языках. В других, особенно в крупных городах, европейские языки

становятся основным средством коммуникации между представителями различных этнических групп. В качестве иллюстрации можно привести в пример Республику Мали, где французский язык используется преимущественно в формальной сфере, и соседний с ней Кот-д'Ивуар, где французский стал реальным средством межэтнической коммуникации. Также около трети жителей Либревилля, столицы Габона, считают французский своим родным языком.

В странах Африки постепенно формируются собственные национальные варианты английского, французского и португальского языков, отличающиеся особенностями произношения, словарного состава и грамматики под влиянием местных языков и культурных традиций.

Участие стран Африки в «языковых» международных организациях, 2026 г.

Примечание: В 2024 г. Ангола получила статус наблюдателя в Франкофонии. Членство Гвинеи-Бисау в СПС было приостановлено в 2025 г. в связи с военным переворотом.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных организаций.

Лингвисты говорят, например, о «стандартном нигерийском английском» или «стандартном ивуарийском французском», при этом важно понимать, что оба стандарта – несмотря на то, что они очевидным образом сформировались – существуют исключительно в виде общественного договора и никак не зафиксированы письменно. Не существует нормативных словарей и грамматик африканских разновидностей английского, французского и португальского, а нормирующие организации (например, Французская академия) находятся в бывших метрополиях. Таким образом, африканские варианты европейских языков формально до сих пор подчинены внешне предписываемой норме.

Несмотря на продолжающиеся дискуссии о необходимости расширения использования национальных языков в государственном управлении и образовании, европейские языки по-прежнему играют ключевую роль в общественной жизни большинства африканских стран. В ряде стран они обеспечивают межэтническую коммуникацию, и повсеместно – доступ к международной науке и технологиям, участие в мировой экономике и дипломатических отношениях. Одновременно многие государства стремятся найти баланс между сохранением этого практического преимущества и поддержкой собственного языкового наследия, расширяя использование национальных языков в системе образования, культуре и средствах массовой информации.

Арабский язык в Африке

Несмотря на значительное влияние европейских языков на современную языковую ситуацию в Африке, особое место на континенте занимает арабский язык. В отличие от английского, французского или португальского, его распространение началось задолго до эпохи европейской колонизации и связано с многовековыми торговыми, культурными и религиозными контактами между Северной Африкой, Ближним Востоком

и другими регионами континента. На протяжении более тысячи лет арабский язык выступал важнейшим средством международного общения, распространения ислама, развития науки, образования и письменной культуры.

Распространение арабского языка началось в VII–VIII вв. после арабских завоеваний Северной Африки. В течение нескольких столетий арабский постепенно вытеснял или дополнял существовавшие ранее языки (латинский, коптский) в административной, религиозной и культурной сферах. Значительную роль в этом процессе сыграла исламизация региона, поскольку арабский язык как язык Корана занимает центральное место в религиозной практике мусульман.

Сегодня арабский – государственный или один из государственных языков всех стран Северной Африки (Египет, Судан, Алжир, Марокко, Тунис, Ливия и Мавритания). Кроме того, он имеет государственный статус в Чаде, Джибути, Сомали и на Коморских Островах. Таким образом, арабский язык распространён не только в арабском мире, но и на значительной части Африканского континента.

Следует различать **литературный арабский язык** и многочисленные **арабские разговорные диалекты**. В официальной сфере, образовании, средствах массовой информации и религиозной литературе используется современный литературный арабский язык, основанный на классическом арабском языке, языке Корана. Однако в повседневной жизни население арабоязычных стран общается преимущественно на местных диалектах, которые нередко существенно отличаются друг от друга по фонетике, лексике и грамматике. Например, марокканский (дариджа) и египетский (масри) диалекты значительно отличаются друг от друга, что затрудняет непосредственное общение их носителей.

Языковая ситуация в Северной Африке характеризуется длительным сосуществованием арабского языка с берберскими языками. В Марокко и Алжире значительная часть населения говорит на одном из берберских языков, которые относятся к афразийской языковой семье. В последние десятилетия берберские языки, коренные для региона, получили более широкое официальное признание: в частности, в Марокко и Алжире они имеют государственный статус наряду с арабским языком.

Влияние арабского языка не ограничивается арабоязычными странами. Благодаря распространению ислама он используется в религиозной практике миллионов мусульман по всему континенту. Даже в государствах, где арабский не имеет официального статуса, многие верующие изучают его для чтения Корана и участия в религиозной жизни. Кроме того, арабская письменность исторически применялась для записи ряда африканских языков. Такая форма письма, известная как **аджами**, использовалась для языков хауса, фула, суахили, манден и ряда других ещё до европейской колонизации и широкого распространения латинского алфавита. В настоящее время запись африканских языков арабской графикой ведется лишь ограниченно, однако на аджами остались значимые литературные и исторические памятники.

Арабский язык оказал значительное влияние на лексику многих африканских языков.

В результате многовековых торговых и культурных контактов в языки народов Северной, Восточной и Западной Африки проникло большое количество арабских заимствований, особенно в сфере религии, государственного управления, торговли, науки, образования и права.

Особенно заметно это влияние в суахили, где значительная часть слов арабского происхождения связана с морской торговлей, исламской культурой и городской жизнью.

В современном мире арабский язык продолжает играть важную роль в политической и экономической жизни Африки. Он стал одним из официальных языков Африканского союза, а также одним из шести официальных языков Организации Объединённых Наций. Владение арабским языком способствует развитию сотрудничества между странами Северной Африки и государствами Ближнего Востока, облегчает участие в международной торговле и укрепляет культурные связи внутри исламского мира.

Таким образом, арабский язык представляет собой уникальное явление в языковой системе Африки. Он одновременно является родным языком сотен миллионов жителей континента, языком религии для значительной части африканского населения и важным средством международного общения. Его современное положение существенно отличается как от положения местных африканских языков, так и от функций европейских языков, распространившихся в эпоху колониализма.

Официальные языки стран Африки, 2026 г.

Кабо-Верде: португальский
Маврикий: французский, английский
Сейшелы: французский, английский, сейшельский креол
Сан-Томе и Принсипи: португальский
Коморские острова: французский, арабский, коморский
Экваториальная Гвинея: испанский, французский, португальский
Руанда: английский, французский, суахили, киньяруанда

Источник: составлено автором на основе открытых данных.

Официальные языки

Официальный язык (англ. official language, франц. langue officielle, порт. língua oficial) – это язык, который закреплен законодательством государства или международной организацией для выполнения официальных функций. Применительно к государствам также применим термин «государственный язык». В русскоязычной лингвистической традиции термины «официальный язык» и «государственный язык» чаще всего используются как синонимы.

Вместе с тем во многих африканских странах, бывших колониальных владениях Франции, существует понятие **национального языка** (франц. langue nationale), которое не совпадает со статусом официального. Национальный язык может широко использоваться в общественной жизни, образовании и СМИ, не являясь при этом основным языком государственного управления. Например, таков был статус крупнейших автохтонных языков стран Альянса Сахеля до присвоения им статуса официальных.

В большинстве африканских государств родными для населения остаются десятки, а иногда и сотни местных языков, тогда как функции государственного управления, законодательства, высшего образования и международных отношений выполняет ограниченное число официальных языков. Подобное разграничение стало результатом исторического развития континента, прежде всего колониального прошлого, а также особенностей формирования современных африканских государств.

Кроме суахили из автохтонных африканских языков статус государственных также имеют тсвана или сетсвана (Ботсвана), сесото (Лесото), сисвати (Эсватини), кирунди (Бурунди), киньяруанда (Руанда), креольские языки (Сейшелы, Маврикий, Кабо-Верде, Гвинея-Бисау) и малагасийский язык (Мадагаскар).

Английский стал официальным языком Нигерии, Кении, Уганды, Ганы, Ботсваны, Замбии, Зимбабве и ряда других стран. Французский сохраняет

официальный статус в большинстве государств Западной и Центральной Африки, включая Сенегал, Кот-д'Ивуар, Бенин, Нигер, Чад, Габон и Демократическую Республику Конго. Португальский используется как государственный язык Анголы, Мозамбика, Кабо-Верде, Гвинеи-Бисау и Сан-Томе и Принсипи, а испанский – Экваториальной Гвинеи.

Однако языковая политика различных государств Африки существенно различается. Если одни страны практически полностью опираются на европейские языки, то другие стремятся расширять функции национальных языков, рассматривая их как важный инструмент формирования общегосударственной идентичности и укрепления национального единства.

Одним из наиболее успешных примеров такой политики стала **Танзания**. После получения независимости руководство страны последовательно развивало суахили как общенациональный язык, способный объединить многочисленные этнические группы. Сегодня суахили используется в государственном управлении, школьном образовании, средствах массовой информации и общественной жизни, тогда как английский сохраняет важную роль в высшем образовании, судебной системе и международном сотрудничестве. Танзанийская модель нередко рассматривается как один из наиболее удачных примеров укрепления национального языка в условиях многоязычного общества.

Другую модель демонстрирует **Эфиопия**. На федеральном уровне официальный язык – амхарский, однако регионы обладают правом использовать собственные официальные языки, включая оромо, тигринья, сомали, афар и другие. Такая система отражает федеративное устройство страны и позволяет учитывать её значительное языковое разнообразие.

Нигерия, страна с более чем 500 языками и как минимум тремя крупными языками (хауса, йоруба, игбо), которые могли бы претендовать на официальный статус, демонстрирует иной радикальный полюс языковой политики – полное игнорирование существования автохтонных языков. Единственным официальным языком на всей территории страны признаётся английский. Более того, в 2025 г. Нигерия объявила о закрытии всех школьных образовательных программ на местных языках[6].

Особый интерес представляет **Центральноафриканская Республика**, где статус государственных имеют французский и санго. В отличие от большинства бывших французских колоний, ЦАР предприняла последовательные шаги по институциональному укреплению статуса санго. Уже в первые годы независимости санго получил статус национального языка, а с 1991 г. был официально признан государственным наравне с французским. При этом положение двух языков остаётся неодинаковым: французский продолжает преобладать в деятельности государственных учреждений, судебной системе, высшем образовании и официальном документообороте, тогда как санго остается основным языком повседневного общения и фактически выполняет функции общенационального языка межэтнической коммуникации.

Современные исследования языковой политики Центральноафриканской Республики свидетельствуют о стремлении расширить сферу использования санго[7]. Центральноафриканские лингвисты предлагают разработать единую систему современной научной и административной терминологии, увеличить объём официальной документации на санго, активнее использовать его в средствах массовой информации и системе образования, а также создать специализированные государственные структуры, отвечающие за языковое планирование и развитие национальных языков[8]. Подобный подход предполагает не отказ от французского языка, а формирование устойчивого государственного билингвизма, при котором оба языка будут выполнять взаимодополняющие функции.

6 Voice of Nigeria. Nigeria Mandates English Language For Learning Assessment. URL: https://von.gov.ng/nigeria-mandates-english-language-for-learning-assessment/

7 Давыдов А. В. Языковое планирование и языковая политика ЦАР в монографии центральноафриканского исследователя (рецензия). Ученые записки Института Африки РАН. 2025. Т. 11. №. 2. С. 178–180. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2025-71-2-178-180

8 Koyt M.M. Vers un changement linguistique planifié au Centrafrique. Application au modèle glottopolitique. Bangui: Editions Oubangui. 2024. Pp. 98–100.

Хотя реализация этих инициатив осложняется ограниченными финансовыми ресурсами и недостатком подготовленных кадров, опыт ЦАР представляет значительный интерес для других многоязычных государств Африки.

Интересное место занимает **Южно-Африканская Республика**, сформировавшая одну из наиболее развитых систем языкового законодательства в мире. Конституция страны закрепляет одиннадцать «официальных» языков: английский, африкаанс, зулу, коса, северный сото, южный сото, тсвана, тсонга, свази, венда и ндебеле. Такая модель направлена на обеспечение равноправия крупнейших языковых сообществ страны и преодоление последствий политики апартеида. Несмотря на это, английский продолжает играть ведущую роль в государственном управлении, экономике и международных отношениях.

Интересный пример изменения языковой политики представляет **Руанда**. После событий, официально обозначенных как геноцид, 1994 г. страна постепенно переориентировалась с франкоязычного пространства на англоязычное. Национальным языком (national language), согласно конституции, стал киньяруанда, а официальными языками, помимо киньяруанда, признаны английский, французский и суахили. Подобная языковая политика отражает как исторические особенности государства, так и его современные политические и экономические приоритеты.

Следует отметить, что наличие официального статуса далеко не всегда означает одинаковый уровень владения языком среди населения. Во многих странах европейскими языками свободно владеют главным образом жители крупных городов, государственные служащие и лица с высшим образованием. В сельской местности основными средствами общения остаются местные языки.

В последние десятилетия всё больше африканских государств стремится расширить использование национальных языков в системе образования и государственном управлении. Это связано с осознанием того, что обучение на родном языке способствует более успешному освоению знаний, а сохранение языкового разнообразия рассматривается как важный элемент культурного наследия и устойчивого развития общества. Вместе с тем реализация подобной политики сталкивается с серьёзными трудностями, включая необходимость стандартизации языков, подготовки квалифицированных педагогических кадров, создания современной терминологии и обеспечения образовательных учреждений учебной литературой.

Важно учитывать, что программы поддержки языкового разнообразия часто поддерживают европейские и американские фонды, которые руководствуются при этом своими мотивами: поддержка «малых» языков затрудняет языковую консолидацию молодых государств Африки: как минимум служит хорошей профилактикой вытеснения колониальных языков из сферы межэтнического общения, а заодно, в ряде случаев, становится питательной средой для языковых и этнических национализмов, формирующих центробежные тенденции с опорой на поддержку бывших метрополий. Прежде всего такие программы входят в портфель постколониальных практик Франции. В качестве примеров можно привести программы изучения и конструирования берберской культуры в Алжире и Марокко или финансирование Евросоюзом сети радиостанций на языках Мали, Нигера, Буркина-Фасо и ЦАР.

Напротив, в Танзании и ряде других стран правительства, более или менее мягко, ограничивают поддержку развития местных языков и преподавания на них, трезво оценивая риски для устойчивости централизованных политических систем.

Таким образом, система официальных языков в Африке представляет собой результат сложного взаимодействия исторических, политических, социальных и культурных факторов. Европейские языки продолжают играть ведущую роль в государственном управлении и международном сотрудничестве, однако всё больше государств стремится укреплять позиции национальных языков. Опыт Танзании, Южно-Африканской Республики, Эфиопии, Центральноафриканской Республики показывает, что развитие африканских языков мо-

жет успешно сочетаться с использованием международных языков, формируя модели многоязычного государственного управления, учитывающие как практические потребности общества, так и задачи сохранения национального культурного наследия.

Отдельно следует упомянуть Демократическую Республику Конго, где также предпринимались шаги по укреплению позиций (наряду с французским) языка лингала в политической коммуникации и СМИ.

Мали: языковая реформа как инструмент пересмотра постколониального языкового порядка

Показательным примером переосмысления роли французского языка в странах франкофонной Африки стала Мали. В июле 2023 г. в стране была принята новая Конституция, радикально изменившая языковую политику государства. Если ранее французский язык был единственным официальным языком, а тринадцать африканских языков обладали статусом национальных, то новая редакция Конституции закрепила за бамбара и еще двенадцатью языками статус официальных, тогда как французский был переведен в категорию *langue de travail* («рабочий язык»). Тем самым впервые на конституционном уровне был осуществлен символический отказ от исключительного положения французского языка в пользу модели многоязычного государственного устройства.

Несмотря на высокое языковое разнообразие Мали, где представлено несколько языковых семей, особое место занимает язык бамбара (семья манде). На нём как на родном языке говорят около 4 млн человек, а как язык межэтнического общения он используется примерно 14 млн жителей страны[9]. Благодаря этому бамбара фактически выполняет функции малийского лингва франка, значительно превосходя французский по числу говорящих.

Еще до конституционной реформы бамбара постепенно расширял сферу своего применения. С 1970-х гг. он используется в школьном образовании, программах ликвидации неграмотности среди взрослых, национальном радио и телевидении, в печатной продукции и цифровых медиа. На языке сформировалась литературная норма, существует развитая лексикографическая и грамматическая база, электронный корпус текстов, а также собственная художественная литература. При этом наряду с официальной латинской графикой продолжают ограниченно использоваться арабское письмо и письменность нко, распространенная среди части носителей близкородственного языка манинка.

Реформа 2023 г. носила не только юридический, но и политико-символический характер. В общественном дискурсе бамбара нередко называют «малийским языком» (*malikan*), а сама Мали долгое время характеризовалась исследователями как «наименее франкофонная среди франкофонных стран Африки». После принятия новой Конституции представители государственных органов стали значительно чаще использовать бамбара в официальной коммуникации, а переход на французский язык в публичных выступлениях нередко сопровождается специальными объяснениями или извинениями. Национальный лидер Асими Гойта регулярно обращается к гражданам именно на бамбара, подчеркивая тем самым новый статус языка.

9 SIL Global. Ethnologue. Bamanankan. URL: https://www.ethnologue.com/language/bam/

Отметим при этом, что для самого Асими Гойта, происходящего из малого этноса миньянка, бамбара даже не является этническим языком. Значительная часть руководства современной Республики Мали также не является этническими бамбара и в быту, вероятнее всего, использует свои родные языки.

Вместе с тем изменение конституционного статуса языков пока не привело к перестройке языковой практики. Французский сохраняет доминирующее положение в школьном образовании, делопроизводстве и значительной части средств массовой информации. Несмотря на расширение сфер употребления бамбара, именно французский по-прежнему занимает ведущие позиции в письменной официальной коммуникации, а программы обучения на национальных языках развиваются медленно. Более того, некоторые печатные издания на бамбара и других национальных языках в последние годы были закрыты или переведены исключительно в электронный формат.

Таким образом, опыт Мали демонстрирует, что пересмотр языковой политики в постколониальном государстве не означает отказа от французского языка. Скорее речь идет о перераспределении функций между бывшим колониальным языком и национальными языками. Французский сохраняет значение языка государственного управления, образования и международного общения, тогда как бамбара постепенно становится главным символом национальной идентичности и инструментом расширения доступа населения к публичной сфере. Этот пример показывает, что современная языковая политика в странах франкофонной Африки все чаще ориентируется не на вытеснение французского языка, а на формирование модели институционального многоязычия, в которой местные языки получают полноценный официальный статус наряду с сохранением практической роли французского языка.

В то же время малийский кейс наглядно демонстрирует, что официальный статус языка может в африканских условиях ярко не совпадать с его реальной ролью в государственном управлении. Отказ от «колониальных» языков носит, как правило, символический характер. Они до сих пор сохраняют свой рабочий статус, даже утратив официальный.

Преподавание иностранных языков в Африке[10]

Языки бывших метрополий сохраняют доминирующее положение в политике, экономике и системе образования большинства стран Африки. Наиболее распространены английский, французский, арабский, испанский и португальский языки, которые во многих государствах выполняют функции официальных и основных языков обучения. В последние годы растет интерес к китайскому и турецкому языкам, что связано с расширением экономического сотрудничества Африки с Китаем и Турцией.

Изучение иностранных языков открывает доступ к зарубежному образованию и международному рынку труда, однако одновременно способствует «утечке мозгов».

Международные образовательные программы и гранты, сопровождаемые языковыми требованиями, нередко стимулируют эмиграцию квалифицированных специалистов.

10 С сокращениями по: Африка 2025. Возможности и риски: экспертно-аналитический справочник /А. А. Маслов, В. Ю. Свиридов и др. ; под общ. ред. А. А. Маслова и В. Ю. Свиридова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Центр изучения Африки. М.: Изд. дом ВШЭ, 2025, С. 109–111.

В результате языковое образование становится инструментом привлечения человеческого капитала в развитые страны и одновременно элементом их долгосрочной стратегии культурного и экономического влияния.

Большинство языковых центров европейских стран, Китая и Турции финансируются преимущественно за счет государственных субсидий (до 70–90%), а доходы от обучения, экзаменов, аренды помещений и других услуг составляют меньшую часть бюджета. Их экономическая устойчивость определяется спросом на язык, который напрямую связан с перспективами обучения и трудоустройства за рубежом.

Наиболее развитой является сеть французских центров «Альянс Франсез», действующая более чем в 20 странах Африки. Они предлагают языковые курсы, подготовку к международным экзаменам (DELF, DALF, TEF, DAEFLE), переводческие услуги и культурные мероприятия. До половины бюджета формируется за счет оплаты обучения, остальное обеспечивают субсидии французского правительства и дополнительные услуги. При этом французские преподаватели получают значительно более высокую оплату труда, чем местные специалисты.

Аналогичную модель используют Институты Гёте, Институты Сервантеса и Институты Камоэнса, продвигающие соответственно немецкий, испанский и португальский языки. Их деятельность также основана на сочетании государственного финансирования и платных образовательных услуг. В ЮАР действует Бразильско-Южноафриканский культурный центр, популяризирующий бразильский вариант португальского языка.

Китай представлен сетью Институтов Конфуция, которые создаются преимущественно при государственных университетах и школах. Они получают значительную финансовую поддержку из Китая, что позволяет удерживать сравнительно низкую стоимость обучения. Турция продвигает язык через Институты Юнуса Эмре и школы фонда «Маариф». Их деятельность почти полностью финансируется турецким государством и сопровождается программами культурного обмена и привлечения африканских студентов в турецкие университеты.

Таким образом, языковые центры в Африке являются не только образовательными учреждениями, но и важным инструментом «мягкой силы». Через распространение языка, культуры и образовательных программ государства укрепляют политическое, экономическое и гуманитарное влияние на африканском континенте.

Русский язык[11]

Первые африканские студенты начали изучать русский язык в СССР в 1920–1930-х гг. в Коммунистическом университете трудящихся Востока. С 1940-х гг. в Советском Союзе была создана научно-методическая система преподавания русского языка как иностранного. Ведущими центрами подготовки иностранных студентов и преподавателей стали Московский государственный университет, Ленинградский государственный университет, Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы и Институт русского языка им. А.С. Пушкина, где разрабатывались учебные программы и методические материалы.

К началу 1970-х гг. русский язык преподавался в странах Северной Африки (Алжире, Египте, Тунисе), а также не менее чем в 13 странах Африки южнее Сахары. Наибольшее распространение он получил в Мали, Сенегале, Республике Конго и Центральноафриканской Республике. Всего в 1972–1973 учебном году русский язык изучали более 7 тыс. человек.

11 С сокращениями по: Африка 2025. Возможности и риски: экспертно-аналитический справочник /А. А. Маслов, В. Ю. Свиридов и др. ; под общ. ред. А. А. Маслова и В. Ю. Свиридова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Центр изучения Африки. М.: Изд. дом ВШЭ, 2025, С. 112–114.

К концу 1980-х гг. русский преподавался уже в 40 странах Африки, включая школьные системы образования 21 государства.

Существенную роль в его продвижении играли МАПРЯЛ, журнал «Русский язык за рубежом», образовательные радиопрограммы и переводы русской и советской литературы на африканские языки.

После 1991 г. сокращение торгово-экономического и культурного сотрудничества России с африканскими странами, а также закрытие многих Российских центров науки и культуры привели к заметному сокращению преподавания русского языка. В 1990-х гг. его изучение было прекращено в национальных системах образования ряда стран, включая Анголу, Бенин, Гвинею, Мозамбик, Уганду, Эфиопию, Чад и Танзанию, а в Алжире и Египте значительно уменьшилось число образовательных учреждений, где преподавался русский язык.

В последующие годы ситуация постепенно начала улучшаться. К 2025 г. русский язык укрепил свои позиции в странах Северной Африки: в Тунисе он преподается в лицеях, институтах и частных школах, в Египте функционируют 11 кафедр и отделений русского языка, а в Алжире русский язык изучается в двух университетах и в системе дополнительного образования.

К 2020 г. русский язык преподавался в государственных школах Республики Конго, Мали, Сенегала и Мадагаскара. Кроме того, отдельные программы действуют в Того, на Маврикии и в Камеруне. В 2017/2018 учебном году русский язык изучали около 14,3 тыс. школьников в 128 школах, что несколько превышает показатели 2004/2005 учебного года. В системе высшего образования русский язык представлен в 15 странах Африки, а наибольшее число студентов-русистов обучается в Нигерии, Судане, Гане и Сенегале. К 2020 г. русский язык изучали около 1,6 тыс. студентов.

Важную роль в сохранении и продвижении русского языка играет дополнительное образование. Курсы русского языка работают при Русских домах Россотрудничества, культурно-образовательных центрах и Центрах открытого образования Министерства просвещения РФ. Государственные Русские дома действуют в Египте, Тунисе, Марокко, Танзании, Замбии, Эфиопии и Республике Конго, а партнерские центры открыты еще в ряде стран Африки. Поддержку русскому языку также оказывают Россотрудничество, фонд «Русский мир», Министерство просвещения РФ, Министерство науки и высшего образования РФ и МАПРЯЛ. Они реализуют образовательные программы, курсы повышения квалификации преподавателей, развивают сеть кабинетов русского языка и систему тестирования по русскому языку как иностранному (ТРКИ), которая рассматривается как один из ключевых инструментов дальнейшего продвижения русского языка на Африканском континенте.

Африканские языки и цифровизация

Более 80% цифрового контента в Интернете представлено на 10 языках – английском, китайском, испанском, арабском, португальском, японском, русском, немецком, французском и малайзийском. Языки Африки сталкиваются с их давлением и конкуренцией в цифровом пространстве. Крупные компании поддерживают и продвигают контент на нескольких десятках африканских языках.

Использование африканских языков в Интернете ограничено социальными факторами. Европейские языки по-прежнему считаются престижными, в то время как большинство языков местных народов воспринимаются как средства неформального общения. Недостаток информационных и научных ресурсов на локальных языках не способствует расширению их использования.

Социальные сети – один из наиболее распространенных каналов присутствия автохтонных африканских языков, где они используются для неформальной коммуникации.

Чаще всего – в устной форме. Распространена модель, когда аудио- или видеоконтент представлен на одном из автохтонных языков, но его письменное описание даётся на английском, французском или португальском. Следствием этого являются, в частности, заниженные оценки представленности африканских языков в Интернете.

Проблема низкого уровня присутствия африканских языков в Интернете, особенно в письменной форме, усугубляется отсутствием онлайн-ресурсов, необходимых для разработки интеллектуальных систем, в том числе на базе искусственного интеллекта, для изучения языка и обработки языкового материала. При этом даже в XXI в. грамматика и орфография не всех автохтонных языков стандартизированы, что усугубляет проблему использования и обработки информации, доступной онлайн.

С увеличением числа пользователей Интернета, которое возросло с 38% в 2014 г. до 63% в 2021 г., значительно увеличилось и количество людей, не владеющих английским языком. При этом уровень проникновения Интернета в Африке остаётся низким и составляет лишь 40% среди взрослого населения, что охватывает примерно 450 млн человек по сравнению с 614 млн в Европе.

В 2024 г. английский язык использовался в качестве основного для публикации контента на 49,5% веб-сайтов в мире. В 2022 г. английский, а также французский, испанский и португальский языки составляли менее трети от всех языков, на которых говорят пользователи Интернета. На африканских языках (суахили, амхарском, оромо, хауса и др.) публиковалось менее 0,1% веб-контента. Тем не менее с 2000 г. количество языков, представленных на сайтах международных компаний, увеличилось более чем в пять раз – с 6 до 34.

Амхарский и сомалийский языки широко используются для доступа к информации в Википедии и создания контента в социальных сетях. Использование языка тигринья онлайн обусловлено наличием автоматического перевода и доступностью языка в поисковых системах. Несмотря на то, что большая часть веб-контента в Эфиопии создается на местных языках, английский язык доминирует в сфере потребления контента.

Например, в Танзании привычным способом общения в социальных сетях является смешанное использование суахили и английского языка. Существует практика перевода контента, изначально представленного на английском языке, на суахили. Дискуссии на политические темы обычно ведутся на суахили и считаются более эффективными для распространения соответствующих взглядов. Суахили – национальный язык и региональная лингва франка, однако его зачастую рассматривают как «неакадемический». Английский рассматривается как язык социальной мобильности.

В 2020 г. египетский диалект арабского языка был доминирующим языком среди африканских языков, доступных в Википедии, включая более 573 тыс. публикаций (следует признать, что это количество в значительной мере искусственно создано автоматическим созданием статей на географические темы). За ним следуют африкаанс и суахили – 91 тыс. и 59 тыс. статей. При этом количество владеющих этими языками составляет 17,5 млн и более 200 млн соответственно.

Крупные технологические компании активно работают над интеграцией африканских языков в собственные приложения и программное обеспечение. В 2023 г. Google предоставляла автоматический перевод на 25 африканских языков, в 2024 г. объявила о добавлении еще 25. Microsoft предоставляет контент на 10 африканских языках, Amazon – на шести: африкаанс, амхарском, арабском, хауса, сомалийском и суахили. Китайская компания Alibaba является лидером по количеству внедрённых языков, сделав доступными 40.

Африканские языки часто рассматриваются как малоресурсные. Большой объем текстовых данных на большинстве африканских языков зачастую отсутствует в свободном доступе, что затрудняет обработку языка с помощью программного обеспечения на базе ИИ для последующей разработки приложений и веб-сайтов на языке. Для разработки эффективных языковых решений необходимо наличие значительного объема текстовых данных и специализированных ресурсов, включая семантические базы данных.

Обработка естественного языка (natural language processing, NLP), включающая распознавание речи, классификацию, обработку и генерацию текста, сталкивается с рядом вызовов в африканском лингвистическом пространстве. Основные проблемы – нехватка цифровых ресурсов, необходимых для обработки языковых данных, ограниченный доступ к исследованиям и языковым корпусам, отсутствие общедоступных стандартов, а также социальные факторы, препятствующие широкому использованию языков местных народов в качестве основных средств коммуникации.

Существует несколько подходов к использованию NLP на материале африканских языков. Один из них – стратегия «межъязыкового переноса», позволяющая адаптировать модели, обученные на ресурсно обеспеченных языках, для работы с малоресурсными. Однако возможность включения языка в этот процесс зависит от наличия монолингвальных данных. Кроме того, поскольку тестовые задачи разработаны на английском языке, данный метод имеет определенные ограничения.

Цифровизация африканских языков осуществляется преимущественно местными и академическими сообществами, включающими африканцев, проживающих как на континенте, так и в диаспоре, а также лингвистов и ученых. Основной вклад в развитие технологий машинного перевода вносят создатели контента (журналисты, копирайтеры, писатели), лингвисты, переводчики и разработчики языковых технологий (инженеры-программисты, специалисты по NLP). Среди потенциальных пользователей моделей NLP для обработки африканских языков – СМИ и государственные ведомства. Люди с низким уровнем дохода и проживающие в регионах с ограниченным доступом к интернету не получают выгоды от распространения использования NLP-моделей на африканских языках.

Контуры будущего

Языковая ситуация в Африке, как и в других регионах мира, развивается. Языки и их роли подвержены постоянным изменениям под воздействием социальных, политических и экономических процессов. Для африканского континента особенно значимыми факторами языковой трансформации остаются колониальное наследие, государственные границы, миграционные процессы, урбанизация и развитие средств массовой коммуникации.

Границы современных государств, унаследованные от колониального периода, редко совпадают с зонами распространения языков, что способствует как разделению языковых сообществ, так и возникновению новых форм языкового взаимодействия.

Например, язык маninка в Мали подвергся сильнейшему влиянию близкородственного бамбара. В соседней Гвинейской Республике, в других политических условиях, этот же самый маninка занял престижную роль лингва франка восточной и юго-восточной частей страны.

Одним из важнейших процессов будущего станет дальнейшее выравнивание диалектных различий и распространение наддиалектных форм – койне. В условиях роста городов, расширения образования и мобильности населения отдельные варианты языков получают более широкое распространение, становясь средствами межэтнического общения. Одновременно возникают новые городские языковые формы, сочетающие элементы

различных языков. Примерами таких явлений стали шенг (sheng) в Танзании и нуши (nouchi) в Кот-д'Ивуаре, которые отражают новые модели языковой идентичности среди молодежи и жителей крупных городов.

При этом, несмотря на высокое языковое разнообразие Африки, общее количество языков постепенно сокращается – этот процесс соответствует глобальной тенденции уменьшения языкового разнообразия. Наиболее уязвимыми оказываются языки малочисленных этнических групп, особенно в тех случаях, когда они имеют ограниченное применение в образовании, средствах массовой информации и официальной коммуникации. Отсутствие письменной традиции, слабая институциональная поддержка и переход молодежи на более распространенные языки могут привести к постепенному сокращению сфер использования таких языков.

Одновременно наблюдается противоположная тенденция: африканские государства все активнее признают необходимость сохранения языкового многообразия. Если в первые десятилетия после получения независимости многие страны ориентировались преимущественно на использование бывших колониальных языков в качестве инструментов государственного строительства, то сегодня все большее значение приобретает развитие национальных языков и их включение в образовательную и административную сферы. Показательными примерами стали Мали и Буркина-Фасо, где в 2024 г. французский язык утратил статус государственного языка в рамках пересмотра языковой политики. Эти изменения отражают более широкую тенденцию к переоценке роли местных языков в национальной идентичности и государственном управлении.

Однако укрепление позиций африканских языков не означает исчезновения глобальных языков. Английский, французский и португальский, вероятнее всего, продолжат расширять число носителей благодаря роли языков международного общения, высшего образования, экономики и цифровой коммуникации. С ростом доли городского и образованного населения их влияние будет неизбежно сохраняться, а в ряде случаев расширяться, особенно в странах, где они уже выполняют функции официальных или рабочих языков.

Одновременно крупнейшие африканские языки также имеют значительный потенциал для расширения влияния в том числе и за пределами континента. Такие языки, как арабский, суахили, хауса, амхарский, йоруба, игбо, фульфульде и бамбара, вероятно, продолжат увеличивать число носителей благодаря демографическому росту населения, развитию региональной торговли и расширению цифровых платформ. В отдельных случаях они могут усиливать свои позиции как языки межэтнического общения и региональной интеграции.

Таким образом, будущее языковой ситуации в Африке связано не с переходом к единой языковой модели, а с сохранением многоязычия в новых формах. Африканские общества будут одновременно использовать глобальные языки для международной коммуникации, крупные региональные языки для межэтнического общения и местные языки для домашнего общения. Главной проблемой ближайших десятилетий станет поиск баланса между экономической эффективностью распространенных языков и необходимостью сохранения языкового наследия континента. Устойчивость языкового разнообразия будет зависеть прежде всего от того, насколько успешно национальные языки смогут войти в системы образования, цифровую среду и официальные сферы коммуникации.

РЕЛИГИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Головко Н.М., Добронравин Н.А.

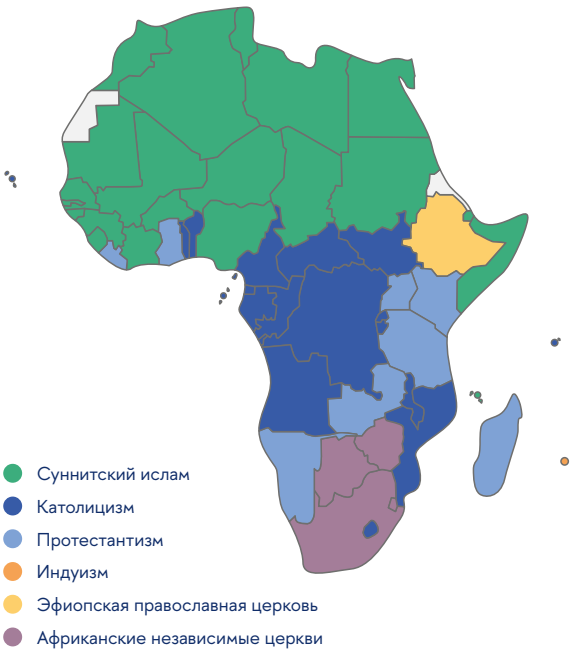
При участии Коновалова Д.А. и Пяткиной П.В.

Религия и религиозные организации

Религиозные организации относятся к числу наиболее устойчивых и влиятельных институтов Африки. Их деятельность нередко выходит далеко за пределы собственно религиозной сферы и пересекает государственные, этнические и языковые границы. Церкви, исламские советы, суфийские тарикаты, религиозные фонды и связанные с ними образовательные и благотворительные структуры участвуют в организации повседневной жизни, владеют землей и недвижимостью, управляют школами и медицинскими учреждениями, аккумулируют пожертвования и другие финансовые ресурсы.

При всем многообразии религиозной жизни континента от Рабата до Кейптауна прослеживаются общие институциональные черты. Религиозные лидеры способны влиять на общественные настроения и электоральное поведение, выступают посредниками между населением и государством, участвуют в урегулировании конфликтов и часто действуют там, где возможности государственных институтов ограничены.

Крупнейшая религиозная деноминация по количеству последователей, 2025 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных The Association of Religious Data Archives и переписей населения.

В странах Африки религиозные организации одновременно выступают работодателями, благотворительными структурами, инвесторами, кредиторами и каналами социальной мобильности.

Масштаб их влияния, однако, трудно точно оценить. Религиозные организации, как правило, не публикуют финансовой отчетности, а их внутренняя структура, источники финансирования, механизмы принятия решений и связи с политическими и деловыми элитами остаются слабоизученными. Основная часть доступной информации исходит от самих религиозных объединений, связанных с ними структур, либо от их оппонентов, политических и конфессиональных. Поэтому количественная оценка их ресурсов и реального общественно-политического влияния требует особенно осторожной работы с источниками. Тем не менее понимание роли религиозных организаций необходимо для анализа устойчивости африканских политических систем, общественных конфликтов и внешних связей государств континента. Оно имеет и прикладное значение: без учета религиозных сетей во многих странах невозможно достоверно оценить структуру местных элит, механизмы общественной мобилизации, потребительское поведение или условия реализации маркетинговых стратегий.

При этом значение имеют не только крупнейшие транснациональные структуры, располагающие миллионными аудиториями, собственными университетами, больницами и международными финансовыми потоками. Религиозная жизнь Африки наполнена также и множеством локальных институтов – приходов, мечетей, завий, религиозных школ, благотворительных фондов и общин, влияние которых может ограничиваться городским районом, кварталом или несколькими улицами.

Устойчивость религиозных институтов в Африке

Большинство африканских государств – светские республики. Ислам закреплен как государственная религия в ряде стран Северной Африки (Египет, Ливия, Алжир, Марокко, Мавритания), а также в Сомали, Джибути и на Коморах. В Марокко король – одновременно и глава мусульман, ему приносят клятву верности (бай'а) военные и гражданские чиновники и руководители партий; девиз страны – **«Аллах. Родина. Король»**.

Христианство имеет статус государственной религии только в Замбии, согласно действующей конституции. Бывший президент **Фредерик Чилуба** (1991–2002) объявил страну «христианской нацией» в 1991 г. Остальные государственные системы Африки – формально светские, однако церкви, суфийские тарикаты и религиозные благотворительные фонды остаются одними из наиболее устойчивых общественных институтов.

Несмотря на формальный секуляризм, христианство, ислам и традиционные африканские религии (в некоторых странах – официально признанные и учитываемые в переписях населения как анимизм и водун), а также локальное почитание предков, духов, священных мест приверженцами мировых религий и по сей день – важнейшие элементы социальной организации большинства стран Африки.

По данным ганского мониторингового центра Afrobarometer по 39 африканским странам за период с конца 2021 по середину 2023 гг., 66% респондентов заявили, что доверяют религиозным лидерам; для сравнения, президентам доверяли 46%, полиции – 46%, судам – 47%, парламентам – 37%. В отдельных странах этот показатель особенно высок: в Танзании религиозным лидерам доверяют 94%, в Сенегале – 92%, в Нигере и Эфиопии – по 90%[1]. В свою очередь и политические лидеры стран демонстрируют религиозность, атеистов среди них нет; для многих религия – важная часть жизни и становления; общины влияют на их мировоззрение, круг общения.

От других частей света Африка отличается также сохранением высокой религиозности среди молодых поколений.

К примеру, по данным международного исследования молодежи 2023 г., 93% опрошенных кенийцев в возрасте 18–29 лет заявили о вере в Бога – против 61% в Италии и 54% в Испании[2]. Религиозные общины остаются для молодежи и важной социальной средой: через них формируются круги общения, благотворительные и образовательные инициативы, молодежные движения и сети взаимопомощи. Одновременно именно молодежная среда может становиться объектом конкуренции между традиционными религиозными институтами, новыми харизматическими церквями, салафитскими движениями и, в отдельных конфликтных регионах, радикальными организациями.

Для многих африканских обществ характерна и развитая практика межрелигиозного взаимодействия.

1 Afrobarometer. Across Africa, public trust in key institutions and leaders is weakening. URL: https://www.afrobarometer.org/publication/ad891-across-africa-public-trust-in-key-institutions-and-leaders-is-weakening/

2 Gaitano, N. G., Díaz-Dorronsoro, J. M., Olukuru, J., & Cortes, R. Z. (2025). An international survey about young people, faith and religion: framework of the research and overall results. Church, Communication and Culture, 10(3), 268–308. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23753234.2025.2584662

Религии глав государств Африки 2026 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых источников.

Церковные и мусульманские лидеры участвуют в межконфессиональных советах, совместных общественных инициативах и посредничестве при локальных конфликтах. В условиях политической или межобщинной напряженности религиозные институты могут как способствовать мобилизации сторон, так и, напротив, выступать каналом переговоров и деэскалации.

Религиозные организации во многих странах обеспечивают населению доступ к базовым общественным услугам, таким как здравоохранение и образование. Так, на 2024 г. в Малави **Christian Health Association of Malawi** обеспечивала около 37% объема медицинских услуг через 194 учреждения[3], а в Замбии учреждения-члены **Churches Health Association of Zambia** предоставляют

3 Christian Health Association of Malawi. Who We Are. URL: https://cham.org.mw/whoWeAre

примерно 35% медицинской помощи в стране и более половины формализованного медицинского обслуживания в сельской местности[4]. В ДР Конго христианские школы составляют 64% совокупного числа начальных и средних школ, в Руанде – 61%[5]. Подобная роль религиозных организаций отчасти обусловлена и колониальным наследием, так как распространение влияния религиозных организаций в Африке исторически опиралось на их способность организовать обучение и лечение населения.

Религиозные организации в Африке выступают и как значимые экономические акторы. Они владеют землей и недвижимостью, управляют школами, больницами, благотворительными фондами, кооперативами и сетями взаимопомощи, аккумулируют пожертвования, десятину, закят и иные регулярные взносы верующих. Вокруг религиозных центров формируются устойчивые рынки услуг – от образования и здравоохранения до транспорта, торговли, питания и временного жилья.

Религиозная экономика Африки включает широкую инфраструктуру повседневной жизни: церковные и исламские фонды, кассы взаимопомощи, паломничества, взносы на благотворительность и неформальные механизмы перераспределения ресурсов внутри общин.

Исламские организации в политике и экономике стран Африки

Основные течения ислама (суннизм, шиизм, ибадизм) и богословско-правовые школы (мазхабы[6]) на протяжении столетий влияли на культуру народов Африки. История континента и история ислама были тесно переплетены уже с первых десятилетий существования мусульманской общины.

Ислам пришел в Африку еще во время первой хиджры (до ухода мусульман из Мекки в Медину), когда часть последователей пророка Мухаммада переселилась через Красное море в христианское Аксумское царство (современная Эфиопия/Эритрея) – в этой связи появился хадис «оставьте абиссинцев (эфиопов), пока они оставляют/не трогают вас»[7]. В Северной Африке ислам закрепился через арабские завоевания VII в. и постепенное включение Египта и Магриба в политическое и культурное пространство халифата. Процесс распространения ислама к югу от Сахары до XIX в. носил преимущественно мирный характер и был связан главным образом с торговлей: в Западной Африке – по транссахарским маршрутам между Магрибом и Сахелем, в Восточной – через индоокеанские торговые сети, связывавшие Аравию, Персию и Индию с суахилийским побережьем. Вместе с религией распространялись и практики мусульманской учености, коранические школы, нормы мусульманского права, а вместе с ними и письменная культура – изначально преимущественно на арабском, а затем и на местных языках, тексты на которых записывались в арабской графике (аджами). Так, на суахили, хауса, фула, волоф и других языках исламизированных регионов Африки еще в доколониальный период сложилось богатое письменное наследие.

К приходу европейцев ислам во многих регионах Африки сформировал устойчивую систему связей торговых городов, центров образования и суфийских тарикатов.

Европейская колонизация подчинила мусульманские общества новым административным режимам и ограничила прежнюю автономию религиозных лидеров. В ответ часть лидеров выбирала сопротивление, часть уходила с подконтрольных европейцам территорий или приспосабливалась к новой власти; со временем суфийские братства

4 Churches Health Association of Zambia. About CHAZ. URL: https://www.chaz.org.zm/index.php/about-chaz/

5 Scheunpflug, Annette, et al. Relationships between Christian Schools and the State: A Comparative Analysis for Five sub-Saharan African Countries. URL: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/d4a9ec91-2516-5ac3-afcc-f4864b3b51b7/content

6 Ибадиты Северной Африки в наши дни также считают себя одним из мазхабов.

7 Sunan Abi Dawud. Kitab al-Malahim. Hadith 4302. URL: https://sunnah.com/abudawud:4302

и мусульманские ученые стали встраиваться в колониальные, а затем и постколониальные политические системы как посредники между государством и мусульманскими общинами.

В современной Африке ислам остается одной из двух крупнейших религиозных традиций континента. На середину 2020-х гг. численность мусульман в Африке можно оценить в 680–700 млн человек – около трети мирового мусульманского населения и порядка 44–45% населения континента. Наиболее высокая доля мусульман в населении сохраняется в Северной Африке, Сахеле и на Африканском Роге.

С богословской точки зрения подавляющее большинство мусульман Африки, как и мусульман мира в целом, относятся к суннитской традиции, однако в повседневной религиозной идентичности и публичном позиционировании организаций это обозначение далеко не всегда используется и может восприниматься как само собой разумеющееся.

В современной африканской политике и экономике такие особенности течений ислама, как, например, суннитские представления о четырех «праведных халифах», отвергаемые шиитами, не играют существенной роли. В регионе широко распространена общемусульманская идентичность.

С исламом в целом, а не с отдельными течениями и мазхабами, связываются и цели жизни большинства мусульман, и их политическая позиция, например, по отношению к Израилю.

При этом принадлежность организации к определенной богословской традиции не означает, что именно эта принадлежность составляет основу ее публичной идентичности: салафитские движения, суфийские тарикаты или исламистские объединения (например, **Братья-мусульмане**[8]) могут состоять преимущественно из суннитов, но позиционировать себя прежде всего через собственную религиозно-реформистскую, политическую или организационную традицию. Лишь немногие исламские организации в странах Африки позиционируют себя как шиитские, еще реже – суннитские.

Ключевую роль в практической деятельности исламских организаций играют особенности национальной политической системы.

Жизнь мусульман напрямую зависит от того, кто управляет мечетями и школами, кто контролирует паломничество (хадж, умра), пятничную хутбу[9] и обязательные пожертвования (закят).

Среди практически значимых вопросов можно, например, выделить определение начала Рамадана, которое имеет особое значение для мусульман. Наблюдение за луной и принятие решения о начале Рамадана в тех странах, где ислам – государственная религия, принимается не отдельными имамами, а ведомством, которое наделено таким правом. В Алжире такое решение выносит **Министерство по делам религии и вакфов**. В других странах это право принадлежит общенациональным объединениям, таким как **Ассоциация малагасийских мусульман** (Fikambanan'ny Silamo Malagasy, FSM) или **Высший совет мусульман Танзании** (Baraza Kuu la Waislamu Tanzania, BAKWATA). Подобные объединения пользуются поддержкой со стороны государств и де-факто признаются как «официальные» представители ислама, но, как правило, де-юре не подчиняются какому-либо министерству.

В то же время вопрос о начале Рамадана нередко становился предметом конфликта между условно официальными мусульманскими институтами и альтернативными исламскими движениями.

8 Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

9 Хутба – религиозная проповедь или речь, которую имам читает в мечети во время пятничной молитвы и в дни мусульманских праздников.

Показателен в этом отношении пример Танзании, где с конца 1990-х гг. вопрос о наблюдении за луной и определении дат религиозных праздников регулярно становился частью более широкой полемики о государственном контроле над исламом. В то время как поддерживаемые государством структуры настаивали на ориентации на местное наблюдение за луной, представители альтернативных исламских организаций, как правило салафитского толка (**Ансар ас-Сунна**, букв. сподвижники Сунны), выступали за следование «универсальному» саудовскому или мекканскому времени, связывая это с особым религиозным статусом Саудовской Аравии и Мекки.

Подобные советы и ассоциации организуют также и предоставление базовых общественных услуг населению. В Уганде, к примеру, **Высший совет мусульман Уганды** (Uganda Muslim Supreme Council, UMSC, координирует мусульманские организации в стране и взаимодействие их с государством) управляет 1114 начальными школами, 130 средними школами, пятью университетами, 61 медицинским учреждением и четырьмя радиостанциями[10].

В большинстве стран Африки деятельность религиозных организаций находится под контролем министерств по делам религий, министерств внутренних дел и других силовых структур. В некоторых странах Африки при этом ислам воспринимается властями как питательная среда для экстремизма и терроризма, что накладывает отпечаток на восприятие любых исламских организаций.

Враждебное отношение к исламу, например, в Анголе (закрытие мечетей, отказ в официальной регистрации мусульманским объединениям[11]), вероятно, связано именно с внешним медийным фоном; в этой стране нет активно действующих джихадистских организаций, а мусульманская община в стране не превышает 1% населения. В странах Сахеля и на севере Мозамбика деятельность вооруженных джихадистских организаций приводит к усилению контроля за исламскими благотворительными, образовательными и проповедническими структурами со стороны государственных органов.

Джихадистские, террористические и экстремистские группировки Африки широко известны за пределами континента. Многие из них присягают на верность международным террористическим сетям, прежде всего **«аль-Каиде»**[12] и **«Исламскому государству»**[13], а некоторые используют и их «бренды»: так, часть «Союзных демократических сил» (Allied Democratic Forces, ADF) в ДР Конго и Уганде с 2020 г. стала называться **Центральноафриканским вилайетом ИГ**. Данные движения, как правило, отвергают саму идею светского государства и выступают за ликвидацию правящих постколониальных режимов, опираясь на лозунги «джихада на пути Аллаха».

Очаги активности джихадистских группировок в Африке, 2025 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ACLED.

10 Uganda Muslim Supreme Council. UMSC Strategic Plan 2023–2033. URL: https://umsc.or.ug/wp-content/uploads/2026/04/UMSC-Strategic-plan-2023-2033-2.pdf

11 В 2013 г. Минюст Анголы отклонил заявки на регистрацию 194 религиозных организаций. В 2018–2019 гг. в ходе полицейской операции «Операция спасения» (Operação Resgate) было закрыто 46 мечетей. По состоянию на 2025 г. в Анголе не было официально зарегистрированных мусульманских организаций

12 Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

13 Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

В большинстве случаев подобные организации находятся под санкциями ООН, Европейского союза и отдельных государств, включая Российскую Федерацию.

На территории, контролируемой властями, джихадисты действуют подпольно, но нередко используют исламские организации, признанные властями и действующие в таких сферах, как благотворительность. Так, к примеру, в Восточной Африке зарегистрированные организации, такие как филиал саудовского фонда **аль-Харамейн**[14] (al-Haramain Foundation[15], под санкциями СБ ООН с 2004 г. из-за связей с международными террористическими сетями), кенийский **Мусульманский молодежный центр** (Muslim Youth Centre)[16] и танзанийский **Мусульманский молодежный центр Ансар** (Ansaar Muslim Youth Centre)[17] фигурировали в материалах ООН в 2000–2010-х гг. как структуры, через которые велись сбор средств и вербовка для сомалийского движения **«аш-Шабаб»**[18] и связанных с **«аль-Каидой»**[19] международных террористических сетей. Границы между радикальными и умеренными исламскими организациями могут зависеть от политической ситуации и от позиции конкретных исламских лидеров (шейхов, имамов).

Многие признанные государством «умеренные» исламские организации связаны с тарикатами – суфийскими братствами.

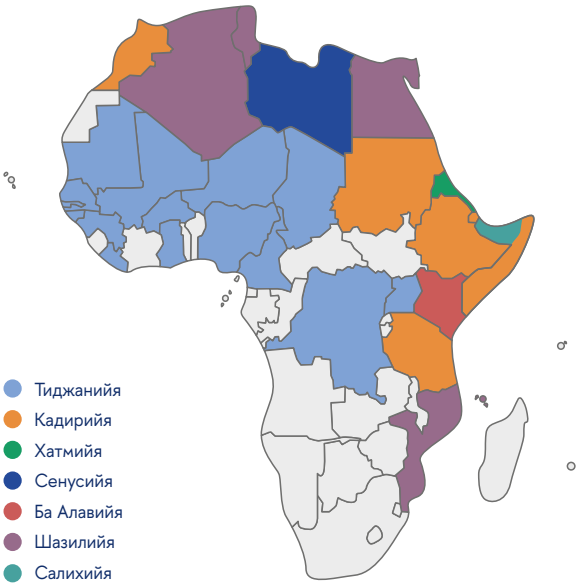
Обычно тарикаты не выдвигают собственных политических программ, но поддерживают «своих» кандидатов на президентских и парламентских выборах.

Влияние тарикатов на политику ограничивает внутренняя конкуренция между шейхами, которая может привести к расколу связанных с тарикатами партии, как это уже произошло с партией Умма и юнионистами в Судане. На выборах 2024 г. в Сенегале Муридийя не поддержала одного кандидата.

Кроме того, крупнейший тарикат по числу последователей не всегда становится самым влиятельным в политической системе. Так, мурид составляют лишь 30% мусульманского населения Сенегала, тогда как их влияние на политику значительно превышает влияние более многочисленной Тиджанийи.

Позиции тарикатов оспариваются африканскими салафитами.

Крупнейшие тарикаты по странам Африки

Данные носят приблизительный характер. Тарикаты не представляют собой централизованной структуры и функционируют через многочисленные национальные и региональные ответвления.

Источник: Центр изучения Африки на основе открытых источников.

14 Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.
15 United Nations Security Council. Al-Haramayn Foundation (Kenya). URL: https://main.un.org/securitycouncil/en/sanctions/1267/aq_sanctions_list/summaries/entity/al-haramayn-foundation-%28kenya%29
16 Reuters. EXCLUSIVE-Kenyan Muslim networks fund al Shabaab-UN report. URL: https://news.trust.org/item/20110728115100-spr7a/
17 United Nations Security Council. Somalia report of the Monitoring Group on Somalia and Eritrea submitted in accordance with resolution 2002 (2011). URL: https://docs.un.org/en/S/2012/544
18 Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.
19 Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

Вероятно, самое заметное исключение из этого правила – Сенегал. В этой стране в переписях населения учитывается не только религия, но и принадлежность к основным тарикатам. Самый влиятельный тарикат, **Муридийя** (мориды) во главе с халифами из семьи **Мбаке**, в последние десятилетия доминировал в сенегальской политике. Президент **Абдулай Вад** (2000–2012) назвал себя «первым президентом-талибе» (учеником, приверженцем муридов). Важную роль в экономике страны играют особое отношение муридов к труду, а также их международная активность и прозелитизм за пределами континента. Политическая деятельность муридов вызвала реакцию со стороны других тарикатов прежде всего братства **Тиджанийя** во главе с семьей **Ньяс**, влиятельной в Западной и Центральной Африке, а также в некоторых регионах Судана. Приверженцы этого тариката также стали создавать собственные политические партии, такие как **Фронт патриотических альянсов** (Front des alliances patriotiques, FAP). Еще один яркий пример влияния тарикатов на политику – Республика Судан, где братство Тиджанийя традиционно связано с левыми силами, включая коммунистов. На тарикат **Хатмийя** опираются суданские юнионисты; ансары (духовные наследники махдистов) стали опорой партии **Умма**. Однако, в отличие от Сенегала, суданские тарикаты не поддерживают «свои/дружественные» партии публично.

Сторонники этого течения, которых в СМИ и политической риторике нередко называют **«ваххабитами»**, хотя такое обозначение не всегда корректно и обычно не используется ими как самоназвание, позиционируют себя как приверженцев ислама **«праведных предков»** (ас-салаф ас-салих), очищенного от нововведений (бид'а) и остатков локальной доисламской традиции – к которым суфизм, как правило, более терпим. Часть салафитов встала на путь радикализации, но большинство смогли наладить связи с государством. Одно из самых влиятельных салафитских объединений – нигерийская **«Джама'ат Изалат аль-Бид'а ва-Икамат ас-Сунна»** или, коротко, «Изала» (общество борьбы за отмену нововведений и восстановление Сунны). При поддержке фондов и университетов Саудовской Аравии **«Изала»** заняла лидирующие позиции в таких сферах, как перевод Корана на нигерийские языки. Кроме того, по данным самой организации, под ее контролем находились более 5 тыс. школ (источники, связанные с самой организацией, указывают цифру в 4,6 млн учащихся[20] по всей Нигерии на 2020 г., однако независимое подтверждение подобных данных затруднено)[21]. Как и тарикаты, салафитские объединения тяготеют к «семейному» руководству. Например, такую роль в «Изале» играет семья **Гуми**.

И тарикаты, и салафитские исламские организации пользуются внешней поддержкой, особенно в сфере благотворительности. И те, и другие давно и широко используют помощь многомиллионной африканской диаспоры за пределами континента прежде всего в Европе, Северной Америке и странах Залива. Под контролем государств Залива были созданы фонды и связанные с ними международные организации, оказывающие влияние на деятельность исламских организаций и мусульманских общин в странах Африки. Масштабы соответствующих финансовых потоков могут составлять десятки миллионов долларов в год только в отдельных странах: например, саудовский **Центр гуманитарной помощи короля Салмана** (KSRelief) в 2024 г. реализовывал проекты в Судане общей стоимостью около 190 млн долл., а в Сомали – ок. 255 млн долл. В некоторых случаях их деятельность способствует укреплению салафитских организаций, хотя это прямо не декларируется.

Помимо салафитских и суфийских (или связанных с тарикатами) исламских организаций, в странах Африки, как правило, в бывших британских владениях, заметную роль играют ассоциации, связанные с движением ахмадийя.

20 Brief History and Fact of Jama'atu Izalatul Bid'a. URL: https://aliyuflavor001.blogspot.com/2020/07/brief-history-and-fact-of-jamaatu.html
21 Leadership News. JIBWIS Set To Establish Private Varsity In Bauchi. URL: https://leadership.ng/jibwis-set-to-establish-private-varsity-in-bauchi/

Это движение (Мусульманский джамаат ахмадийя, AMJ) зародилось в Британской Индии в конце XIX в. и получило затем распространение в Гане, Гамбии, Нигерии, Кении, Танзании, Уганде, а также в ДР Конго и Камеруне. Его успех был связан не только с хорошо организованной миссионерской работой, но и с открытием школ, медицинских и издательских структур. Ахмадийские школы сочетают исламское образование с преподаванием английского языка и светских дисциплин, предоставляют мусульманским семьям альтернативу христианским миссионерским школам. При этом движение достаточно быстро стало опираться на местных африканских проповедников, учителей и руководителей общин, а не только на миссионеров из Южной Азии.

Формально практически все последователи движения входят в глобальный халифат с центром в Великобритании. В африканских странах сторонники движения позиционируют себя как мусульмане (Ahmadi Muslims). Такая позиция контрастирует с практикой, сложившейся в Пакистане, где ахмадийя не рассматривается как часть мирового ислама и запрещена законом. В последние годы под влиянием пакистанских богословов противники ахмадийя требуют признать их неисламским движением и запретить в таких странах, как Гамбия и Гана.

Приверженцы движения ахмадийя активны в сфере благотворительности, реализуют ряд программ по развитию образования и здравоохранения, открытые для студентов и пациентов, принадлежащих к любым религиозным традициям. В 1970 г. движением ахмадийя был сформирован **Nusrat Jehan Reserve Fund** для финансирования школ и медицинских учреждений прежде всего в Западной Африке: к 1978 г., по данным самой общины, объем пожертвований достиг примерно 384–480 тыс. долл. В дальнейшем эта инфраструктура существенно расширилась: в 2025 г. 41 клиника в 14 африканских странах оказали помощь более 500 тыс. пациентов, около 700 школ работали в 13 странах.

Одним из крупнейших специализированных проектов ахмадийя стал **Masroor Eye Institute** в Уагадугу (Буркина-Фасо), строительство которого было начато в 2017 г. по инициативе халифа ахмадийе Мирзы Масрура Ахмада – на данную инициативу британским отделением ахмадийе Majlis Ansarullah UK было выделено ок. 1 млн фунтов стерлингов (ок. 1,3 млн долл.)[22].

В 1995 г. джамаатом была создана благотворительная организация **Humanity First**, международная структура которой зарегистрирована в Великобритании и занимается гуманитарной помощью, здравоохранением, образованием, водоснабжением и другими проектами. По состоянию на середину 2020-х гг. ее образовательная сеть в странах Африки включала 37 школ с более чем 6,6 тыс. учащихся. В 2024 г. доход британского операционного подразделения **Humanity First UK** составил около 3,5 млн долл. (практически полностью из пожертвований), расходы – около 2,6 млн долл., в т.ч. около 2,4 млн долл. на благотворительную деятельность. Относительно небольшие публично заявленные бюджеты ахмадийских благотворительных структур не вполне отражают масштабы их деятельности. Социальная инфраструктура движения финансируется через несколько организационных каналов, местные общины и национальные подразделения, а значительная часть ресурсов предоставляется в форме недвижимости, волонтерского труда и иных неденежных вкладов. В результате денежные расходы центральных фондов могут быть значительно меньше бюджетов сети учреждений.

Африканские исламские организации, публично декларирующие свою приверженность шиизму, активизировались после исламской революции 1979 г. в Иране.

22 Majlis Ansarullah UK. Masroor Eye Institute // Ansaruddin. September–October 2020. URL: https://ansaruddin.org.uk/wp-content/uploads/2021/02/Sep-Oct-20_Eng_V2c.pdf

Среди политически заметных организаций – **Исламское движение в Нигерии** (Islamic Movement in Nigeria, IMN, численность которого, по разным оценкам, составляет от двух до четырех миллионов человек); движение неоднократно подвергалось репрессиям со стороны властей. Шиитская **Мусульманская миссия имени Биляля**[23] (Bilal Muslim Mission) действует прежде всего в Кении и Танзании. Организация формировалась вокруг шиитов-двунадесятников ходжа (индийского происхождения), танзанийское отделение организации было основано в 1964 г., кенийское – в 1971 г. Миссия занимается религиозным обучением, распространением литературы, социальной работой, проектами водоснабжения и улучшения санитарных условий в районах, сталкивающихся с засухами и нехваткой базовой инфраструктуры. После иранской революции Организация исламской пропаганды Ирана установила тесные связи с миссией.

В основном в сфере благотворительности действуют организации исмаилитов, влиятельных в Восточной Африке. Исмаилитское сообщество представлено преимущественно в замкнутой индийской общине, обычно закрытой для большинства африканцев (включая мечети). Наиболее заметная структура – **Aga Khan Development Network** (AKDN), принадлежащая фонду **Ага-Хана**, имама исмаилитов-низаритов[24]. Головная организация зарегистрирована и базируется в Швейцарии.

В 2026 г. бюджет AKDN на некоммерческие проекты развития во всем мире составлял более 1,3 млрд долл. Масштабы ее африканских операций исчисляются сотнями миллионов долларов: только коммерческие предприятия AKDN в Кении генерируют свыше 940 млн долл. выручки в год, а стоимость, к примеру, созданной при участии **Aga Khan Fund for Economic Development** (AKFED) ГЭС Буджагали в Уганде – около 900 млн долл.

В отличие от многих исламских благотворительных организаций, связанных с фондами стран Залива, для проектов AKDN и исмаилитов в целом не характерен прямой прозелитизм, однако они позволяют исмаилитским структурам присутствовать в Африке через проекты развития в менее конфликтной для светских государств форме.

AKDN обычно позиционируется как институт развития, не ограниченный рамками религиозной общины (non-denominational): организация официально ставит своей целью «улучшать качество жизни людей независимо от их происхождения, вероисповедания или пола» и действует в 8 африканских странах: Кении, Мадагаскаре, Мозамбике, Руанде, Танзании, Уганде, Кот-д'Ивуаре и Египте. AKDN включает ряд специализированных структур, работающих в сферах здравоохранения, образования, подготовки кадров, жилищной и городской инфраструктуры, культуры и сохранения исторического наследия, микрофинансирования, сельского развития, гуманитарной помощи. Программы сети финансируются за счет частных пожертвований, религиозных взносов, включая закят, прибыли **AKFED**, отвечающего за предпринимательскую деятельность, а также грантов, партнерств с государствами, международными организациями, частным сектором и благотворительными фондами.

Наиболее заметное присутствие сети Ага-Хана на континенте связано с Восточной Африкой.

Первые образовательные структуры, связанные с Ага-Ханом, появились на Занзибаре еще в 1905 г., а первая больница на территории колониальной Танганьики – в 1929 г.

23 Название организации отсылает к Билялю ибн Рабаху – сподвижнику пророка Мухаммада, освобожденному эфиопскому рабу, традиционно считающемуся первым муэдзином в исламе.

24 Ага-Хан – титул духовного лидера (имама) исмаилитов-низаритов, одной из сект внутри шиитского ислама. Исмаилитское сообщество в странах восточной Африки представлено преимущественно лицами индийского происхождения. Ага-Хан V, Шах Рахим аль-Хусейни (с февраля 2025 г.), – гражданин Швейцарии.

Транснациональный ислам в Африке

Во второй половине XX в. в исламском мире возникли ключевые транснациональные институты, сформировавшие инфраструктуру для взаимодействия мусульманских общин по всему миру, в т.ч. и в Африке. Одной из первых организаций стала Всемирная мусульманская лига (1962), выступавшая инструментом «мягкой силы» Саудовской Аравии и действовавшая через строительство мечетей, медресе и поддержку исламских ассоциаций. Существенное влияние оказали и исламские НПО: Всемирная ассамблея мусульманской молодёжи, Африканское мусульманское агентство (1981, Кувейт), а также поддерживаемая Ливией Международная организация исламского призыва. С 2004 г. важную роль стала играть Международная ассоциация мусульманских учёных (IUMS) во главе с Юсуфом аль-Кардави. В результате к концу XX в. африканские мусульмане получили доступ к широкой глобальной сети – от образовательных возможностей (университет Медины в Саудовской Аравии, аль-Азхар в Египте, университет Омдурмана в Судане, образовательные учреждения Кувейта, Катара, Индонезии, Ирана, Пакистана и т.д.) до зарубежной литературы, благотворительных проектов и новых форм религиозной мобилизации.

Главным каналом влияния этих сетей стала подготовка новых религиозных кадров. Через стипендии, учебу за рубежом, книги, конференции и поддержку местных ассоциаций внешние исламские организации меняли, помимо прочего, и круг авторитетов, к которым обращались молодые имамы, проповедники и активисты. Трактовки ислама, с которыми африканские студенты сталкивались в странах обучения, зачастую противоречили устоявшейся традиции их родной страны. Кроме того, саудовские, кувейтские, катарские и прочие сети поддерживали школы, мечети, выдавали стипендии, поддерживали издание специализированной литературы, в результате чего в ряде стран усиливались салафитские, антисуфийские и реформаторские течения.

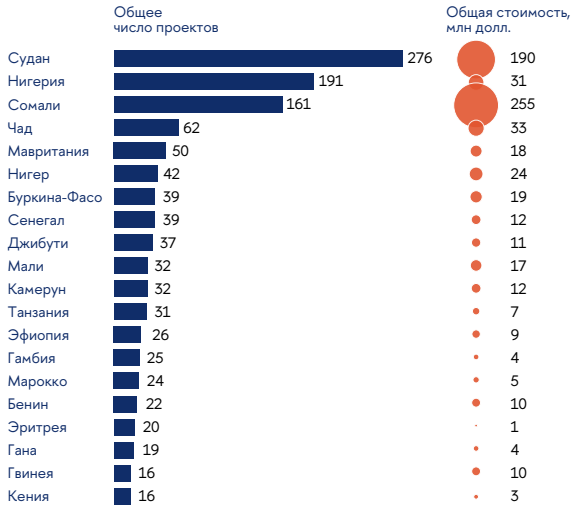
К примеру, на Занзибаре после революции 1964 г. значительная часть старых улемов была изгнана или утратила прежние позиции, а традиционная система исламского обучения оказалась подорвана антирелигиозной политикой революционного правительства. После отхода от этой линии в конце 1970-х гг. новые религиозные кадры стали готовиться за рубежом, прежде всего в Саудовской Аравии и странах Персидского залива. Вернувшиеся выпускники часто приносили с собой более строгие, не характерные в целом для Африки, интерпретации религии. Многие лидеры реформистских и политических исламских движений конца XX – начала XXI вв. получили образование именно в таких центрах. На архипелаге за частью этих реформаторов в общественном дискурсе закрепилось ироничное[25] название **watu wa bidaa – «люди нововведения»**.

Помимо теологической составляющей, внешнее исламское влияние также связано и с крупными проектами развития и гуманитарной помощи. **Организация исламского сотрудничества** (ОИС) объединяет 57 государств, из них 27 находятся в Африке. **Исламский банк развития** учрежден в 1973 г. при ОИС, в 2024 г. объем одобренного финансирования группы банка составил 13 млрд долл.; на Африку южнее Сахары пришлось 22,5% этой суммы, или ок. 3 млрд долл.[26] Среди крупных благотворительных структур, активных в Африке, также выделяются Islamic Relief Worldwide (Великобритания), Direct Aid (Кувейт), Qatar Charity (Катар) и Центр гуманитарной помощи короля Салмана (KSRelief, Саудовская Аравия).

25 Ирония заключалась в том, что данные реформисты, с точки зрения большинства мусульманского населения Занзибара, клеймили «инновацией» большинство тех элементов, которые глубоко укоренились в локальной исламской практике, сами становясь, таким образом, «инноваторами».

26 Islamic Development Bank. 2024 Annual Report: Chapter 1, IsDB Group Activities. URL: https://2024.ar.isdb.org/wp-content/uploads/2025/05/IsDB_AR24_Chapter1_EN_web.pdf

Страны Африки с наибольшим числом проектов, реализованных KSRelief, 2026 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных KSRelief.

На 2026 г. в Танзании медицинская сеть включает две больницы – в Дар-эс-Саламе и Мванзе – и 26 медицинских центров в 14 регионах страны. В Кении медицинская сеть Ага-Хана включает три больницы – в Найроби, Кисуму и Момбасе, медицинский центр в Кисии и сеть амбулаторных медицинских центров. В образовательной сфере особое значение имеет университет Ага-Хана, основанный в Пакистане в 1983 г. и расширивший деятельность на Восточную Африку в 2000 г. В феврале 2026 г. Университет Ага-Хана выпустил 375 специалистов в Уганде, Танзании и Кении по направлениям медицины, сестринского дела, образования и медиа[27].

Сеть Ага-Хана встроена в западную донорскую среду. В 2014 г. Фонд Ага-Хана США и USAID запустили в Кении четырехлетнюю программу **Yetu Initiative** стоимостью 6 млн долл., направленную на поддержку местных организаций гражданского общества. В 2020 г. Европейский союз и AKDN запустили программу реагирования на последствия COVID-19 в Восточной Африке, охватившую Кению, Танзанию, Уганду и Мозамбик. В 2026 г. Фонд Ага-Хана и Франция объявили о четырехлетней программе стоимостью ок. 7 млн долл. по борьбе с гендерным насилием в Мозамбике.

Исламская экономика в Африке

Наиболее широко известные элементы религиозной экономики в целом – исламские финансы и исламское предпринимательство. Африка сыграла заметную роль в развитии исламских финансов. Именно на континенте появились первый в мире исламский банк – **Мит Гамр** в Египте – и страховая компания **Islamic Insurance Company** в Судане. В 1970–1990-е гг. континент стал своеобразной лабораторией для исламских финансовых институтов, однако в XXI в. Африка уже занимает далеко не лидирующие позиции в этой сфере[28].

Несмотря на значительное мусульманское население и интерес к альтернативным финансовым инструментам, потенциал Африки в секторе исламских финансов реализован лишь частично.

Исключением долгое время оставался Судан, где финансовая система была формально приведена в соответствие с исламским правом в период правления **Омара аль-Башира** (1993–2019) и партии **Национальный конгресс**, связанной с братьями-мусульманами[29].

Доля Африки южнее Сахары в мировой исламской финансовой системе на 2025 г. остается незначительной и составляет 0,7%, совокупные активы – 14,3 млрд долл. Северная Африка учитывается в статистике, как правило, внутри более широкой категории «Ближний Восток и Северная Африка[30]

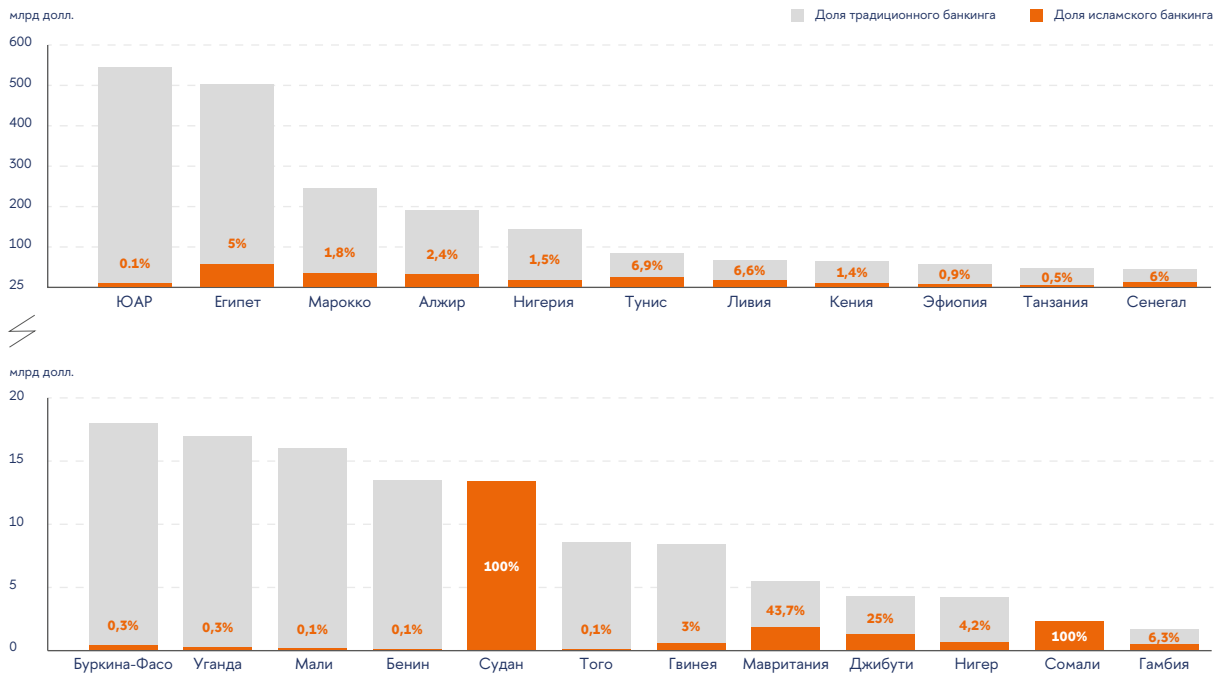
27 Aga Khan Development Network. Aga Khan University honours graduates across East Africa in landmark convocation season. URL: https://the.akdn/en/resources-media/whats-new/news-release/aga-khan-university-honours-graduates-across-east-africa-in-landmark-convocation-season

28 Беккин, Р. И. Исламская экономическая модель и современность. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательский дом Марджани, 2010. 352 с.

29 Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

30 Среди стран континента данная категория включает Алжир, Египет, Марокко, Тунис и Ливию, ни в одной из них доля исламского банкинга в общем объеме банковских активов не превышает 7%.

Доля исламского банкинга в совокупных банковских активах по странам, 2025 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Islamic Financial Services Board и финансовой отчетности банков.

без учета членов Совета сотрудничества государств Персидского залива» с долей в 16,4%. Основной вклад в эту категорию дают крупные ближневосточные рынки, особенно Иран, а в самой Северной Африке исламские финансовые институты развиты относительно слабо.

С учетом Северной Африки, по расчетам Центра изучения Африки, общая доля континента на глобальном рынке исламских финансов находится приблизительно на уровне 1,6–1,7%. При этом Африка южнее Сахары на 2025 г. демонстрирует самый высокий среди регионов мира совокупный среднегодовой темп роста исламского банкинга за последние пять лет – 25%[31].

Даже государства с небольшой долей мусульманского населения в последние годы стремятся использовать и регулировать исламские финансовые инструменты.

Это связано с диверсификацией внешних экономических связей, привлечением инвестиций и программ помощи из стран Персидского залива, развитием малого и среднего бизнеса, выпуском сукука и поиском дополнительных источников финансирования развития инфраструктуры. В странах с мусульманским большинством исламские финансы также могут способствовать легализации части теневой экономики, поскольку некоторые предприниматели и домохозяйства предпочитают пользоваться инструментами, соответствующими их религиозным представлениям.

На 2025 г. исламские финансовые институты были представлены в 27 странах континента: Алжире, Бенине, Буркина-Фасо, Гамбии, Гвинее, Гвинее-Бисау, Джибути, Египте, Замбии, Кении, Кот-д'Ивуаре, Ливии, на Маврикии, Мавритании, Мали, Марокко, Нигере, Нигерии, Сенегале, Сомали, Судане,

31 Islamic Financial Services Board. Islamic Financial Services Industry Stability Report 2026. URL: https://www.ifsb.org/wp-content/uploads/2026/06/IFSR-2026.pdf

Того, Тунисе, Танзании, Уганде, Эфиопии и ЮАР, а также в Сомалиленде. На 2024 г. в Африке действовало 104 исламских банка и 28 исламских банковских окон в обычных банках. В 12 государствах выпускали сукук[32]: Бенин, Того, Танзания, Гамбия, Нигерия, Сенегал, Кот-д'Ивуар, ЮАР, Судан, Мали, Марокко и Египет.

В более широком смысле в исламскую экономику можно включить религиозные праздники и паломничества.

Суфийские зияраты и мавлиды (празднование дня рождения пророка Мухаммада, отвергаемое салафитами) на несколько дней превращают города проведения в сезонные рынки.

В эти периоды растет спрос на междугородние перевозки, топливо, питание, воду, временное жилье, мобильную связь, денежные переводы, скот для забоя, санитарные услуги, охрану и религиозные товары. Для религиозных организаций такие события служат способом продемонстрировать численность последователей, собрать пожертвования, подтвердить авторитет лидеров и связать разрозненные общины с формальным центром.

Примером одного из крупнейших исламских паломничеств в Африке служит **Великий Магал** в г. Туба (**Màggalug Tuubaa**) в Сенегале. Оно связано с тарикатом Муридийя и памятью основателя братства шейха **Амаду Бамба**. Праздник ежегодно отмечается с 1928 г. на 18-й день месяца сафар, второго месяца исламского календаря. Эта дата связана с годовщиной ссылки Амаду Бамба в Габон французскими колониальными властями и выбрана в соответствии с его завещанием; для муридов этот период важен как подтверждение духовной стойкости шейха. Туба – исторический центр тариката, где расположена Великая мечеть с мавзолеем Амаду Бамба. Масштаб Магала значительно превышает обычную численность населения города. Население Тубы составляет около 1,1 млн человек, при этом в 2025 г. число паломников достигло рекордных 6,5 млн[33].

Отдельное место в исламской экономике занимает халяль-сертификация. Значение данной процедуры связано прежде всего с контролем производственной цепочки: состава продукта, происхождения сырья, способа забоя, хранения, транспортировки и разделения производственных линий. В странах с мусульманским большинством халяль обычно оформляется через государственные или окологосударственные структуры стандартизации. В Алжире национальная халяльная марка находится в ведении **Алжирского института стандартизации**; соответствующие стандарты разрабатывались совместно с **Министерством по делам религии и вакфов**. В Марокко сертификацию для внутреннего рынка ведет **Марокканский институт стандартизации**, а проверка предприятий проводится с участием представителя **Высшего совета улемов**. Для стран с мусульманским меньшинством, к примеру, для Кении, халяль-сертификация важна прежде всего для экспорта. Национальная служба аккредитации **KENAS** в 2024 г. включила халяльную проверку в систему экспортных стандартов, ориентируясь на требования стран Персидского залива к продукции и органам сертификации. Это касается продуктов питания, напитков, фармацевтики и косметики – секторов, где халяльный сертификат нужен для поставок на рынки Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии.

32 Сукук (ед.ч. сакк,букв. акт, документ) – аналог облигаций в исламской экономической модели. Представляют собой документ/сертификат, дающий право владельцу на долю в праве общей собственности на базовый актив, пропорциональную величине вложенных средств. Сукук обеспечивает негарантированный доход за счет прибыли финансируемого мероприятия.

33 West Africa Voice Network. Senegal's 2025 Grand Magal of Touba draws record 6.58 million participants. URL: https://www.wavn.org/senegals-2025-grand-magal-of-touba-draws-record-6-58-million-participants/

Экономический эффект Магала, по исследованию 2016 г., оценивается примерно в 400 млн долл.; средние расходы одного паломника – ок. 170 долл.[34]

Вакуфная собственность и государственный контроль над исламом

Отдельное место в религиозной экономике мусульманских стран Африки занимают **вакфы** – имущество, земля, недвижимость или финансовые средства, переданные на религиозные, благотворительные и иные общественно полезные цели. Формально вакф должен использоваться в соответствии с волей его учредителя, однако в современных государствах Северной Африки управление крупнейшими портфелями вакуфной собственности в значительной степени перешло под контроль государственных органов. В результате вакф представляет собой крупный сегмент земельной, имущественной и инвестиционной политики государства.

В Египте современная система централизованного управления вакфами складывалась на протяжении XIX–XX вв. В период аграрных и социальных реформ середины столетия **Гамаля Абделя Насера** (1956–1970) семейные вакфы были фактически демонтированы, а управление значительной частью благотворительной вакуфной собственности постепенно сосредоточилось в государственных учреждениях. Сегодня система имеет двухуровневую структуру. **Министерство вакфов Египта** отвечает прежде всего за религиозную деятельность – управление и содержание мечетей, организацию проповеди, религиозного образования и благотворительных программ. Имущественными активами непосредственно распоряжается **Египетское управление по делам вакфов** (Egyptian Awqaf Authority, EAA) – подведомственная Министерству организация. Она управляет землями, недвижимостью, денежными средствами и корпоративными активами благотворительных вакфов, инвестирует их и перечисляет 75% получаемого дохода Министерству, оставляя 25% в качестве платы за управление.

Масштабы вакуфной собственности в Египте значительны. В 2018 г. президент **Абд аль-Фаттах ас-Сиси** оценивал стоимость вакуфных активов примерно в 10 млрд долл.; по данным инвентаризации того же года вакуфный портфель включал 114 тыс. объектов и около 500 тыс. федданов сельскохозяйственных земель и садов (ок. 210 тыс. га)[35]. К 2023–2024 гг. представители Министерства оценивали рыночную стоимость вакуфной собственности выше 60 млрд долл.[36] Только с июля по декабрь 2024 г. Управление получило около 1,5 млрд египетских фунтов доходов – примерно 35 млн долл. по среднему курсу 2024 г.[37]

Вакфы в Египте фактически управляются как крупный государственный имущественный портфель. Управление сдает сельскохозяйственные земли и фермы в аренду, инвестирует средства в государственные казначейские бумаги, владеет долями в банках и компаниях, реализует жилищные проекты и привлекает частных инвесторов к освоению принадлежащей ему недвижимости. В августе 2024 г. оно объявило о подготовке 31 земельного участка в 11 регионах для реализации совместных экономических проектов с государственными и частными компаниями. Один из инструментов такой деятельности – **National Group for Awqaf Investments**, созданная в 2013 г. как инвестиционное подразделение EAA. В группу входят компании, занимающиеся управлением недвижимостью, строительством, развитием сельскохозяйственных и городских территорий, экологическими услугами и др. В 2024/25 ф.г. она выполняла 22 контракта общей стоимостью около 104 млн долл.

34 Magal Touba. Sénégal: à Touba, le Grand Magal et les milliers de fidèles mourides réunis dopent l'économie. URL: https://magal-touba.org/2025/08/12/senegal-a-touba-le-grand-magal-et-les-milliers-de-fideles-mourides-reunis-dopent-leconomie/

35 Youm7. URL: https://www.youm7.com/story/2018/1/1/%D8%AA%D8%B9%D8%B1%D9%81-%D8%B9%D9%84%D9%89-%D8%AD%D8%AC%D9%85-%D8%A3%D9%85%D9%88%D8%A7%D9%84-%D9%88%D8%B2%D8%A7%D8%B1%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%A3%D9%88%D9%82%D8%A7%D9%81-%C3%97-30-%D9%85%D8%B9%D9%84%D9%88%D9%85%D8%A9/3576258

36 Al Jazeera. URL: https://www.aljazeera.net/ebusiness/2025/6/3/concerns-egypt-endowment-assets

37 Al-Ahram. URL:https://gate.ahram.org.eg/daily/NewsPrint/967403.aspx

для Управления вакфов, Министерства вакфов, Министерства жилищного строительства и других государственных заказчиков.

Министерство вакфов Египта контролирует мечети в рамках системы, созданной еще в XIX в. Министерство заботится о сиротах, контролирует преподавание Корана, занимается изучением вопросов исламского права, руководит деятельностью Египетского управления по делам вакфов. Управление по целевым фондам Коптской православной церкви выполняет сходные функции, но министерству вакфов не подчиняется (имеет статус самостоятельного юридического лица и управляется советом во главе с коптским патриархом, состав совета утверждается президентом Египта, а финансовая деятельность контролируется Центральной аудиторской организацией государства). Среди аффилированных с министерством организаций – **Высший совет по исламским делам**, **Фонд закята**, **Высший совет суфийских тарикатов**. Например, в Высшем совете суфийских тарикатов зарегистрированы 67 из 77 тарикатов, действующих в Египте. Великого шейха суфийских тарикатов назначает президент Египта. Часть членов совета избирается, часть назначается правительством. Высший совет суфийских тарикатов выступал против президента **Мухаммада Мурси** (2012–2013), опиравшегося на братьев-мусульман[38], и поддержал приход к власти действующего президента Абд аль-Фаттаха ас-Сиси.

В Алжире государственная система управления вакфами имеет иную историю. Неотчуждаемость вакуфных земель была отменена еще в эпоху французского колониального правления; с тех пор вакфы находятся под контролем государства. До 2021 г. вакуфное имущество управлялось непосредственно **Министерством по делам религии и вакфов**, с 2021 г. была создана специализированная подведомственная организация – **Управление вакфов и закята** (Direction des affaires religieuses et des wakfs d'Alger). Управление занимается выявлением и возвращением вакуфной собственности, ее юридическим оформлением и регистрацией, ведением реестра, сдачей жилых и коммерческих помещений и сельскохозяйственных земель в аренду, сбором платежей, ремонтом имущества и его инвестиционным использованием.

В 2025 г. в Алжире учитывалось около 15,9 тыс. вакуфных объектов. Из них примерно 4,8 тыс. были переданы управлению вакфов и закята. В его портфель входили, в частности, 1570 земельных участков, 1 398 торговых помещений, 100 офисов и 22 склада[39]. К 2025 г. в аренде находились 3552 объекта; но поступления от их эксплуатации за 2024 г. составили всего лишь ок. 2,7 млн долл.

Алжирское правительство также предпринимает попытки цифровизации данного направления: к 2025 г. через платформу **Nadhara** были оцифрованы 4155 базовых досье на переданную Управлению собственность. Помимо прочего, цифровые услуги министерства включают приложения для смартфонов, позволяющие осуществить пожертвование онлайн, электронные фетвы, записи Корана.

Само Министерство по делам религии и вакфов Алжира получает значительное бюджетное финансирование – эквивалент 466 млн долл., согласно закону о бюджете 2026 г.; в мае 2026 г. на программу религиозного руководства дополнительно было выделено 6,3 млн долл.[40]

Кроме того, министерство занимается руководством религиозной жизнью граждан, включая регулирование названий мечетей, издание фетв, определение начала Рамадана, разрешения на публикацию Корана, организацию хаджа. Официально в функции министерства входит «распространение подлинной исламской культуры в Алжире, а также управление религиозными делами и сохранение национального религиозного

38 Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

39 El Massa. URL: https://www.el-massa.com/dz/%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%AF%D8%AB/%D8%A8%D9%86%D9%83-%D9%84%D9%84%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D8%AB%D9%85%D8%A7%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D9%88%D9%82%D9%81%D9%8A-%D9%88%D8%B5%D9%86%D8%A7%D8%AF%D9%8A%D9%82-%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D8%AB%D9%85%D8%A7%D8%B1%D9%8A%D8%A9-%D8%AD%D9%84%D8%A7%D9%84

40 Journal officiel de la République algérienne. № 44. Décret présidentiel № 26-185 du 12 mai 2026. 18 juin 2026. P. 5. URL: https://www.joradp.dz/FTP/jo-francais/2026/F2026044.pdf

наследия, характеризующегося умеренностью и централизмом». Государство последовательно продвигает в качестве государственной религиозной нормы суннитский ислам маликитского мазхаба суфийской традиции.

Христианские организации в Африке

Католическая церковь

С началом португальских завоеваний (эпоха Открытий, с 1415 г.) началось распространение католицизма в странах Африки. В 1491 г. принял христианство правитель (маниконго) древнего Конго **Нзинга**, на территории современных Анголы, Республики Конго и ДР Конго. **Жуан I** официально стал «братом» португальских монархов. В XVI–XVII вв. католическое присутствие развивалось главным образом в зонах португальского влияния: в Королевстве Конго, Анголе, в островных и прибрежных торговых пунктах атлантического побережья Западной Африки, а также в отдельных португальских фортах на восточноафриканском побережье.

Однако эти миссии сильно зависели от поддержки местных правителей, португальской короны и торгово-колониальной инфраструктуры, поэтому их влияние оставалось ограниченным прибрежными территориями, а религия не укоренилась в широких слоях населения. Новый этап начался в XIX в., когда вместе с расширением европейского колониального присутствия активизировались миссионерские ордена и конгрегации, открывавшие церкви, больницы и семинарии. Такая активность была вызвана и распространением протестантизма, популярного у африканцев, особенно в период борьбы за независимость, к примеру, португальских колоний. В колониальный период церковь стала ключевым институтом, участвовавшим в формировании местных элит.

Ответом католической церкви на деколонизацию стал **Второй Ватиканский собор** 1962–1965 гг., взявший курс на обновление, расширение роли местных епископатов, использование национальных языков в литургии и адаптацию церковной практики к местным культурам. В результате усилился процесс африканизации католицизма: росло число местных священников и епископов, развивались национальные епископские конференции, а африканские католические общины постепенно превращались из объекта миссионерской деятельности в самостоятельного участника глобальной церковной политики.

В современном контексте католическая церковь – одна из наиболее институционально оформленных христианских структур в Африке.

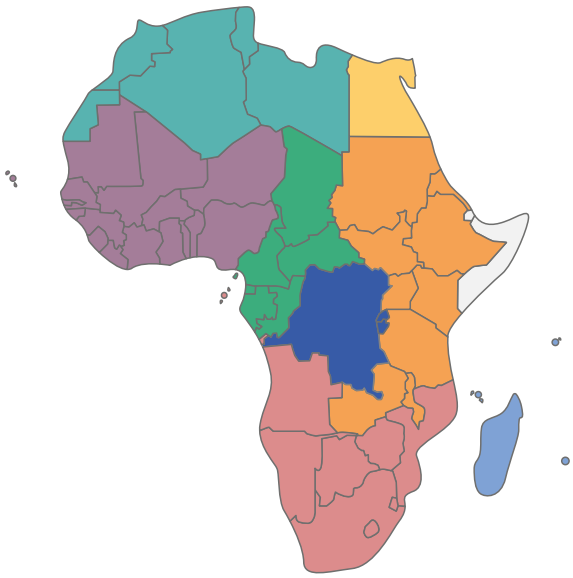
Число католиков в Африке увеличилось примерно с 206 млн в 2013 г. до более чем 288 млн в 2024 г. – т.е. более чем на 80 млн человек[41].

Доля Африки среди всех католиков мира за тот же период выросла с 16% до 20%, закрепив за континентом статус одного из главных центров роста мирового католицизма.

Общеафриканским координационным органом в католической иерархии выступает **Симпозиум епископальных конференций Африки и Мадагаскара** (Symposium of Episcopal Conferences of Africa and Madagascar, SECAM). SECAM был учрежден в 1969 г. по результатам Второго ватиканского собора и объединяет 8 региональных структур. С 2015 г. между SECAM и Африканским союзом действует меморандум о взаимопонимании, в феврале 2026 г. сторонами был подписан обновленный документ. Ключевые обозначенные в нём направления – права человека, вопросы мира, социальной сплоченности, экономической справедливости и развития человеческого капитала.

41 Vatican News. New data of Annuario Pontificio 2026 shows Catholics growing in Africa. URL: https://www.vaticannews.va/en/vatican-city/news/2026-03/new-data-from-annuario-pontificio-2026-shows-catholics-growing.html

Региональные структуры SECAM в Африке

- Ассоциация епископских конференций Центральной Африки
- Ассоциация епископских конференций региона Центральной Африки
- Региональная епископская конференция Западной Африки
- Ассамблея католической иерархии Египта
- Ассоциация епископских конференций Восточной Африки
- Межрегиональная встреча епископов Южной части Африки
- Мадагаскар и Епископская конференция Индийского океана
- Региональная епископская конференция Северной Африки

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных SECAM.

По данным Ватикана за 2023 г., в Африке насчитывалось 770 католических епископов, 55 тыс. священников (38 тыс. епархиальных и 16,5 тыс. монашествующих), 84 тыс. монахинь, 35 тыс. учащихся семинарий, 8282 мирянина-миссионера и 467 тыс. катехизаторов[42]. Последняя категория особенно важна для Африки: при нехватке священников катехизаторы ведут религиозное обучение, помогают в сельских приходах, участвуют в подготовке к таинствам и поддерживают связь между приходом и местными общинами. При этом кадровая нагрузка остается высокой: в Африке в 2024 г. приходилось около 5 тыс. католиков на одного священника, тогда как в Европе – немного более 1,8 тыс.[43]

В то же время и в самом Ватикане растет число и значение африканских священнослужителей: по состоянию на 2025 г. Святой Престол насчитывал 28 кардиналов африканского происхождения, из них 14 сохраняют право участия в конклаве.

Католическая церковь – крупный работодатель: в Африке в связанных с ней учреждениях заняты свыше 500 тыс. человек. Этот показатель особенно важен в условиях высокой безработицы во многих странах континента, поскольку речь идет не только о собственно религиозных должностях, но и о занятости в школах, университетах, больницах, социальных и благотворительных учреждениях. При этом для части работников, прежде всего катехизаторов и иных служителей на местном уровне, религиозная деятельность может сочетаться с другими источниками занятости и не всегда быть основной профессией.

Образование остается одним из ключевых каналов влияния католической церкви на континенте.

По состоянию на 2024 г. в Африке действовали 21 тыс. католических дошкольных учреждений, в которых обучались 3 млн детей, 45 тыс. начальных школ с 21 млн учащихся и 18 тыс. средних школ с 7 млн учащихся; 778 старших школ с 177 тыс. учеников и 228 высших учебных заведений с 278 тыс. студентов[44]. Католическая школа в ряде стран остается каналом получения качественного образования, особенно для городского среднего класса и семей, стремящихся обеспечить детям доступ к высшему образованию и государственной службе.

42 Fides News Agency. Catholic Church Statistics 2025. URL: https://press.vatican.va/content/dam/salastampa/it/fuori-bollettino/pdf/EN%20-%20Catholic%20Church%20Statistics%202025.pdf

43 Vatican News. New data of Annuario Pontificio 2026 shows Catholics growing in Africa. URL: https://www.vaticannews.va/en/vatican-city/news/2026-03/new-data-from-annuario-pontificio-2026-shows-catholics-growing.html

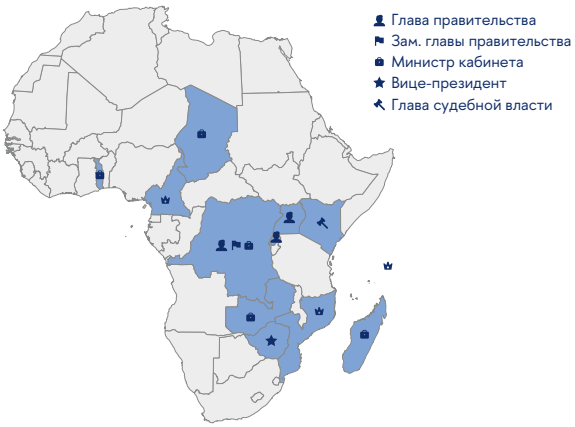
44 Fides News Agency. Catholic Church Statistics 2025. URL: https://press.vatican.va/content/dam/salastampa/it/fuori-bollettino/pdf/EN%20-%20Catholic%20Church%20Statistics%202025.pdf

В сельской местности церковная школа часто связана с приходом, медицинским пунктом, интернатом и инфраструктурой для оказания помощи.

По состоянию на 2024 г. в Африке работали 1634 католические больницы, 4973 диспансера, 189 лепрозориев, 652 дома для престарелых, хронически больных и людей с инвалидностью, 1151 сиротский дом и 1186 других благотворительных учреждений[45]. Эти учреждения, как правило, работают по смешанной финансовой модели: часть средств поступает от пациентов, часть – от церковных структур, международных доноров и государственных субсидий.

В некоторых странах государство прямо использует католические сети для расширения доступа к медицине.

Руководители, получившие образование в католических институциях на 2026 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых источников.

Отдельную роль в деятельности католиков в Африке играют монашеские ордена. Так, **салезианцы Дона Боско** (**Общество св. Франциска Сальского**) присутствуют в 42 африканских странах; их африканская сеть делится на восточно-южноафриканский блок из 21 страны и центрально-западноафриканский блок из 21 страны. В Африке под контролем салезианцев функционирует около 100 школ, 80 центров профессионального обучения, 200 молодежных центров, 7 центров работы с беженцами, 10 медицинских учреждений и четыре радиостанции. Отдельное направление их работы – предоставление профессионально-технического образования. В Кении, к примеру, **Don Bosco Boys Town** в Найроби действует с 1984 г. как технический институт с двухлетними программами по электротехнике, сантехнике, кладке, механике, сварке, столярному делу и швейному производству; в ЮАР **Salesian Institute** в Кейптауне работает с 1910 г. и занимается образованием, временным размещением и подготовкой к трудоустройству бедных и безработных подростков. Данное направление координируется НКО **Don Bosco Tech Africa**, созданной в 2014 г.; она объединяет 118 центров профессионально-технического обучения в 34 странах Африки.

Орден иезуитов (**Общество Иисуса**) представлен в 38 странах Африки и насчитывает более 1,5 тыс. членов на континенте. Исторически иезуитское образование имело особое значение в подготовке африканских элит. Через образовательные учреждения, связанные с иезуитами, прошли такие постколониальные африканские лидеры, как, например, президенты **Филибер Циранана** (1959–1972) и **Дидье Рацирака** (1976–1993, 1997–2002) на Мадагаскаре, **Мишель Микомберо** (1966–1976), **Жан-Батист Багаза** (1976–1987) и **Сиприен Нтарьямира** (1994) в Бурунди и **Роберт Мугабе** (1987–2017) в Зимбабве. Среди современных глав государств Африки с иезуитским образованием можно выделить президента ДР Конго **Феликса Чисекеди** (2017 – н.в.).

45 Ibid.

Например, в Малави с 2006 г. действуют соглашения между Министерством здравоохранения и Christian Health Association of Malawi, по которым учреждения этой сети предоставляют ряд базовых услуг сельскому населению без взимания платы с пациентов, а государство возмещает расходы.

Католическая церковь всегда участвует в политической жизни тех стран, в которых у нее есть многочисленная паства, таких как Южный Судан, ДР Конго, Малави, ЦАР и португалоязычные государства Африки. Так, в ДР Конго **Национальная епископская конференция Конго** (CENCO) была одним из посредников при заключении соглашения 31 декабря 2016 г. между правительством **Жозефа Кабилы** (2001–2019) и оппозицией, после истечения его второго президентского срока в декабре 2016 г., известного как **Соглашение святого Сильвестра** (Accord de la Saint-Sylvestre). Оно предусматривало проведение выборов до конца 2017 г., отказ Кабилы от участия в новом президентском цикле и формирование переходного правительства. Реализация соглашения затянулась до декабря 2018 г. На выборах 2018 г. CENCO направила более 40 тыс. наблюдателей и провела собственную параллельную проверку результатов. В Малави в 2024 г. Епископская конференция выпустила письмо **The Sad Story of Malawi**[46] с резкой критикой правительства **Лазаруса Чакверы** (2020–2025).

Кроме того, католические структуры зачастую задают «моральную рамку» общественным дискуссиям по вопросам семьи, гендера и абортов, занимая наиболее консервативную позицию. Самым заметным эпизодом последних лет стала реакция африканских епископов на декларацию **Fiducia supplicans** (взывая к доверию), опубликованную Дикастерией доктрины веры в декабре 2023 г. и одобренную папой Франциском, первым папой-иезуитом. Документ допускал краткие пастырские благословения для пар в «нерегулярных» ситуациях, включая однополые пары, но не признавал такие союзы браком и не менял католическое учение о браке.

После критики со стороны епископов из разных регионов, в т.ч. из Африки, 4 января 2024 г. Дикастерия уточнила, что применение декларации может зависеть от местного правового и культурного контекста. 11 января 2024 г. SECAM заявил, что в католических церквях Африки благословения однополых пар совершаться не будут. Заявление было опубликовано с согласия папы Франциска. Подобные примеры, помимо прочего, свидетельствуют и о растущей международной субъектности африканских католиков и их способности влиять на глобальную религиозную повестку.

Во франкоязычной Африке вместе с французским колониальным присутствием распространилось и масонство.

Несмотря на то, что масонство исторически находилось в сложных, нередко конфликтных отношениях с католической церковью, для части образованной элиты оно выступало альтернативным каналом социальной и политической самоорганизации. Первые ложи создавались европейскими чиновниками, военными и предпринимателями и непосредственно входили во французские послушания, прежде всего **Великий восток Франции** (Grand Orient de France, GODF) и **Великую ложу Франции** (Grande Loge de France, GLDF).

Например, в Кот-д'Ивуаре первая ложа Великого востока Франции была создана в Абиджане в 1930 г.; после деколонизации состав лож постепенно африканизировался, а часть из них превратилась в самостоятельные национальные объединения. С конца XX в. особенно заметную роль приобрела **Великая национальная ложа Франции** (Grande Loge Nationale Française, GLNF), при содействии которой создавались

46 Archdiocese of Lusaka. The Sad Story of Malawi: Pastoral Letter of the Catholic Bishops of the Episcopal Conference of Malawi. URL: https://lusakaarchdiocese.org/wp-content/uploads/2024/02/Pastoral-Letter-ECM-A5-English-Edit.pdf

или получали международное признание «регулярные» великие ложи ряда франкоязычных государств. Связь с Францией при этом не означает прямого управления африканскими ложами из Парижа: национальные послушания формально самостоятельны, однако сохраняют отношения признания, взаимных визитов, посвящений и личные связи с французскими «братьями», среди которых всё более заметны представители диаспор.

В Кот-д'Ивуаре, например, конкуренция между «регулярными» структурами, связанными с GLNF, и либеральными ложами, ориентированными на GODF, фактически воспроизводила разделение, существовавшее во французском масонстве[47]. Особенностью ряда стран Западной и Центральной Африки стало тесное переплетение масонских структур с политическими элитами. Наиболее наглядны примеры Габона и Республики Конго. Президент Габона **Омар Бонго** (1967–2009) возглавлял местные масонские структуры; после его смерти пост великого мастера Великой ложи Габона занял его сын и преемник **Али Бонго** (2009–2023), после переворота августа 2023 г. положение изменилось: 10 февраля 2024 г. великим мастером был официально установлен **Жак-Дени Цанга**, давний представитель государственной элиты эпохи Бонго.

Президент Республики Конго **Дени Сассу-Нгессо** также занимает пост великого мастера Великой ложи Конго. Ложа Конго в свою очередь исторически связана с GLNF, представители которой участвовали в институциональном оформлении конголезского послушания.

На практике значение таких структур состоит в формировании и поддержании закрытых сетей доверия и кооптации, объединяющих президентов, министров, чиновников, военных, юристов и предпринимателей как внутри отдельных стран, так и через государственные границы. Членство в ложе может обеспечивать неформальный доступ к влиятельным лицам, валидировать посредничество, карьерные и деловые контакты, укреплять личные связи между африканскими и французскими элитами.

При этом французские послушания сами относятся к подобной практике неодинаково: представители Великого востока Франции, в частности, публично критиковали превращение масонства в инструмент президентской власти и деловых сетей. В то же время ложи могут выступать и площадками политического диалога: в 2013 г. одна из ивуарийских лож GODF обсуждала реформу законодательства о гражданстве, призванную урегулировать статус части давних иммигрантов и их потомков; результаты этих дискуссий были доведены до парламентариев перед принятием закона о приобретении гражданства по декларации[48].

Для обществ тропической Африки масонство оказалось понятным еще и потому, что закрытые объединения, инициация, возрастные и статусные тайные общества существовали здесь задолго до европейской колонизации.

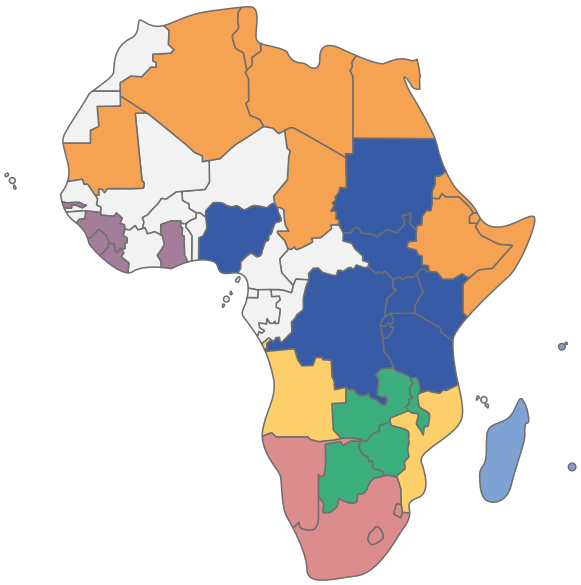
Англиканские церкви в Африке

Англиканство плотно укоренено в религиозном ландшафте континента. Его распространение исторически связано прежде всего с британским присутствием и происходило через несколько различных миссионерских сетей. Одной из старейших была **Society for the Propagation of the Gospel in Foreign Parts** (SPG), действовавшая на территории современной Ганы с середины XVIII в. В 1799 г. в Великобритании было создано **Church Missionary Society** (CMS), начавшее работу в Сьерра-Леоне в 1804 г. и впоследствии сыгравшее значительную роль в распространении англиканства в Нигерии, Кении, Танзании, Уганде, Судане, Конго и Руанде. В Восточной и Центральной Африке важную роль также играла **Universities' Mission to Central Africa** (UMCA), работавшая на Занзибаре, в районе озера Ньяса и на территории современного Мозамбика.

47 Akindès, F., Interview by Miran-Guyon, M. (2017). Freemasonry in Côte D'ivoire, A Brief History of the Current Issues Interview With Francis Akindès. Afrique contemporaine, 263-264(3), 325-338. URL: https://www.researchgate.net/publication/367282677_FREEMASONRY_IN_COTE_D'IVOIRE_A_BRIEF_HISTORY_OF_THE_CURRENT_ISSUES_Interview_with_Francis_Akindes_Francis_Akindes

48 Ibid.

Провинции Англиканской церкви в Африке

- Национальные церкви, представленные только в одной стране
- Англиканская провинция Александрии
- Провинция Центральной Африки
- Провинция Индийского океана
- Англиканская церковь Мозамбика и Анголы
- Провинция Западной Африки
- Англиканская церковь Южной части Африки

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Anglican Communion Office.

С самого начала значительную роль в распространении англиканства играли африканские священнослужители. **Филип Куэйк**, уроженец Золотого Берега (современная Гана), в XVIII в. стал первым африканцем, рукоположенным в Церкви Англии. После обучения в Великобритании он стал священником и преподавал в Кейп-Косте. Еще более заметной фигурой стал йоруба **Самуэль Аджайи Кроутер**: освобожденный британским флотом с невольничьего судна в 1822 г., он получил образование в Сьерра-Леоне, стал миссионером, лингвистом и переводчиком, а в 1864 г. был рукоположен как первый африканский англиканский епископ. В Уганде англиканские миссионеры появились при дворе кабаки Буганды во второй половине XIX в.; впоследствии англиканство стало ведущей религиозной традицией страны.

Современное африканское англиканство не представляет собой единой церкви. На континенте действуют 15 автономных провинций Англиканского сообщества, объединяющих как национальные церкви, так и структуры сразу нескольких государств. Всего к середине 2020-х гг. они объединяют 460 епархий; особенно разветвлена структура Церкви Нигерии, где к февралю 2026 г. была создана 177-я епархия.

В отличие от Католической церкви, Англиканское сообщество не имеет единого административного центра, аналогичного Ватикану. Африканские провинции самостоятельно определяют устройство епархий, избирают епископов, распоряжаются имуществом и принимают внутренние церковные решения. Архиепископ Кентерберийский выполняет роль символического первого среди равных, однако не назначает африканских епископов. Связи с Великобританией сохраняются через исторические миссионерские общества, образовательные учреждения, партнерские программы и благотворительные организации, однако современные африканские церкви представляют собой самостоятельные институты, а не подразделения Церкви Англии.

Социально-экономическое значение англиканских церквей связано прежде всего с их разветвленной локальной инфраструктурой. Епархиям, приходам и связанным с ними организациям принадлежат или подчиняются земельные участки, школы, университеты, медицинские учреждения, семинарии, издательства, сельскохозяйственные проекты и коммерческая недвижимость. При этом совокупную стоимость этих активов установить практически невозможно: собственность распределена между сотнями епархий, приходов, трастов и отдельных юридических лиц. В сфере развития действуют специализированные структуры, например **Anglican Development Services Kenya** при Англиканской церкви Кении и **HOPE Africa** при Англиканской церкви ЮАР; их программы охватывают образование, здравоохранение и борьбу с бедностью.

Англиканские церкви традиционно заметны и в политической жизни ряда стран. Их влияние обычно

связано с общественным авторитетом епископов, разветвленной приходской сетью, школами и социальными учреждениями. В Уганде архиепископ **Джанани Лувум** стал одним из наиболее известных критиков режима **Иди Амина** и был убит в 1977 г. В Кении архиепископ **Дэвид Гитари** и другие англиканские епископы в 1980–1990-е гг. публично критиковали за авторитарность **Даниэля арапа Мои**. Наиболее известным африканским англиканским деятелем XX в. стал южноафриканский архиепископ **Десмонд Туту**, использовавший авторитет церкви и международные связи в борьбе против апартеида, а после его отмены возглавивший **Комиссию истины и примирения**. При этом политические позиции англиканских церквей не обязательно оппозиционные: в современной Уганде церковное руководство, например, публично поддерживало консервативную политику государства по вопросам семьи и однополых отношений.

В XXI в. африканские церкви стали также самостоятельным фактором мировой англиканской политики. Большинство крупнейших африканских провинций занимают более консервативные позиции по вопросам семьи, сексуальности и церковной дисциплины, чем Церковь Англии и ряд других западных церквей. Эти противоречия способствовали развитию созданного в 2008 г. движения **GAFCON** (Global Anglican Future Conference), в котором африканские предстоятели играют ключевую роль. В марте 2026 г. на встрече в Абудже связанные с GAFCON лидеры создали Global Anglican Council во главе с архиепископом Руанды **Лораном Мбандой** и призвали сторонников отказаться от участия в части структур, ориентированных на Кентербери. К движению примкнули и консервативные англикане Северной Америки: созданная в 2009 г. **Anglican Church in North America** (ACNA) объединила в основном общины и епархии, вышедшие из Епископальной церкви США и Англиканской церкви Канады на фоне богословских разногласий, прежде всего по вопросам гомосексуализма и церковной дисциплины, и стала одной из провинций, признаваемых GAFCON. При этом соответствующие африканские провинции продолжают одновременно фигурировать в составе исторического Англиканского сообщества.

Протестантские организации и движения

Исторически протестантские течения христианства в Африке развивались по линиям миссионерских школ, больниц, переводов Библии на местные языки и создания приходских сетей. Раннее протестантское присутствие в Африке было связано прежде всего с голландской Капской колонией, где в 1652 г. появилась реформатская церковная структура; первая же протестантская миссия среди местного населения была основана на территории современной ЮАР моравским миссионером **Георгом Шмидтом** в Генадендале в 1738 г.

В колониальный период протестантские миссии зачастую формировали первые поколения африканских специалистов в медицине и образовании. Тогда как сильной стороной католиков при проникновении в Африку была единая разветвленная и организованная структура, протестанты, считавшие такую церковь чрезмерно дорогой и избыточной, делали основной упор на вовлечение местного населения в свою деятельность – для чего им, всё же, требовалось обеспечить подготовку кадров. Распространение различных протестантских деноминаций в Африке характеризовалось острой конкуренцией между ними, активной пропагандой, частыми расколами и перетоком верующих, а также тесными связями и взаимным влиянием с общинами в диаспорах за пределами Африки. Кроме того, в ряде стран протестансткие движения носили выраженный антиколониальный характер.

Уже в конце XIX – начале XX вв. под влиянием миссионерского христианства начали возникать африканские независимые церкви. Их появление было связано с расовой иерархией в колониальных церквях, ограничением африканского духовенства и стремлением соединить христианство с элементами местных традиционных верований (формами пророчества, исцеления и т.д.). К этому направлению относятся кимбангизм в ДР Конго, церкви **Аладура** в Нигерии и **Церковь Сиона** (Zion Christian Church) в ЮАР. В 1978 г. для таких движений оформилась общеафриканская

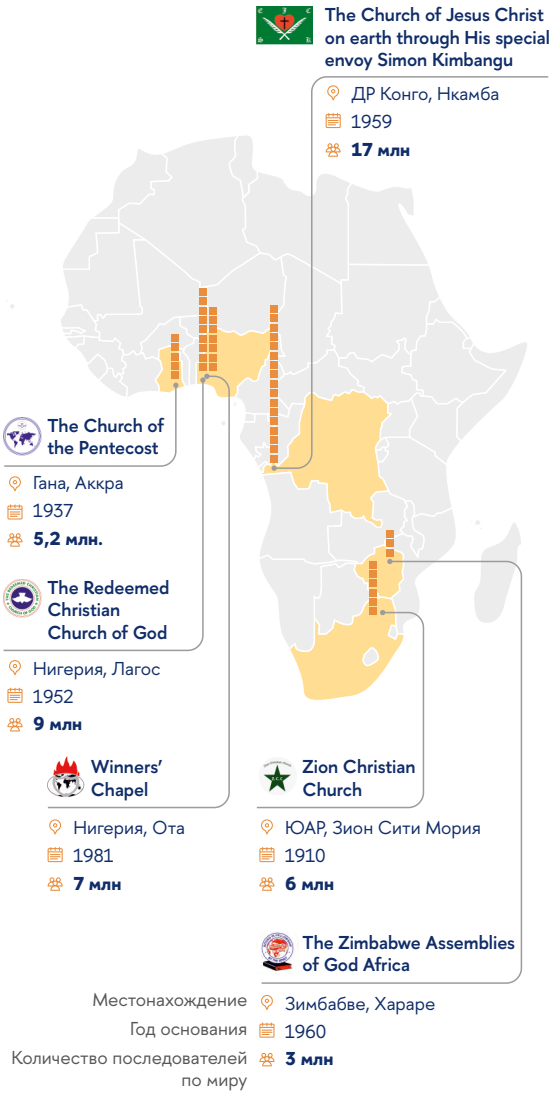
площадка – **Organization of African Instituted Churches** со штаб-квартирой в Найроби. Влияние и активность подобных церквей всегда вызывали внимание силовых структур; еще в колониальную эпоху кимбангистов Конго обвиняли в связях с коммунистами и Москвой.

Со второй половины XX в. наиболее динамичным направлением африканского протестантизма стало пятидесятничество и харизматическое христианство.

Рост этого сектора ускорился после деколонизации, а затем в 1980–1990-е гг. на фоне урбанизации, экономических кризисов, миграции в города и ослабления прежних общинных связей. Пятидесятнические церкви быстро распространялись в городской среде, поскольку могли открывать новые приходы без значительной инфраструктуры, опирались на харизматического пастора, эмоциональное богослужение, радио, телевидение, а позднее и социальные сети. В Гане, Нигерии, Кении, Замбии, ЮАР и Уганде пятидесятничество стало одной из основных форм современного протестантизма.

Историческая динамика данного направления фиксируется неравномерно, поскольку переписи и религиозная статистика зачастую используют разные категории: «пятидесятники», «харизматы», «евангелистские церкви», «рожденные заново», «африканские независимые церкви» и «иные христиане». Часть верующих посещает харизматические служения внутри англиканских или методистских структур, сохраняя прежнюю конфессиональную принадлежность. Двадцать лет назад число пятидесятников в Африке составляло 107 млн человек и около 40 млн харизматов внутри других церквей. По оценке World Christian Database, численность пятидесятническо-харизматических христиан выросла с 23 млн человек в 1975 г. до 252 млн в 2025 г.[49]

Крупнейшие пятидесятнические и харизматические религиозные организации Африки

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых источников.

Пятидесятническо-харизматическое направление сложилось из нескольких линий. Классические пятидесятнические миссии пришли через западные организации (в первую очередь американские, находившиеся под большим влиянием афроамериканских объединений), такие как **Assemblies of God**, **Apostolic Faith Mission**, **Apostolic Church**

49 The Washington Post. URL: Africa is Catholicism's future, but Pentecostal churches are growing faster. URL: https://www.washingtonpost.com/world/2026/05/24/africa-is-catholicisms-future-pentecostal-churches-are-growing-faster/

и т.д. Африканские независимые церкви выросли из более ранних структур, отколовшихся от миссионерских организаций, и сохраняли больше связей с местными традиционными верованиями. Наконец, неопятидесятнические и харизматические церкви конца XX – начала XXI вв. развивались прежде всего в городских сообществах и строились вокруг сильного пастора, молитвенных съездов, медиа, проповеди успеха (т.н. prosperity gospel), предпринимательства и контактов с политическими элитами. Эта линия дала крупнейшие африканские «мегасети», такие как **Redeemed Christian Church of God** (RCCG) и **Winners' Chapel**, основанные в Нигерии.

Крупные пятидесятнические церкви постепенно переходят от модели молитвенного движения к более устойчивым институциональным формам. Это можно наблюдать на примере Church of Pentecost Ганы, которая к декабрю 2025 г. насчитывала 5,2 млн членов по всему миру, 28 тыс. общин и более 3,3 тыс. округов, из них около 4,5 млн членов – в самой Гане. Через Pentecost Social Services церковь управляет образовательными и медицинскими учреждениями, финансирует стипендии, профессиональное обучение и поддержку учащихся. В течение 2025 г. сама церковь направила на образовательные проекты около 2,1 млн долл., однако эта сумма не представляет собой полный бюджет сети: значительная часть текущих расходов конфессиональных школ финансируется государством, тогда как отдельные учреждения и территориальные структуры церкви располагают собственными доходами. К концу 2024 г. в образовательную сеть церкви входили 108 учреждений. В Нигерии тот же процесс выражен через т.н. «мегаприходы»: по данным RCCG на 2026 г., церковь насчитывала более 9 млн членов (из них 5 млн – в Нигерии) и более 50 тыс. приходов по миру, в т.ч. и в России. Кроме того, пятидесятнические церкви активно развивают собственные медийные сети.

Redeemed Christian Church of God в нигерийской политике

Политическое влияние пятидесятнических церквей обычно выражается через публичную религиозность. Пасторы в прямом эфире молятся за государство, принимают крупных политических деятелей на съездах, выступают по вопросам коррупции, семьи, школьного воспитания, абортов и т.п.

Показательный пример участия неопятидесятнических церквей в политике – нигерийская Искупленная христианская церковь Божья (RCCG). Церковь была основана в Лагосе в 1952 г. **Джосайей Олуфеми Акиндайоми**. После его смерти в 1980 г. ее возглавил **Енох Адебойе**, ранее переводивший проповеди основателя с йоруба на английский. При Адебойе RCCG резко расширила социальную базу, вышла за пределы среды йоруба и превратилась в централизованную приходскую сеть.

Площадки RCCG, в первую очередь из-за масштаба приходской сети, регулярно использовались федеральными политиками для контакта с христианской аудиторией юго-запада Нигерии. Службы Адебойе посещал **Олусегун Обасанджо** (глава государства во время военного правления в 1976–1979 гг., президент Нигерии в 1999–2007 гг.). Перед выборами 2010 и 2015 гг. на мероприятиях церкви часто появлялся **Гудлак Джонатан** (президент в 2010–2015 гг.). Отдельно нигерийские СМИ сообщали, что в 2007 г. **Умару Муса Яр'Адуа** (мусульманин из штата Кацина, президент в 2007–2010 гг.) также обращался к Адебойе за поддержкой.

Значительны также масштабы инфраструктуры RCCG: ежемесячные службы Holy Ghost Service, по данным самой церкви, собирают в среднем около 500 тыс. человек[50], а построенная для крупнейших съездов открытая арена в пригороде Лагоса имеет размеры около 3 × 3 км[51].

Наиболее заметным представителем RCCG в федеральной политике стал **Йеми Осинбаджо**. Он был пастором RCCG, входил в круг Адебойе, в 1999–2007 гг. занимал пост генерального прокурора штата Лагос при **Боле Тинубу**, в тот период губернаторе штата Лагос (с 2023 г. – президент Нигерии). В 2015 г. Осинбаджо стал вице-президентом Нигерии при **Мухаммаду Бухари** (2015–2023). Его выдвижение стало наиболее заметным случаем присутствия RCCG в федеральной политике: фигура Осинбаджо позволила **All Progressives Congress** (APC, «Всеобщий прогрессивный конгресс») дополнить северную мусульманскую опору Бухари южным христианином, связанным с Лагосом и пятидесятнической средой, а церковь получила представителя в высшем руководстве страны. В то же время в 2015 г. церковь поддерживала и оппонента Бухари Гудлака Джонатана[52], поскольку для церкви сохраняла значение перспектива сохранения христианина на посту президента. Такая конфигурация позволяла RCCG сохранить доступ к федеральной власти при обоих исходах выборов: через Джонатана в случае победы действующего президента или через Осинбаджо в случае победы Бухари.

Перед выборами 2023 г. RCCG отдельно институционально оформила политическое направление. В феврале 2022 г. церковь создала **Directorate of Politics and Governance**, задачами которого были политическое просвещение, содействие получению избирательных карт и координация членов RCCG, участвующих в политике. Через несколько месяцев, в апреле 2022 г., Осинбаджо объявил о выдвижении на президентских праймериз APC, однако после его поражения на праймериз, где Тинубу получил 1271 голос делегатов, а Осинбаджо 235, RCCG публично не поддержала ни одного кандидата.

Социальная привлекательность пятидесятнических церквей связана с их вниманием к повседневным проблемам городского населения. Болезни, бесплодие, безработица, бедность, неудачи в бизнесе, семейные конфликты и прочее объясняются через язык духовной борьбы, личной дисциплины и общинной поддержки. Приход дает регулярный круг общения, наставника, молодежные и женские группы, контакты для поиска работы, помощь при болезни, смерти родственников, оплате бытовых услуг.

Для мигрантов, мелких предпринимателей, приезжих студентов и занятых в неформальном секторе церковь зачастую становится одной из основных городских сетей доверия.

Тем не менее стоит отметить, что пятидесятнические и харизматические церкви нередко становятся объектами критики извне из-за коммерциализации религии, непрозрачности пожертвований, обещаний исцеления и слабого финансового контроля. К примеру, в ЮАР эти вопросы стали предметом расследования конституционной **Комиссии по правам культурных, религиозных и языковых общин** (CRL Rights Commission). В 2015–2016 гг. комиссия провела слушания во всех девяти провинциях страны и опросила более 85 религиозных лидеров и традиционных целителей. В итоговом отчете 2017 г. указывались случаи, когда прихожане платили за молитвы, благословения и доступ к духовным

50 RCCG. Our history. URL: https://www.rccg.org/our-history/
51 Redemption City of God. URL: https://rccgteamnehemiah.org/
52 LSE Blogs. Electoral Theologies: Pentecostal Pastors and the 2015 Presidential Election in Nigeria. URL: https://blogs.lse.ac.uk/africaatlse/2015/12/16/electoral-theologiespentecostal-pastors-and-the-2015-presidential-election-in-nigeria/

лидерам; «освященные» вода и масло продавались с большой наценкой; футболки и полотенца предлагались как средства принесения удачи. Комиссия также отметила, что в отдельных организациях пожертвования не зачислялись на счет институции, а проходили через личный счет духовного лидера. В одном из приведенных случаев женщина заплатила порядка 250 тыс. южноафриканских рандов (ок. 19 тыс. долл.) за обещание исцеления от бесплодия[53].

Православные церкви в Африке

К крупнейшим православным церквям континента относятся **Эфиопская православная церковь Тэвахэдо**, **Эритрейская православная церковь Тэвахэдо** и **Коптская православная церковь Александрии**. Все три принадлежат к семье древневосточных православных церквей (Oriental Orthodox Churches), отделившейся от церквей византийской традиции после **Халкидонского собора 451 г**.

Американские христианские организации в Африке

Американские христианские организации давно и активно работают в Африке. Многие из них действуют как крупные гуманитарные и миссионерские структуры: **Catholic Relief Services**, **World Vision**, **Compassion International** и **Samaritan's Purse** финансируют продовольственную помощь, клиники, школы, обеспечение доступа к чистой воде и т.д. Африка остается для этих организаций одним из ключевых направлений деятельности: по данным World Vision, в 2025 г. расходы на африканские программы составили около 1,4 млрд долл., т.е. примерно половину всех региональных расходов организации.

В отдельных случаях американские христианские организации влияли и на внешнеполитические решения Вашингтона, связанные с континентом. Наиболее показателен пример Южного Судана: американские евангелистские и католические сети через лоббистские структуры способствовали закреплению в Вашингтоне вопроса предоставления ему независимости как вопроса религиозной свободы и защиты южных христиан от «исламистского» правительства в Хартуме. Наиболее активен на данном направлении был миссионер **Франклин Грэхем**, президент евангелистской структуры **Samaritan's Purse**[54]. Подобный лоббизм стал одним из факторов американской поддержки мирного процесса, который привел к соглашению 2005 г., референдуму 2011 г. и независимости Южного Судана.

Кроме того, с конца 1990-х гг. Африка стала одной из ключевых внешних площадок, где американские христианско-консервативные организации разворачивают кампании вокруг вопросов семьи, абортов, ЛГБТ[55], сексуального образования и родительских прав, что в некоторых случаях становится прямым переносом американского культурно-политического дискурса на африканский контекст. Наиболее показателен пример с законом против гомосексуализма в Уганде. В марте 2009 г. в Кампале прошел семинар с участием американских консервативных активистов, спустя несколько месяцев после которого депутат **Дэвид Бахати**, участник семинара, внес законопроект о резком ужесточении наказаний за однополые отношения и пропаганду гомосексуальности. В 2023 г. традиционалистская **Family Watch International** (США, штат Аризона): участвовала в координации активистов, продвигавших возвращение в повестку анти-ЛГБТ законодательства и оформление формулировок для его публичного продвижения.

53 CRL Rights Commission. Report of the Hearings on the Commercialisation of Religion and Abuse of People's Belief Systems. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201708/report-commecializationofreligionandabuseofpeoplesbelievesystems.pdf

54 Agensky J. C. Religion, Refugees, and International Order: A Global History of Solidarity, Dislocation, and Reintegration in South Sudan // Global Studies Quarterly. 2024. Vol. 4. Issue 4. URL: https://academic.oup.com/isagsq/article/4/4/ksae084/7908306

55 Признано экстремистским, деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

Прихожане этих церквей обычно относятся к Русской православной церкви как к братской. В то же время богословские традиции данных церквей и церквей византийской традиции имеют существенные различия. Теологическая граница между ними исторически связана с вопросом о природе Христа. Халкидонские церкви, включая Русскую православную церковь и греческий Александрийский патриархат, говорят о двух природах – божественной и человеческой – в единой личности Христа. Коптская, Эфиопская и Эритрейская церкви придерживаются миафизитской формулы Кирилла Александрийского о «единой воплощенной природе Бога Слова», при этом не отрицая ни полноты божественности, ни полноты человечности Христа. Само слово Тэвахэдо на языке геэз означает «ставшее единым», «объединенное» и подчеркивает именно нераздельность этого соединения.

Эфиопская церковь определяет его как единство божественной и человеческой природы «без поглощения, смешения, изменения или разделения».

Кроме того, обрядовая традиция Эфиопской и Эритрейской церквей сохраняет особенно выраженный ветхозаветный и ближневосточный пласт, благодаря чему ряд ее практик внешне сближает ее с иудаизмом и исламом сильнее, чем русское или греческое православие. К ним относятся мужское обрезание, пищевые ограничения, почитание субботы наряду с воскресеньем, ритуальные омовения, снятие обуви перед входом в храм, многочисленные земные поклоны и разделение мужчин и женщин во время богослужения.

Крупнейшая из этих церквей – **Эфиопская православная церковь Тэвахэдо** (ЭПЦ). Последняя перепись Эфиопии 2007 г. насчитывала около 32 млн православных, или 43% населения. По оценке на 2025 г., население Эфиопии составляет около 135 млн человек; при механическом пересчете доли 2007 г. это давало бы около 59 млн православных, однако данная оценка носит условный характер и не учитывает параллельный рост иных религиозных течений в стране.

В каноническом отношении ЭПЦ – автокефальная дохалкидонская православная церковь. До середины XX в. она административно зависела от Коптской православной церкви Александрии в Египте; самостоятельная эфиопская патриархия была оформлена в 1959 г. Во главе церкви с 2013 г. находится **Абуна Матфий I**, патриарх и католикос Эфиопии, архиепископ Аксума, ичеге престола святого Такла Хайманота. Высший орган церковного управления – Священный синод, в который входят патриарх, архиепископы и епископы ЭПЦ.

До марксистской революции 1974 г. ЭПЦ имела статус государственной церкви. После прихода к власти **Дерга** этот статус был упразднен, а национализация земли лишила церковь значительной части прежней экономической базы. После 1991 г., уже при **Эфиопском народно-революционном демократическом фронте**, пришедшем к власти после свержения Дерга, – ЭПЦ смогла восстановить свободную религиозную деятельность, однако прежний статус государственной церкви ей возвращен не был.

Отношения ЭПЦ с правительством Абия Ахмеда остаются противоречивыми. В 2018 г. премьер способствовал примирению церковного синода в Аддис-Абебе с эмигрантским синодом, однако после создания Партии процветания отношения ухудшились. Недоверие усилили война в Тыграе (патриарх Абуна Матфий – выходец из Тыграя), конфликт в Амхаре и особенно церковный кризис 2023 г. в Оромии, когда группа оромских епископов попыталась создать альтернативный синод, а часть православных обвинила власти в его негласной поддержке; во время противостояния государство ограничивало доступ к социальным сетям, использовавшимся церковью для мобилизации. При этом ЭПЦ не стала формальной оппозиционной силой и продолжает взаимодействовать с властями, но ее отношения с федеральным центром можно характеризовать как взаимный кризис доверия.

Финансовая отчетность ЭПЦ, которая бы включала пожертвования, доходы от аренды и т.д.,

отсутствует в открытом доступе. Наиболее заметная часть церковной экономики связана с деятельностью **EOTC-DICAC** – **Development and Inter-Church Aid Commission**, комиссии ЭПЦ по развитию и межцерковной помощи, созданной в 1972 г. для реализации гуманитарных проектов церкви. В 2023 г. её годовой бюджет составлял 661,4 млн быров (ок. 12 млн долл. по среднему официальному курсу 2023 г.); общий фонд проектов составлял 108,7 млн быров (ок. 2 млн долл.).

Коптская православная церковь – крупнейшая христианская организация Египта. Коптский патриарх Александрийский **Феодор II** в 2023 г. оценивал численность коптов внутри страны примерно в 15 млн человек, 3 млн коптов проживают за пределами Египта, прежде всего в США, Европе, Канаде и Австралии. Госдепартамент США в 2023 г. оценивал численность коптов в Египте примерно в 9–10 млн человек[56].

От Эфиопской церкви в свою очередь отделилась **Эритрейская православная церковь Тэвахэдо**. После получения Эритреей независимости ее церковь добилась автокефалии при содействии Коптского патриархата в 1994 г., а первый эритрейский патриарх был избран в 1999 г. Всемирный совет церквей указывает около 2 млн членов и 1,5 тыс. приходов. С января 2025 г. церковь возглавляет шестой патриарх **Абуна Басилиос**.

Отдельную ветвь представляет **греческий Александрийский патриархат**, относящийся уже к византийскому православию и находящийся в евхаристическом общении с большинством других поместных православных церквей; с 2019 г. его отношения с Русской православной церковью находятся в состоянии разрыва из-за признания Александрийским патриархатом Православной церкви Украины.

Христианские организации как экономические акторы в Африке

В христианском контексте религиозные организации также выступают крупными владельцами активов, работодателями и участниками коммерческих проектов. Так, Церковь Уганды (член Англиканского сообщества) владеет компанией Church Commissioners Holding Company Limited (CCHL), созданной для централизованного управления церковными активами. Ее ключевым проектом стал 16-этажный офисный центр **Janani Luwum Church House** в центре Кампалы. Строительство здания стоимостью около 17 млн долл. началось в 2010–2011 гг. и было завершено в 2018 г. Основным кредитором стал **Equity Bank Uganda** – угандийская дочерняя структура кенийской **Equity Group Holdings**: банк профинансировал около 70% проекта, тогда как оставшиеся 30% покрывались за счет средств Церкви Уганды. В 2024 г. Церковь Уганды погасила строительный заем, после чего банк передал ей правоустанавливающий документ на объект. По состоянию на март 2026 г. здание было заполнено на 86%[57]. При этом портфель CCHL не ограничивается офисной недвижимостью: компания также владеет гостиницами, базами отдыха, книжными магазинами, типографиями, издательскими домами и иными активами.

Стоит отметить, что объем непосредственно контролируемых религиозными организациями активов незначителен по сравнению с активами в руках религиозных деятелей. Так, состояние основателя нигерийской Living Faith Church Дэвида Ойедепо еще в 2011 г. Forbes оценивал примерно в 150 млн долл.[58]

Другим направлением церковной экономической активности становятся агропромышленные проекты. В июле 2025 г. **Католическая епархия Форт-Портала** в Уганде представила пятилетнюю кофейную стратегию, предполагающую создание около 50 приходских кооперативов

56 U.S. Department of State. 2023 Report on International Religious Freedom: Egypt. URL: https://www.state.gov/reports/2023-report-on-international-religious-freedom/egypt/

57 Nile Post. Church of Uganda Advances Sustainability Agenda at Board of Trustees Meeting. URL: https://nilepost.co.ug/news/328724/church-of-uganda-advances-sustainability-agenda-at-board-of-trustees-meeting

58 Forbes. The Five Richest Pastors In Nigeria. URL: https://www.forbes.com/sites/mfonobongnsehe/2011/06/07/the-five-richest-pastors-in-nigeria/

по модели малых хозяйств площадью 13 га. В тот же период **Англиканская епархия Северной Уганды** распределила между приходами 100 тыс. саженцев кофе. Схожая программа была запущена в епархии Кигези в ноябре 2025 г., где приходам передавались саженцы коммерческого сорта Хасс (Hass avocado). Эти инициативы вписываются и в более широкую государственную повестку коммерциализации малых хозяйств. Власти Уганды рассматривают религиозных лидеров как посредников, способных распространять такие модели через приходские и общинные сети. В 2025 г. Церковь Уганды получила от государства более 4 тыс. правоустанавливающих документов на земельные участки.

Значительными имущественными активами располагает, к примеру, Коптская православная церковь. **Управление целевых фондов Коптской православной церкви** (Coptic Orthodox Endowments Authority) создано в 1960 г. и обладает правосубъектностью. Оно контролирует учет доходов и расходов, использование и распределение доходов от земельной и иной недвижимости коптских вакфов. По данным самой церкви, Управление контролирует около 4667 федданов земли – порядка 1 960 га – в составе примерно 337 целевых фондов.

Отдельный элемент коптской экономики – монастырские хозяйства. Например, монастырь **Святого Макария Великого в Вади-эн-Натруне** получил в 1978 г. 1 тыс. федданов пустынной земли (около 420 га) для сельскохозяйственного освоения. Уже к началу 1980-х гг. хозяйство приобрело промышленный масштаб: в 1982 г. была создана автоматизированная птицеферма проектной мощностью до 12 млн яиц в год, развивались молочное животноводство и механизированное растениеводство. Впоследствии монастырь создал мощности по переработке фиников и производству молочных продуктов; сегодня продукция коптских монастырей – оливки и оливковое масло, молоко и сыры, мед, мясная продукция и др. – реализуется не только паломникам, но и через магазины и онлайн-торговлю в крупных городах.

Религиозные организации также участвуют в развитии взаимного кредитования. В Анкольской епархии Церкви Уганды с 2012 г. действует кредитно-сберегательный кооператив **Millennium SACCO**. Его значение связано, помимо прочего, с ограниченным доступом к банковскому и формальному кредитования. Общая финансовая включенность в Уганде по состоянию на 2023 г. достигала 81%, формальная – 68%, а финансово исключенными оставались 19% взрослых. На этом фоне кооператив привлекает депозиты и выдает кредиты на более выгодных условиях по сравнению со среднерыночными: средняя ставка по кредиту в банках – 18,2%, SACCO – 10–15%. К концу 2024 г. его паевой капитал составлял 7,3 млрд угандийских шиллингов (ок. 2 млн долл.), а объем сбережений – 13,3 млрд (ок. 3,6 млн долл.)[59]. Millennium SACCO демонстрирует экономическую устойчивость и, по данным епархии, обеспечивает держателям паев выплаты на уровне более 30%[60].

В некоторых случаях связанные с церковью структуры превращаются в полноценные финансовые институты. В 2015 г. Католическая архиепархия Найроби учредила **Caritas Microfinance Bank** – депозитный микрофинансовый банк, выросший из приходской системы сберегательных групп. К концу 2024 г. его активы достигли ок. 36 млн долл., а объем привлеченных депозитов – ок. 31 млн долл.; банк обслуживал более 27 тыс. активных депозитных счетов.

Кроме того, как и в случае с исламскими праздниками, христианские паломничества и церковные собрания также формируют сезонные рынки и составляют важную часть религиозной экономики в широком смысле. К примеру, в ЮАР пасхальное паломничество последователей **Zion Christian Church** ежегодно приносит значительные доходы провинции Лимпопо. Место паломничества находится в Зион **Сити Мория**, где расположена штаб-квартира церкви, примерно в 25 км от Полокване, столицы провинции. В 2025 г. поток посетителей на пасхальные выходные в Лимпопо составил около 2 млн человек[61].

59 The Observer. Millennium Sacco 2012 keeps good growth trend. URL: https://observer.ug/business/millennium-sacco-2012-keeps-good-growth-trend/
60 Millennium Sacco 2012. Our Loan Products. URL: https://msacco2012.com/
61 SABC News. ZCC Easter pilgrimage provides tourism boom for Limpopo. URL: https://www.sabcnews.com/sabcnews/zcc-easter-pilgrimage-provides-tourism-boom-for-limpopo/

По оценке 2011 г., расходы паломников составляли около 26 млн долл. с учетом расходов на транспорт[62]. В 2026 г. власти Лимпопо ожидали, что пасхальный период принесет провинции доход до 6 млн долл.[63]

Традиционные африканские религии и институты

Характерная особенность традиционных африканских религий – их сравнительно слабая централизация и институционализация. В отличие от Католической церкви, крупных протестантских деноминаций или исламских советов, они чаще существуют как совокупность автономных святилищ, жреческих линий, культов отдельных божеств и предков, общин традиционных целителей и локальных ритуальных институтов.

Доисламские и дохристианские религиозные традиции продолжают оказывать заметное влияние на общественную жизнь Африки, в том числе в обществах, почти полностью идентифицирующих себя с исламом или христианством. Даже в Алжире и Марокко, где ислам имеет государственный статус, официально отмечается **Йеннайер** – амазигский Новый год, связанный с доисламским сельскохозяйственным календарем. В январе 2027 г. по современной амазигской системе летоисчисления начнется 2977 г. В Алжире Йеннайер – оплачиваемый государственный праздник 12 января, в Марокко – 14 января.

При этом выделить численность последователей собственно традиционных религий практически невозможно: они редко обладают централизованной организацией и не всегда открыто говорят о своей религии в опросах и переписях, а почитание предков, обращение к традиционным целителям и другие практики часто сосуществуют с христианской или мусульманской идентичностью. По этой причине формальное число их приверженцев значительно меньше круга людей, реально участвующих в подобных практиках.

Тем не менее современные организации, ориентированные непосредственно на воспроизводство традиционных религий, также успешно функционируют. В Гане действует основанная в 1982 г. **Afrikania Mission** – неотрадиционалистское движение, пытающееся объединить и модернизировать различные местные культы, основанные на почитании божеств, духов и предков, в рамках единой «африканской традиционной религии», в Нигерии – объединения **AATREN**, **International Council for Ifa Religion** (ICIR) и возникший из той же организационной среды **International Congress for Ifa and Orisa Spirituality** (ICIOS), располагают системой членства, зарубежными отделениями и организует международное паломничество по священным местам йоруба.

Наиболее часто институционализированная форма организации элементов традиционных религий – объединения и ассоциации традиционных целителей.

К примеру, действующая в ЮАР и Эсватини **Traditional Healers Organization** объединяет около 78 тыс. практиков. В Танзании традиционное целительство институционализировано через государственное регулирование. Действующий в системе Министерства здравоохранения **Traditional and Alternative Health Practice Council** (TAHPC; Baraza la Tiba Asili na Tiba Mbadala) регистрирует и лицензирует целителей и учреждения традиционной медицины, контролирует профессиональные стандарты, препараты и рекламу и вправе приостанавливать деятельность нарушителей. На 2025 г. в системе Совета учитывалось около 59 тыс. практиков и 293 учреждения традиционной и альтернативной медицины[64].

62 Saayman,et al. Perspectives on the Regional Economic Value of a Pilgrimage. International Journal of Tourism Research. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/jtr.1936

63 Eyewitness News. Limpopo tourism expected to generate up to R100 million over Easter. URL:https://www.ewn.co.za/2026/04/05/limpopo-tourism-expected-to-generate-up-to-r100-million-over-easter

64 Ministry of Health of Tanzania. Baraza la Tiba Asili, Tiba Mbadala Watakiwa Kujikita Katika Tafiti. 25 April 2025. URL: https://www.moh.go.tz/news-single/baraza-la-tiba-asili-tiba-mbadala-watakiwa-kujikita-katika-tafiti

Особый случай представляют охотничьи союзы **донсо** (дозо) в Мали и соседних странах. В условиях вооруженных конфликтов часть таких объединений превратилась в вооруженные отряды самообороны и политически значимых акторов.

Еще значительнее влияние традиционных религиозных представлений проявляется через институты традиционной власти, которые формально вообще не представляют собой религиозные организации. Конституция ЮАР признает статус традиционных лидеров и обычное право, а законодательство допускает их участие, среди прочего, в управлении землей, природными ресурсами и местном развитии; на практике распределение и администрирование общинных земель остается одним из важнейших источников их влияния.

Особенно наглядно соединение политической и сакральной власти проявляется в Эсватини, которое представляет собой единственную в мире абсолютную монархию, где традиционная религия предков – основной источник легитимности политической системы.

Король, носящий традиционный титул **Ингвеньяма** («Лев»), одновременно глава государства и традиционный лидер народа свази, тогда как королева-мать – **Индловукати** («Слониха») – имеет собственный конституционно закрепленный традиционный статус.

С экономической точки зрения одной из наиболее заметных форм существования традиционных культов стали праздники, паломничества, ритуальные услуги и связанный с ними культурный туризм. Особенно эта модель развилась в Бенине, где государство фактически превратило традицию **Водун** в один из элементов национального туристического бренда. В 2026 г. трехдневные **Vodun Days** в Уиде посетили около 741 тыс. участников.

Заключение

Таким образом, религиозные организации в Африке сохраняют значение благодаря прежде всего устойчивости присутствия их институтов в повседневной жизни населения и включенности в базовые общественные процессы. В условиях неравномерного и порой минимального присутствия государства, церкви, тарикаты, исламские советы, епископские конференции и религиозные фонды остаются посредниками между населением, властями, партиями и иными структурами, в т.ч. и неформальными, а иногда и нелегальными.

Религиозная принадлежность при этом остается важным элементом социальной и политической идентичности. Религиозные организации могут функционировать как часть государственной инфраструктуры и связывать граждан с государственными институтами через официальные религиозные советы, школы, больницы и программы развития. Одновременно они могут формировать альтернативные сети лояльности – вокруг харизматических пасторов, независимых церквей, тарикатов, исламских движений или глобальных сетей. В странах с низким уровнем доступа к государственным услугам их влияние может ослаблять связь граждан с государством и поддерживать более узкие формы лояльности – конфессиональные, общинные, региональные или связанные с конкретным религиозным лидером.

В среднесрочной перспективе значение религиозных организаций в общественно-политической жизни Африки, вероятно, будет сохраняться на высоком уровне. В условиях демографического роста религиозные организации становятся важнейшим каналом связи Африки с миром и влияния на глобальные процессы.

Католические, англиканские, пятидесятнические, суфийские, ахмадийские и исмаилитские структуры связывают африканские общества с зарубежными центрами финансирования, образования и гуманитарной помощи.

Одновременно продолжается африканизация самих религиозных структур: центры принятия решений, подготовки духовенства, финансирования и интеллектуальной жизни постепенно смещаются внутрь континента, тогда как африканские епископы, пасторы и мусульманские богословы приобретают все больший вес в глобальных религиозных движениях и превращают сам континент в источник кадров, идей и организационных моделей для глобальных конфессий

Усиливающийся курс многих стран на политический и экономический суверенитет пока обычно не противоречит росту влияния религиозных организаций и даже на них опирается. Однако в дальнейшее укрепление государственных институтов может привести к обострению противоречий с религиозными лидерами, особенно в тех случаях, если источники легитимности их находятся за пределами границ этих стран. При этом рост роли религиозных организаций не означает формирования единого «религиозного» политического субъекта. Даже внутри одной конфессии конкурируют структуры с различными источниками авторитета, финансовыми моделями и отношением к государству.

Особенно важно, что религиозным организациям удается сохранять влияние среди городской молодежи, что повышает их устойчивость в условиях изменения социальной структуры континента.

Внутри африканских государств они все чаще выступают поставщиками общественных услуг, работодателями, владельцами активов, посредниками и каналами политической мобилизации, становясь как партнерами, так и потенциальными конкурентами государства. Пока их влияние реализуется преимущественно через институты, социальные сети и переговоры, а не через собственный силовой ресурс и прямое присвоение политической власти, возможности для дальнейшего расширения их роли сохраняются.

МАКРОЭКОНОМИКА

Бондаренко А.В., Смирнов К.В.,
Липатов П.Ю.

При участии Суховой Д.М.

Макроэкономика

На пути к устойчивому росту

Средний рост реального ВВП стран Африки южнее Сахары в 2026 г. составит 4%, оставаясь на уровне 2025 г.[1] По данному показателю Африка заметно топережает страны Латинской Америки и Карибского бассейна, а также Европы и Центральной Азии (рост ВВП в 2025 г. был на уровне 2%), однако проигрывает странам Южной (7%) и Восточной Азии и Тихоокеанского региона (5%).

Основным драйвером роста экономик стран Африки в годы после пандемии остаётся внутренний спрос. Частное потребление и внутренние инвестиции поддерживаются смягчением денежно-кредитных политик, замедлением инфляции и улучшением внешних условий. Примерно половина прироста ВВП в 2025 г. пришлась на сектор услуг. Среди них ключевую роль играют финансы, ИКТ, торговля, а также туризм.

В последние годы экономики с большим государственным участием и объемом государственных инвестиций показывают в среднем лучшие темпы роста, тогда как страны, прошедшие через глубокую приватизацию стратегических отраслей (например, ЮАР), сталкиваются с долговыми кризисами и замедлением роста. В 2025 г. рост реального ВВП в ЮАР составил 1%, тогда как в Сенегале и Зимбабве – по 8%, а в Кот-д'Ивуаре – 7%.

По среднему значению за десять лет лидерами по экономическому росту в Африке были средние по объему ВВП страны, которые постепенно начинают играть ключевую роль в своих макрорегионах.

За период с 2016 по 2025 г. лидирует по росту реального ВВП Эфиопия, за ней следуют Республика Гвинея, Руанда, Бенин, Кот-д'Ивуар, Нигер и Танзания. По расчетам Центра изучения Африки НИУ ВШЭ, средние показатели же ЮАР и Нигерии не превысили 1%/год, Алжира – 2%/год.

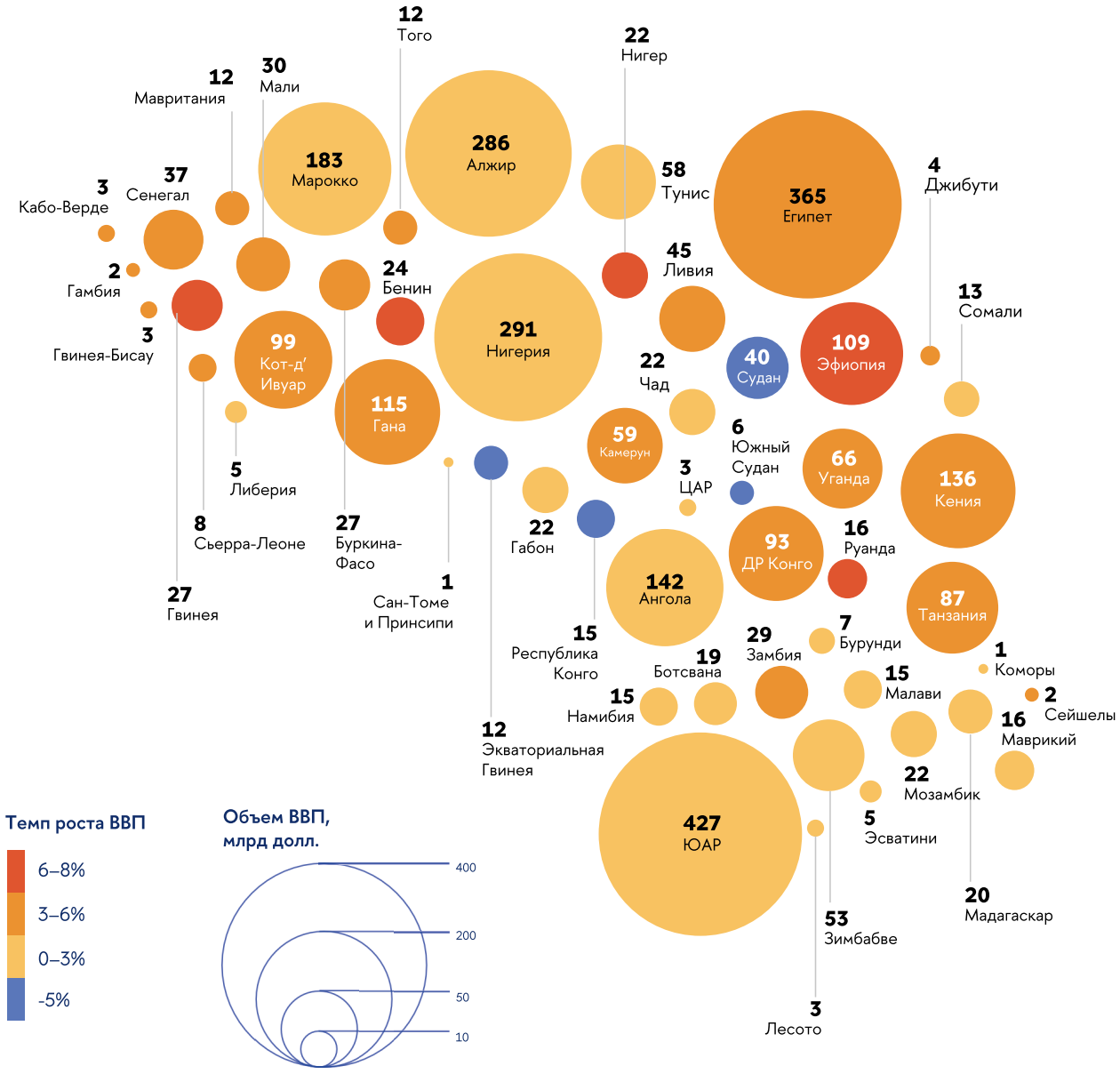
В целом страны Африки демонстрировали относительно устойчивые долгосрочные темпы роста, однако в целом наблюдается тенденция к снижению накопленного роста ВВП в последнем десятилетии. Особенно это характерно для нефтегазовых и ресурсных экономик: Нигерии, Анголы, Республики Конго, Экваториальной Гвинеи, Мозамбика, Намибии, Замбии и ЮАР. В Анголе произошло замедление экономической динамики: накопленный рост реального ВВП снизился с 87% в 2006–2015 гг. до 9% в 2016–2025 гг., в Нигерии – с 86% до 14%, в Республике Конго – с 51% до -9%.

Тем временем в 15 странах Африки южнее Сахары ВВП на душу населения в 2026 г. все еще будет ниже уровня 2014 г. Особенно падение (более чем на 25%) заметно у Анголы, РЭГ, Республики Конго, Южного Судана и Судана. Все эти страны зависят от экспорта энергоносителей, а Южный Судан и Судан пострадали и от военных конфликтов.

Наибольший рост доходов на душу населения к 2026 г. прогнозируется в Кабо-Верде, Кот-д'Ивуаре, Эфиопии, Республике Гвинея и Руанде (рост на 45% и больше относительно уровня 2014 г.). При этом важно отметить, что население в Эфиопии увеличилось примерно на 30% за этот же период, таким образом экономический рост в стране (+158% к ВВП или +55 млрд долл.) опережал демографическую динамику, то есть совокупный объем создаваемого дохода увеличивался быстрее, чем население.

1 International Bank for Reconstruction and Development. Africa Economic Update. URL: https://www.worldbank.org/en/region/afr/publication/africa-economic-update

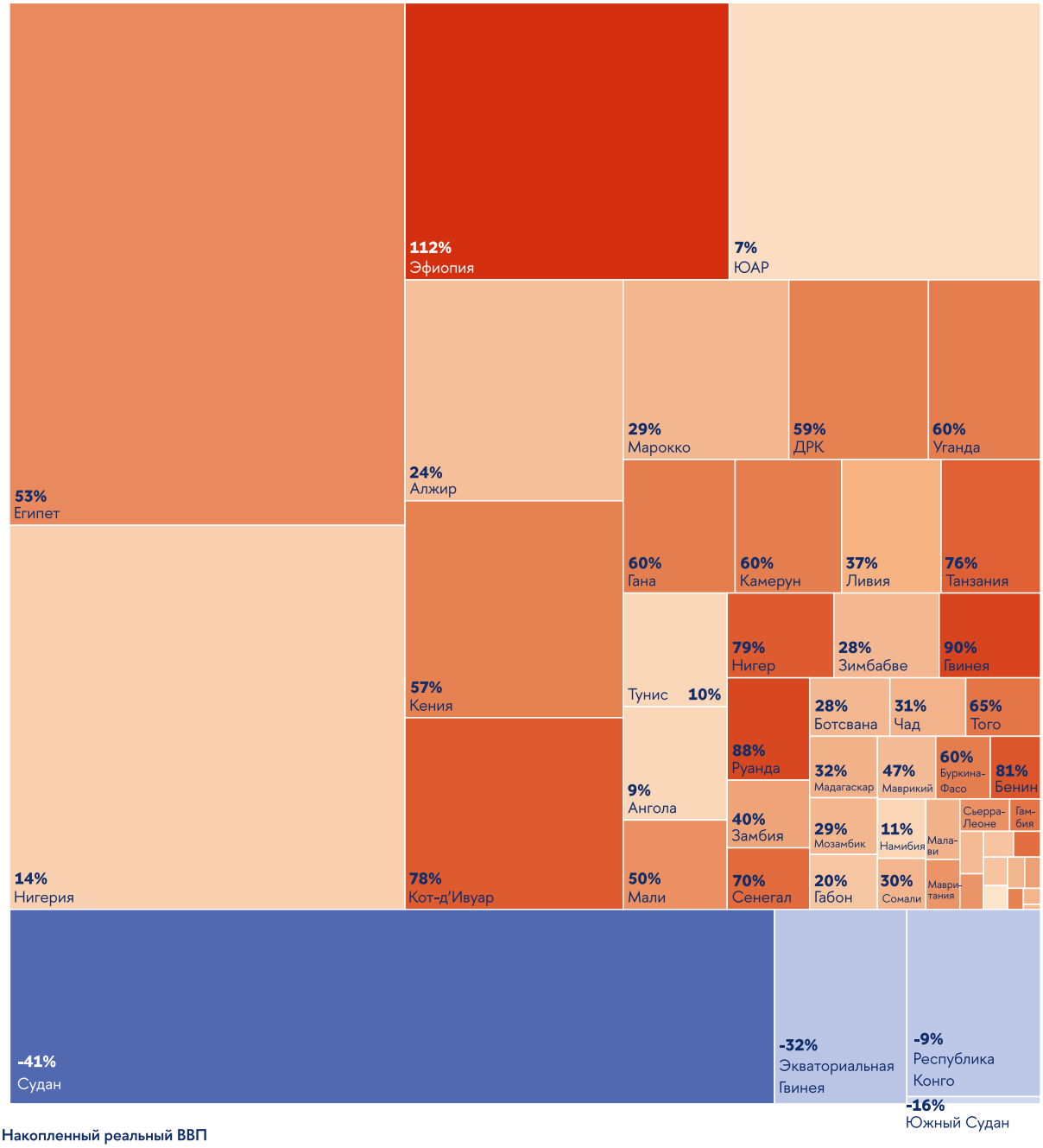
Средний рост ВВП в странах Африки, 2016-2025 гг.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

Итого, лучшие условия для роста в Африке последнего десятилетия обеспечивали государственные инвестиции и стабильная политическая система. Примечательно, что в число ключевых, обязательных для роста факторов не входят ни прямые иностранные инвестиции, ни, например, низкий уровень коррупции, ни открытость экономики, ни даже выход к морю (например, Эфиопия, Нигер и Руанда).

Вклад стран в экономический рост Африки, 2016–2025 гг.

Накопленный реальный ВВП

112% 2% -41% -9%

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

Что скрывается за показателями безработицы в Африке?

Рынки труда Африки меняются, растет занятость в сфере услуг и промышленности. В целом страны Африки можно разделить на несколько типов в зависимости от доминирующих характеристик рынков труда.

В ряде стран Африки (в частности, в странах Сахеля и некоторых странах Восточной и Центральной Африки) сохраняется доминирование аграрного сектора и неформальной занятости, где большинство населения вовлечено в сельское хозяйство. Данные страны образуют первый тип рынка труда – аграрно-неформальный. В 2025 г. доля занятых в сельском хозяйстве Бурунди – 88%, Нигера – 73%, Чада – 71%, ЦАР – 66%, Мали – 63%, Буркина-Фасо – 52%.

Далее идут страны, образующие рынок труда, на котором растет значимость занятости в городах (сфера услуг), в том числе и в неформальном секторе, но при этом свою важность сохраняет и сельское хозяйство. В эту категорию входят страны с быстрорастущими городами и городскими агломерациями – Сенегал, Гана, Нигерия, Танзания, Эфиопия и т.д. В Зимбабве четверть занятых приходится на сельское хозяйство, а еще 23% – на торговлю. В майнинге занято 9%, а в образовании и промышленности – по 7%.

Третий тип – страны с доминирующей формальной занятостью и относительно диверсифицированным рынком труда. К ним можно отнести ЮАР, где высокая занятость в промышленном секторе сочетается с хронической структурной безработицей, при этом наблюдается рост формального сектора (в частности, финансовой сферы), в то время как неформальный сектор остается сравнительно небольшим по сравнению с другими странами Африки. Также Северная Африка характеризуется более развитым формальным сектором, где растет занятость в сферах туризма, возобновляемой энергетики и промышленности. В Марокко во втором квартале 2026 г. примерно 49% занятых было зафиксировано в сфере услуг, 24% – в сельском хозяйстве, 14% – в промышленности, а 13% – в строительстве.

Значения показателей, характеризующих рынок труда стран Африки, остаются крайне неоднородными. По оценкам Международной организации труда (МОТ), в 2025 г. уровень безработицы в странах Африки варьируется от менее 1% до более 30%.

Различия связаны с методологией подсчета уровня безработицы. Согласно методологии МОТ (19th ICLS), безработным считается человек трудоспособного возраста (от 15 лет), который в текущий момент не имеет места работы, но готов приступить к ней и находится в активном поиске[2]. Люди, занятые в формальном или неформальном секторе и выполнявшие в течение референтного периода (4 недели) хотя бы некоторую работу за оплату, включая кратковременную занятость, классифицируются как занятые и не относятся к безработным[3]. В то же время производство товаров исключительно для собственного потребления, включая натуральное хозяйство, по современной методологии не считается занятостью. Поэтому человек, занимающийся такой деятельностью, может быть классифицирован как безработный, если он ищет оплачиваемую работу и готов приступить к ней, либо как находящийся вне рабочей силы, если эти условия не выполняются.

Помимо стандартного уровня безработицы (LU1), МОТ использует более широкие показатели недоиспользования рабочей силы. В частности, показатель LU3 объединяет безработных и потенциальную рабочую силу. К потенциальной рабочей силе относятся люди, которые хотели бы работать, но не удовлетворяют одновременно всем критериям стандартной безработицы – например, готовы приступить к работе, но не ведут активного поиска.

2 World Bank Group. Metadata Glossary: Unemployment, total (% of total labor force). URL: https://databank.worldbank.org/metadataglossary/jobs/series/SL.UEM.TOTL.MA.ZS

3 World Bank Group. GLD Harmonization: Labor module guide. URL: https://worldbank.github.io/gld/Support/A%20-%20Guides%20and%20Documentation/GLD%20Manual%20Files/Labor.html

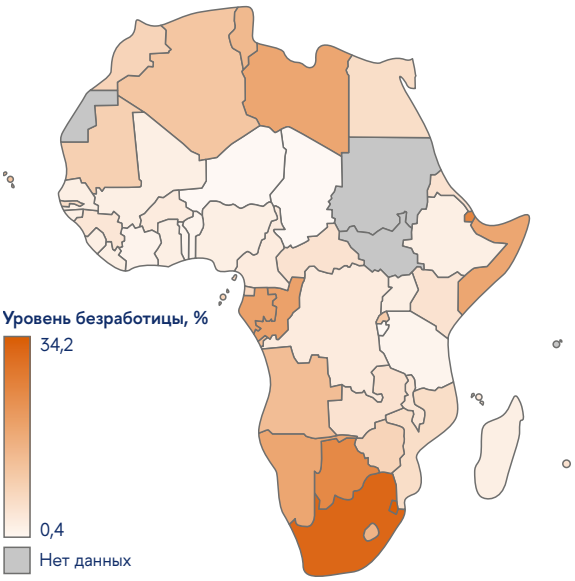
Отдельную подгруппу среди них составляют люди, прекратившие поиск работы из-за отсутствия подходящих возможностей на рынке труда. Например, официальный уровень безработицы в Зимбабве в 2025 г. – 21%, однако расширенный показатель составляет уже 37%.

Уровень безработицы в сельской местности традиционно остается значительно ниже, чем в городах. Например, в Марокко в 2026 г. уровень безработицы в сельских районах – 5% против 11% в городах[4]. В Эфиопии в 2024 г. уровень безработицы в сельской местности составлял около 6%, в то время как в городах – около 19%[5]. Однако есть страны, где уровень безработицы не сильно отличается в зависимости от места проживания. Так, в Зимбабве, по данным Zimstat, во втором квартале 2025 г. уровень безработицы в сельской местности – 22% против 20% в городах[6].

Наибольший вклад в показатели безработицы вносят женщины и молодежь. Например, уровень безработицы среди молодежи (15–24 года) в Зимбабве во втором квартале 2025 г. – 39%[7]. В странах Северной Африки гендерные различия выделяются сильнее. В Марокко в 2025 г. уровень безработицы среди женщин – 15%, в то время как среди мужчин – 8%.

Согласно данным МОТ и Всемирного банка, в странах Западной Африки зафиксированы аномально низкие значения уровня безработицы, среди которых наименьшие значения показателя наблюдаются в регионе Сахеля. На 2025 г. наименьший уровень безработицы среди стран Африки был в Нигере (0,4%) и Чаде (1%). Низкие значения связаны с преобладанием сельского населения, аграрного сектора и неформальной занятости (например, в Нигере вклад сельского хозяйства в ВВП составляет около 34%, а в Мали – 33%) и вовлеченностью населения в мелкооптовую торговлю.

Уровень безработицы в странах Африки, 2025 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Международной организации труда и Всемирного банка.

Наибольший уровень безработицы, согласно статистике Всемирного банка и МОТ, зафиксирован в странах Южной части Африки – Эсватини (34%), ЮАР (32%), Ботсвана (25%) и Намибия (19%). Страны региона демонстрируют одни из наиболее высоких значений уровня безработицы в мире, что связано с меньшей долей занятости в неформальном секторе относительно других стран Африки и несоответствием навыков выпускников учебных заведений требованиям рынка. При этом местная статистика относит к безработным членов семей, если они выполняют работу по дому или в огороде. Поэтому если в семье появляется хотя бы один кормилец, занятый на производстве или в городской экономике услуг, остальные члены его семьи уже не заняты вместе с ним в натуральном/неформальном сельском хозяйстве, а регистрируются как незанятые (хотя они каким-то образом всё равно трудятся).

4 Situation du marché du travail au Maroc. URL: https://www.hcp.ma/Situation-du-marche-du-travail-au-Maroc-au-deuxieme-trimestre-de-2026-a-partir-de-la-nouvelle-enquete-sur-la-main-d_a4342.html

5 World Bank Group. Employment in urban and rural Ethiopia. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/717091632198808079/pdf/Employment-in-Urban-and-Rural-Ethiopia.pdf

6 Zimbabwe National Statistics Agency (ZIMSTAT). Quarterly Labour Force Survey, Q2 2025. URL: https://www.zimstat.co.zw/

7 Zimbabwe National Statistics Agency (ZIMSTAT). Quarterly Labour Force Survey, Q2 2025. URL: https://www.zimstat.co.zw/

То же происходит, если источником дохода для домохозяйства становится пенсия представителей старшего поколения. Важный вклад вносит и система мер поддержки безработных в ЮАР, Лесото и т.п., которые пока только начинают внедряться, однако уже привели к тому, что больше граждан стали идентифицировать себя и регистрироваться в качестве безработных.

В нефтедобывающих странах Центральной Африки (Габон, Республика Конго и Ангола) средний уровень безработицы – 19%[8]. В странах Восточной Африки уровень безработицы остается относительно невысоким – в среднем около 6–8%, с низкими показателями в Уганде (около 3%), Танзании (2%) и Бурунди (1%). В Замбии и Зимбабве, которые занимают промежуточное положение между индустриализированным (относительно) югом Африки и аграрным востоком, соответственно и показатели промежуточные: 9–10%

Страны Северной Африки образуют группу с умеренной по меркам континента безработицей, в 2025 г. уровень безработицы составил 7% в Египте, 9% в Марокко, 12% в Алжире и 15% в Тунисе[14]. Основной проблемой остается незанятость образованной молодежи (до трети молодых людей с высшим образованием в Алжире, Египте и Марокко в 2025 г. оставались вне рынка труда)[15]. В отличие от стран южнее Сахары, относительно развитый формальный сектор делает безработицу здесь ближе к классической, отражающей реальный дефицит рабочих мест, а не особенности учёта.

Официальная статистика уровня безработицы не всегда отражает реальное положение на рынках труда, а модельные оценки МОТ могут расходится с оценками уровня безработицы национальными статистическими ведомствами. При этом национальные источники зачастую используют более актуальную методологию (19th),

Вклад промышленности в ВВП ЮАР составляет около 24%, а сельского хозяйства – лишь 3%, такой уровень индустриализации ограничивает неформальную занятость, способствует росту конкуренции и увеличению фрикционной и структурной безработицы[9].

Дополнительный фактор, частично способствующий высокой безработице в ЮАР, – наличие пособий по безработице. Это позволяет людям дольше находиться в статусе безработных и тратить время на поиск места работы, отказываясь от низкооплачиваемых предложений в неформальном секторе. Средняя заработная плата в формальном несельскохозяйственном секторе ЮАР на начало 2025 г. составляла около 1550 долл.[10], в то время как максимальные выплаты Фонда страхования по безработице (UIF) составляли 38–58% от средней заработной платы за последние 6 месяцев[11]. Максимальная выплата составляет около 970 долл. в месяц и данная система доступна только тем, кто работал официально и делал взносы[12]. Помимо UIF в ЮАР также есть пособия Программы социальной помощи в случае крайней нужды (SRD) в размере чуть больше 20 долл. в месяц. Кроме того, наличие пенсионных выплат в старости стимулирует людей искать официальное место работы. В странах Сахеля подобные пособия по безработице отсутствуют, поэтому люди не могут позволить себе оставаться без дохода на время поиска работы[13].

8 World Bank Group. Metadata Glossary: Unemployment, total (% of total labor force). URL: https://databank.worldbank.org/metadataglossary/jobs/series/SL.UEM.TOTL.MA.ZS
9 All Africa. Africa: South Africa and Nigeria Need Opposite Approaches to Their Informal Sectors. URL: https://allafrica.com/stories/202507210367.html
10 Statistics South Africa. Quarterly Employment Statistics (QES), Q1 2025: average monthly earnings (R28 289, February 2025). URL: https://www.statssa.gov.za/?p=18514
11 Statistics South Africa. Quarterly Employment Statistics (QES), Q1 2025: average monthly earnings (R28 289, February 2025). URL: https://www.statssa.gov.za/?p=18514
12 SARS. Unemployment Insurance Fund. URL: https://www.sars.gov.za/types-of-tax/unemployment-insurance-fund/
13 World Bank Group. The World Bank is helping Chad strengthen its Social Protection System. URL: https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/06/21/world-bank-is-helping-chad-strengthen-its-social-protection-system
14 World Bank Group. Metadata Glossary: Unemployment, total (% of total labor force). URL: https://databank.worldbank.org/metadataglossary/jobs/series/SL.UEM.TOTL.MA.ZS
15 Mastercard foundation. Africa Youth Employment Outlook 2026. URL: https://mastercardfdn.org/en/our-research/africa-youth-employment-outlook-2026/

Неформальная экономика в Африке

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Международной организации труда, Всемирного банка и МВФ.

тогда как оценки МОТ для международных сопоставлений основаны на предыдущей версии (13th). Например, оценка уровня безработицы МОТ в Анголе составляет 14%, тогда как национальный Институт статистики (INE) по итогам 2025 г. фиксировал значения в районе 28–29% во втором квартале[16]. Схожая ситуация и в Зимбабве, где по данным МОТ безработица составила 9%, в то время как в национальном источнике – 21%.

Основная проблема большинства африканских стран заключается не в отсутствии рабочих мест как таковых, а в преобладании низкопроизводительной занятости.

В 2024–2025 гг. уровень неформальной занятости в Африке был довольно высоким: в странах Африки южнее Сахары – 86–88%, а в Северной – 63%[17]. Неформальная занятость обеспечивает доходы для части населения, особенно в условиях роста рабочей силы и ограниченных возможностей формального сектора. Например, в Зимбабве в неформальном секторе в 2025 г. было занято 59% населения в то время официальное место работы было у 36% граждан[18]. Неформальный сектор не является исключительно негативным явлением и позволяет наиболее бедным слоям населения адаптироваться к экономическим шокам, однако его доминирование ограничивает рост налоговых поступлений, затрудняет накопление капитала и препятствует росту доходов населения в долгосрочной перспективе.

Бюджетная политика и рост государственных инвестиций

Суммарный размер государственных бюджетов стран Африки в 2025 г. составил около 700 млрд в долларовом эквиваленте – сумма, сопоставимая, например, с расходной частью бюджета РФ 2026 г. при пересчете в доллары.

Размер дефицита бюджета сильно различается в зависимости от страны. По данным МВФ, на октябрь 2025 г. дефицит бюджета в Египте составил около 11% ВВП, в Ботсване – 9%, в Габоне – 7% и в Тунисе – 5%. Более умеренный дефицит наблюдается в таких странах, как Нигерия, где он составил 4%, Марокко – 3% и Гана – 2%.

16 Instituto Nacional de Estatística de Angola (INE). Inquérito ao Emprego (IEA), 2025. URL: https://www.ine.gov.ao/publicacoes/detalhes/NDIzNDY%3D
17 ILOSTAT. Informal employment statistics database. URL: https://ilostat.ilo.org/data/
18 ZimStat. The 2025 Second Quarter Labour Force Survey. URL: https://www.zimstat.co.zw/wp-content/uploads/Macro/Labor-force/2025/Q2_2025_QLFS_Report.pdf

Различия в размере бюджетного дефицита между странами Африки отражают степень устойчивости их государственных финансов: чем выше зависимость от внешних заимствований (в том числе размер госдолга) и сырьевой конъюнктуры при слабой доходной базе, тем выше дефицит. Его сокращение обычно достигается либо через рост бюджетных доходов (в настоящее время многие страны Африки предпринимают усилия по цифровизации налоговой системы и сокращению неформального сектора для расширения налогооблагаемой базы), либо через консолидацию расходов (что зачастую связано с сокращением госрасходов и ведет к стагнации экономики), либо через сочетание этих мер.

Отличительная особенность усредненного бюджета стран Африки: первичный профицит госбюджета не обязательно означает общий профицит из-за высоких расходов на обслуживание внешнего долга. Египет – наиболее яркий пример. В 2023/24 г. Египет достиг первичного профицита в размере 6% от ВВП, также планируется достижение первичного профицита в размере 4% в 2025/26 г. Тем не менее общий дефицит бюджета Египта в 2023/24 г. – около 4% ВВП, что связано с выплатой процентов по государственному долгу (общий долг составил примерно 89% ВВП[19]).

Проведенный Центром изучения Африки НИУ ВШЭ анализ структуры государственных бюджетов стран Африки указывает на 3 ключевых тренда развития. Во-первых, на фоне сохраняющейся политической нестабильности в ряде стран возрастает доля расходов на оборону и безопасность; напротив, расходы на сельское хозяйство постепенно сокращаются. Во-вторых, более заметное место в бюджетной политике стали занимать цифровизация и образование. За период с 2023 по 2025 г. 10 стран Африки начали выделять «цифровизацию» в качестве отдельной статьи бюджетных расходов, хотя традиционно цифровизация – скрытая компонента других бюджетных статей. В-третьих, в ряде стран Африки наблюдается тренд на рост государственных расходов, в том числе на инфраструктурные проекты, а также рост доли внутренних доходов.

Средневзвешенная доля расходов на оборону увеличилась с 6 до 6,9% за пятилетний период, что отражает усиление военно-политической напряженности в некоторых регионах[20]. За 2021–2025 гг. значительно нарастили расходы на оборону Камерун (с 1% до 5%) и ДР Конго (с 4% до 7%). В абсолютном выражении лидируют крупные экономики – Алжир, Египет и ЮАР.

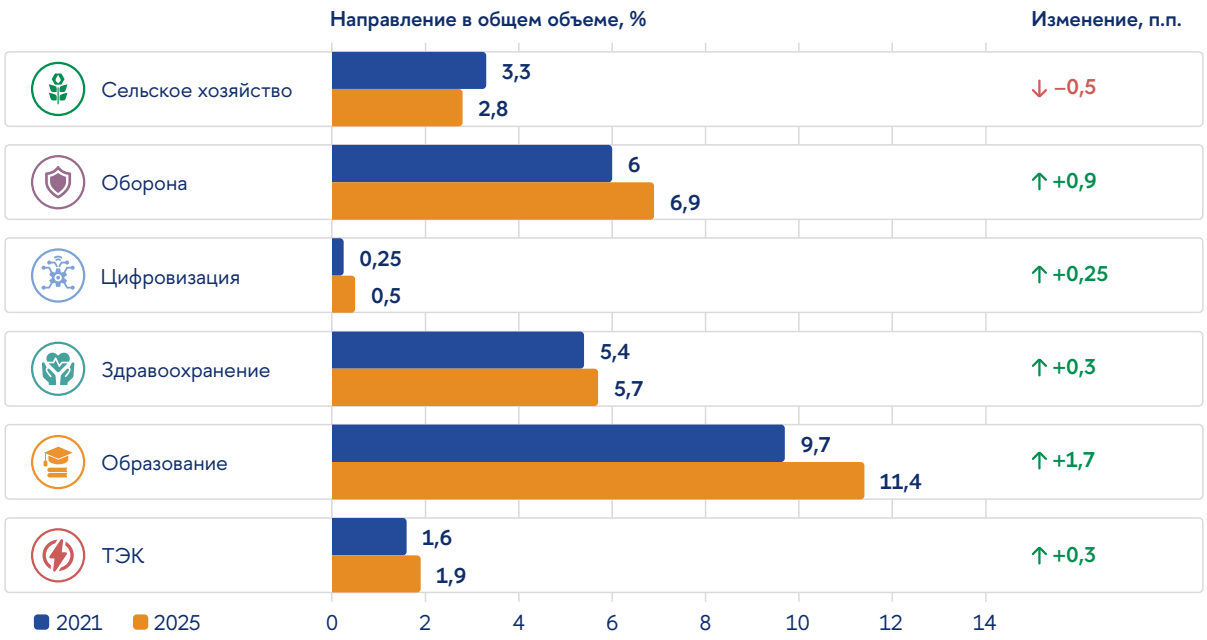
Средневзвешенная доля расходов на сельское хозяйство снизилась на 0,5 п.п., что частично связано с завершением острой фазы продовольственного кризиса. При этом в отдельных странах сельское хозяйство остается значимой статьей расходов: в 2025 г. высокие доли заложены в бюджетах ДРК (11%), Зимбабве, ЦАР и Мозамбика (по 8%), а также Замбии (6%). Важно учитывать, что расходы на сельское хозяйство (т. е. проходящие по линии соответствующих ведомств) могут включать субсидии как производителям, так и потребителям, например, на импорт зерна. Например, в бюджете Алжира примерно половина расходов на сельское хозяйство приходится на продовольственные субсидии по зерну (42%) и молоку (12%). Такие расходы нельзя считать инвестициями в развитие сектора, по природе это, скорее, социальные расходы, причем на нужды городского населения, формально проведенные через бюджеты аграрных ведомств.

Одним из трендов последних лет стал рост расходов на социальные нужды. Особенно заметен рост расходов на образование – с 9,7 до 11,4% за пятилетний период. По расходам на образование выделяются Намибия, Буркина-Фасо, Мали, Кения, Ботсвана, Мозамбик и Кот-д'Ивуар. Наиболее высокие доли расходов на здравоохранение заложены в бюджетах Намибии, Мозамбика, Кабо-Верде, Конго и Зимбабве.

19 Ministry of Finance. The Financial Monthly Bulletin – August 2025. URL: https://assets.mof.gov.eg/files/78935b10-8728-11f0-b590-f99feaa7130a.pdf

20 Здесь и далее расчеты Центра изучения Африки НИУ ВШЭ.

Изменение динамики расходов бюджета стран Африки по основным категориям

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

И, как уже было сказано выше, субсидии на импорт продовольствия должны быть отнесены к социальным расходам.

Отдельно стоит выделить цифровизацию. Хотя ее доля в бюджетах пока остается небольшой – около 0,5%, – с 2021 г. она увеличилась вдвое. Зачастую цифровизация – скрытая компонента других бюджетных статей, таких как здравоохранение или образование. Абсолютный лидер в 2025 г. по расходам на цифровизацию (расходы на развитие цифровой инфраструктуры, цифровизацию госуправления) в Африке – Египет (2,3 млрд долл.), за ним следуют Ангола (209 млн долл.) и Кения (162 млн долл.).

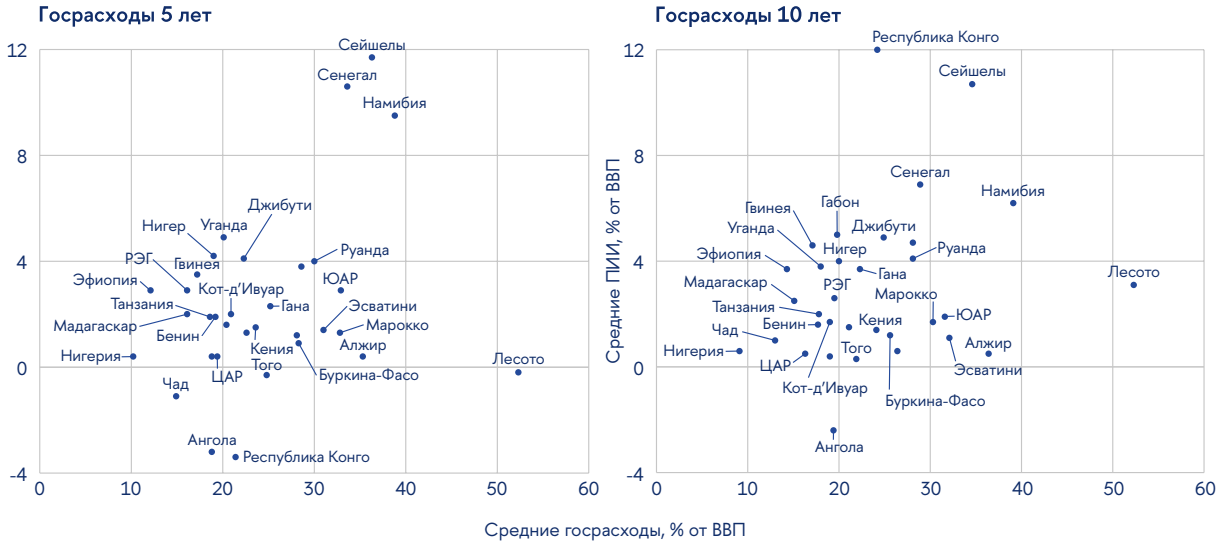
В ряде стран Африки формируется устойчивый тренд на увеличение государственных расходов.

Почти везде в Африке растет доля госрасходов в ВВП: в Танзании в 2004 г., по данным МВФ, она составила 17%, а по последним доступным данным – 19%; в Руанде – 18% и 29%, соответственно, в Уганде – 16% и 19%, в Сенегале – 18% и 34% и т.д.[21]

Рост доли государственных расходов в ВВП стран Африки также часто сопровождается устойчивым экономическим ростом. С 2014 г. за десятилетний период уровень госрасходов в Буркина-Фасо вырос на 7 п.п. до 28% ВВП, в то время как средний рост реального ВВП составил 4,7%. Госрасходы в Танзании выросли на 2 п.п. до 19%, а средний экономический рост был равен 5,3%. Рост госрасходов в Кот-д'Ивуаре составил 5 п.п. до 20% ВВП, а средний рост экономики – 6,3%. В Сенегале госрасходы увеличились на 11 п.п. до 34% ВВП, при этом рост экономики за десятилетний период – 5,3%.

21 IMF. Government expenditure, percent of GDP. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/exp@FPP/USA/FRA/JPN/GBR/SWE/ESP/ITA/ZAF/IND

Соотношение государственных расходов и притока ПИИ в странах Африки

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

Государственные расходы Танзании

В 2025/26 фискальном году совокупные расходы бюджета Танзании достигли 22 млрд долл., а крупнейшей статьей остается обслуживание долга, на которое приходится около четверти всех расходов. На расходы на развитие пришлось примерно 7% ВВП страны, или 31% бюджета страны, около 69% расходов на развитие финансируется из внутренних источников, а 31% – из внешних источников.

В разбивке по секторам наибольшая часть расходов государственного бюджета идет на образование (примерно 3 млрд долл.), строительство, транспорт и коммуникации (2 млрд долл.), здравоохранение (1,2 млрд долл.), энергетику (768 млн долл.) и сельское хозяйство (752 млн долл.).

За предыдущий фискальный период правительство отчиталось о выделении примерно 617 млн долл. на строительство дорожной инфраструктуры, 656 млн долл. на строительство железнодорожной инфраструктуры (SGR), 225 млн долл. на строительство ГЭС «Джулиус Ньерере» и сельскую электрификацию через Агентство по сельской энергетике (REA), а также 70 млн долл. на строительство и реконструкцию стадионов в рамках подготовки к Кубку африканских наций 2027 г. Еще 148 млн долл. было потрачено на реализацию проектов водоснабжения в городских и сельских районах, 18 млн долл. – на строительство и реконструкцию больниц, а 3 млн долл. – на строительство медицинских центров и амбулаторий.

Государственные расходы на транспортную инфраструктуру в странах Африки

Часть роста государственных расходов в странах Африки связана с инвестициями в строительство и модернизацию дорожно-транспортной инфраструктуры. В бюджете Кот-д'Ивуара на 2025/26 г. 1 млрд долл. был заложен на развитие дорожной сети. Помимо строительства новых дорог, ассигнования будут направлены на укрепление 993 км уже эксплуатируемых дорог.

В бюджете Уганды на 2025/26 г. на развитие транспортной инфраструктуры выделено около 1,8 млрд долл. Отдельно на развитие транспортной сети в столичной агломерации Кампалы выделено около 371 млн долл.

Напротив, в ряде стран сокращение госрасходов взаимосвязано со стагнацией экономики. Например, в Республике Конго на фоне сокращения нефтяных доходов зафиксированы как сильное сокращение госрасходов (на 27 п.п. ВВП) за десятилетний период, так и спад экономического развития – накопленное падение реального ВВП – 8,9%. Небольшое сокращение госрасходов наблюдалось в Намибии (на 3 п.п.), при этом в экономике была стагнация (рост реального ВВП – 1,4% в среднем за 10 лет, накопленный рост – всего 10%).

Потенциал стимулирования экономик стран Африки через бюджетную политику часто связан с увеличением государственных расходов. При этом наибольший эффект может дать не общее расширение расходов, а выборочная бюджетная поддержка инфраструктурных проектов, энергетики, сельского хозяйства и образования. Однако при увеличении государственных расходов важно не усугубить проблемы долговой нагрузки и инфляции, а также предпринимать параллельные усилия по увеличению государственных доходов за счет расширения налогооблагаемой базы.

Будущее Африки в эффективной налоговой политике

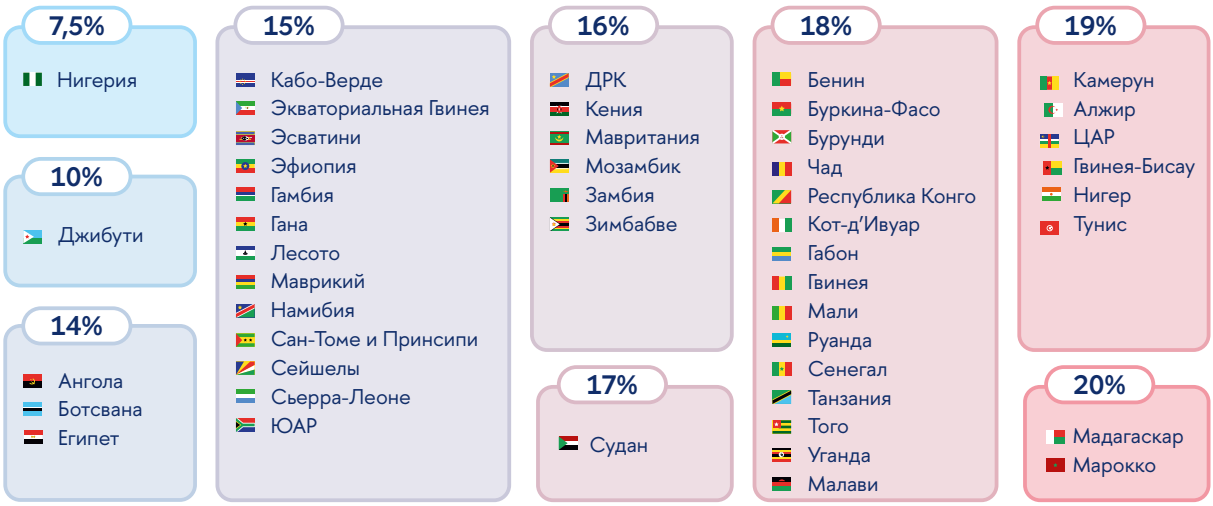
Традиционно доминирующую роль в структуре бюджетных поступлений любой страны играют налоговые доходы. Неналоговые доходы, финансовые операции, гранты, иностранная помощь и продажа активов – относительно небольшие категории доходов бюджета. Например, в ЮАР налоговые поступления – около 90 % доходов бюджета страны на 2025/26 г. (примерно 109 млрд долл.). Для ряда стран, например, Ботсваны и Лесото, неналоговые доходы превышают 10% ВВП, а большая часть из них получена из Общего доходного пула Южноафриканского таможенного союза. Фундаментальной же особенностью Африки остаётся низкий уровень налогообложения в целом. В странах ОЭСР на налоги приходится 33–35% ВВП, в то время как в Африке – 16–17%.

Налоги на товары и услуги (включая налог на добавленную стоимость (НДС) и акцизы) занимают наибольшую долю в общих налоговых поступлениях в странах Африки – около 52%, при этом на НДС приходится около 27% от всех налоговых поступлений. Например, в Мали в 2025 г. 51% поступлений в бюджет были получены от НДС.

Внутри континента можно выделить несколько доминирующих налоговых моделей. Первая – диверсифицированная модель, характерная для стран с более развитым формальным сектором и государственными институтами (ЮАР, Марокко, Тунис, Маврикий). В этих странах налоговые поступления формируются не только за счет НДС, но и за счет налога на прибыль компаний и доходов физических лиц, других прямых налогов. Вторая модель сконцентрирована на доминировании НДС в структуре налоговых поступлений. Она характерна для стран с высокой долей неформальной занятости. Поступления от НДС обеспечивают наибольшую долю доходов в Лесото и Мали (51%), Мадагаскаре (48%) и Того (42%). Третья модель характерна для ориентированных на добычу сырья стран, где значительная часть доходов бюджета зависит от налога на прибыль компаний, роялти и иных платежей добывающего сектора, что в свою очередь делает бюджетные доходы чувствительными к колебаниям мировых цен. К ней относятся Нигерия (вклад налога на прибыль корпораций – 30%), ДР Конго (36%), Республика Конго (31%). Четвертая модель характерна для стран с зависимостью от таможенных и региональных трансфертов. В эту группу, например, входят страны САКУ – Эсватини и Ботсвана. Так, таможенные, акцизные и прочие пошлины, собранные в общем таможенном пространстве, попадают в Общий доходный пул САКУ, а затем распределяются между странами-участницами с помощью специального механизма.

Ставка НДС существенно варьируется от страны к стране, по большей части, в диапазоне от 5 до 20%. В ряде стран Африки за последние 3 года был взят курс на повышение базовой ставки НДС. В Гане в 2023 г. базовая ставка выросла с 12,5% до 15%, также с января 2026 г. в Зимбабве налог на добавленную стоимость был повышен с 15% до 15,5%. В ЮАР попытку повышения НДС не удалось реализовать – в первой редакции бюджета на 2025/26 гг. было заложено повышение ставки НДС на 0,5 п.п. в 2025 г. и еще на 0,5 п.п. в 2026 г. К 2026/27 финансовому году НДС должен был достигнуть 16%. Однако после того как одна из крупнейших партий в стране – Демократический альянс – отказалась поддержать бюджет, он был пересмотрен и предполагаемое увеличение НДС отменено.

Ставка НДС в странах Африки, 2026 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

Согласно данным Всемирного банка, Намибия входит в число стран с наиболее высоким соотношением налоговых доходов к ВВП с показателем 33% в 2024 г., за ней следуют такие европейские страны, как Дания (31%), Великобритания, Люксембург и Норвегия (27%). В Намибии неизменно сохраняется высокое соотношение налогов к ВВП, что можно объяснить повышенными ставками корпоративного налога – 30% для большинства компаний (в 2026/27 г. планируется снижение до 28%), 37,5% для горнодобывающих компаний и 55% для алмазодобывающих компаний – наряду с прогрессивной системой подоходного налога для физических лиц, ставки которого достигают 37%. Также высокая собираемость налогов связана со структурой экономики страны и высокой формализацией, а также поступлениями от Южноафриканского таможенного союза.

Одна из особенностей Африки – узкая и нестабильная база доходов. Собираемость налогов в Африке остается относительно низкой, хотя она в целом сопоставима с показателями в других регионах с аналогичным уровнем доходов. Как в Южной Азии, так и на Ближнем Востоке и в Северной Африке соотношение налогов к ВВП сопоставимо со странами Африки южнее Сахары и составляет в среднем около 14–16%. По последним доступным данным только в 20 странах Африки соотношение доходов к ВВП превышало 15% – порог, который обычно считается необходимым для поддержания макроэкономической стабильности.

Традиционно высокое отношение налоговых поступлений к ВВП характерно для стран со средним уровнем дохода, таких как Намибия, Марокко, Маврикий, Сенегал и Ботсвана. Высокий показатель также зафиксирован в таких странах с низким уровнем дохода, как Мозамбик и Буркина-Фасо. Экстремально низкое отношение налогов к ВВП (ниже 10%) по последним данным было зафиксировано в Эфиопии, Гвинее-Бисау, Нигере, Анголе и Мадагаскаре.

Низкая собираемость налогов в ряде стран Африки зачастую связана не только с узкой налоговой базой и доминированием неформальной экономики, но и со специальными налоговыми режимами, которые применяют государства. Многие страны Африки используют налоговые каникулы, освобождения от НДС и таможенных пошлин, специальные режимы для инвесторов, свободные экономические зоны для привлечения ПИИ. Например, деятельность проекта «Нигерия СПГ» регулируется отдельным законом[22], который предусматривает расширение льготного налогового периода для иностранных инвесторов до 10 лет, а также предоставление возможности переноса капитальных и процентных вычетов на последующие годы, что позволило сокращать налогооблагаемую прибыль даже после завершения формального льготного периода. Иностранные инвесторы также получали преимущества

На Маврикии, несмотря на относительно высокое отношение налоговых доходов к ВВП (примерно 21%), широко применимы налоговые стимулы для иностранных инвесторов, которые существенно сужают налогооблагаемую базу. С 2019 г. Маврикий внедрил новый налоговый режим – Partial Exemption System. В рамках этой системы отдельные виды доходов (например, дивиденды, проценты, прибыль от лизинга воздушных или морских судов, а также доходы, связанные с фондами) на 80% освобождаются от налогообложения. Это означает, что компании платят налог только с 20% прибыли, тогда как оставшиеся 80% освобождены от налога. При установленной ставке налога на прибыль компаний в 15% эффективная налоговая ставка по таким доходам составляет всего 3%.

22 Nigeria LNG (Fiscal Incentives, Guarantees and Assurances) Act.

от использования акционерных займов, освобождения от налогов отдельных трансграничных платежей, а также налоговых льгот для судоходных операций, импорта оборудования и экспорта СПГ. Таким образом, в 2005–2013 гг. бюджет Нигерии, по оценкам экспертов, недополучил около 3,3 млрд долл. налоговых поступлений, относимых к доле иностранных акционеров (Shell, Total и Eni)[23].

Еще один важный фактор – уклонение от уплаты налогов. Часть потенциальных доходов стран Африки не поступает в бюджет из-за трансграничного ухода от налогообложения. Транснациональные корпорации используют правовые лазейки для вывода прибыли из африканских юрисдикций, как правило, через манипулирование трансфертным ценообразованием, занижение отчетных показателей и перенаправление доходов в офшоры. Иностранные компании, особенно в добывающем секторе, часто концентрируют основные экономические функции в стране источника (добычу сырья, использование инфраструктуры, рабочей силы и ренты), но юридически переносят значительную часть прибыли в низконалоговые юрисдикции. Это достигается через занижение экспортных цен при продаже сырья связанным трейдерам, завышение внутригрупповых расходов, а также через долговое финансирование местных филиалов, когда прибыль выводится в форме процентных платежей. По оценкам МВФ, страны Африки южнее Сахары ежегодно теряют 450–730 млн долл. корпоративного налога из-за ухода от налогообложения транснациональных горнодобывающих компаний[24]. Однако рассчитанное МВФ значение представляется существенно заниженным.

Международные корпорации, в дополнение к и без того низкому уровню налогообложения в большинстве стран Африки, настаивают на дополнительных льготах, для чего привлечение ПИИ позиционируется как непременно необходимое условие роста и показатель «хорошего управления» в стране. В результате внутренние частные инвестиции фактически дискриминируются в пользу иностранных, а на государственные инвестиции, которые могли бы быть основным драйвером роста, не хватает средств.

В Замбии одним из наиболее известных примеров борьбы с уходом от налогообложения стало дело Mopani Copper Mining. В 2020 г. Верховный суд страны обязал компанию доплатить около 13 млн долл. налогов после того, как налоговые органы доказали занижение цен на медь, продававшуюся компании Glencore International в Швейцарии. В целом в период с 2015 по 2020 гг. Налоговое управление Замбии благодаря аудитам трансфертного ценообразования добилось дополнительного начисления налогов на сумму 133 млн долл.[25]

В ДР Конго государственный аудит показал, что горнодобывающие компании занизили отчетную выручку почти на 17 млрд долл. за период 2018–2023 г. Согласно законодательству, компании должны направлять 0,3% годовой выручки в фонды развития местных сообществ. Аудит Счетной палаты выявил расхождение: в фонды развития компании задекларировали 81 млрд долл., тогда как налоговым органам сообщили 98 млрд долл. выручки. По оценке аудита, из-за этого фонды развития недополучили примерно 50 млн долл.[26] Однако в данном случае в качестве базы для расчетов была использована уже задекларированная (то есть уже существенно заниженная) выручка.

23 SOMO. How Shell, Total and Eni benefit from tax breaks in Nigeria's gas industry. URL: https://www.somo.nl/wp-content/uploads/2016/02/How-Shell-Total-and-Eni-benefit-from-tax-breaks-in-Nigerias-gas-industry.pdf

24 IMF. Countering Tax Avoidance in Sub-Saharan Africa's Mining Sector. URL: https://www.imf.org/en/blogs/articles/2021/11/05/blog-countering-tax-avoidance-sub-saharan-africa-mining-sector

25 OECD. Landmark Supreme Court victory in Zambia. URL: https://oecd-development-matters.org/2020/11/12/landmark-supreme-court-victory-in-zambia-collecting-millions-in-tax-revenues-and-sending-a-message-across-borders/

26 Reuters. Congo mining firms underreported $16.8 billion in revenue, audit says. URL: https://www.reuters.com/sustainability/society-equity/congo-mining-firms-underreported-168-billion-revenue-audit-says-2025-10-08/

Ограниченная мобилизация внутренних доходов сужает бюджетное пространство и ставит правительства перед выбором между сокращением инвестиционных и социальных расходов либо дальнейшим наращиванием долговой нагрузки. Следовательно, правительства стран Африки все больше заинтересованы в расширении внутренней налоговой базы и повышении собираемости налогов не только за счет увеличения ставок, но прежде всего через формализацию экономики и цифровизацию налогового администрирования, а также за счет усиления контроля деятельности иностранных инвесторов. В долгосрочной перспективе страны, которые смогут превратить налоговую систему из инструмента эпизодического сбора доходов в устойчивый механизм поддержки развития, получат преимущество в финансировании инфраструктуры, снижении долговых рисков и создании предсказуемой среды для бизнеса.

Устойчивый рост государственного долга

Совокупный государственный долг африканских стран превысил 1,8 трлн долларов в 2024 г., увеличившись вчетверо с начала XXI в.[27] Медианное отношение долга к ВВП по Африке южнее Сахары выросло с 36% в 2014 г. до 58% в 2025 г. (прогноз). Внешний долг континента в 2025 г. превысил 1,2 трлн долларов, удвоившись всего за четыре года[28].

Долг распределен крайне неравномерно. 10 стран держат 69% совокупного внешнего долга континента: ЮАР (14%), Египет (13%), Нигерия (8%), Марокко и Мозамбик (по 6%), Ангола (5%), Кения и Гана (по 4%), Кот-д'Ивуар и Сенегал (по 3%)[29].

Условия новых займов ужесточились из-за двух факторов. Первый, временный фактор – сдерживающая ДКП 2022–2024 гг., которая плавно переходит в фазу смягчения. Второй, постоянный фактор – изменение структуры кредиторов, преобладание в ней частного сектора, доля которого удвоилась с начала XXI в. и достигла 54% к 2023–2025 гг.[30] Частные кредиторы (покупатели еврооблигаций, коммерческие банки) выдают займы на рыночных условиях – по ставкам, более высоким по сравнению со ставками МФО.

Медианное обслуживание внутреннего долга достигло пика в 4,7% ВВП в 2024 г., более чем вдвое выше внешнего (2% ВВП)[31]. Это отражает рост внутренних заимствований и их дороговизну, вызванную высокой инфляцией в большинстве стран Африки. Основные преимущества внутренних займов – снижение валютного риска и больше возможностей для реструктуризации. Структурный риск – вытеснение частного кредита государственным: банки активнее инвестируют в государственные бумаги, сокращая кредитование бизнеса.

В 2023 г. ни одна из стран региона не выпустила еврооблигации[32]. В 2024–2025 гг. страны Африки южнее Сахары начали возвращаться на рынок еврооблигаций после охлаждения мировых процентных ставок. В 2024 г. семь стран (Бенин, Камерун, Кот-д'Ивуар, Кения, Нигерия, Сенегал и ЮАР) совокупно привлекли более 12 млрд долл. В 2025 г. вернулись четыре эмитента: Бенин разместил 0,5 млрд долл. по ставке 8,6%, Кения – 1,5 млрд долл. по 10%, Нигерия – 2,4 млрд долл. по 8,6 и 9,1%, Габон – частное размещение под 12,7%.

Китай остается крупнейшим двусторонним кредитором Африки с портфелем свыше 90 млрд долл.

27 UNCTAD. A World of Debt Report 2025. URL: https://unctad.org/publication/world-of-debt
28 World Bank Group. International Debt Report 2025. URL: https://www.developmentaid.org/api/frontend/cms/file/2025/12/International-Debt-Report-2025.pdf
29 Afreximbank. African Debt: A Ray of Optimism. URL: https://media.afreximbank.com/afrexim/African-Debt-Outlook-A-Ray-of-Optimism.pdf
30 Afreximbank. State of Play of Debt Burden in Africa in 2024. URL: https://www.afreximbank.com/reports/state-of-play-of-debt-burden-in-africa-2024-debt-dynamicsandmounting-vulnerability/
31 World Bank Group. Pathways to Job Creation in Africa. Africa's Pulse, No. 32. URL: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/8322b452-2d9c-4708-9fa7-425245c58a7d/content
32 European Investment Bank. Finance in Africa. Unlocking investment in an era of digital transformation and climate transition. URL: https://www.eib.org/files/publications/20240033_finance_in_africa_chapter1_en.pdf

Что составляет около 10% от общеконтинентального внешнего долга, в 4 раза выше уровня 2012 г. Пик кредитования пришелся на 2016 г. (29 млрд долл.), после чего объемы резко упали до около 1 млрд в 2022 г., стабилизировавшись на уровне 2–4 млрд долл. в 2023–2025 гг.[33]

В 2025 г. Африка прошла через так называемую «стену долга» (the wall of debt), столкнувшись с пиком выплат по еврооблигациям, суммарным объемом свыше 10 млрд долл.[34] Стена была возведена в период низких процентных ставок 2010-х гг. Вопреки ожиданиям ряда инвесторов, которые выражались в низких ценах на еврооблигации, системного дефолта не случилось, но отдельные страны справились с долговой нагрузкой успешнее других.

Восемь африканских стран во главе с Кот-д'Ивуаром и Бенином привлекли 15,7 млрд долл. в новых еврооблигациях в 2024–2025 гг., годовая доходность составила рекордных 9%. Кения и Эфиопия возглавили волну долговых свопов, конвертируя долларовые займы в юани и снижая издержки. Намибия продемонстрировала редкую для Африки бюджетную дисциплину, единовременно погасив еврооблигации на 750 млн долл. Ангола, отсутствовавшая на рынке с 2022 г., вернулась с размещением под 9,5% – минимумом за шесть лет, опираясь на растущие нефтяные доходы.

В то же время период 2024–2025 гг. выявил ряд структурных проблем. В частности, Замбии удалось реструктуризировать только 75% просроченных обязательств в 2024 г.; оставшаяся часть была реструктурирована в 2025 г. из-за разногласий между кредиторами, что лишало страну доступа к международному долговому рынку. Сенегал оказался в центре крупного долгового скандала: международная аудиторская компания Forvis Mazars (штаб-квартира в Париже) выявила скрытый долг свыше 11 млрд долл., что подняло отношение долга к ВВП до 132% к концу 2024 г. Ключевые источники занижения данных включали незадекларированные расходы, финансировавшиеся за счет проектных займов, внебюджетные расходы, а также расходы на товары и услуги, финансировавшиеся при помощи займов в местных банках. МВФ квалифицировал это как «осознанное решение» скрыть реальный масштаб обязательств и заморозил кредитную линию на 1,8 млрд долл.

Из инструмента развития госдолг перешел в разряд тормозящих его факторов.

В 2023 г. африканские страны в совокупности впервые потратили больше на обслуживание долга, чем на образование[35]. 30 стран выделяют большую долю бюджетных расходов на обслуживание долга, чем тратят на здравоохранение. Подушевые расходы на здравоохранение, образование и обслуживание долга в 2021–2023 гг. составили 44, 63 и 70 долл. соответственно[36].

Долг Африки перед Россией: с чистого листа

Основная масса африканских долгов перед Москвой сложилась в советское время. На 1991 г. задолженность стран Африки составляла около 21 млрд долл., из которых две трети приходились на Алжир, Анголу, Ливию, Мозамбик и Эфиопию[37]. Понимая невозвратность этих обязательств, Россия последовательно их списывала. Совокупную сумму списаний Владимир Путин на пленарном заседании саммита «Россия – Африка» 2023 г. оценил в 23 млрд долл.[38]

33 Boston University Global Development Policy Center. Chinese Loans to Africa Database. URL: https://www.bu.edu/gdp/chinese-loans-to-africa-database/
34 The Exchange. How African economies dealt with the 2025 debt maturity wall. URL: https://theexchange.africa/africas-debt-maturity-wall/
35 Boston University Global Development Policy Center. Diverting Development: The G20 and External Debt Service Burden in Africa. URL: https://www.bu.edu/gdp/2025/05/15/diverting-development-the-g20-and-external-debt-service-burden-in-africa/
36 UNCTAD. A World of Debt Report 2025. URL: https://unctad.org/publication/world-of-debt
37 ТАСС. Как Россия списывала долги странам Африки. URL: https://tass.ru/info/7037257
38 РБК. Путин назвал сумму списанных долгов стран Африки перед Россией. URL: https://www.rbc.ru/politics/28/07/2023/64c37f609a794711558431b8

Процесс списания продолжился и далее: к 2023 г. был урегулирован долг Сомали в размере 690 млн долл.; в 2024 г. Россия освободила Гвинею-Бисау от задолженности в 27 млн долл.

Новое российское кредитование Африки крайне сконцентрировано. Ключевой вектор новых обязательств – ядерная энергетика. Египет – крупнейший африканский должник России.

На конец 2025 г. задолженность Египта перед Россией достигла 7,1 млрд долл., увеличившись за год на 73% и в 4 раза с 2022 г.[39] Египет входит в тройку крупнейших должников России после Бангладеш и Беларуси. Долг почти целиком связан с проектом АЭС «Эль-Дабаа», которую Росатом строит на средиземноморском побережье. В основе соглашения – кредитная линия размером 25 млрд долл., покрывающая 85% стоимости сооружения станции. Условия льготные: ставка – 3%, возврат в течение 22 лет, первый платеж запланирован на 2029 г.[40] Поправка к соглашению от 2024 г. включает перевод выплат по долгу в рубли и синхронизацию графика платежей с ходом строительства.

В 2025 г. Росатом подписал межправительственные соглашения о сотрудничестве в сфере мирного атома с Мали и Буркина-Фасо (последнее – на ПМЭФ-2025) и меморандум с Нигером. Эти соглашения пока преимущественно рамочные и не сформировали крупных кредитных линий, сопоставимых с египетской, однако свидетельствуют о стремлении масштабировать египетскую модель атомного кредитования на весь континент.

Позиции Африки в мировой торговле

В 2025 г. совокупный товарооборот стран Африки превысил 1,4 трлн долл.[41]

Однако в мировой торговле на долю стран Африки приходится всего лишь 3%. Лидерами по объему торговли традиционно на протяжении многих лет остаются крупные экономики континента – ЮАР, Египет, Марокко, Нигерия и Алжир. В 2025 г. на долю этих 5 стран пришлось 50% товарооборота континента.

Несмотря на то что отдельные страны Африки показали значительный профицит торгового баланса, в целом по континенту в 2025 г. был зафиксирован суммарный дефицит внешней торговли в размере 201 млрд долл.[42] Положительное сальдо торгового баланса наблюдалось только в 17 из 54 стран Африки, суммарно 93 млрд долл. Профицит преимущественно концентрируется в странах-экспортерах нефти, газа и других полезных ископаемых, включая ДР Конго, Анголу, ЮАР, Кот-д'Ивуар, Ливию, Габон и Республику Гвинею. Наиболее значительное отрицательное сальдо торгового баланса в 2025 г. было зафиксировано в Египте, Марокко, Кении, Танзании, Того, Сенегале и Джибути.

Хронический дефицит во внешней торговле может указывать на наличие структурных дисбалансов в экономике и недостаточную конкурентоспособность национального производства. Вместе с тем в ряде случаев он обусловлен импортом оборудования, необходимого для расширения производственных мощностей. В 2025 г. к крупнейшим импортерам средств производства (оборудование, продукция машиностроения и электроники) в Африке относились ЮАР, Марокко, Египет, Алжир, Нигерия, ДР Конго, Ангола, Танзания, Эфиопия и Тунис.

39 Central Bank of Egypt. External Position of the Egyptian Economy. URL: https://www.cbe.org.eg/-/media/project/cbe/listing/research/position/external-position-92.pdf

40 World Nuclear Association. URL: https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-a-f/egypt

41 Здесь и далее использованы данные ITC Trade Map. На момент написания главы прямые данные о торговле были доступны только по 17 странам, для остальных были использованы данные "зеркальной" статистики.

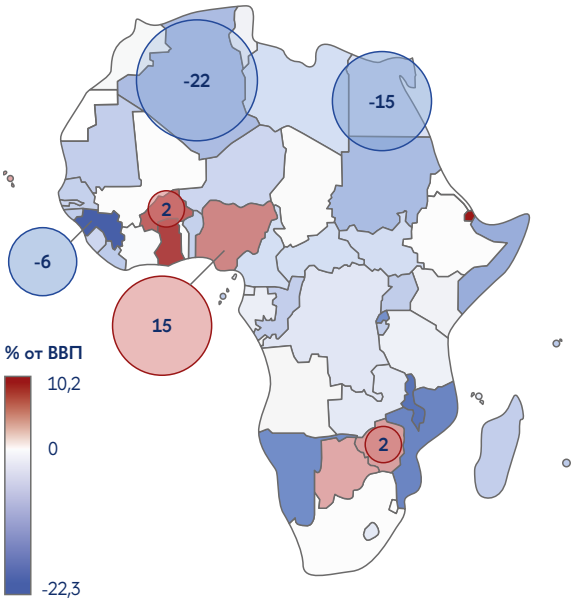
42 Большое исследование Центра изучения Африки НИУ ВШЭ о торговом дефиците представлено в главе «Внешняя торговля стран Африки: между дефицитом и возможностями» в справочнике «Африка 2025. Возможности и риски».

Торговый баланс – ключевой элемент счета текущих операций, но не единственный.

Отрицательный торговый баланс может частично компенсироваться поступлениями от услуг, денежными переводами диаспоры, грантами или другими вторичными доходами. Если такие компенсирующие потоки недостаточны, дефицит торгового баланса трансформируется в дефицит текущего счета. Верно и обратно: страны с профицитной торговлей товарами часто заканчивают год с отрицательным счётом текущих операций. Медианный дефицит текущего счета по странам Африки южнее Сахары снизился с 4,2% ВВП в 2024 г. до 3,8% ВВП в 2025 г.

В 2025 г. дефицит текущего счета был зафиксирован в 44 странах континента. Лидерами в 2025 г. по дефициту счета текущих операций были Республика Гвинея (-22% от ВВП), Малави (-17%), Мозамбик (-14%), Намибия и Руанда (-13%). Напротив, профицит продемонстрировали Джибути, Гана, Нигерия, Буркина-Фасо и Зимбабве.

Текущий счет стран Африки, 2025 г.

2 Абсолютное значение счета текущих операций, млрд долл.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных МВФ.

В абсолютном значении лидер по дефициту текущего счета – Алжир. В 2025 г. на фоне снижения выручки от экспорта энергоносителей и роста объемов импорта дефицит текущего счета увеличился до 22 млрд долл., что стало наибольшим показателем с 2015 г. (тогда был 27 млрд долл.). Схожая ситуация наблюдается и в Египте, где ухудшение показателей текущего счета было вызвано падением доходов от Суэцкого канала и ростом стоимости импорта энергоносителей в связи с сокращением добычи природного газа. В 2025 г. дефицит текущего счета превысил 15 млрд долл., сократившись с 21 млрд долл. в 2024 г. Однако важно понимать, что Алжир и Египет – одни из крупнейших экономик в Африке, поэтому, несмотря на лидерство в абсолютном выражении, нагрузка на экономику остается умеренной – 8% и 4% от ВВП стран соответственно.

Экспорт стран Африки постепенно растет и диверсифицируется, однако его структура по-прежнему остается преимущественно сырьевой и аграрной.

Совокупно экспорт стран Африки в 2025 г. составил 651 млрд долл. Крупнейшие экспортеры в 2025 г. – ЮАР (117 млрд долл.), Нигерия (54 млрд долл.), Египет (51 млрд долл.), Марокко (50 млрд долл.), Алжир (44 млрд долл.), ДР Конго (40 млрд долл.), а также Ангола (34 млрд долл.).

Устойчивую позицию в качестве крупнейшего покупателя товаров из стран Африки занимает Китай, на долю которого в 2025 г. пришлось 15% общего экспорта континента. Также в списке лидеров: Индия, страны ЕС (Франция, Италия, Испания, Германия, Нидерланды и др.), США, Великобритания и Турция.

В секторе услуг лидирующие позиции чаще всего занимают туристические и транспортные, а также бизнес-услуги (консультационные и управленческие услуги, технические, посреднические

Экспорт из Африки по стране назначения, 2025 г., млрд долл.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ITC.

и комиссионные услуги, лизинг, научные исследования). Традиционными лидерами по экспорту услуг выступают страны Северной Африки (Египет, Марокко, Тунис), а также ЮАР, Кения, Танзания, Эфиопия и Маврикий. Например, в Эфиопии 75% общего экспорта услуг приходится на транспортные услуги, которые почти полностью состоят из выручки крупнейшего авиаперевозчика Африки Ethiopian Airlines.

Страны Африки можно разделить на 3 укрупненные категории по экспортной специализации: энергоносители и минеральное сырье, продукция АПК, а также продукция промышленного производства. Несмотря на сохраняющееся доминирование сырьевых товаров, экспортная структура африканских стран постепенно диверсифицируется за счет роста поставок оборудования, транспортных средств, удобрений и других товаров с более высокой добавленной стоимостью.

Энергоносители остаются основой экспортной корзины ряда стран Африки. В 2025 г. энергоносители – ключевой экспортный товар для 14 стран Африки (Ливия, Египет, Алжир, Нигерия, Ангола, Мозамбик и т.д.). Важной категорией экспорта для части стран Африки (например, Замбии, ДР Конго, Зимбабве, ЮАР, Мали и др.) на протяжении многих лет остаются твердое минеральное сырье, руды и драгоценные камни. Основной риск для таких стран связан с высокой зависимостью экспортных доходов от конъюнктуры отдельных сырьевых рынков.

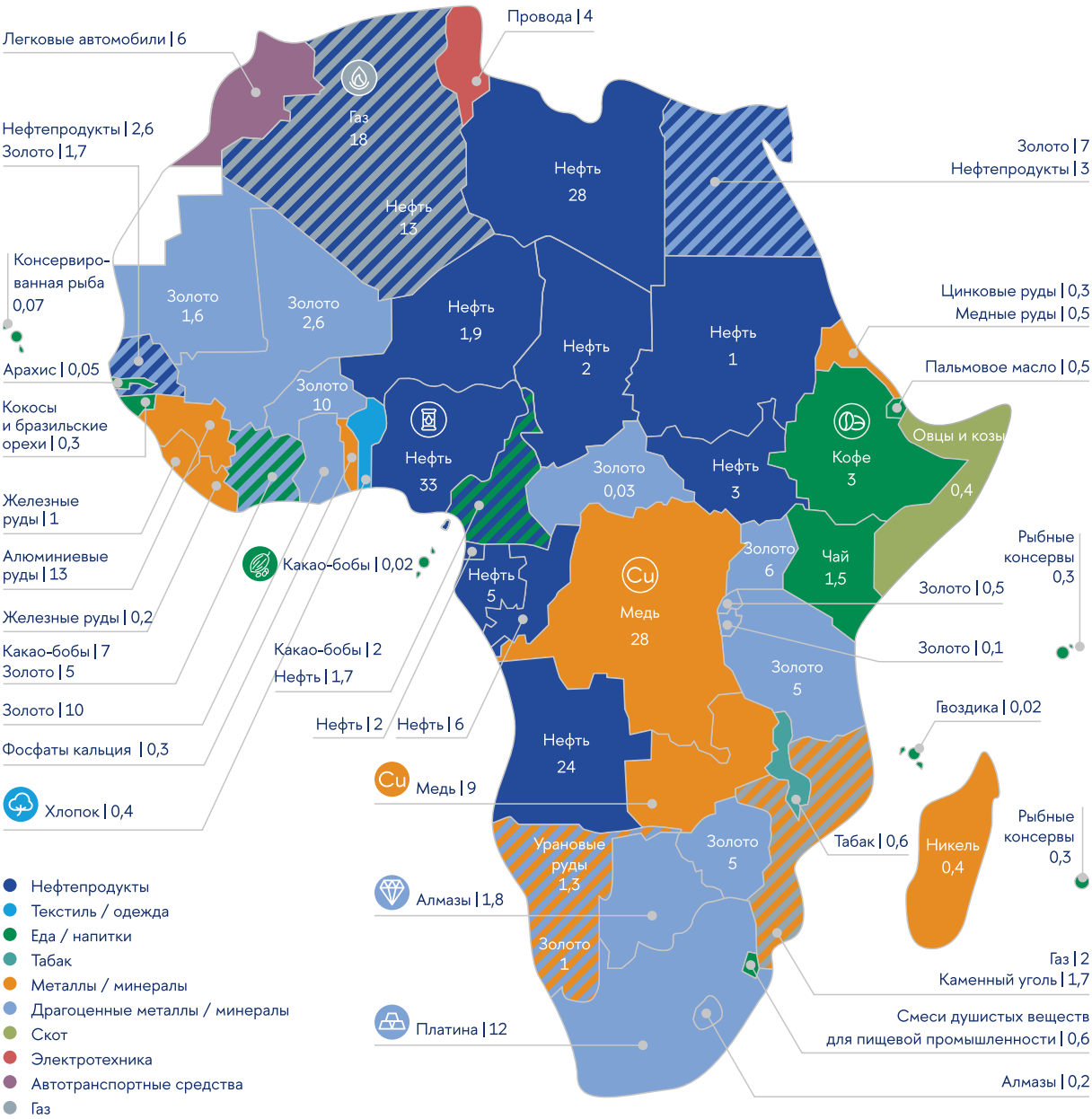
Поставки продукции АПК (кофе, чай, фрукты и орехи, какао, хлопок, табак, морепродукты и т.д.) определяют экспортную специализацию Кении, Танзании, Эфиопии, Малави, Кот-д'Ивуара, Египта, Марокко, Бенина, Маврикия и т.д. Транспортные средства, прежде всего автомобили, экспортируются странами Северной Африки и ЮАР, где размещены производственные площадки крупнейших мировых автоконцернов. В экспорте удобрений ведущие позиции занимают страны Северной Африки: Марокко, Египет и Алжир. Поставки металлургической продукции идут из ЮАР, Египта, Туниса и Марокко.

С высокой долей уверенности можно предположить, что Африка в ближайшие десять лет будет быстрее других регионов мира развиваться как направление сбыта товаров и услуг.

Прежде всего это будет происходить благодаря росту спроса со стороны стремительно растущего населения, монетизации потребления и преодолению инфраструктурного дефицита.

Как рынок сбыта Африка занимает важные позиции в мировом импорте (более 10% от глобального импорта) по ряду значимых категорий. Например, на долю стран Африки в 2025 г. пришлось

Основной экспортируемый товар по странам Африки, 2025 г., млрд долл.

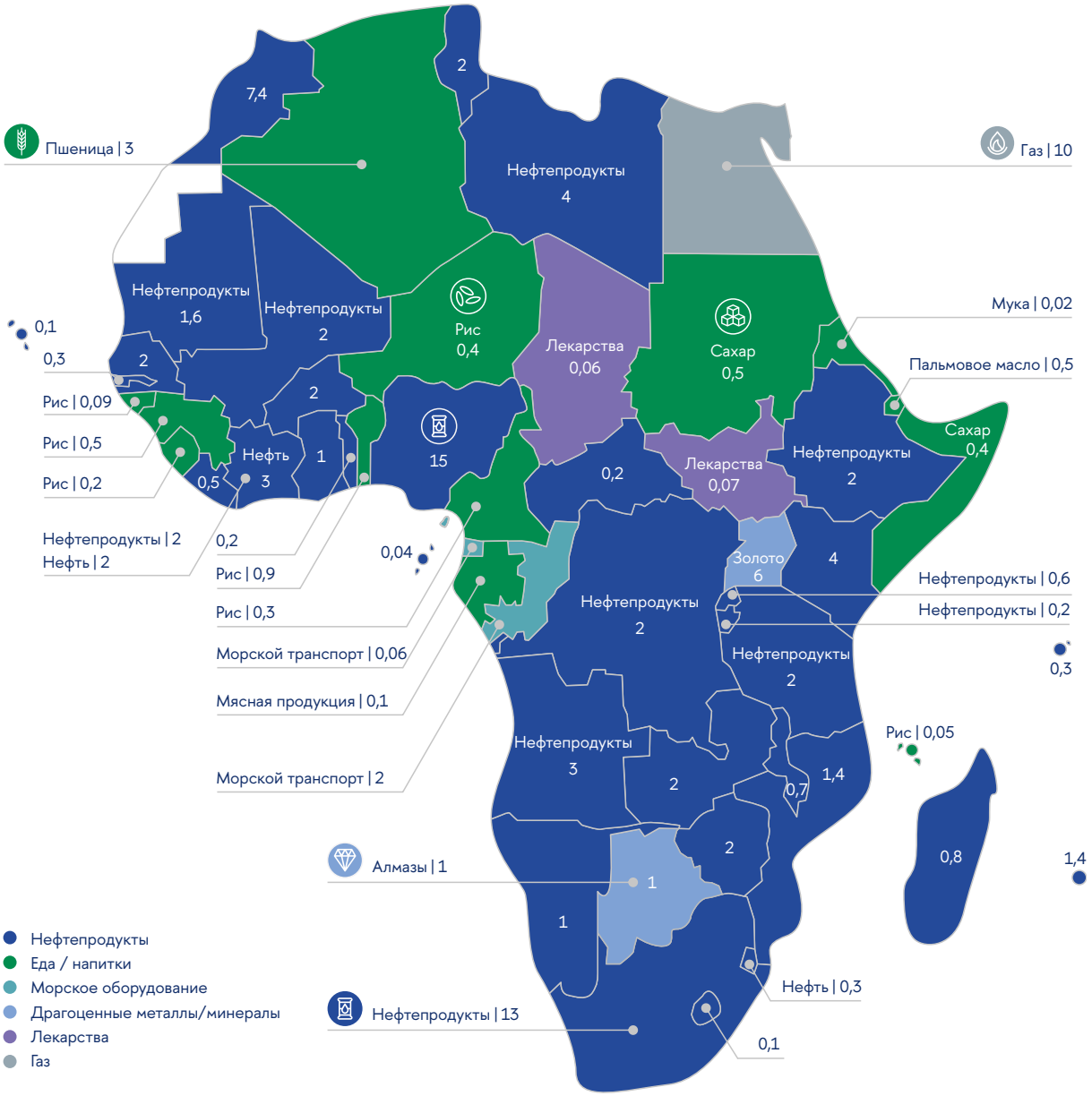

Источник: расчёты Центра изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ITC.

19% мирового импорта злаков, 14% – сахара, 13% – текстильных товаров. Еще 19 товарных групп превысили порог в 5% от общемирового импорта. К примеру, в данную категорию входят молочная продукция, растительные жиры, удобрения, металлургические товары, морской транспорт.

В 2025 г. импорт стран Африки достиг рекордного значения в 759 млрд долл. Импорт ЮАР в 2025 г. – 105 млрд долл., Египта – 101 млрд долл., Марокко – 88 млрд долл., Нигерии – 55 млрд долл., Алжира – 49 млрд долл. Страны Африки закупают преимущественно

Основной импортируемый товар по странам Африки, 2025г., млрд долл.

Источник: расчёты Центра изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ITC.

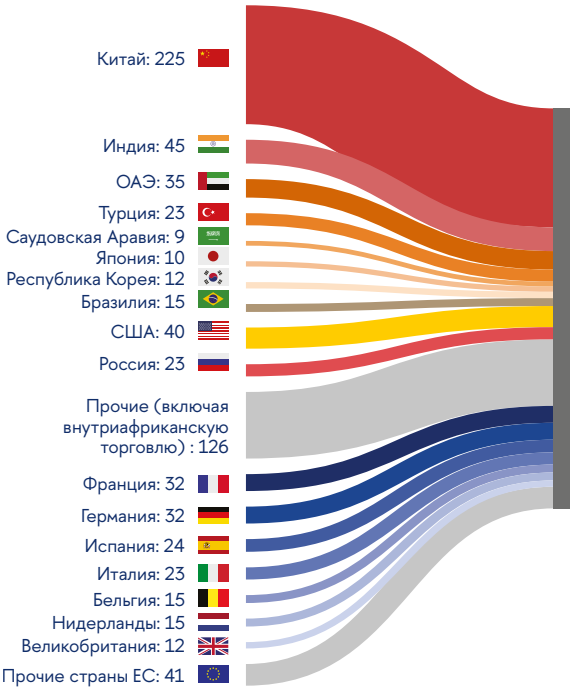
энергоносители (нефтепродукты), продукцию машиностроения, транспортные средства и электроприборы, продукцию металлургической промышленности, злаки и пластмассы, фармацевтические товары, а также продукцию военного назначения.

Специфика импорта услуг сильно зависит от страны, однако преимущественно в африканском импорте доминируют телекоммуникационные и транспортные услуги. Традиционными лидерами по импорту услуг (более 8 млрд долл. в год) выступают со значительным

отрывом Египет, ЮАР и Нигерия, далее идут Марокко, Гана, Алжир и Ангола. Например, в ЮАР традиционно около 37% импорта услуг приходится на транспортные услуги, 44% – на телекоммуникационные, а также около 6% – на страховые и финансовые услуги. В условиях роста доступности интернета и цифровизации в странах Африки увеличивается спрос на платформенные решения, цифровые госуслуги, финтех, телеком- и дата-инфраструктуру, кибербезопасность, системы мониторинга и управления данными.

Крупнейшими экспортерами продукции в Африку остаются страны Азии (Китай и Индия), на долю которых суммарно пришлось 33% африканского импорта в 2025 г. Далее следуют США, страны ЕС (Франция, Германия, Италия, Испания, Бельгия), Россия, Турция, Саудовская Аравия, Бразилия и ОАЭ.

Импорт в Африку по стране источнику, 2025 г., млрд долл.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ITC.

Внутриконтинентальная торговля остается ограниченной – в 2025 г. на нее пришлось всего 12% общего товарооборота стран Африки.

В страновом разрезе лидер во внутриафриканской торговле – ЮАР, на долю которой пришлось 25% в 2025 г. от общего объема торговли на континенте. Важный вклад во внутриконтинентальную торговлю также вносят ДР Конго и Египет (по 6%). Также во внутриафриканской торговле традиционно заметную роль играют страны, которые не имеют выхода к морю и вынуждены проводить экспортно-импортные операции через территорию третьих стран: Замбия, Зимбабве, Ботсвана. Также во внутриконтинентальной торговле растет доля стран, которые становятся точками входа на рынки континента, – Танзании, Кот-д'Ивуара, Нигерии. Хотя энергоносители, в том числе транзит импортируемых нефтепродуктов, сохраняют доминирующее положение, товарооборот внутри Африки постепенно диверсифицируется за счет роста поставок промышленной продукции (оборудования, удобрений и металлургических товаров).

С 2019 г. на континенте действует соглашение по формированию единой зоны свободной торговли – AfCFTA. На 2026 г. соглашение о ЗСТ ратифицировали 49 стран. По оценкам Всемирного банка, континентальная ЗСТ способна увеличить объем внутриафриканского экспорта на 81%. Однако на практике AfCFTA пока не стала единой континентальной ЗСТ. К 2026 г. всего 25 стран начали осуществлять преференциальную торговлю в рамках зоны свободной торговли – импортные пошлины постепенно отменяются на 90% позиций таможенной номенклатуры. Департамент торговли, промышленности и конкуренции ЮАР подчеркивает, что в рамках AfCFTA ЮАР получила новый режим доступа на рынки 14 стран[43], не входящих в САДК, тогда как торговля с государствами-членами Сообщества продолжает осуществляться в соответствии с действующими региональными соглашениями[44]. Однако существенных результатов по наращиванию экспорта ЮАР в эти новые страны пока не наблюдается.

43 Гана, Нигерия, Сьерра-Леоне, Гамбия, Эфиопия, Камерун, Тунис, Алжир, Египет, Марокко, Кения, Руанда, Уганда, Бурунди.

44 Department of Trade, Industry and Competition. Update on the AfCFTA. URL: https://www.thedtic.gov.za/wp-content/uploads/Newsletter-on-the-AfCFTA-March-2026.pdf

Россия традиционно больше продает в Африку, чем покупает.

По данным ФТС России, экспорт в страны Африки – 22,7 млрд долл. в 2025 г. В 2024 г. суммарный дефицит торговли стран Африки с Россией – 20,8 млрд долл., в 2025 г. – 18,3 млрд долл. По данному показателю в 2024 и 2025 гг. Россия уступала только Китаю, у которого профицит в торговле с Африкой – 44 млрд долл. и 91 млрд долл. соответственно.

При определении стран, перспективных для наращивания российского экспорта, важно учитывать не только структуру их импорта, но и географическое положение, политические риски и возможность выступать «хабами» для продвижения российской продукции в регионе. В Восточной Африке таким хабом может быть Танзания, в Западной – Нигерия, Сенегал и Гана, Южной части – ЮАР.

Африканское направление экспорта может стать важным фактором развития несырьевых отраслей российской экономики, включая железнодорожное и сельскохозяйственное машиностроение, автомобильную и колесную технику, а также экспорт услуг (образовательные и медицинские услуги, цифровые технологии, решения для цифровизации государственного управления, решения в области информационной безопасности и IT-продукты для транспорта, логистики, энергетики и АПК). Урбанизация и рост населения в странах Африки будут способствовать росту спроса на товары и услуги, связанные со строительством и развитием инфраструктуры.

Производство товаров, составляющих основу российского экспорта в Африку, может быть частично локализовано на континенте. Содействие локализации позволит России получить дополнительные возможности: расширить поставки удобрений, пестицидов, агротехнологий и оборудования, а также увеличить спрос на российские технологии и знания.

Основной задачей в среднесрочной перспективе должны стать инвестиции в инфраструктуру и долгосрочное присутствие.

Экспорт должен быть не просто продажей товаров или услуг, а частью комплексных решений реальных проблем взаимодействия людей, инфраструктуры и окружающей среды. Поэтому долгосрочное стратегическое планирование и содействие в формировании нужных Африке институтов должны стать основой расширения российского экспорта.

По данным ФТС, импорт товаров из стран Африки в Россию в стоимостном выражении в 2024 г. составил 3,5 млрд долл., а в 2025 г. – 4,4 млрд долл. (+26%).

Несмотря на усилия по диверсификации, экспорт Африки во многом остается сырьевым и аграрным, поэтому потенциал российского импорта также будет формироваться преимущественно в этих сегментах. Перспективными направлениями остаются такие товары АПК, производство которых в России ограничено или невозможно: какао из стран Западной Африки, кофе и чай из Восточной Африки, цитрусовые из ЮАР и Северной Африки, а также орехи, фрукты, вина и морепродукты. К перспективным товарам также относятся сырье и металлы, недобываемые в России, текстильная и кожевенная продукция.

При этом наращивание импорта из Африки осложняется рядом ограничений: дорогостоящей логистикой, санкционными рисками, сложностями с платежами, тарифными и нетарифными барьерами. Несмотря на рост стоимостных объемов, импорт из Африки остается импульсным, лишь отдельные товарно-страновые пары, например овощи и фрукты из стран Северной Африки, занимают устойчивое положение в торговле России.

Перспективным направлением также может стать спрямление торговых потоков и постепенный уход от посредников. Поставки кофе, какао, орехов и других товаров переориентируются постепенно на прямое взаимодействие с африканскими производителями и экспортерами, снижается зависимость от трейдеров и переработчиков из Швейцарии, Испании, Италии, Франции и стран Азии.

Прямые иностранные инвестиции

Приток прямых иностранных инвестиций в Африку сократился примерно на треть, до 69,5 млрд долл. в 2025 г., что отражает возвращение к прежним уровням после завышенных показателей ПИИ в 2024 г., которые были обусловлены крупным проектом в Египте. В 2024 г. общий приток ПИИ – 97 млрд долл., из которых 35 млрд долл. составили инвестиции ОАЭ в проект по строительству мегаполиса Рас-эль-Хекма в Египте. Несмотря на снижение по сравнению с предыдущим годом, приток ПИИ в Африку в 2025 г. оставался примерно на треть выше среднего уровня 2010–2024 гг. и стал третьим по величине за последние 25 лет.

Египет, привлекший 11 млрд долл. ПИИ, сохранил статус крупнейшего реципиента иностранных инвестиций в Африке. В Мозамбике приток инвестиций увеличился на 80%, до 6 млрд долл., что было обусловлено возобновлением работ по крупным СПГ-проектам.

В 2025 г. накопленный объем ПИИ в странах Африки достиг 1,5 трлн долл. Лидерами остаются Египет, ЮАР, Нигерия, Марокко, Мозамбик, а также Гана и Эфиопия.

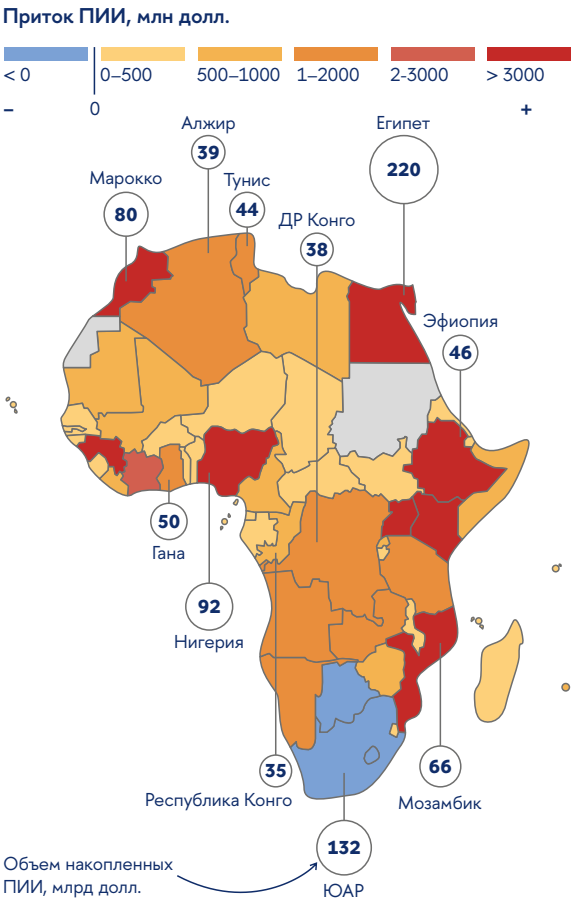
В 2025 г. треть всех ПИИ была направлена в страны Северной Африки (преимущественно в Египет). В 2025 г. Западная Африка привлекла 28% общего объема ПИИ, Восточная – 21%, Южная – 12%, а Центральная – 7%.

В целом можно выделить несколько категорий стран по объему и сферам привлекаемых инвестиций. Во-первых, страны Северной Африки, такие как Египет, Марокко и Тунис приобретают все большее значение для производства, логистики, автомобилестроения, ВИЭ, туристической инфраструктуры, что обеспечивает стабильный приток больших объемов ПИИ. Инвестиции в Марокко выросли на 91% в 2025 г. до 3,4 млрд долл., а в Тунис – на 35% до 1 млрд долл.

Во-вторых, рост ПИИ наблюдается в странах-хабах, которые, с одной стороны, обладают ёмкими внутренними рынками, развитой банковской инфраструктурой, а с другой, становятся точками входа в другие страны своего региона. К таким странам можно отнести ЮАР, Сенегал и Кению. Например, в 2025 г. приток в Кению – 3 млрд долл.

К третьей категории относятся страны с динамично растущей экономикой: Эфиопия, Кот-д'Ивуар, Уганда и Руанда. В данных странах активно идут процессы урбанизации и цифровизации, которые требуют привлечения ресурсов в инфраструктурные и телекоммуникационные проекты. Приток ПИИ в Эфиопию в 2025 г. – 3,8 млрд долл., Уганду – 3,4 млрд долл., Кот-д'Ивуар – 2 млрд долл., Руанду – 0,9 млрд долл.

Прямые иностранные инвестиции в Африке, 2025 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ЮНКТАД.

Четвертая категория включает несколько стран Африки, таких как ДР Конго, Намибия и Замбия, которые остаются ключевым направлением для инвестиций в проекты по разведке и добыче полезных ископаемых. Объем поступивших инвестиций в 2025 г. в Нигерию – 4 млрд долл. (нефтегазовые проекты), в ДР Конго – 2 млрд долл. (добыча кобальта и меди), в Намибию – 1,5 млрд долл. (добыча урана). Важно отметить, что концентрация ПИИ в сырьевых секторах имеет негативные эффекты для национальной экономики, так как закрепляет экспортно-сырьевую специализацию, усиливает зависимость от мировых цен на сырьевые товары и ограничивает возможности для структурной диверсификации.

Одним из важных трендов инвестиций в Африку стал переход от капиталовложений преимущественно в добывающие производства к инвестициям в сектор услуг, электроэнергетику (включая возобновляемую), инфраструктуру, телекоммуникации. Однако приток ПИИ в инфраструктуру ИКТ и высокотехнологичные компании остается намного ниже потребностей.

Однако привлечение ПИИ сопряжено с рядом рисков для принимающих стран Африки. Ключевыми из них традиционно остаются размывание налоговой базы и вывод прибыли посредством трансфертного ценообразования, манипулирование ценами на экспорт продукции и импорт оборудования, ставками внутригруппового кредитования, что приводит к недополучению бюджетных доходов и сокращению валютной выручки. По мере реализации инвестиционных проектов также возрастает и объем репатриируемых дивидендов, процентов и роялти, усиливающий давление на счет текущих операций. Кроме того, любые специальные условия, предоставляемые иностранным инвесторам, на практике ведут к дискриминации внутренних инвесторов, вынужденных конкурировать с иностранными получателями льгот.

Риски потери внимания инвесторов применительно к Африке традиционно преувеличены.

В последние годы случаев безосновательной экспроприации иностранных активов в Африке зафиксировано не было, более того, даже в странах, где произошли государственные перевороты и/или чья внешняя политика подверглась значительным корректировкам (Гвинея, Мали, Нигер), права иностранных инвесторов продолжают соблюдаться. Основной причиной разногласий по поводу прав на активы остается невыполнение иностранным оператором взятых на себя обязательств, поэтому в части защиты инвестиций, в том числе и российских, ключевая задача государства – контроль над инвестиционной деятельностью компаний (экспертиза их проектов, предоставление ресурса государственной поддержки только тщательно отобранным инициативам и проектам и т.д.).

Согласно исследованию ЮНКТАД, среди действующих африканских законов об инвестициях 82% предусматривают стимулы для иностранных инвесторов, а 63% – упрощение процедур. В 2023 г. в рамках континентальной зоны свободной торговли AfCFTA Африканским союзом был принят Протокол об инвестициях.

С точки зрения России, инвестиции в страны Африки могут рассматриваться как инструмент закрепления на ключевых экспортных рынках и выхода на новые. В данном контексте развитие сети хранилищ (особенно это актуально для минеральных удобрений), логистических центров, терминалов приобретает ключевое значение для обеспечения стабильности поставок с постепенным выходом на цепочки создания добавленной стоимости.

Страны Африки в среднесрочной перспективе вряд ли станут значимым источником инвестиций в Россию. Потенциальный инвестор – ЮАР, однако компании оттуда, представленные на внешних рынках, ориентированы преимущественно на Запад – в 2022 г. южноафриканская группа Naspers вышла из активов в России – «ВК», «Авито», Mondi и др. Возможны отдельные точечные проекты с рядом крупных африканских холдингов (например,

OCP – фосфатные удобрения, Dangote – нефтепереработка, цемент, продовольствие). Определенный интерес у крупных инвесторов из Африки уже сейчас вызывают проекты, ориентированные на экспорт товаров, пользующихся спросом в их странах (зерно и др.).

Тем не менее роль африканского бизнеса продолжает расти, а капитал африканских компаний может быть привлечен российским бизнесом для реализации проектов в Африке.

Денежные потоки в страны Африки

Односторонние трансферты[45] на протяжении десятилетий были ключевым источником внешнего финансирования для многих стран Африки. Наряду с другими инструментами трансферты помогают финансировать дефицит текущего счета, поддерживать доходы домохозяйств, пополнять валютную ликвидность и смягчать последствия внешних шоков.

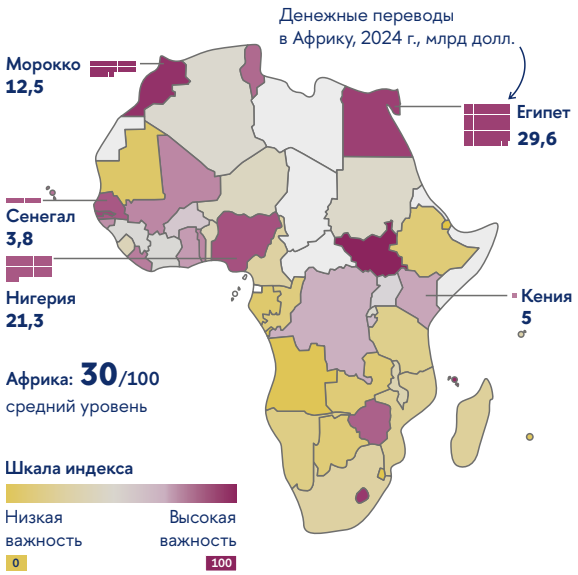
Денежные переводы диаспоры – один из наиболее устойчивых источников внешнего финансирования экономик стран Африки.

В отличие от ПИИ и кредитов, они не зависят от суверенных рейтингов, инвестиционного климата и политических циклов. В 1990-х гг. доля денежных переводов составляла в среднем 2,6% ВВП африканских стран, а к 2024 г. она увеличилась до 3,2%.

Общий объем денежных переводов в страны Африки в 2024 г. достиг 96,4 млрд долл.

Традиционно крупнейшими получателями денежных переводов остаются две страны – Египет и Нигерия. Совокупно на их долю приходится примерно 50% всех денежных переводов в Африку[46]. Переводы в Египет поступают из стран Персидского залива, среди которых лидерами выступают Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт и Катар, а также из США и Италии. В Нигерию денежные средства переводят диаспоры из США и Великобритании, а также соседних стран Африки – Камеруна, Бенина, Нигера и Ганы.

Денежные переводы в Африку

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ООН.

В Северной Африке крупным получателем денежных переводов остается Марокко (3-е место в Африке по объему получаемых переводов в 2024 г.), переводы поступают преимущественно из двух стран – Франции и Испании, а также Туниса. Примечательно, что алжирская диаспора (сопоставимая по численности с марокканской) такого вклада в экономику своей страны не вносит. Денежные переводы из диаспоры в Алжир составляют около 1,9 млрд долл., притом что еще около 150 млн долл. составляют переводы в обратную сторону.

В Западной Африке помимо Нигерии лидеры по получению денежных переводов – Гана,

45 Односторонние трансферты – движение средств через границу без встречного предоставления товаров, услуг или активов. К ним относятся переводы мигрантов своим семьям (remittances), официальная государственная помощь (в том числе G2G), гранты и пожертвования от международных организаций и частных фондов.

46 RemitSCOPE. Africa. URL: https://remitscope.org/africa/themes/

Сенегал и Кот-д'Ивуар. В Восточной Африке – Эфиопия (4-е место), Кения и Танзания. В странах Центральной и Южной части Африки объем получаемых денежных переводов меньше, чем в других регионах. В 2024 г. объем переводов мигрантов превышал 1 млрд долл. только в Зимбабве (3,6 млрд) и ДРК (2 млрд).

Средняя стоимость денежных переводов в страны Африки южнее Сахары на 33% выше среднемировой. Стоимость отправки перевода в 200 долл. в Африку – 8,5% (примерно 17 долл.), в то время как для других регионов она заметно ниже: 5,6% – для стран Латинской Америки, 5,1% – для Ближнего Востока.

Несмотря на то что переводы мигрантов служат важным источником внешнего финансирования и могут способствовать сокращению бедности, сильная зависимость от них делает страны-получатели особенно уязвимыми к внешним шокам, которые происходят в странах-донорах. Данную проблему в последнее время проиллюстрировал кризис на Ближнем Востоке. Денежные переводы из стран Персидского залива остаются важным источником поддержки для многих африканских экономик – особенно в Восточной и Северной Африке. По прогнозу Всемирного банка, Кения может столкнуться с ежемесячными потерями до 40 млн долл. в связи с сокращением переводов мигрантов из стран Залива[47].

Другим важным инструментом поддержания макроэкономической стабильности служит **официальная помощь развитию**, которая зачастую предоставляется в грантовой форме. Преимуществом грантового финансирования может считаться то, что оно не увеличивает долг и может использоваться для прямого финансирования бюджетных расходов, социальных программ, здравоохранения, образования и прочих проектов развития. Однако предоставление грантов зависит от политических решений доноров и может сокращаться при изменении внешнеполитической или бюджетной конъюнктуры. В любом случае, очевидно, что грантовое финансирование – один из механизмов консервации описанной выше незрелости бюджетных и монетарных систем Африки, а путь суверенного развития предполагает постепенное расширение бюджетного пространства в экономике, рост собираемости налогов и, вместе с ним, государственных инвестиций.

Пока Группа Всемирного банка остается доминирующим источником внешнего финансирования развития в странах Африки.

В 2025 г. Всемирный банк одобрил для стран Африки финансирование в объеме 27,9 млрд долл., из них 26,2 млрд долл. для стран Африки Южнее Сахары и 1,7 млрд долл. – для Северной. Из этой суммы 3,8 млрд долл. пришлось на обязательства по линии Международного банка реконструкции и развития, а 22,4 млрд долларов – Международной ассоциации развития. Объем финансирования стран Африки превышает объем выделенных средств для других регионов. Например, на страны Латинской Америки и Карибского бассейна было выделено примерно 25 млрд долл.

Объем финансирования со стороны Африканского банка развития существенно уступает программам Всемирного банка. Среди акционеров банка развития помимо 54 стран Африки, на которые приходится 60% акций (крупнейшая доля в акционерном капитале у Нигерии – 8,8%, Египта – 6,2% и Алжира – 5,2%), также 27 внешних стран, которые оказывают влияние на принятие решений о финансировании проектов (40%). При этом доля США в акционерном капитале – 6,4%, Японии – 5,3%, Германии – 3,9%, Канады – 3,7%, Франции – 3,6%. Объем одобренного финансирования со стороны Африканского банк развития в 2024 г. достиг рекордных 6,2 млрд долл. Почти половина всего одобренного финансирования была связана с климатической повесткой.

47 International Bank for Reconstruction and Development. Africa Economic Update. URL: https://www.worldbank.org/en/region/afr/publication/africa-economic-update

Заметную роль играют и другие многосторонние институты: в 2024 г. Исламский банк развития одобрил финансирование проектов в Африке на сумму около 6 млрд долл., а Европейский инвестиционный банк выделил 2,2 млрд долл.

Международные резервы – страховка от внешних рисков

Международные резервы постепенно становятся одним из ключевых показателей внешней устойчивости африканских экономик. Их значение возрастает на фоне сочетания высокой стоимости внешнего долга, дефицита иностранной валюты, зависимости от импорта и волатильности сырьевых цен. Следовательно, объем резервов отражает не только текущую ликвидность центрального банка, но и способность государства поддерживать устойчивость платежного баланса.

Проведенное Центром изучения Африки НИУ ВШЭ исследование выявило, что в большинстве стран Африки наблюдается постепенный рост валютных резервов без выраженных эпизодов их резкого сокращения.

Например, в ЮАР уровень резервов увеличился с 55 млрд долл. в начале 2020 г. до 80 млрд долл. в начале 2026 г. Схожая динамика характерна также для Сейшел, Туниса, Республики Конго, Намибии, Марокко и Замбии. Во многих из этих стран активная фаза накопления резервов началась в 2022 г. Например, в Республике Конго резервы увеличились с 2,7 млрд долл. в январе 2022 г. до 7,5 млрд долл. в 2025 г.

За последнее время в Уганде произошел резкий рост валютных резервов, когда их объем увеличился почти вдвое с 3,4 млрд долл. в январе 2025 г. до 6 млрд долл. в апреле 2026 г. Стремительный рост валютных резервов в Уганде связан прежде всего с ростом экспортной выручки: так, в 2025 г. экспорт золота из Уганды вырос на 76%, до 5,8 млрд долл. По данным Центрального банка Уганды, возможность накопления резервов была вызвана также достижением профицита финансового счета (в 6 млрд долл.), которое было обусловлено устойчивым притоком прямых иностранных инвестиций, особенно в нефтяной сектор, а также ростом портфельных инвестиций, привлеченных доходностью государственных ценных бумаг[48]. Объем вложений нерезидентов во внутренний государственный долг Уганды вырос примерно до 2,7 млрд долл. к концу 2025 г.[49] ПИИ в нефтяном секторе сконцентрированы вокруг двух добычных проектов – «Тиленга», в котором главным инвестором и оператором выступает французская TotalEnergies (57%) совместно с китайской компанией CNOOC (28%) и Национальной нефтяной компанией Уганды (UNOC, 15%); и проекта «Кингфишер», с таким же распределением долей, где оператором выступает CNOOC. Начало коммерческой добычи ожидается во второй половине 2026 г. Также в стране реализуется крупный инфраструктурный проект, стоимостью 5 млрд долл. – Восточноафриканский нефтепровод (East African Crude Oil Pipeline)[50]. Нефтепровод длиной около 1 443 км должен соединить месторождения в западной Уганде с портом Танга в Танзании. Крупнейший акционер – TotalEnergies с долей 62%, у UNOC и Корпорации нефтяного развития Танзании (TPDC) по 15%, CNOOC обладает 8%-ной долей.

48 Bank of Uganda. State of the Economy Report. March 2026. URL: https://bou.or.ug/uploads/Final_SOE_March_2026_47bb280937.pdf

49 Reuters. Risk-on investors turn to Uganda to 'squeeze the last drop' out of frontier markets. URL: https://www.reuters.com/world/americas/risk-on-investors-turn-uganda-squeeze-last-drop-out-frontier-markets-2025-11-21/

50 Reuters. Uganda economy expanded 8.5% in quarter ended December. URL: https://www.reuters.com/world/africa/uganda-economy-expanded-85-quarter-ended-december-2026-03-25/

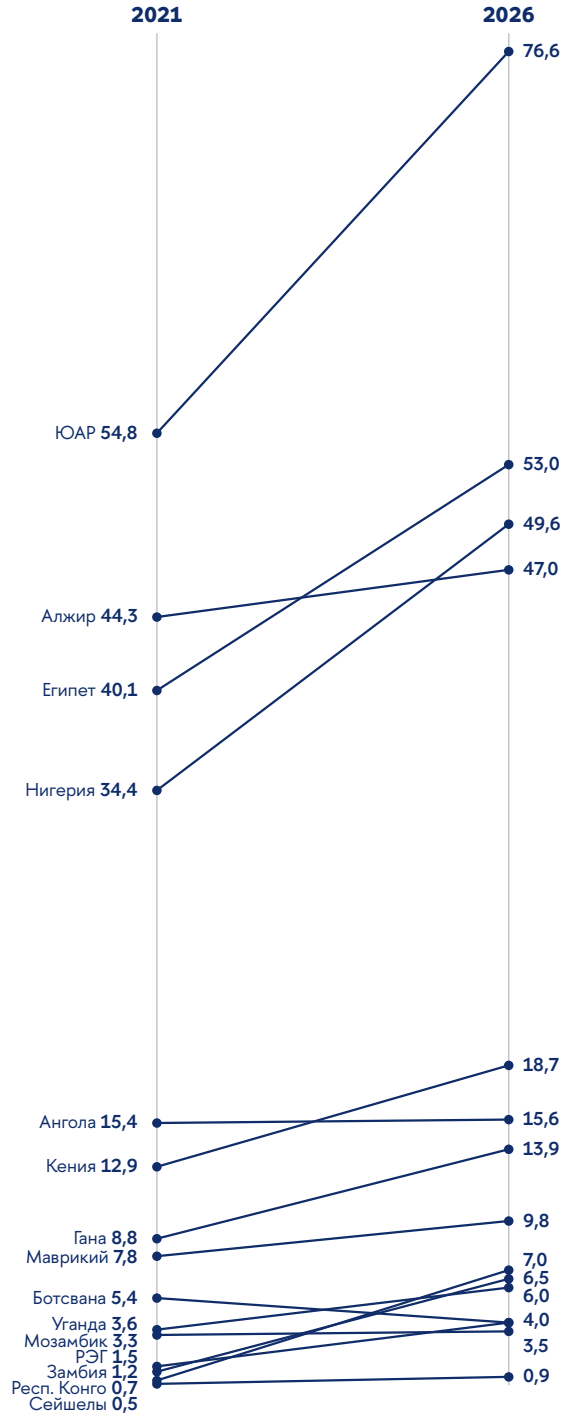
В ряде стран сокращение валютных резервов наблюдалось в 2023 г., что было связано с ростом стоимости обслуживания долга, ослаблением национальных валют и необходимостью сглаживать колебания на валютном рынке. Например, в Кении в 2023 г. объем резервов сократился до 10 млрд долл. по сравнению с 13–14 млрд долл. в предыдущем году, однако к 2026 г. стране удалось увеличить объем резервов до 19 млрд долл. Схожая динамика с сокращением в 2023 г. и последующим восстановлением наблюдалась также на Маврикии, в Мозамбике.

В Гане сокращение валютных резервов до 5 млрд долл. произошло в период 2023–2024 гг., когда страна столкнулась с долговым кризисом и дефолтом по части внешнего долга, высокой инфляцией, а также ослаблением седи. К 2026 г. стране удалось укрепить макроэкономическую стабильность, в том числе благодаря реструктуризации долга и росту поступлений от экспорта золота, и повысить уровень резервов до 14 млрд долл.

В некоторых экономиках Африки резервное покрытие снизилось по сравнению с допандемийным периодом. Например, в Ботсване до пандемии значение валютных резервов находилось

Стабильную динамику накопления валютных резервов демонстрирует Египет, где уровень резервов находится на уровне 45–49 млрд долл., сокращение до среднесрочного минимума в 33 млрд долл. наблюдалось в 2023 г. В структуре валютных резервов Египта в 2025 г. доминировала иностранная валюта, на долю которой пришлось 68% валовых резервов страны (33,7 млрд долл.), еще 32% пришлось на золото (15,8 млрд долл.). Объем активов, номинированных в SDR, небольшой – всего 44 млн долл.

Динамика объемов валютных резервов в странах Африки, млрд долл.

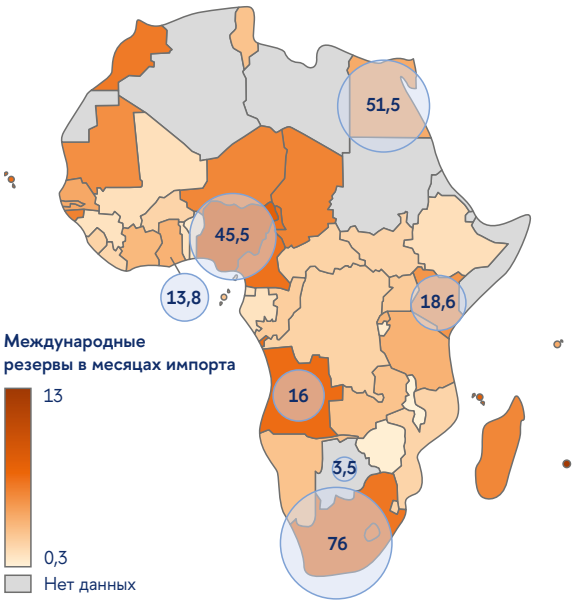
Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

в районе 7 млрд долл., но к декабрю 2025 г. оно сократилось почти в два раза до 3,5 млрд долл., что было связано с сокращением выручки от экспорта алмазов – 75% экспорта страны приходится на них, а в стоимостном выражении по сравнению с 2021 г. экспорт алмазов сократился в 3 раза. В Анголе значения валютных резервов достигали 25 млрд долл. в период повышения цен на нефть в 2016–2017 гг. Однако еще до пандемии они сократились до 15–16 млрд долл. и сохраняют значения на этом же уровне к апрелю 2026 г.

Нигерии долгое время не удавалось выйти на допандемийные объемы валютных резервов. До 2020 г. средний объем резервов страны составлял 45–47 млрд долл. Выйти на уровень 45 млрд долл. Нигерии удалось только в декабре 2025 г., а к маю 2026 г. уровень резервов достиг рекордных 49,6 млрд долл.

Характеристика международных резервов выходит за рамки оценки объема валютных активов. В первую очередь достаточность валютных резервов связана со способностью страны финансировать импорт. По последним доступным данным за 2025 г. медианный объем валютных резервов относительно покрытия импорта в странах Африки южнее Сахары – всего 3,6 месяца[51]. Наибольший объем валютных резервов, достаточный для покрытия импорта в течение 13 месяцев, был на Маврикии[52]. Далее с существенным отрывом от других стран следуют Нигерия и Коморы – резервов достаточно для 8 месяцев покрытия импорта. Умеренные позиции занимали Ангола, Кабо-Верде, Марокко, Нигер, Камерун, Гвинея-Бисау, Лесото, Мавритания, Мадагаскар – их резервов хватит примерно на полгода импорта. В зоне риска находились 10 стран, чьих резервов хватит не больше чем на 1,5 месяца покрытия импорта, среди них – Малави, Зимбабве, Бурунди, Бенин и др.

Международные резервы стран Африки, 2025 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

Международные резервы важны как инструмент сглаживания внешних шоков и временной поддержки макроэкономической устойчивости, однако они не способны заменить устойчивый источник валютных поступлений в виде конкурентоспособного экспортного сектора. При сохранении структурного дефицита иностранной валюты резервы лишь позволяют отложить корректировку, но не устраняют ее причины, среди который узкая экспортная база, высокая импортозависимость и ограниченная способность экономики генерировать стабильные внешние доходы.

51 International Bank for Reconstruction and Development. Africa Economic Update. URL: https://www.worldbank.org/en/region/afr/publication/africa-economic-update
52 CEIC. Foreign Exchange Reserves: Months of Import. URL: https://www.ceicdata.com/en/indicator/foreign-exchange-reserves-months-of-import

Валютные резервы зоны франка КФА

По состоянию на 2026 г. Франция сохраняет валютное сотрудничество с тремя африканскими объединениями: Западноафриканским экономическим и валютным союзом (ЗАЭВС), Центральноафриканским экономическим и валютным сообществом (ЦАЭВС) и Союзом Коморских островов. Франк КФА – общее название двух валют, которые используются в четырнадцати странах Африки с общей численностью населения около 227 млн человек.

Ранее государства-участники зоны франка КФА должны были размещать часть своих валютных резервов во французском казначействе. Для западноафриканского франка КФА это требование было отменено в рамках реформы 2019 г., реализация которой началась в последующие годы. В соответствии с годовым отчетом Центрального банка государств Западной Африки за 2021 г., операционный счет банка, открытый во французском казначействе, был закрыт в апреле того же года. Размещенные на этом счете средства «были переведены на другие счета Центрального банка»[53]. По данным источников Центра изучения Африки НИУ ВШЭ в банковском секторе Западной Африки в действительности, по состоянию на 2025 г., «значительная часть» резервов ЦБ ЗАЭВС остаётся на счетах Казначейства Франции. Для центральноафриканского франка КФА аналогичная реформа не была проведена, поэтому соответствующий механизм сохраняет свое значение.

По состоянию на 31 декабря 2025 г. совокупные активы ЦБ ЗАЭВС – около 73 млрд долл. Наибольшую долю занимали активы в иностранных валютах – 29 млрд долл. В составе активов в иностранных валютах основную часть составляли средства на счетах и депозитах у банков-корреспондентов – 22 млрд долл., а также портфель ценных бумаг в иностранной валюте – 7 млрд долл.

Совокупные активы ЦБ ЦАЭВС – около 24 млрд долл., на долю активов в иностранных валютах приходилось 10 млрд долл. Резервы номинированы в евро – около 8,5 млрд долл., и в долларах – около 1,6 млрд долл. Не менее 50% резервов должны размещаться на счетах французского казначейства с возможностью снижения доли не ниже чем до 40%. В декабре 2025 г. объем средств, размещенных во французском казначействе, – около 6,6 млрд долл.

Валютные резервы не закреплены за государствами-членами. Иностранная валюта предоставляется банкам под конкретные внешние платежи: банк представляет документы по операции, перечисляет центральному банку эквивалент в франках КФА, после чего центральный банк обеспечивает валютный перевод через свои корреспондентские счета. С 2025 г. ЦБ ЗАЭВС должен репатриировать не менее 80% общей суммы экспортной выручки, срок для экспортеров составляет 1 месяц с даты платежа. С 2019 г. все кредитные учреждения ЦАЭВС обязаны передавать ЦБ не менее 70% полученной валюты (доходы от экспорта товаров и услуг, займов, авансов, доходов, дарений, прямых и портфельных инвестиций и безвозмездных трансфертов) через иностранных корреспондентов в течение 3 рабочих дней после поступления средств на их корреспондентские счета за рубежом.

Золотые резервы ЦБ ЗАЭВС в декабре 2025 г. – 1,5 млн тройских унций, в эквиваленте около 6,5 тыс. долл. Золотые запасы ЦБ ЦАЭВС – 201,9 тыс. тройских унций, или 4,2 тыс. долл.

53 На 31 декабря 2020 г. счет операций во французском казначействе составлял около 10,6 млрд долл., на 31 декабря 2021 г. он был равен нулю. При этом, по финансовой отчетности за 2021 г., объем средств на корреспондентских счетах и депозитах увеличился примерно с 1 млрд до 7 млрд долл. Объем портфеля ценных бумаг увеличился с 1,9 млрд до 8 млрд долл.

ПРИРОДНЫЙ КАПИТАЛ

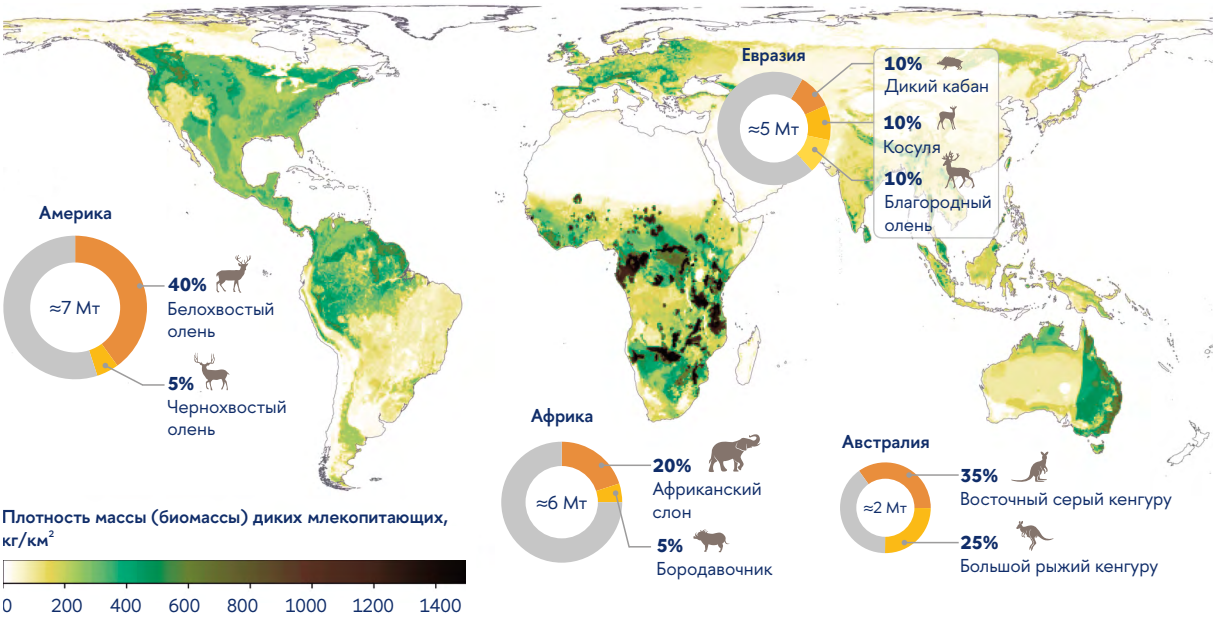
Панин Н.А.

Природный капитал

Недавно опубликованное исследование о повседневном восприятии англичанами и американцами Африки показало, что континент по-прежнему устойчиво ассоциируется с бедностью, нестабильностью и прочими негативными стереотипами[1]. Кроме того, у 58% респондентов Африка вызывает мысли не о людях, обществах, экономике или культуре, а прежде всего о природе и животных. И хотя и здесь не обходится без своих стереотипов («жарко, засухи, опасно для здоровья» и пр.), всё же многим известно, что знаковых животных (горилл, шимпанзе, представителей «Большой пятерки» – льва, леопарда, носорога, слона и буйвола) можно увидеть, посетив Африку.

К тому же на африканском континенте находятся крупнейшие массивы тропических лесов после Амазонии и 8 из 36 глобальных очагов биоразнообразия[2,3]. Африка – единственный континент, где не произошло массового вымирания мегафауны[4]. Наоборот, её формирование происходило параллельно с развитием ранних предков человека, что сделало её более устойчивой к антропогенному давлению и во многом позволило сохранить такую же динамику внутри экосистем, как это было 12 тыс. лет назад до начала расцвета и экспансии Homo sapiens[5]. На просторах Африки обитают 17 из 20 существующих в мире отрядов

Пространственное распределение биомассы диких наземных млекопитающих

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных "The global biomass of wild mammals" Lior Greenspoon, Eyal Krieger, Ron Sender, and Ron Milo.

1 Africa No Filter. New Report Reveals UK and US Still See Africa Through a Lens of Poverty, Corruption, and Nature. URL: https://africanofilter.org/evidence/dispora/new-report-reveals-uk-and-us-still-see-africa-through-a-lens-of-poverty-corruption-and-nature/

2 World Wildlife Fund (WWF). Congo Basin. URL: https://www.worldwildlife.org/places/congo-basin/

3 Archer E. Dziba L. Mulongoy K. Maoela M. A. Walters M. Biggs R.et al (2018). Summary for Policymakers of the Regional Assessment Report on Biodiversity and Ecosystem Services for Africa of the Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services. Bonn: Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services.

4 Monadjem, A. From enormous elephants to tiny shrews: how mammals shape and are shaped by Africa's landscapes. URL: https://theconversation.com/from-enormous-elephants-to-tiny-shrews-how-mammals-shape-and-are-shaped-by-africas-landscapes-203689

5 Lemoine, R. T., R. Buitenwerf, S. Faurby, and J.-C. Svenning. 2025. " Phylogenetic Evidence Supports the Effect of Traits on Late-Quaternary Megafauna Extinction in the Context of Human Activity." Global Ecology and Biogeography 34, no. 7: e70078. https://doi.org/10.1111/geb.70078

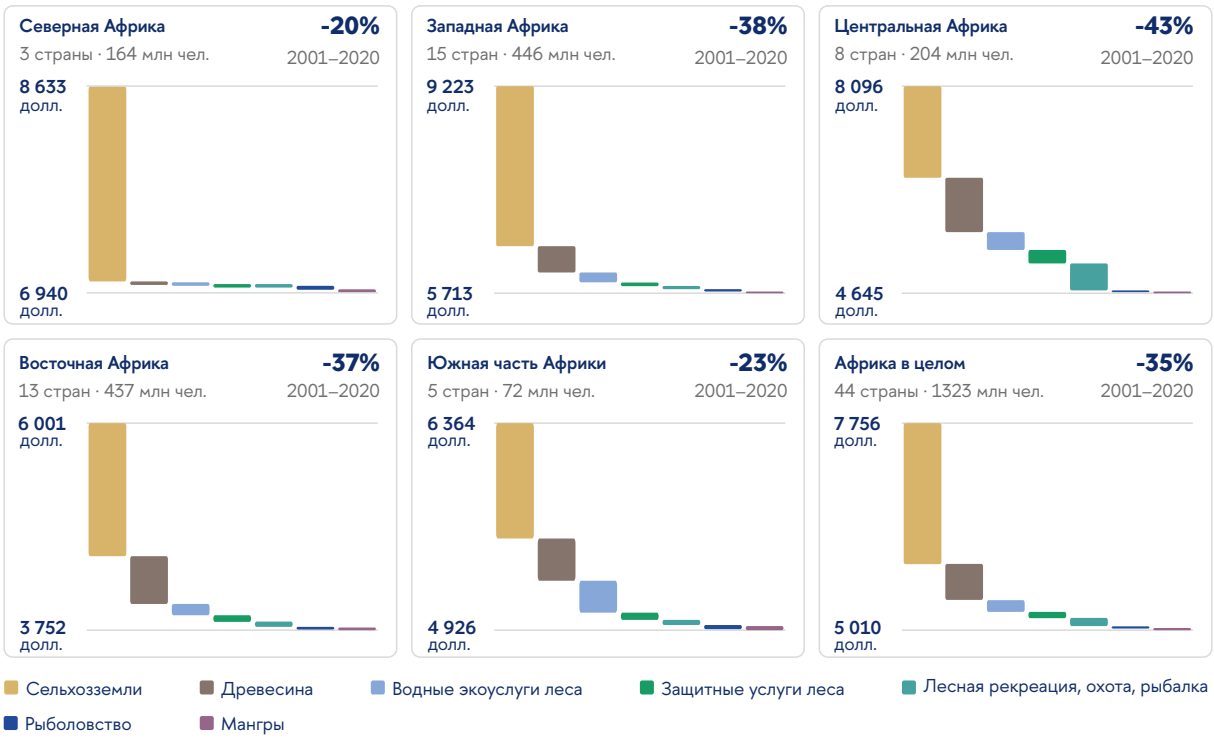
наземных млекопитающих[6] (всего более 1100 видов), 2100 видов рептилий, 2500 видов птиц, до 5500 видов рыб[7].

В этом природном богатстве кроется и экономический потенциал. Леса становятся источником углеродных платежей, морские экосистемы – основой «голубой экономики», а биоразнообразие – основой туризма. Африканским странам ещё предстоит решить, как оценивать эти ресурсы, как их осваивать и как распределять выгоды от их использования и сохранения.

Пока же основную часть «создаваемой» природой стоимости забирают внешние игроки и глобальные рынки. По данным Всемирного банка, в Африке южнее Сахары подушевой возобновляемый природный капитал сократился сильнее, чем в любом другом регионе мира, – на 35% с 2001 г.[8] Это снижение объясняется прежде всего динамичным ростом населения в большинстве стран, что усиливает давление на природные ресурсы. Леса и почвы деградируют, давление добывающих отраслей усиливается, незаконная торговля древесиной и дикими животными также остаётся проблемой.

В результате государствам Африки нужно сохранить природный капитал и одновременно сделать его источником собственного развития.

Декомпозиция динамики возобновляемого природного капитала на душу населения в странах Африки

в постоянных ценах 2019 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Всемирного банка.

6 Tafesse, Israel Sebsibe, Yohannes, Yordanos Berihun, Major Anthropogenic Interactions Determining the Conservation Status of Endemic Mammals of Eastern Africa, International Journal of Zoology, 2022, 3509364, 9 pages, 2022. https://doi.org/10.1155/2022/3509364

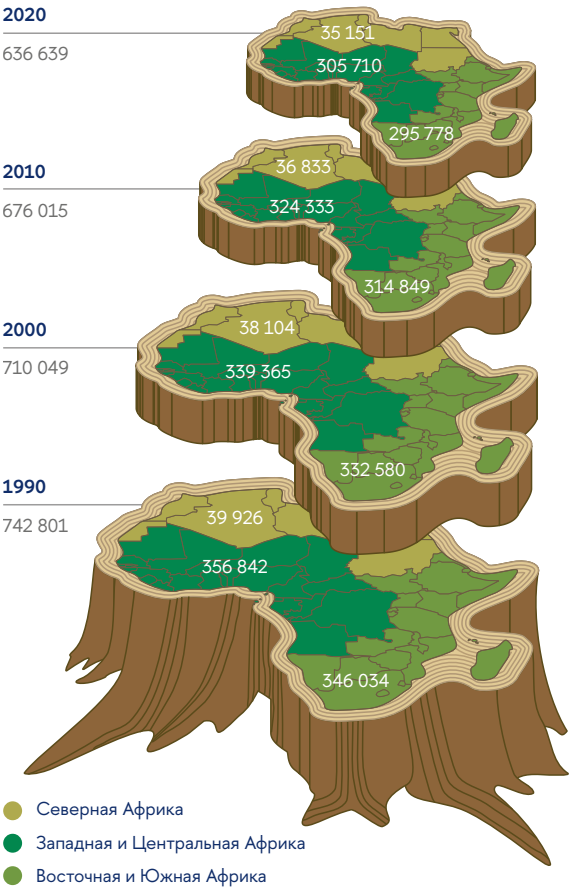
7 Cormier-SalemM.-C.DunhamA. E.GordonC.BelhabibD.BennasN.DuminilJ.et al (2018). "Status, trends and future dynamics of biodiversity and ecosystems underpinning nature's contributions to people," in IPBES (2018): The IPBES regional assessment report on biodiversity and ecosystem services for Africa, edsArcherE.DzibaL.MulongoyK. J.MaoelaM. A.WaltersM. (Bonn: Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services), 131–206.

8 World Bank. Natural Capital Data Hub. URL: https://www.worldbank.org/en/publication/changing-wealth-of-nations/brief/natural-capital-data-hub

Леса: международное достояние или ресурс выживания?

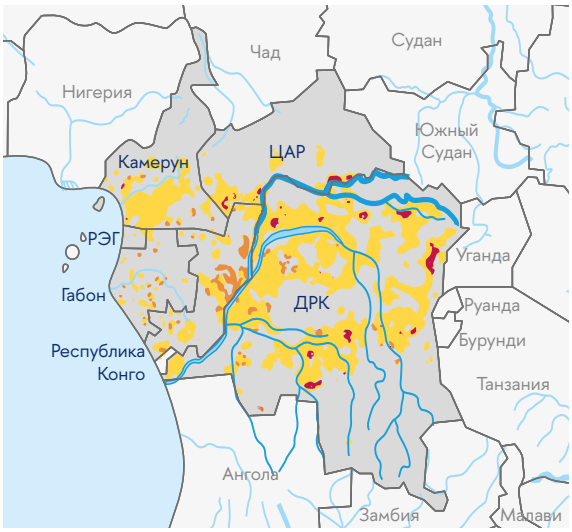
Острее всего эта дилемма проявляется в лесах бассейна Конго. Леса Центральной Африки играют важную роль в глобальном углеродном балансе, а торфяники центральной впадины бассейна Конго, известной как Кюветт-Централь, хранят 29% всех запасов углерода тропических торфяников планеты (30,6 млрд т)[9]. Всего же в Африке сосредоточено 16% мирового лесного покрова (в Габоне и Экваториальной Гвинее они занимают принципиально большую часть территории – 91% и 87% страны соответственно), но темпы чистой потери лесов – при этом самые высокие в мире[10].

Уменьшение площади лесов Африки, 1990–2020 гг., тыс. га

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ФАО.

Очаги потери первичных лесов в бассейне реки Конго, 2002–2024 гг.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

По данным ФАО, чистое изменение площади лесов в Африке за последние 20 лет составило 73 млн га (более 10% потерь от 710 млн га в 2000 г.), и с 1990 г. скорость сокращения нарастала[11]. Главные причины – подсечно-огневое земледелие, производство древесного угля и демографическое давление[12].

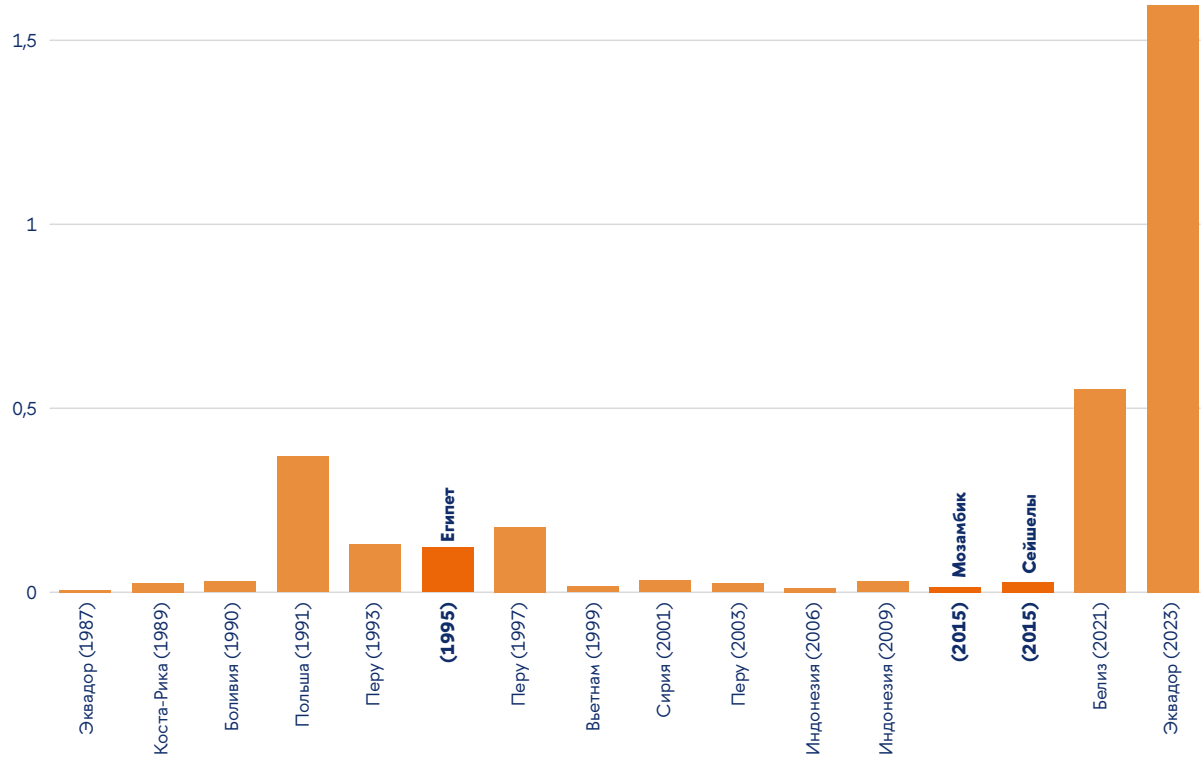
Для миллионов африканцев лес – не абстрактный «климатический актив», а источник энергии, продовольствия и дохода, поэтому сохранение природы неотделимо от задач экономического развития.

9 Beekmann, M., Gallois, S., & Rondinini, C. (2024). Uncertain future for Congo Basin biodiversity: A systematic review of climate change impacts. Biological Conservation, 297, 110730.
10 FAO. (2020). Global Forest Resources Assessment 2020: Main report. https://doi.org/10.4060/ca9825en[reference:0][reference:1]
11 Там же.
12 Mongabay. Tropical forest loss hit new heights in 2024; fire a major driver in Latin America. URL: https://news.mongabay.com/2025/05/tropical-forest-loss-hit-new-heights-in-2024-fire-a-major-driver-in-latin-america/

Это хорошо видно при сравнении двух соседей – Габона и ДРК. Габон сохранил под лесным покровом около 90% территории и входит в число стран мира с низким уровнем обезлесения[13]. В 2015–2020 гг. чистая потеря лесов составляла лишь 6,7 тыс. га в год, что в десятки раз ниже, чем в большинстве тропических лесных государств, включая ДР Конго (283 тыс. га/год), Камерун (179 тыс. га/год), Танзанию (469 тыс. га/год) и Бразилию (2628 тыс. га/год)[14]. Государственная стратегия исходит из того, что сохранение леса должно приносить больше дохода, чем его вырубка. Страна одной из первых в Африке использовала лес как способ привлечения климатического финансирования[15]. Соглашение с Норвегией 2019 г. в рамках Центральноафриканской лесной инициативы (CAFI) и выплаты за сокращение выбросов (17 млн долл. за 2016–2017 гг.)[16] превратили сохранение лесов в статью государственных доходов[17]. В 2023 г. Габон провёл первый в континентальной Африке своп «долг за природу»: около 500 млн долл. государственного долга были рефинансированы на условиях, по которым высвобожденные средства идут на программы охраны природы. Для международного сообщества Габон стал примером того, как экосистемные услуги превращаются в источник дохода.

Свопы «долг в обмен на природу»

Стоимость реструктурированного долга, млрд долл.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Африканского банка развития.

13 Global Forest Watch. Why Forest Loss in the Congo Basin Requires Immediate Action. URL: https://www.globalforestwatch.org/blog/forest-insights/congo-basin-forest-loss-trends/

14 FAO. Global Forest Resources Assessment 2025: Forest area change. URL: https://fra-data.fao.org/assessments/fra/2025/WO/sections/forestAreaChange

15 Central African Forest Initiative (CAFI). Gabon. URL: https://cafi.org/country/gabon/

16 Energy Voice. Gabon cashes carbon cheque for forestry support. URL: https://www.energyvoice.com/renewables-energy-transition/ccs/africa-ccs/332056/cafi-support-gabons-carbon/

17 UNDP. Gabon receives first payment for reducing CO2 emissions under historic CAFI agreement. URL: https://www.undp.org/geneva/press-releases/gabon-receives-first-payment-reducing-co2-emissions-under-historic-cafi-agreement

В ДР Конго – обратная картина. Страна располагает крупнейшими лесными ресурсами в Африке, контролирует 60% бассейна Конго и почти треть тропических торфяников планеты, однако в 2024 г. потеряла 590 тыс. га первичного леса, заняв по потерям третье место в мире после Бразилии и Боливии[18]. Вооружённый конфликт на востоке, зависимость энергобаланса от древесного топлива, бедность населения и слабость институтов обесценивают долгосрочную ценность лесов перед лицом текущих потребностей экономики выживания.

Сам по себе природный капитал не гарантирует экономических выгод.

Решающим фактором становится способность государства сформировать институты, которые превращают его в устойчивый источник дохода и удерживают от быстрого и нерационального истощения.

На континентальном уровне ту же задачу решают природоохранные инициативы Афросоюза. Самая известная из них – Великая зелёная стена. Проект запустили в 2007 г., чтобы восстановить 100 млн га деградированных земель Сахеля, создать 10 млн рабочих мест и обеспечить поглощение 250 млн т CO- к 2030 г. В 2024 г. Афросоюз принял новую стратегию с горизонтом до 2034 г., но целевые показатели остались прежними и по-прежнему привязаны к 2030 г.

Финансирование, объявленное на One Planet Summit, сначала составляло 14,3 млрд долл., затем выросло до более чем 19 млрд долл.[19] Даже эта сумма покрывала лишь около 30% от оценённой потребности в 33 млрд долл., а значительная часть средств существовала только в виде обязательств. К 2026 г. доноры перечислили около 3 млрд долл.

Объективно оценить достижения проекта трудно[20]. Единого фонда и общего финансового аудита не существует: каждый донор распределяет средства самостоятельно, а отчётность строится вокруг выполненных мероприятий, а не достигнутых результатов. Поэтому единственной сводной оценкой остаётся показатель около 18 млн га восстановленных земель за 2007–2018 гг., приведённый в докладе 2020 г.[21] При этом лишь 4% этой площади приходится на официальную зону проекта, а остальная часть включена за счёт уже существовавших национальных программ, прежде всего в Эфиопии[22].

Не менее уязвима для критики и сама идея «зелёной стены». Долгосрочные наблюдения подтверждают, что с 1920 г. площадь Сахары увеличилась примерно на 10%, однако в основном эти изменения объясняются естественными климатическими циклами[23]. Кроме того, речь идёт о смещении изогиет (границ зон с определённым количеством осадков), а не о наступлении песков, которое можно остановить полосой деревьев.

Инициатива AFR100, действующая с 2015 г. под эгидой секретариата AUDA-NEPAD, построена по тому же принципу. К ней присоединились 34 страны, заявившие обязательства восстановить 129,5 млн га при первоначальной цели в 100 млн га.[24] Такое перевыполнение скорее показывает, что сами обязательства являются очень условными и не всегда отражающими реальные потребности.

18 Mongabay. DRC hit by record deforestation in 2024, satellite data show. URL: https://news.mongabay.com/2025/11/drc-hit-by-record-deforestation-in-2024-satellite-data-show/

19 Mongabay. Collaboration, data and tracking move Africa's Great Green Wall toward its goal. URL: https://news.mongabay.com/2025/03/collaboration-data-and-tracking-move-africas-great-green-wall-toward-its-goal/

20 International Banker. The Great Green Wall: An African Sustainable-Development Powerhouse That Is Raising the Economic Hopes of Hundreds of Millions. URL: https://internationalbanker.com/finance/the-great-green-wall-an-african-sustainable-development-powerhouse-that-is-raising-the-economic-hopes-of-hundreds-of-millions/

21 UNCCD. Ministers release first status report and share next steps on Great Green Wall. URL: https://www.unccd.int/news-stories/press-releases/ministers-release-first-status-report-and-share-next-steps-great-green

22 Climate Diplomacy. Africa's Great Green Wall is officially 4% – and unofficially 18% – complete. URL: https://climate-diplomacy.org/magazine/environment/africas-great-green-wall-officially-4-and-unofficially-18-complete

23 Phys.org. The Sahara Desert is expanding – world's largest desert grew by 10 percent since 1920. URL: https://phys.org/news/2018-03-sahara-expandingworld-largest-grew-percent.html

24 WRI. African Forest Landscape Restoration Initiative (AFR100). URL: https://www.wri.org/initiatives/african-forest-landscape-restoration-initiative-afr100

Единственное практическое отличие AFR100 – более скромная постановка задачи: программа сосредоточена на восстановлении отдельных ландшафтов, а не на создании непрерывной «стены», и ведёт учёт на уровне проектов. Однако независимой проверки исполнения здесь также нет.

Важно подчеркнуть, что речь идёт не только об экологии.

Восстановление земель органично встраивается в экономическую политику, увязывается с продовольственной безопасностью и даёт сельским жителям новые источники дохода.

По мере того как вопросы климата и сохранения биоразнообразия становятся частью мировой политики, природный капитал превращается и в дипломатический ресурс. Наиболее заметной попыткой государств Африки придать этому потенциалу политическое измерение стал Саммит трёх бассейнов тропических лесов, прошедший в Браззавиле в октябре 2023 г.[25] Замысел инициативы заключается в формировании коалиции стран трёх крупнейших лесных регионов мира – Амазонии, бассейна Конго и региона Борнео–Меконг. В совокупности на эти территории приходится около 80% мировых тропических лесов и значительная часть глобального биоразнообразия.

Для африканских государств такой формат – больше, чем природоохранная повестка: это попытка сформировать общую переговорную позицию для стран, удерживающих экосистемы мирового значения. Ещё в 2016 г. на полях COP22 была создана Климатическая комиссия бассейна Конго, объединяющая 17 государств Центральной и Восточной Африки и координирующая проекты в сфере «зелёной» и «голубой» экономики[26]. Её финансовым инструментом стал Голубой фонд бассейна Конго, через который удалось привлечь финансирование на природоохранные и инфраструктурные проекты[27]. В мае 2026 г. на первом круглом столе доноров по финансированию Фонда в Браззавиле было объявлено об обязательствах на сумму более 3 млрд долл.[28] Основными донорами выступили многосторонние институты развития: Всемирный банк, Банк развития государств Центральной Африки, Африканский банк развития, Зеленый климатический фонд ООН, а также Африканская торговая палата в Скандинавии. При этом потребность Комиссии на 70 приоритетных проектов была заявлена на уровне 5,7 млрд долл., так что обещанные средства покрывают чуть больше половины этого запроса.

Сам Саммит трёх бассейнов в 2023 г. дал скромные практические результаты. Несмотря на широкое представительство африканских стран (10 глав государств), полноценный альянс трёх бассейнов пока не сложился, а принятые решения в основном ограничились декларациями о сотрудничестве и поддержке механизмов финансирования экосистемных услуг[29]. И всё же значение этой инициативы не только в конкретных соглашениях. Появление подобных форматов отражает более глубокие сдвиги в международной политике. Несколько лет назад леса считались внутренним ресурсом государств, а сегодня – глобальным активом, вокруг которого складываются новые коалиции и переговорные площадки.

Рынок древесины и пределы его регулирования

Углеродная ценность лесов превращается в доход медленно и через сложные международные механизмы, тогда как древесина монетизируется быстро. Поэтому рынок редких пород дерева сильнее всего давит на лесные экосистемы Африки.

25 The Three Basins Summit. About The Summit. URL: https://www.thethreebasinsummit.org/about-the-summit/

26 UNECA. President Sassou Nguesso calls for unique African voice on climate change. URL: https://uneca.org/stories/president-sassou-nguesso-calls-for-unique-african-voice-on-climate-change

27 Empower Africa. Congo Basin Secures Over $3 Billion in Fresh Funding for Climate and Sustainable Development Projects. URL: https://empowerafrica.com/congo-basin-secures-over-3-billion-in-fresh-funding-for-climate-and-sustainable-development-projects/

28 Там же.

29 Carbon Brief. Q&A: What the 'underwhelming' Three Basins Summit means for tropical forests. URL: https://www.carbonbrief.org/qa-what-the-underwhelming-three-basins-summit-means-for-tropical-forests

В основе этого рынка лежит растущий спрос со стороны Китая. Особенно выросло потребление красного дерева («хонгму»), из которого производят мебель в традиционном стиле времён династий Мин и Цин[30]. В 2009–2015 гг. импорт этой древесины в Китай вырос более чем в 2000 раз[31]. До введения международных ограничений свыше половины китайского импорта обеспечивала Нигерия, а после вмешательства секретариата Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (CITES) торговые потоки быстро переориентировались на соседние страны. К 2021 г. главными поставщиками в Китай стали Сьерра-Леоне и Мали, причём ещё несколько лет назад почти незаметная на этом рынке Сьерра-Леоне превратилась в крупного экспортёра[32]. К тому же ограничения вызвали всплеск нелегальной торговли: в 2018–2022 гг. объём нелегального экспорта розового дерева из Западной Африки в Китай превысил 3 млн т общей стоимостью свыше 2 млрд долл.[33]

Похожая ситуация сложилась в южной части континента вокруг мукулы – коммерческого обозначения нескольких видов рода *Pterocarpus*, распространённых в лесах миомбо[34]. Замбия сильнее всего пострадала от нелегальной вырубки[35], причём высокая прибыльность этого бизнеса породила масштабные коррупционные схемы, в которых, согласно докладу международной природоохранной НКО «Агентство экологических расследований» (EIA), оказались замешаны тогдашний президент Эдгар Лунгу, его дочь и двое министров (официального расследования по существу обвинений, содержавшихся в отчете EIA, не последовало, однако после прихода к власти Х. Хичилемы власти Замбии сохранили и усилили запрет на заготовку и экспорт мукулы)[36].

Эти прецеденты подтолкнули международное сообщество усилить регулирование. За последнее десятилетие в Конвенцию CITES последовательно включили десятки коммерчески значимых древесных видов: палисандры рода *Dalbergia*, западноафриканское розовое дерево, мукулу и ряд других пород. Однако эффективность таких мер, как уже отмечалось, спорна. Международные соглашения усложняют торговлю и отчасти повышают прозрачность цепочек поставок, но не устраняют экономических причин, лежащих в корне проблемы. Пока спрос на редкую древесину остаётся высоким, рынок будет искать новые способы обхода ограничений.

Даже относительно успешные примеры государственного регулирования не всегда дают однозначный результат. Так, ещё в 2010 г. власти Габона запретили экспорт необработанной древесины и создали специальную зону Нкок в расчёте на развитие переработки внутри страны. Первоначально это привело к резкому сокращению производства необработанной древесины, но впоследствии стране удалось частично компенсировать потери за счёт наращивания экспорта продукции с более высокой добавленной стоимостью[37]. Однако структура собственности в отрасли постепенно сместилась в пользу иностранных компаний, прежде всего китайских.

К существующим механизмам недавно добавился инструмент внешнего регулирования – европейский Регламент о продукции, не связанной с обезлесением (EUDR). Формально он устанавливает требования для европейских импортёров, но фактически перекладывает основную нагрузку на производителей: экспортёры какао, кофе, каучука, древесины и другой продукции должны

30 Gauche Art Asiatique. Hongmu wood in Chinese furniture. URL: https://www.gauchetexpert.com/en/post/hongmu-wood-in-chinese-furniture

31 CITES Secretariat. Seventeenth meeting of the Conference of the Parties. Johannesburg (South Africa), 24 September – 5 October 2016. URL: https://cites.org/sites/default/files/eng/cop/17/prop/060216/E-CoP17-Prop-57.pdf

32 Forest Trends. CITES takes unprecedented steps to stop the illegal African rosewood trade. URL: https://www.forest-trends.org/blog/cites-takes-unprecedented-steps-to-stop-the-illegal-african-rosewood-trade/

33 EIA. A win for nature as CITES takes steps to shut down the rosewood racket from West Africa to China. URL: https://eia-international.org/news/a-win-for-nature-as-cites-takes-steps-to-shut-down-the-rosewood-racket-from-west-africa-to-china/

34 Восточные редколесья миомбо – обширные тропические и субтропические редколесья в Южной и Центральной Африке площадью около 1,9–2,7 млн кв. км. Они покрывают территории таких стран, как Ангола, Замбия, Зимбабве, Малави, Мозамбик и Танзания.

35 EIA. Mukulagate. URL: https://eia.org/blog/20210908-mukulagate/

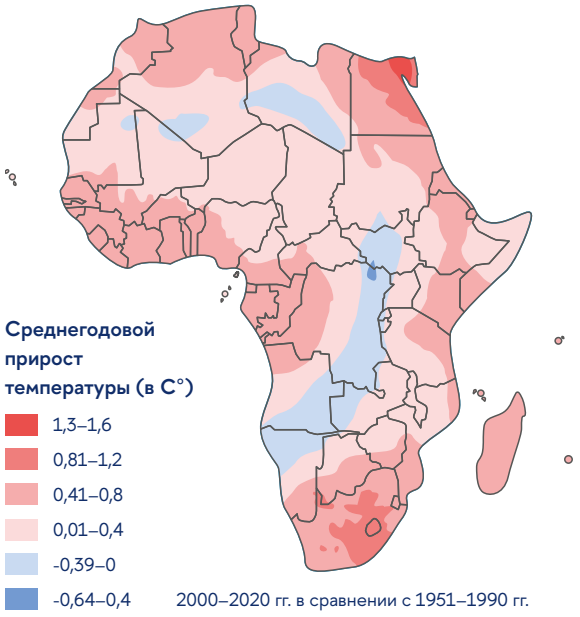
36 Lusaka Times. The Mukula Cartel: President Lungu, His Daughter and Two Cabinet Ministers Named in the New EIA Report. URL: https://www.lusakatimes.com/2019/12/06/the-mukula-cartel-president-lungu-his-daughter-and-two-cabinet-ministers-named-in-the-new-eia-report/

37 Forest Trends. CITES takes unprecedented steps to stop the illegal African rosewood trade. URL: https://www.forest-trends.org/blog/cites-takes-unprecedented-steps-to-stop-the-illegal-african-rosewood-trade/

подтвердить геолокацию каждого участка и доказать, что после 31 декабря 2020 г. он не подвергался обезлесению или деградации. Во многих африканских странах регламент воспринимают не как экологическую меру, а как торговый барьер. Главная претензия состоит не только в новых требованиях, но и в том, что их собираются ввести уже после того, как компании и фермеры вложили средства, рассчитывая на прежние условия доступа к европейскому рынку. Недовольство усилило и распределение стран по категориям риска: все крупные африканские экспортёры кофе получили стандартный уровень, тогда как Вьетнам с такой же системой мелких хозяйств был отнесён к категории низкого риска[38]. Срок вступления регламента в силу переносили дважды: с июня 2023 г. сначала на конец 2026 г., а затем – на середину 2027 г., что лишь укрепило впечатление, что на правила влияет не столько структура производства, сколько способность отдельных стран и торговых партнёров отстаивать свои интересы в переговорах с ЕС[39].

Отдельная и всё более политизированная тема – ущерб от изменения климата.

Температурные аномалии в Африке

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе исследования Cowtan, Kevin & National Center for Atmospheric Research Staff (Eds). "The Climate Data Guide: Global surface temperatures: BEST: Berkeley Earth Surface Temperatures." Источник подсчетов - Data for Children Collaborative и UNICEF.

Африка производит менее 4% мировых выбросов парниковых газов, однако несёт непропорционально высокие издержки[40].

По разным оценкам, климатические изменения ежегодно обходятся странам континента в 2–5% ВВП, а на ликвидацию последствий экстремальных погодных явлений уходит до 9% государственных бюджетов[41]. Только странам Африки южнее Сахары для адаптации требуется 30–50 млрд долл. в год[42].

При этом созданный по итогам COP27 Фонд реагирования на потери и ущерб несопоставим с масштабом проблемы: развивающимся странам к 2030 г. необходимо 400–800 млрд долл. ежегодно[43], тогда как фонд получил обязательства лишь на 822 млн долл.[44], из которых фактически доступна примерно половина[45]. На пилотную фазу выделено 250 млн долл., хотя только африканские страны подали 81 заявку на общую сумму 1,4 млрд долл. (больше, чем любой другой регион)[46].

38 The African Exponent. EUDR 2026: How the EU deforestation regulation is reshaping African coffee exports. URL: https://www.africanexponent.com/eudr-2026-how-the-eu-deforestation-regulation-is-reshaping-african-coffee-exports/

39 Earth.Org. EU Countries Approve Another Year-Long Delay to Deforestation Regulation. URL: https://earth.org/eu-countries-approve-another-year-long-delay-to-deforestation-regulation/

40 AfDB. Focus on Africa. URL: https://www.afdb.org/en/cop29/focus-africa

41 WMO. Africa faces disproportionate burden from climate change and adaptation costs. URL: https://wmo.int/news/media-centre/africa-faces-disproportionate-burden-from-climate-change-and-adaptation-costs

42 Там же.

43 IRID. Shaping the Fund for Responding to Loss and Damage. URL: https://irid.or.id/en/shaping-the-fund-for-responding-to-loss-and-damage/

44 Fund for responding to Loss and Damage (FRLD). Pledges. URL: https://www.frld.org/pledges

45 Climate Change News. Loss and damage fund delays first project approvals as needs dwarf resources. URL: https://www.climatechangenews.com/2026/07/10/loss-and-damage-fund-delays-first-project-approvals-as-needs-dwarf-resources/

46 Eco-Business. Loss and damage fund faces US$2.8bn gap as first projects move ahead. URL: https://www.eco-business.com/news/loss-and-damage-fund-faces-us28bn-gap-as-first-projects-move-ahead/

Ещё одна проблема состоит в том, что подтвердить собственные потери Африке может быть даже сложнее, чем выполнить требования европейских экологических регламентов. Более 60% территории континента не охвачено полноценными гидрометеорологическими наблюдениями[47] (плотность метеостанций в Африке самая низкая в мире)[48], исследования атрибуции экстремальных явлений единичны, а международные базы данных фиксируют экономический ущерб лишь фрагментарно[49]. В результате континент, который сильнее многих страдает от изменений климата, далеко не всегда располагает данными, чтобы доказать масштаб этих потерь[50].

«Голубые рубежи» Африки: моря, мангры и рифы

Исторически разговор о природном капитале Африки шёл прежде всего вокруг лесов, но теперь его дополняют морские ресурсы. Исключительные экономические зоны африканских стран охватывают более 13 млн кв. км, а в «Повестке 2063» Африканский союз называет «голубую экономику» приоритетным направлением развития, которое объединяет рыболовство, аквакультуру, морской транспорт, туризм и охрану прибрежных экосистем[51]. По оценкам Африканского союза и ЮНЕП, уже сегодня экономическая активность в этом секторе даёт более 300 млрд долл. валовой выручки и поддерживает почти 50 млн рабочих мест[52].

Сейшельские острова раньше многих других государств начали проводить целенаправленную политику развития «голубой экономики». В 2016 г. страна заключила одну из первых в мире сделок по схеме «долг в обмен на природу», направив часть высвобожденных средств на охрану морских экосистем[53]. В 2018 г. Сейшелы разместили первую суверенную «голубую облигацию» на 15 млн долл.[54] Вырученные средства пошли на поддержку рыболовства и развитие морской экономики. Параллельно страна расширила сеть охраняемых морских территорий почти до 30% своей ИЭЗ и тем самым опередила большинство других государств в выполнении цели «30 на 30» (30% территории со сроком до 2030 г.)[55].

Однако таких примеров в Африке пока немного.

Во многих морских районах ресурсы по-прежнему приносят основную выгоду не прибрежным государствам, а внешним игрокам.

Особенно остро это видно в Западной Африке, где главной угрозой рыболовству стал незаконный, неподотчётный и нерегулируемый промысел[56]. Из-за нелегального вылова рыбы государства региона ежегодно недополучают более 2 млрд долл.[57]

В ответ на эти вызовы развиваются региональные инициативы[58]. Самой заметной стала «Великая голубая стена», запущенная в 2021 г. странами

47 WMO. Africa's Future Climate: Navigating Extremes through Innovation and Early Warnings. URL: https://wmo.int/media/magazine-article/africas-future-climate-navigating-extremes-through-innovation-and-early-warnings

48 Fezzigna, P., Wens, M., Gupta, J., & Scussolini, P. (2025). Data injustice and attribution of drought events: implications for global climate policy. Climate Policy, 25(9), 1473-1488.

49 Wang, B. W., He, Y., Wu, W. H., & Teng, F. (2025). Quantifying indirect economic losses from extreme events to inform global and local adaptation strategies. Advances in Climate Change Research.

50 Маслов, А. А. (2026). Возвращение Африки. Россия в глобальной политике, 24(2), 220-237.

51 African Union (AU). Africa's Blue Economy: The next frontier for economic resilience beyond natural treasures. URL: https://au.int/en/pressreleases/20250923/africas-blue-economy-next-frontier-economic-resilience

52 UNEP. Stronger governance for Africa's Blue Economy. URL: https://www.unep.org/news-and-stories/speech/stronger-governance-africas-blue-economy

53 Blue Finance. Debt for Nature Swaps and Blue Bonds. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/Implementing%20Nature-Based%20solutions.pdf

54 The Nature Conservancy. World's First Nature Bonds Project Reaches Final Step in Seychelles. URL: https://www.nature.org/en-us/what-we-do/our-insights/perspectives/seychelles-nature-bonds-msp/

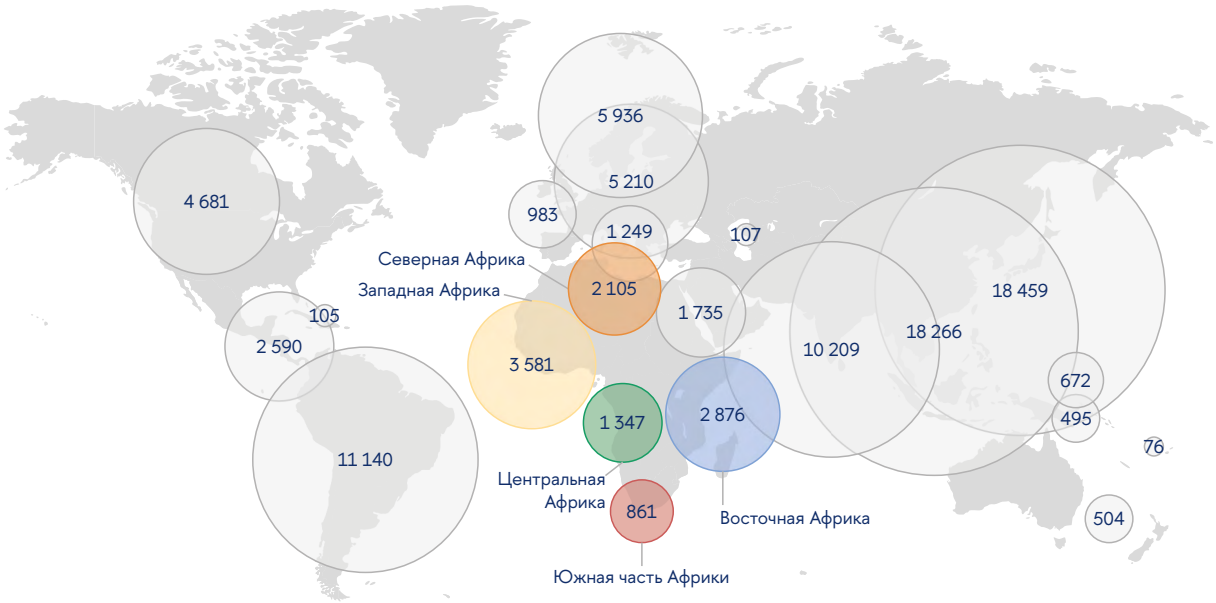
55 The Nature Conservancy. Why we're committing to 30x30. URL: https://www.nature.org/en-us/what-we-do/our-priorities/protect-water-and-land/land-and-water-stories/committing-to-30x30/

56 ADF. Six West African Countries Account for 20% of World's Illegally Caught Fish. URL: https://adf-magazine.com/2023/03/six-west-african-countries-account-for-20-of-worlds-illegally-caught-fish/

57 Doumbouya, A., Camara, O. T., Mamie, J., Intchama, J. F., Jarra, A., Ceesay, S., ... & Belhabib, D. (2017). Assessing the effectiveness of monitoring control and surveillance of illegal fishing: the case of West Africa. Frontiers in Marine Science, 4, 50.

58 IUCN. The Great Blue Wall: Accelerating and Scaling Up Ocean Action in the Western Indian Ocean. URL: https://iucn.org/events/iucn-event/great-blue-wall-accelerating-and-scaling-ocean-action-western-indian-ocean

Африка в мировом объёме вылова рыбы, 2024 г., тыс. т живого веса

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ФАО.

западной части Индийского океана при поддержке МСОП. По аналогии с «Великой зелёной стеной» в Сахеле проект предполагает создание сети взаимосвязанных охраняемых «морских ландшафтов», в которые входят мангровые леса, коралловые рифы и другие прибрежные экосистемы[59]. Первыми «морскими ландшафтами» стали Танга-Пемба (Танзания) и Киримбас в провинции Кабу-Делгаду на севере Мозамбика, где площадь национального парка Киримбас увеличили впятеро, до акватории в 40 тыс. кв. км.[60] Проект позиционируется прежде всего как африканская инициатива: жители прибрежных районов выступают в нём не объектом охраны, а участниками управления природным капиталом.

Среди морских природных активов особо ценны мангровые леса. При сравнительно небольшой площади в Африке (чуть более 29 тыс. кв. км, или пятая часть мирового покрова) они входят в число ценнейших экосистем планеты[61]. Мангры защищают побережье от эрозии и штормов, служат местом воспроизводства многих видов рыб и поглощают в 3–4 раза больше углерода на гектар, чем наземные тропические леса, что делает их особенно важным активом в углеродных расчётах[62].

В дельте Нигера одновременно расположены крупнейшие мангровые леса Африки и крупные запасы нефти и газа. За десятилетия добычи эта экосистема превратилась в одну из самых загрязнённых в мире. С 2010 г. там зарегистрировали почти 14 тыс. разливов нефти[63], а общий объём загрязнения с 1950-х гг. оценивается более чем в 2 млн т нефти и нефтепродуктов[64].

59 IUCN. Global launch of the Great Blue Wall. URL: https://iucn.org/news/secretariat/202111/global-launch-great-blue-wall

60 IUCN. Leaders from Western Indian Ocean countries share progress on Great Blue Wall at COP27. URL: https://iucn.org/news/202211/leaders-western-indian-ocean-countries-share-progress-great-blue-wall-cop27

61 Naidoo, G. (2023). The mangroves of Africa: A review. Marine Pollution Bulletin, 190, 114859.

62 Ofori, S. A., Hugé, J., Gnansounou, S. C., Ximenes, A. C., Asante, F., Bagbohouna, M. K., ... & Dahdouh-Guebas, F. (2025). Leveraging mangroves to advance climate action in Africa: Zooming in on Nationally Determined Contributions (NDCs). Journal of environmental management, 392, 126669.

63 International Institute of Policy Research and Development Studies (IIPRDS). Environmental Policy and Sustainable Development in Nigeria's Niger Delta: A Critical Look at the National Oil Spill Detection and Response Agency (NOSDRA). International Journal of Academic Research in Social Science and Educational Studies, 2025. URL: https://internationalpolicybrief.org/wp-content/uploads/2025/03/ARTICLE-2.pdf

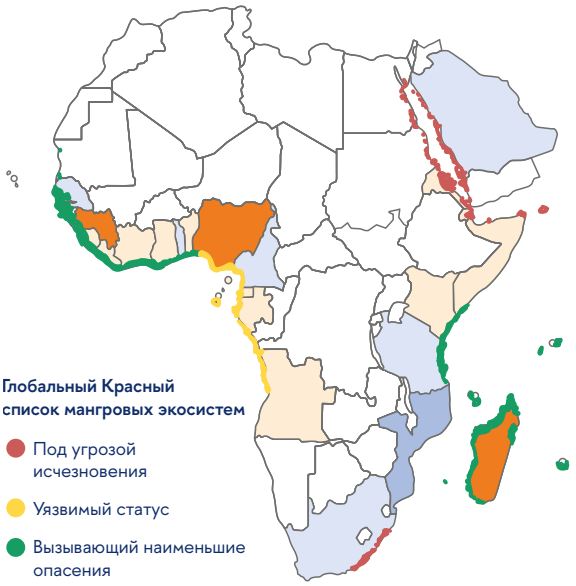
64 Ordinioha, B., & Brisibe, S. (2013). The human health implications of crude oil spills in the Niger delta, Nigeria: An interpretation of published studies. Nigerian Medical Journal, 54(1).

Ущерб усугубляют и ежедневное сжигание свыше 2,5 млрд кубических футов попутного газа[65], а также вырубка мангров, рост посевных площадей, урбанизация и инвазивная пальма нипа, которая мешает лесам восстанавливаться[66].

Лицом кризиса стал разлив нефти в Бодо в 2008 г.[67] Shell признала ответственность за коррозию трубопровода, выплатила 15 600 жителям 55 млн фунтов компенсации и обязалась восстановить мангры, но рыба в эти воды так и не вернулась.

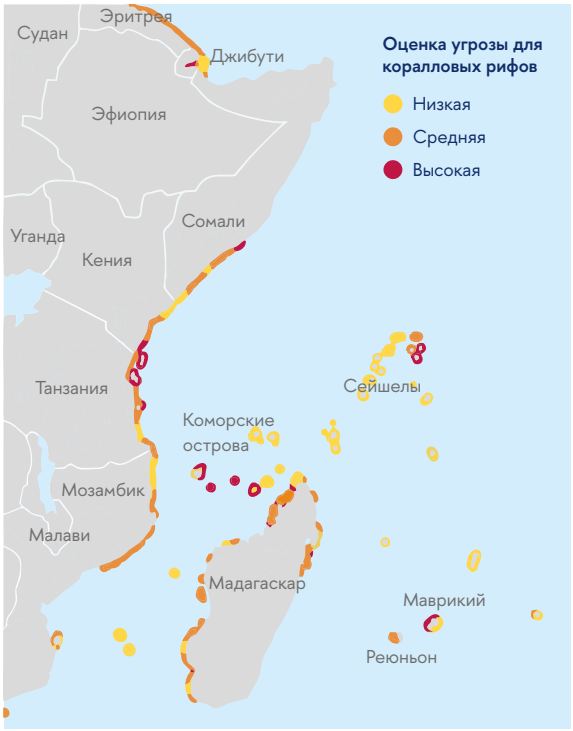
Показательна кенийская инициатива Mikoko Pamoja в заливе Гази: жители прибрежных деревень участвуют в охране мангровых лесов и получают доход от продажи углеродных кредитов[68].

Мангровые экосистемы Африки

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

Угрозы для коралловых рифов Восточной Африки

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных WRI, ICLARM и UNEP.

Часть выручки идёт на общественные нужды, включая водоснабжение и образование.

Ещё менее заметны, но не менее ценны коралловые рифы. Их экономическое значение долгое время недооценивалось, поскольку большая часть создаваемой ими стоимости не отражается в традиционной статистике. А между тем рифы работают как естественная защитная инфраструктура, снижая ущерб от штормов, наводнений и эрозии побережья. По подсчётам, такая «естественная страховка» предотвращает порядка 4 млрд долл. ежегодного ущерба от наводнений и штормов в мире[69].

65 Osuoha, C. A., & Fakutiju, M. A. (2017). Gas flaring in Niger Delta region of Nigeria: Cost, ecological and human health implications. Environmental Management and Sustainable Development, 6(2), 390-410.

66 Nwobi, C., Williams, M., & Mitchard, E. T. (2020). Rapid Mangrove forest loss and Nipa Palm (Nypa fruticans) expansion in the Niger Delta, 2007–2017. Remote Sensing, 12(14), 2344.

67 Pegg, S., & Zabbey, N. (2013). Oil and water: the Bodo spills and the destruction of traditional livelihood structures in the Niger Delta. Community Development Journal, 48(3), 391-405.

68 ESRAG (Environmental Science Research and Advisory Group). Blue Carbon Community Development. URL: https://esrag.org/project/blue-carbon-community-development/

69 Beck, M. W., Losada, I. J., Menéndez, P., Reguero, B. G., Díaz-Simal, P., & Fernández, F. (2018). The global flood protection savings provided by coral reefs. Nature communications, 9(1), 2186.

Это особенно важно для восточного побережья Африки. От Кении до Мозамбика миллионы людей живут в районах, где состояние коралловых экосистем напрямую определяет жизнь прибрежных хозяйств. На Мадагаскаре рифовые системы поддерживают благополучие примерно 13 млн жителей. Но на рифы усиливают давление потепление океана, перелов и загрязнение. В отдельных районах, включая рифовые комплексы у Тулеара (Мадагаскар), деградация кораллов уже бьёт по рыболовству и доходам местных сообществ.

Деградация рифов оборачивается потерей биоразнообразия и снижением туристической привлекательности, а заодно увеличивает экономические издержки на защиту береговой линии и устранение последствий экстремальных погодных явлений.

Страны Африки развивают сотрудничество по их защите. Сомали, Кения, Танзания, Сейшелы, Коморы, Мадагаскар, Маврикий, Мозамбик, ЮАР, а также Франция (метрополия Реюньона) объединены Найробийской конвенцией, в рамках которой в 2002 г. была создана целевая группа по защите коралловых рифов (CRTF)[70]. CRTF задумывалась как координирующая надстройка над национальными правительствами и научным сообществом региона. Группа синхронизирует мониторинг, методологию и отчётность, разрабатывает общие протоколы наблюдения, агрегирует данные о состоянии экосистем, готовит региональные обзоры и подталкивает страны к собственным планам действий. В 2004 г. было принято решение создать национальные целевые группы – отдельные межведомственные органы в каждом государстве. Так, в Танзании TzCRTF работает в пяти зонах наблюдения от Танги до Мтвары и взаимодействует с парламентом и судебными органами по вопросам незаконного рыболовства с применением взрывчатки.

CRTF действует не самостоятельно, а через сеть партнёров. Научную базу обеспечивает региональный центр CORDIO East Africa, который ещё в 1999 г. опубликовал первый региональный обзор состояния рифов и с тех пор регулярно его обновляет, в том числе совместно с Глобальной сетью мониторинга коралловых рифов (GCRMN), межправительственной Комиссией Индийского океана и Группой специалистов по кораллам Международного союза охраны природы. К работе также подключены Всемирный фонд дикой природы и Ассоциация морских наук Западного Индийского океана (WIOMSA). Последняя выпускает периодические доклады о состоянии береговой зоны (State of the Coast). Финансово CRTF опирается главным образом на проектные средства: GEF и ЕС через программу ACP MEAs 3, шведское агентство международного развития, BMZ Германии. Сами авторы конвенции признают, что региональная активность за последние два десятилетия носила эпизодический характер и зависела от донорского финансирования. Таким образом, CRTF играет роль связующего звена: национальные министерства отвечают за регулирование и правоприменение, НКО и научные центры – за полевые работы, а целевая группа – методологическую базу и канал обмена данными.

В этом заключается одна из ключевых особенностей морского природного капитала. Его ценность определяется не только объёмом добываемых ресурсов, но и теми услугами, которые экосистемы «бесплатно» предоставляют обществу. Их утрата быстро превращается во вполне измеримые расходы для государства, бизнеса и населения. В то же время опыт показывает, что деградация экосистем не всегда бывает необратимой.

70 ICRI. The Nairobi Convention Coral Reef Task Force, and Tanzania's efforts to support coral reef conservation in the western Indian Ocean. URL: https://icriforum.org/wp-content/uploads/2023/09/Nairobi-Convention-and-Tanzania-ICRI-presentationFinal.pdf

Показателен пример южноафриканского парка Исимангалисо. К концу XX в. его экосистема была нарушена несколькими десятилетиями инженерных вмешательств и хозяйственного освоения[71]. Отделение реки Мфолози от озера Сент-Люсия в 1952 г. лишило систему около 60% притока пресной воды. Сток дополнительно сократили водозабор в верховьях рек и масштабные плантации эвкалипта и сосны, потреблявшие куда больше воды, чем местная растительность. Искусственное регулирование устья, распространение инвазивных видов, деградация болот и фрагментация природных местообитаний ещё сильнее ослабили устойчивость экосистемы. Последствия проявились во время экстремальной засухи 2001–2010 гг., когда озеро распалось на несколько изолированных водоёмов, устье закрылось, солёность повысилась до предельных значений, а от деградации природных ресурсов пострадали более 15 тыс. семей, живших рыболовством и выпасом скота. Параллельно в 1989–1993 гг. развернулась общенациональная кампания против предложения Richards Bay Minerals (дочерней компании Rio Tinto) добывать титан в лесопокрытых дюнах Восточного берега. Кампания объединила более 150 природоохранных организаций и собрала около полумиллиона подписей, в том числе Н. Манделы и С. Бутелези. В 1993 г. экспертная панель рекомендовала отказать в выдаче лицензии, а после демонтажа апартеида новое правительство номинировало эту территорию как объект Всемирного наследия (статус присвоен в 1999 г.), приступив к работам по восстановлению гидрологии и выведению плантаций. По программе возрождения территории были ликвидированы коммерческие плантации, развернута борьба с инвазивными видами, начались работы по возвращению болот и пастбищ[72]. Ключевым шагом стал завершённый в 2012 г. проект по повторному соединению реки Мфолози с озером Сент-Люсия стоимостью 63 млн рандов (более 7 млн долл. на тот момент). Устойчивый приток пресной воды позволил стабилизировать солёность и вернуть экосистеме её функции.

Таким образом, своевременные инвестиции в природный капитал способны остановить экологическую деградацию и вернуть обществу утраченные экономические и социальные выгоды. В похожей логике сегодня реализуются проекты восстановления мангровых экосистем в дельтах Казаманс и Салум в Сенегале: уже высажено около 8 млн деревьев на площади порядка 5 тыс. га[73]. Помимо защиты побережья и поддержки местного рыболовства, ожидается, что они обеспечат поглощение около 500 тыс. т CO- за двадцать лет.

Биоразнообразие и «белые пятна» на карте

Биоразнообразие входит в число главных природных преимуществ Африки. На континенте расположены 8 из 36 мировых очагов биоразнообразия: Капская флористическая область на юге Африки, Гвинейские леса Западной Африки, уникальный природный комплекс Мадагаскара и другие[74]. Эти территории отличает исключительно высокий уровень эндемизма. Так, около 90% наземных и пресноводных позвоночных Мадагаскара не встречаются больше нигде в мире[75], а Капская область насчитывает свыше 9 тыс. видов сосудистых растений, и большинство из них нигде в мире больше не растёт[76].

Значительная часть африканского биоразнообразия не изучена.

Особенно это проявляется в труднодоступных районах Центральной Африки, где учёные

71 World Bank. Putting youth to work while preserving a South African ecosystem. URL: https://www.worldbank.org/en/news/feature/2018/12/04/putting-youth-to-work-while-preserving-a-south-african-ecosystem

72 iSimangaliso Wetland Park. iSimangaliso's Critical Habitat Restoration & Stewardship. URL: https://isimangaliso.com/newsflash/isimangalisos-critical-habitat-restoration-stewardship/

73 The Commonwealth. Case study: Community-led Mangrove Restoration and Conservation in Gazi Bay, Kenya - Lessons From Early Blue Carbon Projects (on-going). URL: https://thecommonwealth.org/case-study/case-study-community-led-mangrove-restoration-and-conservation-gazi-bay-kenya-lessons

74 CEPF. Biodiversity Hotspots Defined. URL: https://www.cepf.net/our-work/biodiversity-hotspots/hotspots-defined

75 Antonelli, A., Smith, R. J., Perrigo, A. L., Crottini, A., Hackel, J., Testo, W., ... & Ralimanana, H. (2022). Madagascar's extraordinary biodiversity: Evolution, distribution, and use. Science, 378(6623).

76 Odendaal, L. J., Haupt, T. M., & Griffiths, C. L. (2008). The alien invasive land snail Theba pisana in the West Coast National Park: Is there cause for concern?. Koedoe: African Protected Area Conservation and Science, 50(1), 93-98.

регулярно описывают новые виды[77]. Так, на плато Лисима на востоке Анголы (один из наименее изученных природных районов континента) в феврале 2026 г. обнаружены десятки ранее неизвестных науке видов: 8 неописанных стрекоз, 3 новых вида прямокрылых, около 60 бабочек и мотыльков, а также светящийся под ультрафиолетом паук-краб[78]. Ранее, в 2024 г., та же группа исследователей впервые засняла легендарных ангольских «слонов-призраков» – редкую изолированную популяцию, которая до этого почти не попадала в поле зрения науки[79].

Российские исследователи внесли заметный вклад в изучение голого землекопа – одного из главных модельных организмов современной биологии старения и онкологии, полевые исследования которого уже много лет ведутся в Восточной Африке, прежде всего в Эфиопии и Кении[80]. В декабре 2025 г. международная группа, в которую вошли сотрудники Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, показала, что под названием «голый землекоп» скрываются три разошедшиеся эволюционные линии, одна из которых восстановлена в статусе самостоятельного вида. Анализ показал, что древнейшая линия отделилась около 4,1 млн лет назад – раньше, чем разделились любые другие близкородственные землекоповые, и раньше, чем возникло большинство современных видов млекопитающих[81]. Практическое значение открытия состоит в том, что все лабораторные колонии мира происходят лишь из одной линии, происходящей из нескольких районов Кении. Следовательно, почти вся биомедицинская литература о голом землекопе описывает только часть этого разнообразия, тогда как выделенный учёными в самостоятельный вид *H. phillipsi*, обитающий в более жарких и засушливых районах, может обладать ещё более выраженными адаптационными свойствами[82].

Основные очаги биоразнообразия в Африке

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ООН.

Такие открытия показывают, что природный капитал Африки изучен далеко не полностью, а многие экосистемы скрывают серьёзный научный и коммерческий потенциал. У него есть и практическая отдача. Современная фармацевтика, биотехнологии и аграрная селекция активно используют генетические ресурсы диких видов. Поиск новых соединений для лекарств или устойчивых сельскохозяйственных культур (т.н. биопроспектинг) давно превратился в отдельное направление исследований. Однако в отличие от Амазонии, где эта практика привела к множеству коммерческих разработок и патентов, Африка пока слабо вовлечена в этот рынок.

77 См. сноску 2

78 The Wilderness Project. Dozens of New Species Discovered in Angola. URL: https://www.thewildernessproject.org/news/cassai-life-atlas

79 CNN. For decades there were rumors of ghost elephants in Angola. This explorer found them. URL: https://edition.cnn.com/science/ghost-elephants-angola-steve-boyes-werner-herzog-interview-spc-c2e

80 Сев-ин. Л.А. Лавренченко рассказал журналистам РИА Новостей об изучении голого землекопа. URL: https://sev-in.ru/node/2519

81 Uhrová, M., Mikula, O., Bryja, J., Frýdlová, P., Zemlemerova, E. D., Elmi, H. S., ... & Šumbera, R. (2025). More than one species of the naked mole-rat, a new biomedical model. Communications Biology.

82 Там же.

Тем не менее отдельные истории показывают, что континент способен встраиваться в глобальные цепочки стоимости. Самой устойчивой из них стала мадагаскарская – вокруг *Centella asiatica*, небольшого зонтичного растения, известного на острове как talapetraka. Промышленное значение этот вид получил в 1949 г. благодаря малагасийскому учёному Альберу Ракото Рацимаманга, который проводил исследования вместе с французской лабораторией Laroche-Navarron: на основе тритерпеновых гликозидов, выделенных из листьев, им был получен препарат Madecassol[83]. С тех пор центелла используется как сырьё сразу для двух отраслей. В фармацевтике она применяется при лечении ожогов, послеоперационных ран и рубцов через стимуляцию синтеза коллагена. В косметологии, прежде всего корейской («сика»), экстракты центеллы превратились в базовый активный компонент. Мадагаскар лидирует в мировой торговле этим видом: листья малагасийского происхождения ценятся переработчиками за более высокое содержание азиатикозида в сухом веществе[84]. В 2023 г. экспорт необработанной *C. asiatica* составил почти 8 млн долл., преимущественно во Вьетнам, Индию, Францию, Испанию и Бельгию. Однако Мадагаскар выступает в основном поставщиком сырья, а бóльшая часть стоимости формируется у переработчиков и косметических брендов в Европе и Азии.

Большим резервом служат и генетические ресурсы культурных растений.

Африка – родина сорго, тефа, кофе и ряда других культур. Их дикие родственники сохраняют генетические свойства, которые могут пригодиться в условиях изменения климата, распространения болезней растений и растущей нагрузки на продовольственные системы.

С каждым исчезающим видом мир теряет элемент биоразнообразия и возможный инструмент адаптации сельского хозяйства[85].

Систематическое изучение этого резерва началось ещё до появления самого понятия «генетические ресурсы». В 1926–1927 гг. Н.И. Вавилов провёл экспедицию в Абиссинию и Эритрею и отнёс регион к числу первичных центров происхождения культурных растений, отметив исключительное разнообразие плёнчатых ячменей, пшениц с фиолетовым зерном, своеобразных рас овса и ряда эндемичных культур[86]. Там же он показал, что твёрдая пшеница, которую тогда считали происходящей из Египта, сформировалась в Эфиопском нагорье и лишь затем распространилась севернее[87]. Собранный материал стал частью знаменитой коллекции ВИР, которую позднее пополнили экспедиция Ф.Ф. Сидорова в 1959 г. и совместная российско-эфиопская экспедиция 2012 г. Сегодня эфиопские и эритрейские стародавние сорта пшеницы из этой коллекции исследуют на устойчивость к грибным болезням и токсичному алюминию кислых почв[88].

Высокой биологической ценностью обладают и пресноводные экосистемы континента. В Великих африканских озёрах – Виктории, Танганьике и Малави – сосредоточены около 25% незамёрзающих поверхностных пресных вод планеты, а также важные очаги эндемизма. Особенно богато озеро Танганьика: в нём сформировались сотни уникальных видов рыб, и более 600 из них не встречаются больше нигде в мире[89].

Озеро Виктория показывает, насколько хрупким может быть природный баланс. В 1950-х гг. в его воды выпустили нильского

83 Rasoanaivo, P., Loiseau, A., Allorge-Boiteau, L., & Loharanombato, V. (2018). Development and commercialization of asiaticoside in Madagascar. African Indigenous Medical Knowledge and Human Health, 115-130.

84 TRAFFIC. Policy Brief on the Malagasy Medicinal and Aromatic Plants. URL: https://www.traffic.org/site/assets/files/26261/traffic-a4-policy_brief_en.pdf

85 Alliance of Bioversity International and CIAT. Home page. URL: https://alliancebioversityciat.org/

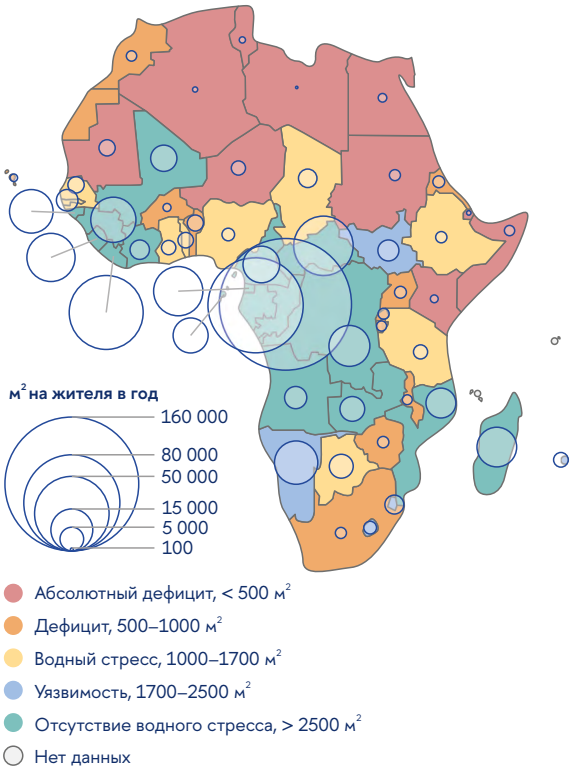
86 Harlan, J. R. (1969). Ethiopia: a center of diversity. Economic botany, 23(4), 309-314.

87 Hummer, K. E. (2015). In the footsteps of Vavilov: Plant diversity then and now. HortScience, 50(6), 784-788.

88 Zuev, E. V., Lebedeva, T. V., Yakovleva, O. V., Kolesova, M. A., Brykova, A. N., Lysenko, N. S., & Tyryshkin, L. G. (2024). Genetic Diversity for Effective Resistance in Wheat Landraces from Ethiopia and Eritrea to Fungal Diseases and Toxic Aluminum Ions. Plants, 13(8), 1166.

89 Ronco, F., Büscher, H. H., Indermaur, A., & Salzburger, W. (2020). The taxonomic diversity of the cichlid fish fauna of ancient Lake Tanganyika, East Africa. Journal of Great Lakes Research, 46(5), 1067-1078.

Возобновляемые водные ресурсы стран Африки на душу населения

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ФАО.

окуня, чтобы повысить коммерческую привлекательность рыболовства[90]. Однако за следующие десятилетия исчезло более 200 эндемичных видов цихлид, и эта история превратилась в классический пример того, как деятельность человека способна перекроить целую экосистему.

Эти риски подталкивают страны Африки к выстраиванию собственной архитектуры управления водными ресурсами. Так, под эгидой ВАС действуют Комиссия бассейна озера Виктория (LVBC) и Организация рыбной ловли в озере Виктория (LVFO), в рамках Конвенции об устойчивом управлении озером Танганьика с 2008 г. действует координирующий орган, существует и Организация рыбной ловли и аквакультуры озер Эдвард и Альберт. Их повестка прикладная: согласование квот вылова, мониторинг качества воды, борьба с инвазивными видами – в том числе с водяным гиацинтом и тем самым нильским окунем – и координация исследовательских программ между прибрежными странами. Особое место занимает Комиссия по бассейну озера Чад (LCBC), координирующая управление одной из важнейших трансграничных озёрных систем континента.

Специфика экосистемных вызовов предопределяет важнейшую роль, которую играют в работе с ними различные международные координационные площадки, многие из которых формируют свои бюрократические аппараты. Во-первых, экосистемы не признают международных границ, а трансграничные вызовы требуют совместных решений. Во-вторых, многие вызовы имеют глобальное измерение и для координации работы с соответствующими международными организациями, донорами, лучше подходит межгосударственная площадка. Однако существует риск подмены национальных служб экологического мониторинга и надзора международными площадками, влияние правительств на работу которых крайне ограничено.

Основные бассейны рек в Африке

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных AQUASTAT.

90 Tokyo Institute of Technology. Nile Perch Invasion Triggered Genetic Bottlenecks in Lake Victoria's Endemic Cichlids. URL: https://www.titech.ac.jp/english/news/2024/069463

Похожие системы управления охватывают и речные ресурсы: существуют Инициатива бассейна Нила (NBI), Управление бассейна Нигера (NBA), Организация по развитию бассейна реки Сенегал (OMVS), комиссии по бассейнам Окаванго (OKACOM), Оранжевой–Сенку (ORASECOM), Вольты (VBA) и Замбези (ZAMCOM). Устроены эти организации по-разному. У Организации по развитию бассейна реки Сенегал, основанной в 1972 г., есть редкая для региона особенность – совместная инфраструктура, которой сообща владеют прибрежные государства: антисолевая плотина Диама и многоцелевая Манантали. Кроме того, в её повестку включены не только вопросы, связанные с речными ресурсами, но и содействие продовольственной безопасности, а также борьба с малярией. Достижения этой организации нашли отражение в рейтинге Water Cooperation Quotient: OMVS единственная в Африке получила оценку в 100 баллов[91].

Инициатива по бассейну Нила появилась в 1999 г., но постоянной правовой базы у неё долго не было: только в октябре 2024 г. вступило в силу Рамочное соглашение о сотрудничестве. Однако Египет и Судан его не подписали: новые принципы «справедливого и разумного использования» они расценивают как угрозу своим исторически закреплённым квотам забора воды, к тому же этот спор обострило строительство Эфиопией Великой плотины Возрождения (для сравнения: оценка NBI в упомянутом рейтинге – всего 27 баллов).

OKACOM, ORASECOM, VBA, ZAMCOM устроены проще – они согласуют данные, готовят общие стратегические планы и сближают национальные законодательства, но существенных полномочий или собственной инфраструктуры у них нет. У всех организаций общие слабости: бюджеты зависят от внешних доноров, заставить участников выполнять договорённости нечем, а конкуренция за воду в условиях климатических изменений между государствами растёт. Главным внешним партнёром многих из этих организаций стала совместная инициатива ЕС и Африканского союза – Team Europe Initiative on Transboundary Water Management in Africa, запущенная в 2022–2023 гг. Её бюджет превышает 400 млн евро, и работает она по трём направлениям: поддерживает континентальные структуры (Комиссию Африканского союза, Африканский совет министров по водным ресурсам и Африканскую сеть бассейновых организаций), содействует РЭС в налаживании трансграничного сотрудничества и финансирует отдельные программы, такие как CREATES в Восточной Африке. От традиционной донорской помощи TEI-TWM отличает то, что финансирование встроено в политический диалог АС–ЕС, а не распределяется по разрозненным проектам.

Постепенно обретают институциональную форму экономические механизмы использования биологических ресурсов: как правило, это делается через схемы распределения выгод (*Access and Benefit-Sharing, ABS*), которые компенсируют коренным народам коммерческое использование их традиционных знаний. ЮАР продвинулась в этом дальше других: в марте 2019 г. отрасль, государство и представители народов кой и сан подписали первое в мире ABS-соглашение об использовании ройбуша[92]. Оно признало эти общины носителями традиционных знаний о растении и закрепило их право на долю доходов от его коммерческого производства. Это соглашение развивает подход, предложенный Южноафриканским советом народа сан. В 2003–2007 гг. совет вместе с Советом по научным и промышленным исследованиям ЮАР и Южноафриканской ассоциацией производителей худии впервые в мире заключил соглашения о распределении преимуществ от использования этого растения. Несмотря на этот прецедент, стоит заметить, что переговоры по ройбушу шли довольно долго и начались ещё в 2010 г., когда разгорелся конфликт из-за патентных заявок Nestlé на продукты из ройбуша и ханибуша, поданных без согласия общин. В конечном счете девятилетние переговоры закрепили механизм перераспределения выгод, а коренные народы прошли путь

91 Strategic Foresight Group. Water Cooperation Quotient. 2015. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/191314/28799WCQ-web.pdf

92 Media Statement. Khoi and San people recognised as rightful knowledge holders of rooibos with R12.2 million levy payout. URL: https://grondtotmond.com/2022/07/13/khoi-and-san-receive-first-cycle-of-benefit-sharing-funds-from-rooibos-industry/

от символического признания к участию в коммерциализации биологических ресурсов.

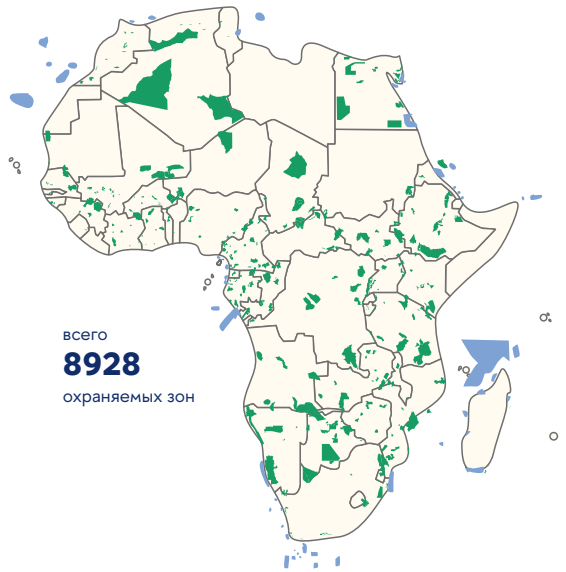
Постепенно подобные подходы закрепляются в государственной политике. Всё больше африканских стран учитывают природный капитал в национальном планировании, развивают углеродные рынки и расширяют природоохранные территории[93].

Главным инструментом сохранения биоразнообразия служат национальные парки и другие охраняемые природные территории. Они занимают около 14% площади Африки.

Крупнейший национальный парк континента – Намиб-Науклуфт в Намибии – превосходит по площади Словакию. Всемирную известность получили Крюгер в ЮАР, Серенгети и Ньерере в Танзании, Масаи-Мара в Кении, Хванге в Зимбабве, а также Вирунга в ДРК – старейший парк региона (основан в 1925 г.).

В Африке также расположена крупнейшая трансграничная охраняемая территория мира – Каванго-Замбези, объединившая природоохранные земли пяти государств и крупнейшую популяцию африканских слонов.

Особо охраняемые территории в Африке

Наземные и внутренние водные охраняемые территории

Морские и прибрежные охраняемые территории

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

Эти территории важны и для природы, и для экономики континента. Более 80% туристических поездок в Африке связаны с наблюдением за дикой природой. Экосистемный туризм приносит африканским странам порядка 48 млрд долл. в год, около 4% совокупного ВВП континента. Для таких стран, как Танзания, Кения, Ботсвана, Руанда, Намибия, Уганда, Зимбабве и Замбия, национальные парки служат основой международной туристической привлекательности и важным каналом валютных поступлений.

Однако эффективность этой системы неоднородна. При обширной сети охраняемых территорий многие из них существуют лишь формально. По оценкам African Parks, из 161 ключевой охраняемой территории Африки общей площадью около 130 млн га устойчивой системой управления располагают только 69. Остальные сталкиваются с хроническим недофинансированием, нехваткой рейнджеров, браконьерством и деградацией местообитаний. Поэтому присвоение охранного статуса само по себе ещё не гарантирует эффективной защиты территории.

Даже развитые природоохранные системы испытывают серьёзный дефицит ресурсов. Так, Служба охраны дикой природы Кении (KWS) в 2024/25 финансовом году собрала 8 млрд шиллингов при заявленной потребности в 20 млрд, то есть столкнулась с дефицитом около 12 млрд шиллингов (примерно 90 млн долл.)[94]. Более

93 SEforALL. Africa Carbon Markets Initiative builds on momentum from COP27, announces 13 action programmes. URL: https://www.seforall.org/news/africa-carbon-markets-initiative-builds-on-momentum-from-cop27-announces-13-action-programmes

94 The Star. KWS seeks additional resources to bolster wildlife conservation efforts. URL: https://www.the-star.co.ke/news/2025-07-10-kws-seeks-additional-resources-to-bolster-wildlife-conservation-efforts

90% собственных доходов службе приносит туризм, однако 72% годового бюджета расходуется на оплату труда, оставляя ограниченные средства на инфраструктуру, технику и противодействие браконьерству. При этом тарифы на посещение национальных парков не пересматривались с 2007 г.

По оценке самой KWS, охраняемые природные территории ежегодно приносят экономике страны более 1 млрд долл. прямых доходов и обеспечивают около 10% ВВП[95]. Однако основная часть туристических расходов поступает авиакомпаниям, отелям, туроператорам, ресторанам и другим участникам отрасли, тогда как на природоохранную службу приходится лишь небольшая часть этих доходов в виде платы за вход в парки. В результате её финансовые возможности зависят не столько от экономической ценности охраняемых территорий, сколько от действующих тарифов на их посещение. Именно этим объясняется решение впервые за 18 лет пересмотреть стоимость входных билетов[96].

Однако острее всего проблемы с финансированием природоохранной деятельности проявлены в странах, затронутых вооружёнными конфликтами. В чадском национальном парке Закума численность слонов в первое десятилетие XXI в. сократилась с 4,5 тыс. до нескольких сотен особей. В парке Гарамба в ДРК за несколько десятилетий исчезла большая часть крупнейшей популяции слонов региона.

Уже отмечалось, что значительная часть охраняемых территорий Африки страдает от слабого управления. На этом фоне появляются новые подходы. Например, некоммерческая организация African Parks Network[97] управляет 24 парками и природоохранными проектами в 13 странах Африки[98]. Она сочетает природоохранную деятельность с развитием туризма и привлечением международного финансирования.

В 2017 г. African Parks получила пожертвование на 65 млн долл. от фонда Wyss, в 2021 г. – ещё 108 млн долл., а также 100 млн долл. от фонда Rob & Melani Walton[99]. Более показателен пример национального парка Акагера в Руанде, который приблизился к финансовой самодостаточности. В 2025 г. парк посетили более 52 тыс. человек (45% – руандийцы), а доходы достигли 5 млн долл., из которых 97% обеспечил туризм[100].

Дикая фауна: охрана от охоты или охота для охраны?

На примере лесов, рек и морских экосистем видно, как природный капитал может приносить экономическую ценность. Но Африка прежде всего известна своей богатой дикой фауной. Хотя она давно стала символом мировой природоохранной повестки, в этом вопросе наиболее выраженно сталкиваются различные интересы: сохранения биоразнообразия и привычных ареалов существования животных, коммерческого использования этих «ресурсов» государствами и поддержки местного населения.

Главное внимание международного сообщества традиционно достаётся слонам, носорогам и панголинам. В 2021 г. Международный союз охраны природы (МСОП) включил лесного слона в категорию видов на грани исчезновения, а саванного слона отнес к категории вымирающих[101]. За последние десятилетия численность обеих популяций резко упала из-за браконьерства, утраты местообитаний и растущей антропогенной нагрузки: так, популяции лесного слона сократились на 86% за 30 лет.

95 Там же.

96 Там же.

97 African Parks Network – некоммерческая природоохранная организация. Основана в 2000 г. при участии Питера Фирнхеда, специалиста по экономике природных ресурсов и управлению охраняемыми территориями; Энтони Холл-Мартина, южноафриканского зоолога и специалиста по охране дикой природы; Майкла Юстейса, южноафриканского инвестиционного менеджера и банкира; Пола Фентенера ван Флиссингена, нидерландского предпринимателя и филантропа; и Мавусо Мсиманга, южноафриканского государственного деятеля и бывшего руководителя национальных парков Южной Африки.

98 African Parks Network. Financial Statement 2024. URL: https://www.africanparks.org/sites/default/files/uploads/resources/2025-07/African_Parks_Network-Financial_Statement_2024.pdf

99 Mongabay. African Parks secures $100M for conservation in Africa. URL: https://news.mongabay.com/2021/09/african-parks-secures-100m-for-conservation-in-africa/

100 The New Times. Akagera's big five are making a comeback. URL: https://www.newtimes.co.rw/article/37750/news/tourism/how-akageras-big-five-are-making-a-comeback

101 African Wildlife Foundation (AWF). AWF Supports IUCN Updated "Critically Endangered" Classification for African Forest Elephants. URL: https://www.awf.org/pressroom/awf-supports-iucn-updated-critically-endangered-classification-african-forest-elephants

С панголинами сложилась похожая ситуация. После резкого сокращения азиатских популяций центр нелегальной торговли сместился в Африку. Хотя в 2016 г. все восемь видов панголинов перевели в наиболее строгую категорию защиты, контрабанда не прекратилась[102]. Высокий спрос на мясо и чешую этих животных в странах Азии поддерживает этот рынок даже при ужесточении контроля[103].

Однако внимание к слонам, носорогам или панголинам нередко оставляет в тени ещё одну крупную проблему – добычу так называемого «бушмита», мяса диких животных, которое составляет важную часть рациона в ряде стран Центральной Африки. По оценкам, только в бассейне Конго потребляется около 5 млн тонн бушмита ежегодно[104]. Раньше охота на диких животных кормила прежде всего сельские районы, но теперь всё большая часть продукции уходит в города, где бушмит продаётся как дорогой и престижный товар[105].

Поэтому свести проблему бушмита к привычному браконьерству не получается. За спросом на него часто стоит внутреннее потребление, а не международные преступные сети. Эта система отчасти легальна и приносит доход местному населению. Регулировать её значительно труднее. Правительства стран Центральной Африки рассматривают проблему бушмита не только в контексте охраны природы, но и продовольственной безопасности и развития сельских территорий. Камерун, Габон, Республика Конго и ДРК совместно с природоохранными организациями и исследовательскими центрами разрабатывают совместные подходы[106], пытаясь совместить охрану дикой природы с потребностями жителей этих районов[107].

В этом и кроется природоохранная дилемма Африки. С одной стороны, сохранение дикой природы требует ограничения охоты на животных и контроля над торговлей. С другой – для миллионов людей охота служит важным источником продовольствия и дохода.

Сторонники охраны природы расходятся в подходах: одни требуют полного запрета на коммерческое использование диких животных, другие – экономических стимулов для поддержания популяций и местообитаний.

Однако самые острые споры связаны с трофейной охотой.

Чаще всего в пользу второго подхода приводят пример ЮАР. После легализации частного владения дикими животными в 1991 г. страна превратилась в ключевой центр коммерческого управления дикой природой Африки. Сегодня охотничьи и природоохранные ранчо занимают около 16% территории ЮАР, а оборот отрасли оценивают более чем в 1 млрд долл. в год[108]. Показательна история южного белого носорога. В конце 1960-х гг. его популяция насчитывала около 1,8 тыс. особей, к началу 2010-х гг. – превысила 18 тыс., и теперь на ЮАР приходится около 80% мировой численности этого вида[109].

102 TRAFFIC. The global trafficking of Pangolins: Seizures and Trafficking Routes from 2010–2015. URL: https://www.traffic.org/vn/publications/reports/the-global-trafficking-of-pangolins

103 Emogor, C. A., Ingram, D. J., Coad, L., Worthington, T. A., Dunn, A., Imong, I., & Balmford, A. (2021). The scale of Nigeria's involvement in the trans-national illegal pangolin trade: Temporal and spatial patterns and the effectiveness of wildlife trade regulations. Biological Conservation, 264, 109365.

104 European Commission. In the Congo Basin, the bushmeat trade threatens the health of people and forests. URL: https://capacity4dev.europa.eu/discussions/congo-basin-bushmeat-trade-threatens-health-people-and-forests_en

105 National Geographic. What is bushmeat? Surging consumption of wild game threatens animals and people. URL: https://www.nationalgeographic.com/animals/article/bushmeat-explained

106 ICCS. Supporting evidence-based, effective reforms of Central African wildlife use policies. URL: https://iccs.org.uk/project/supporting-evidence%E2%80%90based-effective-reforms-of-central-african-wildlife-use-policies/

107 Nana, E. D., Njabo, K. Y., Tarla, F. N., Tah, E. K., Mavakala, K., Iponga, D. M., ... & Mpouam, S. (2022). Putting conservation efforts in Central Africa on the right track for interventions that last. Conservation Letters, 15(6), e12913.

108 Perry, M. J. Who'd A-thunk It? Game Ranching and Private Ownership of Wildlife for Hunting, Tourism and Meat Are Saving Rhinos, Etc.? URL: https://www.aei.org/carpe-diem/who-d-a-thunk-it-game-ranching-and-private-ownership-of-wildlife-for-hunting-tourism-and-meat-are-saving-rhinos-etc/

109 Michael 't Sas-Rolfes. How legal hunting supports African rhino conservation. URL: https://theconversation.com/how-legal-hunting-supports-african-rhino-conservation-179876

Сторонники регулируемой охоты обращают внимание и на различие между государственными и частными территориями. В национальном парке Крюгер, который годами считался главным оплотом охраны носорогов, численность белого носорога за 2011–2020 гг. сократилась более чем на 75% из-за браконьерства[110]. На многих частных ранчо в те же годы популяции держались стабильно или росли. Логика такого подхода проста: если сохранение животных приносит землевладельцу доход, у него есть стимул беречь местообитания и вкладываться в их охрану.

Однако универсальным решением этот подход назвать нельзя. История Кении показывает, что один лишь отказ от трофейной охоты ещё ничего не говорит о состоянии дикой природы. После введения полного запрета на охоту в 1977 г. численность многих видов в стране заметно сократилась[111]. Исследователи объясняют это прежде всего ростом населения, расширением сельскохозяйственных земель и вытеснением диких животных скотом – то есть более широкими структурными изменениями в землепользовании, чем охота или её отсутствие.

Похожие споры идут и в Ботсване. В 2014 г. власти страны ввели запрет на трофейную охоту, но через пять лет отменили его под давлением сельских общин, столкнувшихся с ростом конфликтов между людьми и слонами. Для правительства вопрос связан и с сохранением природы, и с правом местного населения получать выгоду от использования природных ресурсов[112]. Поэтому спор вокруг охоты всё больше становится частью дискуссии о суверенном управлении природным капиталом, о соотношении интересов, прав и меры ответственности местных сообществ, правительств и наднациональных институтов. И если Китай, как ключевой на сегодня экономический партнер Африки, почти не уделяет внимания природоохранной тематике, усредненный западный подход в целом заключается в признании прав местных сообществ и лидерства международных институтов. В результате пространства для национальных правительств почти не остается, и им приходится отстаивать свои права в условиях дефицита ресурсов.

Тем временем есть и примеры, когда лучше всего работает стратегия самой строгой охраны. Так, многолетние меры защиты горных горилл в приграничных районах Уганды, Руанды и ДРК подняли их численность, и она уже превысила тысячу особей[113]. Этот подход, однако, опирается на особые условия: ограниченный доступ туристов, высокая стоимость посещения национальных парков и тесное трансграничное сотрудничество при растущей роли государственных институтов на местах.

Опыт разных стран показывает, что универсального решения нет. Результативность природоохранной политики строится на сочетании строгих запретов и продуманных стимулов для землевладельцев, государственных структур и жителей сельских районов. Поэтому за спором о трофейной охоте стоит более широкий вопрос: как заставить природный капитал приносить отдачу, не подрывая ресурсную базу.

Отдельным элементом современной системы охраны природы стали цифровые платформы мониторинга. Две из них превратились в отраслевые стандарты. SMART используют более чем на 1200 охраняемых территориях в свыше 100 странах для учёта патрулирования и сбора данных о работе рейнджеров. EarthRanger, созданная в 2015 г., объединяет в режиме реального времени данные спутниковых ошейников, фотоловушек, датчиков и патрульных отчётов. В 2026 г. разработчики обеих платформ объ-

110 Там же.

111 Ogutu, J. O., Piepho, H. P., Said, M. Y., Ojwang, G. O., Njino, L. W., Kifugo, S. C., & Wargute, P. W. (2016). Extreme wildlife declines and concurrent increase in livestock numbers in Kenya: What are the causes?. PloS one, 11(9), e0163249.

112 Al Jazeera. Botswana threatens to send 20,000 elephants to Germany. URL: https://www.aljazeera.com/news/2024/4/3/botswana-threatens-to-send-20000-elephants-to-germany-in-conservation-row

113 African Conservation Foundation. Global Mountain Gorilla Population Count Grows to 1,063. URL: https://africanconservation.org/wildlife-news/global-mountain-gorilla-population-count-grows-to-1063/

явили об объединении усилий[114]. В Африке их внедрение во многом финансируют международные доноры.

Так, проект Глобального экологического фонда (ГЭФ) стоимостью 2,4 млн долл. при софинансировании в 4,8 млн долл. оснастил системой EarthRanger шесть охраняемых территорий: Чобе в Ботсване, Лимпопо и Зинаве в Мозамбике, а также Нуабале-Ндоки, Одзала-Коку и Конкуати-Дули в Республике Конго. Проект включал создание оперативных центров, установку устройств слежения и цифровых систем радиосвязи[115]. Благодаря таким системам охрана природы всё чаще строится на непрерывном анализе данных: патрули направляют туда, где риск нарушений наиболее высок, а не туда, куда подсказывает интуиция.

Развитие против природы?

Споры вокруг охоты касаются способов управления природным капиталом, а проекты в добыче полезных ископаемых, инфраструктуре и сельском хозяйстве ставят вопрос более фундаментальный.

Правительствам часто приходится выбирать между сохранением экосистем и экономическим развитием, которое уже сегодня способно дать доходы, рабочие места и экспортную выручку.

Нефтяные месторождения бассейна озера Альберт, включая проект Тиленга, частично расположены в районе национального парка Мерчисон-Фолс. Их разработку дополняет строительство Восточноафриканского нефтепровода (EACOP) – первого крупного нефтяного проекта внутри охраняемой природной территории Восточной Африки. Проект вызвал масштабную международную кампанию #StopEACOP, после которой к 2023 г. как минимум два десятка крупных банков и финансовых организаций отказались участвовать в его финансировании. Однако Уганда не свернула проект. Президент Йовери Мусевени последовательно отстаивает право страны разрабатывать собственные углеводородные ресурсы, а официальная позиция Кампалы состоит в том, что Африка имеет такое же право использовать ископаемое топливо для развития экономики, как когда-то и индустриальные государства.

Похожую аргументацию приводят и в других странах континента. В 2022 г. власти ДРК выставили на аукцион нефтегазовые блоки, часть которых затрагивала торфяники Кювет-Централь. Несмотря на критику со стороны природоохранных организаций, правительство подчёркивало суверенное право распоряжаться национальными ресурсами. Та же логика видна в Танзании. Ради реализации уранового проекта Мкужу-Ривер из состава охраняемой территории Селус вывели отдельный участок месторождения, и для этого потребовалось решение президента страны.

Давление на природные экосистемы оказывает не только добывающая промышленность. Серьёзные последствия часто несёт постепенное расширение сельского хозяйства. Кот-д'Ивуар и Гана обеспечивают основную часть мирового урожая какао-бобов и снабжают сырьём мировую шоколадную индустрию. Однако расширение плантаций считается главным фактором сокращения лесного покрова в обеих странах, в том числе на отдельных охраняемых территориях[116]. По спутниковым снимкам исследователи установили, что за 2000–2019 гг. в юго-западных регионах Ганы какао вытеснило 848

114 Mongabay. Flagship conservation platforms SMART and EarthRanger join forces in new tech partnership. URL: https://news.mongabay.com/2026/03/flagship-conservation-platforms-smart-and-earthranger-join-forces-in-new-tech-partnership/

115 Conservation International. New GEF-Funded Project to Deploy EarthRanger to Strengthen Protected Areas in Africa, Prevent Poaching and Reduce Human-Wildlife Conflict. URL: https://www.conservation.org/press/new-gef-funded-project-to-deploy-earthranger-to-strengthen-protected-areas-in-africa-prevent-poaching-and-reduce-human-wildlife-conflict

116 Kalischek, N., Lang, N., Renier, C., Caye Daudt, R., Addoah, T., Thompson, W., ... & Wegner, J. D. (2023). Cocoa plantations are associated with deforestation in Côte d'Ivoire and Ghana. Nature Food, 4(5), 384-393.

тыс. га леса – 57% всей вырубки и деградации лесов за эти годы[117].

Поэтому правительства, международные организации и крупнейшие компании отрасли пытаются минимизировать экологические последствия производства. В рамках Cocoa & Forests Initiative с 2021 г. заработали системы мониторинга лесного покрова в какао-поясе, создана система оценки рисков, началось картирование фермерских хозяйств, запустились программы восстановления древесного покрова[118]. Однако результаты пока неоднозначны. Хотя отдельные цепочки поставок становятся прозрачнее для покупателей из ЕС, давление на леса не спадает – за счёт косвенных эффектов и устойчивого спроса со стороны рынков, не связанных подобными ограничениями.

В целом специфика исторического момента в Африке заключается в том, что континент близок к пределам экстенсивного роста сельского хозяйства и городов: свободного места для них осталось мало[119].

Нагрузку на экосистемы формирует не только освоение недр и расширение культивируемых площадей. Вероятно, ещё большее воздействие на природу в обозримой перспективе будет вызвано продолжающимся ростом населения континента и его расселением. Превысив рубеж в 1,55 млрд чел., оно почти удвоится к середине века, и каждый новый миллион жителей усилит общий спрос на землю, продовольствие и жильё. Так, чтобы прокормить растущее население, континенту, по оценке ФАО, дополнительно потребуется около 120 млн га пашни к 2050 г.[120] Расширение посевов, как правило, идёт вглубь лесов и дробит местообитания диких животных, перерезает их миграционные коридоры и обостряет конфликт человека и животных.

В отдельных случаях последствия проявляются уже сейчас. В частности, численность антилоп гну в Масаи-Мара сократилась примерно на 60% по сравнению с концом 1970-х гг.[121] По некоторым оценкам, великая миграция гну (явление мирового значения, на котором туристические сектора Кении и Танзании получают значительный доход) к 2050 г. может практически исчезнуть ввиду совокупности факторов демографического, аграрного и климатического давления[122]. Схожим образом в Кении сжимается ареал обитания слонов. На западной границе Масаи-Мара, куда вплотную подступили посевы, слоны всё чаще выходят с охраняемых территорий на поля и поедают или вытаптывают урожай: число таких набегов за полтора десятилетия выросло почти наполовину (с 263 до 392 случаев в год), причём из сезонных они стали круглогодичными[123]. Вслед за этим почти удвоился и ответный отстрел животных – с 5 до 9 особей.

Последствия также заметны и в прибрежных зонах, где роль наступающей пашни играет промышленный лов. Африканский пингвин, единственный гнездящийся на континенте вид, кормится мелкой стайной рыбой – сардиной и анчоусом, на которую как раз нацелен коммерческий промысел. По мере того как тралы исчерпывают эти запасы, а потепление вод вдобавок уводит рыбу от берегов, пингвины всё чаще остаются без корма, что оборачивается срывом гнездования и гибелью птенцов[124]. В результате их популяция сократилась примерно на 70% за первую четверть века[125]. По прогнозам, при сохранении текущей динамики африканский

117 Trase. Study reveals the complex causes of deforestation behind cocoa production in Ghana. URL: https://trase.earth/insights/study-reveals-the-complex-causes-of-deforestation-behind-cocoa-production-in-ghana

118 World Cocoa Foundation. Protecting Forests, Strengthening Cocoa's Future. URL: https://worldcocoafoundation.org/programmes-and-initiatives/cocoa-and-forests-initiative

119 См. главу «От продовольственной безопасности к продовольственному суверенитету» в издании «Африка 2025. Возможности и риски»..

120 IFAW. How Africa's rising population will impact people and wildlife by 2050. URL: https://www.ifaw.org/international/journal/how-africa-rising-population-impact-people-wildlife

121 Reuters. Climate change shrinks numbers in world's largest land animal migration. URL: https://www.sowetan.co.za/news/africa/2022-11-04-climate-change-shrinks-numbers-in-worlds-largest-land-animal-migration/

122 См. сноску 118.

123 Tiller, L. How elephants raid crops in Kenya's Masai Mara has changed. Why it matters. URL: https://theconversation.com/how-elephants-raid-crops-in-kenyas-masai-mara-has-changed-why-it-matters-159840

124 Pichegru, L., McInnes, A., Ludynia, K., & Barham, P. The African Penguin May Be Extinct by 2035. URL: https://flaglerlive.com/african-penguin/

125 Sherley, R. B., Crawford, R. J., de Blocq, A. D., Dyer, B. M., Geldenhuys, D., Hagen, C., ... & Winker, H. (2020). The conservation status and population decline of the African penguin deconstructed in space and time. Ecology and Evolution, 10(15), 8506-8516.

пингвин может практически исчезнуть из дикой природы к 2035 г.[126]

Эти примеры показывают, что рост населения и расширение хозяйственной деятельности человека продолжают оставаться важнейшим фактором сокращения численности и ареалов обитания диких животных. В ответ на это в различных регионах Африки внедряются меры, направленные на снижение конфликта между человеком и дикой природой. Среди них – сохранение миграционных коридоров и закрепление земель за местными сообществами (например, в рамках инициативы Международного фонда защиты животных Room to Roam в районе Амбосели под перемещение и расселение животных уже выделено почти 22 тыс. га общинных земель), использование перца чили и пчелиных ульев для отпугивания слонов, а также строительство защищающих от хищников загонов, позволивших, в частности, сократить потери скота от нападений хищников на 50–90% в зимбабвийском Хванге[127]. Однако по мере усиления демографического давления эффективность этих мер будет всё в большей степени зависеть от того, удастся ли внедрять их достаточно быстро и в необходимом масштабе.

Смягчение конфликта человека и дикой природы упирается не столько в набор локальных практик, сколько в способность государств видеть картину в динамике – а значит, в развитие инструментов цифрового мониторинга[128]. Такая работа уже ведётся. Например, в малавийском национальном парке Ливонде применение платформы EarthRanger позволило сократить число человеческих смертей от столкновений с дикими животными более чем на 90%. Однако кенийский опыт показывает, что само по себе внедрение технологических решений проблему не закрывает. В 2021 г. страна провела первую в своей истории общенациональную перепись диких животных. Однако к июню 2026 г. сложилось понимание того, что накопленные за десятилетия массивы данных разбросаны между различными государственными службами и НКО, ввиду чего требуется создание единой национальной базы данных о дикой природе. Таким образом, наибольшую практическую отдачу приносят не изолированные системы, а интегрированные – сшитые между собой и, что важнее, между секторами: охраной природы, водным хозяйством, землепользованием, энергетикой.

Наиболее продвинутый образец такой интеграции сегодня даёт Китай. «Цифровая Янцзы» – первый в КНР проект цифрового двойника речного бассейна, объединяющий контроль паводков, безопасность плотин и качество воды в единый контур быстрого реагирования. В основе проекта лежит трёхмерная модель всего бассейна, сводящая данные о погоде, водотоке, экологии, наносах, рельефе и спросе на электроэнергию, а данные собираются на 2700 станциях контроля уровня воды и более 37 тыс. осадкомерных станциях. Одной из решаемых задач стала разрозненность форматов обмена данными между ведомствами – ровно та проблема, с которой столкнулась Кения.

Роль туризма и культурного наследия

Из способов превратить природный и культурный капитал в доход туризм представляется одним из самых эффективных. На континенте сложились два главных подхода к его развитию.

Первый строится на массовом потоке туристов. Ярче всего его развили страны Северной Африки. В 2024 г. Марокко приняло рекордные 17,4 млн туристов и впервые обошло Египет, который посетили около 15,7 млн человек[129]. Туризм принёс Марокко порядка 11 млрд долл., а Египет получил около 14 млрд долл., сохранив лидер-

126 Sherley, R. B., Makhado, A. B., Crawford, R. J., Hagen, C., Kemper, J., Ludynia, K., ... & Waller, L. J. (2024). The African penguin Spheniscus demersus should be considered critically endangered. Ostrich, 95(3), 181-187.

127 IFAW. Maasai community commits to protecting last remaining wildlife corridor between Amboseli and the Mara. URL: https://www.ifaw.org/international/press-releases/maasai-protecting-wildlife-corridor-amboseli-mara

128 См. главу «Инфраструктура связи и цифровизация».

129 AllAfrica. Africa: Morocco Is Africa's Top Tourist Destination With 17 Million Visitors in 2024. URL: https://allafrica.com/stories/202501230063.html

ство по выручке. Кроме них, в число крупнейших туристических направлений континента входят Тунис и ЮАР, а также Кения, Танзания, Зимбабве, Маврикий, Сенегал, Намибия, Кабо-Верде и Гамбия[130]. Их привлекательность строится на разных сочетаниях природных и культурных ресурсов: сафари и наблюдении за дикой природой, пляжном отдыхе, историческом наследии и относительно доступных ценах.

Альтернативный подход нацелен на меньший поток туристов, который окупается более высокими расходами каждого посетителя. Самый известный пример даёт Руанда: чтобы увидеть горных горилл в национальном парке Вулканов, нужно заплатить 1 500 долл.[131] При этом число разрешений строго ограничено, а полученные средства идут на охрану природы, ветеринарные программы и поддержку местного населения. Схожие ограничения действуют в Ботсване, Уганде, отчасти Намибии[132].

Среди африканских стран особенно выделяются островные государства, где туризм превратился в основу экономики. На Сейшельских островах его совокупный вклад приближается к 47% ВВП, на Кабо-Верде составляет около 24%, на Маврикии – свыше 15%[133]. Туризм даёт ощутимые поступления в бюджет, но одновременно делает страны чувствительными к внешним шокам, будь то пандемии, глобальные экономические кризисы или проблемы с перелётами из-за ухудшения политической обстановки в отдельных регионах мира.

Потенциал африканского туристического рынка остаётся нераскрытым не из-за нехватки спроса, а из-за структурных ограничений предложения.

Хотя Африка принимает 5% мирового туристического потока, на континент приходится лишь около 2,5% мировых доходов от международного туризма[134]. В расчёте на одного туриста это около 580 долл. против среднемировых 1240 долл. Этот разрыв можно сократить прежде всего за счёт инвестиций в объекты размещения, внутренний транспорт, качество услуг и развитие многодневных маршрутов. Турист, который проводит в стране десять дней вместо четырёх и пользуется более дорогими услугами, приносит экономике значительно больший доход и без увеличения числа прибытий.

Второй резерв связан с географией туристических потоков. Почти половину из 81 млн международных прибытий в 2025 г. приняла Северная Африка (African Leadership Magazine), а многие страны Африки с сопоставимым природным и культурным потенциалом остаются вне массовых маршрутов[135]. Здесь рост обеспечивается прежде всего увеличением числа туристов. Один из примеров – Мозамбик. Страна, которая располагает 2500 км побережья и архипелагами Базаруту и Киримбаш, в 2026 г. придала развитию туризма статус государственной политики. Совет министров создал Национальное агентство развития и инвестиций в туризме (ANDITUR), утвердил программу восстановления объектов культурного наследия, в феврале запустил портал электронных виз и разрешений на въезд, подготовил генеральный план развития отрасли при участии Всемирного банка[136].

Сочетание этих двух факторов – роста расходов одного туриста и преодоления плотной географической концентрации туристических потоков – позволяет оценить дополнительный потенциал отрасли примерно в 100 млрд

130 The Nation. FULL LIST: African countries that attracted most tourists in 2024. URL: https://thenationonlineng.net/full-list-african-countries-that-attracted-most-tourists-in-2024/
131 Volcanoes National Park Rwanda. Gorilla Permit in Rwanda. URL: https://www.volcanoesnationalparkrwanda.com/trip-planner/gorilla-permits/
132 Azure Road. What Does Successful Low-Volume, High-Value Tourism Look Like? URL: https://www.azureroad.io/what-does-successful-low-volume-high-value-tourism-look-like/
133 Business Insider Africa. Top 5 African countries most dependent on tourism (Share of GDP). URL: https://africa.businessinsider.com/local/lifestyle/top-5-african-countries-most-dependent-on-tourism-share-of-gdp/9e3kp00
134 UN Tourism. Tourism Investment Trends and Opportunities in Africa. URL: https://www.untourism.int/ru/node/15091
135 African Leadership Magazine. Africa Tourism Up By 8% As Global Travel Reaches A New Peak. URL: https://www.africanleadershipmagazine.co.uk/africa-tourism-up-by-8-as-global-travel-reaches-a-new-peak/
136 Travel And Tour World. Mozambique Tourism Accelerates as Government Launches New Investment Agency and Heritage Restoration Program to Strengthen Bazaruto, Quirimbas and Cultural Travel. URL: https://www.travelandtourworld.com/news/article/geeoxxqmu3ie/

долл. ежегодной выручки в течение следующего десятилетия.

Многие исторические объекты Африки обладают высокой туристической и культурной ценностью, однако их сохранение часто упирается в хронический дефицит финансирования. Эта проблема носит системный характер. Так, Всемирный фонд наследия ЮНЕСКО располагает бюджетом порядка 3–7 млн долл. в год на поддержку объектов по всему миру[137]. Нехватка ресурсов ЮНЕСКО отчасти простимулировала создание в 2006 г. Африканского фонда всемирного наследия (AWHF). На момент его учреждения страны Африки южнее Сахары были представлены лишь 65 объектами из 812 в Списке всемирного наследия, но при этом в регионе располагалось более 40% объектов, находившихся под угрозой исчезновения.

Проблему можно проиллюстрировать на примере Тимбукту в Мали. После разрушения вооружёнными группировками 14 из 16 исторических мавзолеев в 2012 г. ЮНЕСКО оценила потребности в восстановлении культурного наследия города примерно в 11 млн долл. Первоначально удалось привлечь лишь около 3 млн долл. от ЕС, Швейцарии, Всемирного банка и USAID. Сходная зависимость от внешнего финансирования наблюдается и на других объектах. Так, сохранение комплекса скальных церквей Лалибэлы в Эфиопии осуществляется совместно государственными органами и Эфиопской православной церковью, но реставрационные работы финансировались в основном за счёт международных доноров, включая ЕС, Швейцарский национальный комитет ЮНЕСКО, Всемирный фонд памятников и исследовательский проект Zamani (о нём ниже). Африканский фонд всемирного наследия на консервационные работы предоставляет лишь сравнительно небольшие гранты – как правило, до 100 тыс. долл. на проект, что позволяет проводить локальные мероприятия по сохранению, но не решает проблему долгосрочного финансирования крупных объектов.

Дополнительным показателем ограниченности финансовых возможностей государств региона стали обязательные взносы во Всемирный фонд наследия ЮНЕСКО[138]. В 2026 г. взнос Российской Федерации составил 72 тыс. долл. Среди стран Африки наибольший вклад внесли Египет, Нигерия и Алжир, но они перечисляли лишь 3–6 тыс. долл., а большинство государств континента – несколько десятков или сотен долларов. Более того, ряд стран имеет многолетние задержки в платежах: например, последний взнос Камеруна был зафиксирован в 2009 г., а ЦАР – в 2006 г.

Доходы многих африканских государств от исторических памятников тоже довольно скромные. Например, национальный монумент Великий Зимбабве в 2017–2019 гг. приносил лишь около 300–400 тыс. долл. в год, причём главным образом за счёт внутреннего туризма. Эти суммы сопоставимы со стоимостью реставрационных проектов и недостаточны для формирования самоокупаемой модели сохранения наследия.

Обратный пример даёт Египет, сделавший ставку на капиталоёмкие вложения в туристическую инфраструктуру. Большой Египетский музей, открывшийся в конце 2025 г. в двух километрах от пирамид Гизы, обошёлся примерно в 1 млрд долл.[139] Основную часть расходов покрыли два льготных кредита Японского агентства международного сотрудничества (JICA) на общую сумму 84 млрд иен под 1,4% годовых сроком на 25 лет[140]. За первые полгода работы музей посетили более 3 млн человек. Музей задумывался не как самостоятельная достопримечательность, а как якорный проект для всего туристического сектора, и первые результаты соответствуют этой логике. В первом квартале 2026 г. Египет принял 5,6 млн иностранных тури-

137 UNESCO. Funding. URL: https://whc.unesco.org/en/funding/
138 UNESCO. The World Heritage Fund / Le Fonds du Patrimoine Mondial. URL: https://whc.unesco.org/document/226107
139 AOL. The $1 billion Grand Egyptian Museum opens to the public. URL: https://www.aol.com/articles/1-billion-grand-egyptian-museum-154548699.html
140 Luster Magazine. Grand Egyptian Museum Tickets: Power and Access. URL: https://lustermagazine.com/2025/11/19/grand-egyptian-museum-tickets-power-and-access/

стов – на 43,5% больше, чем годом ранее, а доходы отрасли увеличились с 3,8 до 5,1 млрд долл.[141]

Однако чаще всего сохранение исторического наследия Африки зависит от внешнего финансирования – международных организаций, государственных доноров и благотворительных фондов. Даже объекты, включённые в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, не всегда располагают ресурсами, достаточными для полноценной реставрации и долгосрочного содержания.

Это определяет критический разрыв между культурной ценностью африканского наследия и финансовыми возможностями его сохранения.

В ответ развиваются проекты оцифровки памятников. Самым заметным стал проект Zamani Кейптаунского университета (тоже при внешнем финансировании фондов): благодаря ему созданы высокоточные трёхмерные модели более 200 объектов культурного наследия в 16 странах континента, в том числе Лалибела и Гондэр в Эфиопии, Мероэ в Судане, о. Роббен в ЮАР, Килва-Кисивани в Танзании, а также объекты за пределами Африки – в Иордании, Мьянме, Шри-Ланке. Продолжается оцифровка вывезенных из Тимбукту в Бамако манускриптов (около 370 тыс.) в сотрудничестве с ведущими мировыми библиотеками.

Природный капитал Африки – одновременно в фокусе глобальной климатической и природоохранной повестки, но также и основа повседневной жизни миллионов людей. Опыт континента показывает, что без продуманной и обеспеченной ресурсами и международными партнёрствами государственной политики превратить природный капитал лесов, морей и дикой фауны, равно как и богатое культурное наследие, в стимул социально-экономического развития невозможно. Поэтому весь вопрос в том, кому достаётся создаваемая природой стоимость и на чьих условиях ею распоряжаются, а не в выборе между сохранением и развитием.

141 Middle East Observer. Egypt Tourism Revenues Rise 34% to $5.1bn in Q1. URL: https://meobserver.news/tourism-egypt/2026/05/04/egypt-tourism-revenues-rise-34-to-5-1bn-in-q1/

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВОЙ СЕКТОР

Панин Н.А.

Минерально-сырьевой сектор

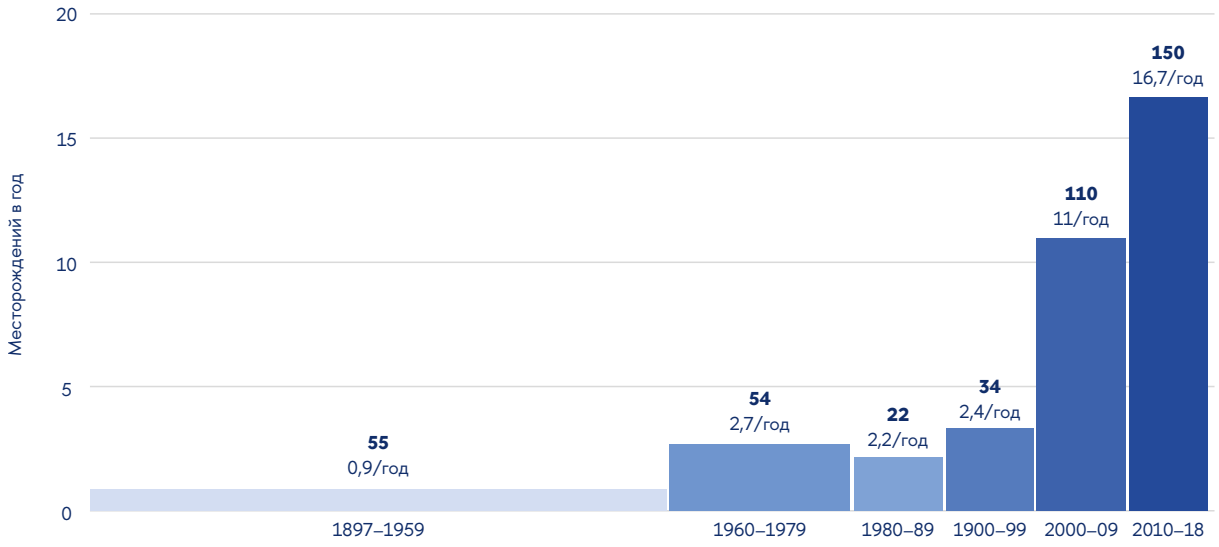
На протяжении многих столетий африканский континент был встроен в мировую экономику прежде всего как источник минерального сырья. До открытия Америки Колумбом Африка обеспечивала большую часть поставок золота в Европу и на Ближний Восток: именно из малийского золота чеканили многие европейские и арабские монеты. Позднее колониальные империи добывали и закупали здесь олово, медь, железо и хром. С конца XIX до начала XXI в. Южная Африка (сначала как колония, затем как независимое государство) лидировала по добыче золота в мире.

Однако недра континента изучены значительно хуже, чем можно было бы ожидать.

Африка – один из древнейших участков земной коры.

Здесь преобладают докембрийские породы, сложенные от 3,8 млрд до 541 млн лет назад. В то же время, с точки зрения геологического изучения и промышленного освоения, значительная часть континента остаётся сравнительно «молодой». Многие перспективные районы исследованы лишь в общих чертах, а новые месторождения продолжают открывать и сегодня. Обширные и труднодоступные территории позволяют даже странам, где горнодобывающий сектор пока не играет заметной роли в экономике, заявлять о богатом минеральном потенциале и привлекать инвесторов ещё на самых ранних стадиях геологоразведки.

Историческая динамика общего числа разрабатываемых месторождений в странах Африки южнее Сахары*

* Расчёт исключает ЮАР, Ботсвану, Намибию и Мадагаскар.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Ahmed AI, Bryant RG, Edwards DP. Where are mines located in sub Saharan Africa and how have they expanded overtime? Land Degrad Dev. 2021;32:112–122.

Минеральный потенциал и география добычи

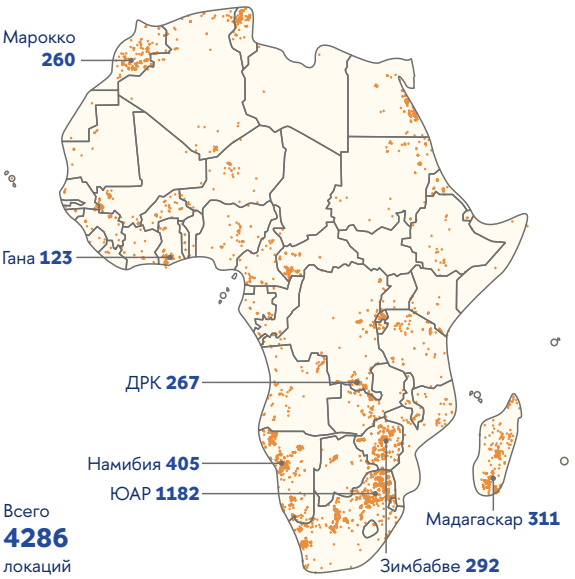
В Эсватини расположен старейший в мире рудник Нгвеня («крокодил»), история которого насчитывает около 43 тыс. лет. Однако его «открытие» произошло в ходе археологических изысканий в 1960-е гг., после чего на нём вновь началась добыча железной руды.

Этот пример довольно показателен. В колониальный период и в первые десятилетия после обретения независимости освоение минеральных богатств Африки шло сравнительно умеренными темпами. Число эксплуатируемых рудников оставалось примерно на одном уровне вплоть до конца 1970-х гг. Последовавшие за этим долговой кризис и снижение цен на мировых сырьевых рынках привели к падению интереса крупных инвесторов к Африке, что продолжалось до 2003–2004 гг., пока в мире не начался подъём горнодобывающей отрасли.

В результате степень изученности минеральных ресурсов африканских стран значительно варьируется. По числу открытых в регионе месторождений (всего их 4286) заметен существенный перевес стран Юга Африки, хотя в последние годы географический фокус становится менее акцентированным, и активность инвесторов постепенно смещается как на запад, так и на восток континента.

Благодаря Витватерсранду южноафриканское золото приобрело всемирную известность ещё в конце XIX в., в то время как золотоносные участки, протянувшиеся от Судана до Мавритании, были открыты в 2012 г. (прежде всего речь идёт о прииске Джебель-Амир в Дарфуре)[1] и почти сразу привели к «новой золотой лихорадке»[2] – во многом схожей с историей XIX в., потому что большую часть добычи обеспечивают кустарные старатели[3].

Географическая концентрация открытых в Африке месторождений минералов

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных mindat.org (Mines & Prospects).

Резкий рост кустарной добычи золота в зоне Биримианского зеленокаменного пояса[4] обеспечил интерес к нему и со стороны крупных игроков, которые инвестировали в более спокойные юрисдикции (Гана, Кот-д'Ивуар, Гвинея, Сенегал), но также и в Буркина-Фасо (IAMGOLD, Endeavour, российская Nordgold) и Мали (Barrick Gold), где риски выше.

С 2018 г. благодаря расширению действующих и вводу новых проектов (в том числе Ити и Лафигуэ в Кот-д'Ивуаре, Ахафо и Обуаси в Гане, Сигуири в Гвинее и Сабодала-Массауа в Сенегале) уровень

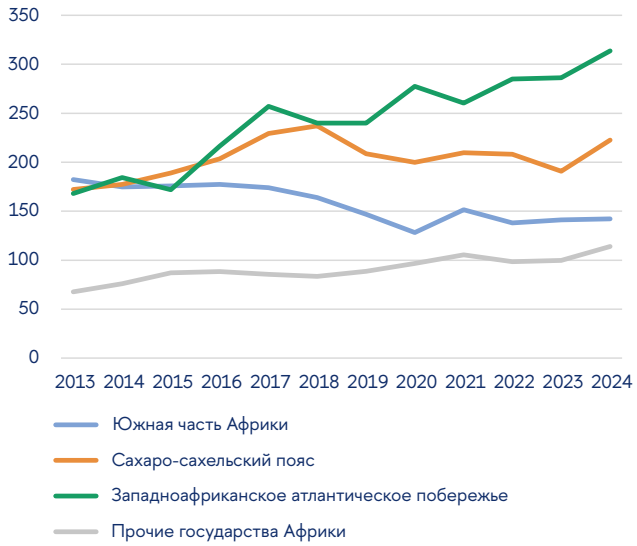
1 United Nations Security Council. Letter dated 22 September 2016 from the Chair of the Security Council Committee Established pursuant to Resolution 1591 (2005) concerning the Sudan addressed to the President of the Security Council (Final report of the Panel of Experts on the Sudan). 2016. URL: https://digitallibrary.un.org/record/842638/files/S_2016_805-RU.pdf

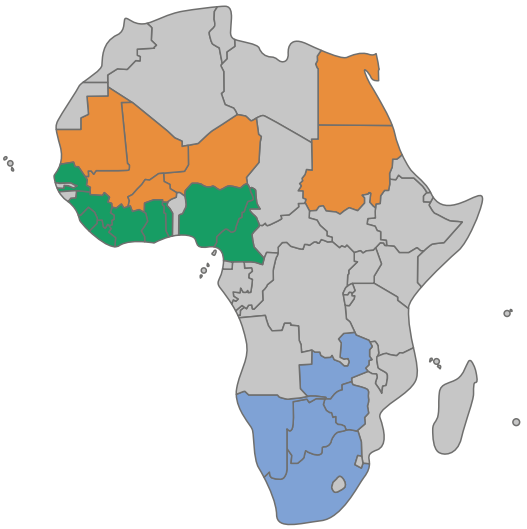
2 Рост мировых цен на золото в 2000-х гг. сделал его добычу экономически выгодной даже в удалённых районах Сахеля и Сахары, а распространение недорогих металлоискателей и горного оборудования позволило тысячам старателей самостоятельно искать новые месторождения. Начавшись в Судане, золотая лихорадка быстро охватила Чад и Ливию, а затем Нигер, Мавританию и север Мали, где приток старателей и борьба за контроль над золотыми ресурсами нередко приводили к росту напряжённости и вооружённым конфликтам. Подробнее см.: Chevrillon-Guibert, R., Gagnol, L. et Magrin, G. (2019). Les ruées vers l'or au Sahara et au nord du Sahel. Ferment de crise ou stabilisateur ? Hérodote, 172(1), 193-215. https://doi.org/10.3917/her.172.0193.

3 Getting a Grip on Central Sahel's Gold Rush

4 Биримианский зеленокаменный пояс – уникальная геологическая структура возрастом около 2,2 млрд лет, расположенная на Западно-Африканском кратоне и всемирно известная своими залежами золота и марганца. Она охватывает территории таких стран, как Гана, Кот-д'Ивуар, Буркина-Фасо, Мали, Гвинея и Сенегал.

Региональная динамика добычи золота в Африке, т

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных World Mining Data (издания 2019 г., 2024 г., 2026 г.).

добычи золота в странах атлантического побережья Западной Африки заметно увеличился. Во всех случаях, за условным исключением AngloGold Ashanti (исторически южноафриканского происхождения, но с 2024 г. имеет юридическую регистрацию в Великобритании), первые инвестиции пришли со стороны западных компаний (Endeavour Mining, Newmont, Teranga Gold, Hummingbird Resources). Китайская Zijin Mining активизировалась в субрегионе лишь недавно: так, в апреле 2025 г. было завершено приобретение месторождения Акием у канадской Newmont (сумма сделки – 1 млрд долл.)[5], а в январе 2026 г. было объявлено о сделке с канадской же Allied Gold (около 4 млрд долл.)[6]. В результате к Zijin перейдёт управление месторождениями Агбау и Боникро в Кот-д'Ивуаре и Садиола в Мали.

Западная Африка всё чаще рассматривается инвесторами и как формирующийся центр предложения лития, чему способствует строение Западно-Африканского кратона[7].

Наряду с золоторудными поясами в нем выявлены многочисленные LCT-пегматиты[8]. На этой базе уже развиваются такие крупные проекты, как Эвойаа в Гане[9], Гуламина и Бугуни в Мали[10], а также ведутся изыскания в Нигерии (8 проектов), Кот-д'Ивуаре (6 проектов) и ряде других стран региона.

На востоке Африки, вероятно, ключевую роль будут играть редкоземельные элементы (РЗЭ) и графит.

5 Graphic. Chinese mining company acquires Newmont's Akyem Gold Mine Project for $1 Billion. URL: https://www.graphic.com.gh/business/business-news/chinese-mining-company-acquires-newmonts-akyem-gold-mine-project-for-1-billion.html

6 Ecofin Agency. China's Zijin Mining Expands African Footprint with $4 Billion Allied Gold Deal. URL: https://www.ecofinagency.com/news/2601-52286-china-s-zijin-mining-expands-african-footprint-with-4-billion-allied-gold-deal

7 K. M. Goodenough, R. A. Shaw, A. M. Borst, P.A.M. Nex, J. A. Kinnaird, M. van Lichtervelde, A. Essaifi, L. Koopmans, E. A. Deady; Lithium Pegmatites in Africa: A Review. Economic Geology 2025;; 120 (3): 513–539. doi: https://doi.org/10.5382/econgeo.5133

8 LCT-пегматиты (от англ. Lithium-Cesium-Tantalum) — класс гранитных пегматитов, обогащенных литием, цезием, танталом, а также бериллием, оловом, рубидием и ниобием. Они являются главным источником сырья для аккумуляторов, электроники и высокотехнологичных отраслей.

9 В марте 2026 г. правительство выдало добычную лицензию австралийской Atlantic Lithium. Им же принадлежат крупнейшие литиевые разведочные проекты (Агбовиль, Рубино) в Кот-д'Ивуаре.

10 Ведётся добыча с планами выхода на 590 тыс. т в 2026 г. По итогам 2025 г. добыча в Мали выросла с 770 т до 9,4 тыс. т, что составило 3,2% мирового производства и поставило страну на 7-е место в мире.

Графит добывается на Мадагаскаре, а также в Танзании и Мозамбике (совокупно 9,5% мировой добычи в 2024 г. и 21% мировых запасов), причём последние две страны смогли нарастить добычу после кризисного 2024 г.[11] В июне 2025 г. в Мозамбике был перезапущен крупнейший в Африке проект Балама, а благодаря месторождению Линди-Джамбо добычу почти удвоила и Танзания[12]. РЗЭ-проекты пока ещё не достигли стадии промышленной разработки, хотя к концу 2026 г., вероятно, будет запущен РЗЭ-проект Канганкунде в Малави[13]. Важную роль могут также сыграть Сонгве в Малави (ТЭО обновлено в марте 2026 г.)[14], Нгуалла и Вигу в Танзании, Макууту в Уганде, Мрима в Кении, Шилуву в Мозамбике, Нкомбва в Замбии и другие[15]. Возможно также, что правительство Бурунди будет готово пересмотреть решение об остановке РЗЭ-проекта Гакара, принятое в 2021 г.[16]

РЗЭ-проекты часто становятся объектом геополитической конкуренции, однако сводить ситуацию к противостоянию Запада и Китая уже нельзя. Пекин продолжает расширять своё присутствие: так, в сентябре 2025 г. месторождение Нгуалла-Хилл полностью перешло под контроль полугосударственной Shenghe Resources[17]. В ответ западные страны стремятся снизить зависимость от китайских поставок критически важных минералов, но единой стратегии у них нет. Например, проект Макууту в Уганде позиционируется как часть американского контура диверсификации поставок[18]. Более того, США и ЕС действуют через разные инициативы и нередко конкурируют друг с другом. К февралю 2026 г. США заменили Minerals Security Partnership собственным форматом FORGE[19], тогда как Канада, Япония и Франция продвигали альтернативный механизм в рамках G7 Critical Minerals Resilience and Production Alliance[20], а ЕС развивал собственную систему партнёрств через RESourceEU[21], но проигрывал в скорости и масштабе Китаю, странам Залива и США[22].

Наиболее наглядно эта конкуренция проявилась в Кении, где в марте 2026 г. был объявлен тендер на месторождение Мрима-Хилл – один из крупнейших в регионе проектов по редкоземельным элементам и ниобию[23] (в 2013 г. претендент на лицензию оценивал валовую стоимость содержащегося в недрах сырья в 62,4 млрд долл.)[24]. К июлю 2026 г. стало известно, что финалистами стали американские и австралийские компании, что свидетельствует о том, что борьба за африканские ресурсы идёт не только между Китаем и Западом, но и между различными игроками внутри западного лагеря[25].

Однако многие проекты в Африке, в том числе и перечисленные ранее, до сих пор прорабатываются с опорой на геологические карты колониальной эпохи, а круг стран, обладающих

11 African Green Minerals. Graphite. URL: https://www.africangreenminerals.com/minerals/graphite
12 Presswire. Tanzania targets major expansion in graphite output with new mining venture. URL: https://presswire.com/release/tanzania-targets-major-expansion-in-graphite-output-with-new-mining-venture/
13 Ecofin Agency. Africa Set to See New Rare Earths Supply Source by End-2026. URL: https://www.ecofinagency.com/news/0805-55378-africa-set-to-see-new-rare-earths-supply-source-by-end-2026
14 Mining Technology. Songwe Hill Rare Earths Project, Malawi. URL: https://www.mining-technology.com/projects/songwe-hill-rare-earths-project-malawi-east-africa/
15 Harmer R, Nex P. Rare Earth Deposits of Africa. Episodes 2016;39:381-406. https://doi.org/10.18814/epiiugs/2016/v39i2/95784
16 Rainbow Rare Earths. Gakara. URL: https://www.rainbowrareearths.com/project/gakara/
17 Ecofin Agency. Shenghe Tightens Grip on Tanzania's Ngualla Rare Earths: A Strategic Shift in Global Supply Chains. URL: https://www.ecofinagency.com/news-industry/2009-48849-shenghe-tightens-grip-on-tanzania-s-ngualla-rare-earths-a-strategic-shift-in-global-supply-chains
18 Rare Earth Mining. Uganda Rare Earth: Makuutu's Critical HREO. URL: https://rare-earth-mining.com/uganda-rare-earth/
19 U.S. Department of State. 2026 Critical Minerals Ministerial. URL: https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/02/2026-critical-minerals-ministerial/
20 Investing.com. Japan, France, Canada work on alternatives to US-led trade bloc for rare earth supplies. URL: https://www.investing.com/news/commodities-news/japan-france-canada-work-on-alternatives-to-usled-trade-bloc-for-rare-earth-supplies-4549009
21 PubAffairs Bruxelles. Commission adopts RESourceEU to secure raw materials, reduce dependencies and boost competitiveness. URL: https://www.pubaffairsbruxelles.eu/eu-institution-news/commission-adopts-resourceeu-to-secure-raw-materials-reduce-dependencies-and-boost-competitiveness/
22 Schulze, M. (2026). Strategic raw material cooperation between Africa and Europe: Making EU external instruments fit for African industrial drive and European resilience (No. 7/2026). SWP Comment.
23 Business Insider Africa. Kenya launches bid for investors to develop $62 billion rare earth site eyed by US, China. URL: https://africa.businessinsider.com/local/markets/kenya-launches-bid-for-investors-to-develop-dollar62-billion-rare-earth-site-eyed-by-us/htwp2q3
24 Malay Mail. Global race for rare earths comes to Kenya's Mrima Hill. URL: https://www.malaymail.com/news/world/2025/10/27/global-race-for-rare-earths-comes-to-kenyas-mrima-hill/195964
25 Ecofin Agency. Mrima Hill Tender Draws U.S.-Backed Bidders in Race for Kenya's Rare Earths. URL: https://www.ecofinagency.com/news-industry/2707-57752-mrima-hill-tender-draws-u-s-backed-bidders-in-race-for-kenyas-rare-earths

современными геологическими службами, способными сформировать задел для новых коммерческих открытий, остаётся ограниченным[26]. Наиболее развитыми и независимыми признаются профильные ведомства ЮАР, а также Египта, Танзании, Намибии, Эфиопии и Марокко[27], однако и они во многом полагаются на зарубежную экспертизу.

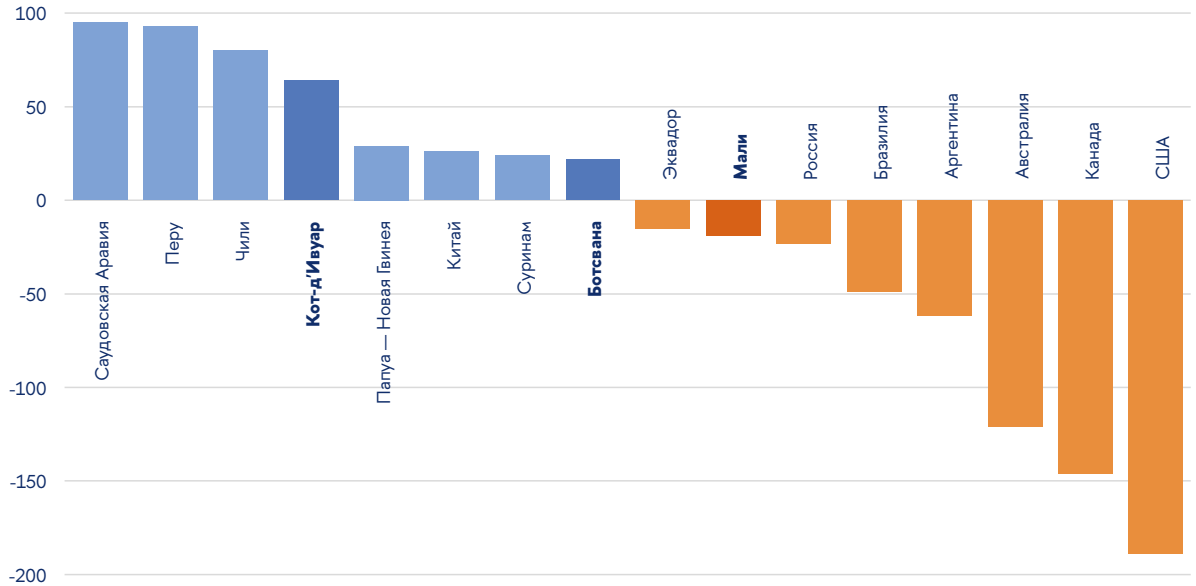
Зависимость мировых рынков от африканского минерального сырья

При этом уже сейчас Африка играет ключевую роль в мировой добыче (более 25% по 13 видам минерального сырья из 65 основных) и остается ключевым на сегодняшний день источником родия (90,5%), платины (81%), тантала (78%), кобальта (77%), марганца (72%), хрома (61,5%), технических (57%) и ювелирных (52%) алмазов, вермикулита (51%) и циркона (49%)[28].

Некоторые категории сырья (например, калийные соли, минералы бора, теллур, селен, рений, индий, галлий, кадмий, висмут, сурьма, молибден), наоборот, не добываются вообще, однако у континента и здесь могут быть перспективы. В частности, австралийская компания Blaze Minerals, которая ведёт геологоразведку на участке Нтунгамо в Уганде, в середине 2025 г. подтвердила наличие галлия во взятых образцах[29].

Несмотря на упомянутый рост интереса к странам Африки как потенциальным источникам «критических» минералов или «минералов энергоперехода», основной фокус внимания добывающей активности в Африке, как и сто лет назад, остаётся на золоте.

Динамика прироста разведочных бюджетов в страновых юрисдикциях по итогам 2025 г., %

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных S&P Global Market Intelligence.

26 Climate Home News. Outdated geological data limits Africa's push to benefit from its mineral wealth. URL: https://www.climatechangenews.com/2025/12/16/outdated-geological-data-limits-africa-push-to-benefit-from-its-mineral-wealth/

27 Desktop Review of African Geological Survey Organisation Capacities and Gaps. African Minerals Development Centre. UNECA. 2018. https://archive.uneca.org/sites/default/files/PublicationFiles/desktop_review_of_african_geological_survey_organisation_capacities_and_gaps_2018.pdf

28 World Mining data (2026). https://www.world-mining-data.info/

29 Cotton, I. Blaze Minerals identifies gallium and rubidium discovery at Ntungamo project in Uganda. URL: https://smallcaps.com.au/article/blaze-minerals-gallium-rubidium-ntungamo-project-uganda

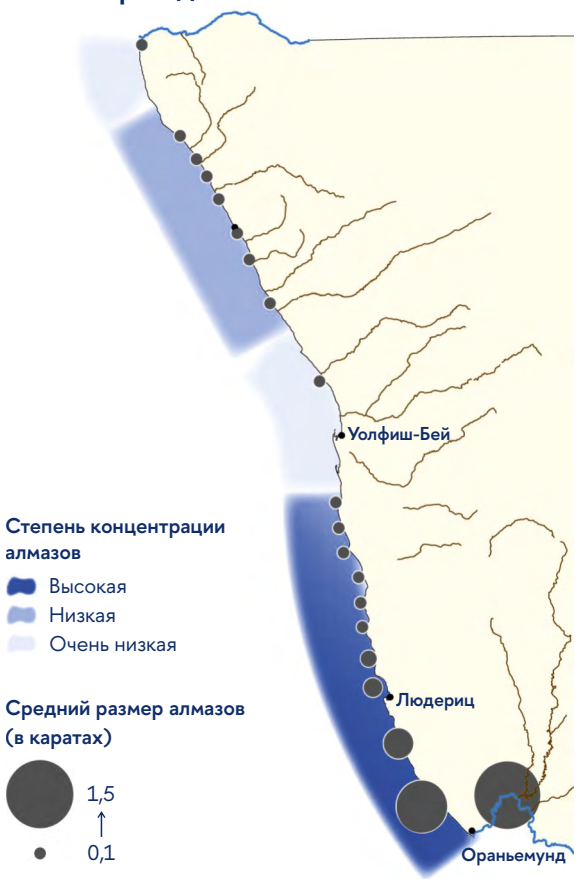
Месторождение Цумеб (Онгополо) в Намибии находится на втором месте в мире по числу открытых на нём минеральных видов – это уникальный пример потенциала Африки[30]. Остальные месторождения в списке расположены в «старых» горнодобывающих странах (Германия, Швеция, Греция, а также США).

На конец 2025 г. 41% всех добычных и 46% всех разведочно-оценочных проектов на континенте были ориентированы на добычу золота[31]. В 2024 г. его добывали в 38 странах региона, на которые в совокупности пришлось 24% мировой добычи, или почти 800 тыс. т. Лидерами стали Гана, ЮАР, Гвинея, Судан, Танзания, Буркина-Фасо и Мали. За ними следует Кот-д'Ивуар – ведущий реципиент разведочных бюджетов компаний в Африке по итогам 2025 г., где, по последним подсчётам, реализуется 53 из 195 (27%) проектов на ранней стадии геологоразведки по золоту.

По мере истощения месторождений в ЮАР восток (Танзания, Судан, Эфиопия) и запад континента перехватили лидерство в добыче золота, однако по ряду других минералов позиции стран Юга Африки остаются неоспоримы – не в последнюю очередь благодаря более полному и последовательному изучению запасов в этих странах.

ЮАР занимает 1-е место в мире по добыче родия, платины, хромовых и марганцевых руд, вермикулита, 2-е место – палладия и циркониевых руд, 3-е место – титана и ванадия. Зимбабве находится на 3-м месте в мире по добыче металлов платиновой группы (МПГ) и пока что остаётся африканским лидером по добыче лития. Намибии принадлежит 3-е место по добыче урана, при этом страна обладает самыми богатыми морскими месторождениями алмазов в мире[32]. Лидерство по добыче алмазов, однако, удерживает Ботсвана (2-е место в мире по ювелирным и 3-е по техническим алмазам после ДР Конго).

Зоны концентрации морских месторождений алмазов в Намибии

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

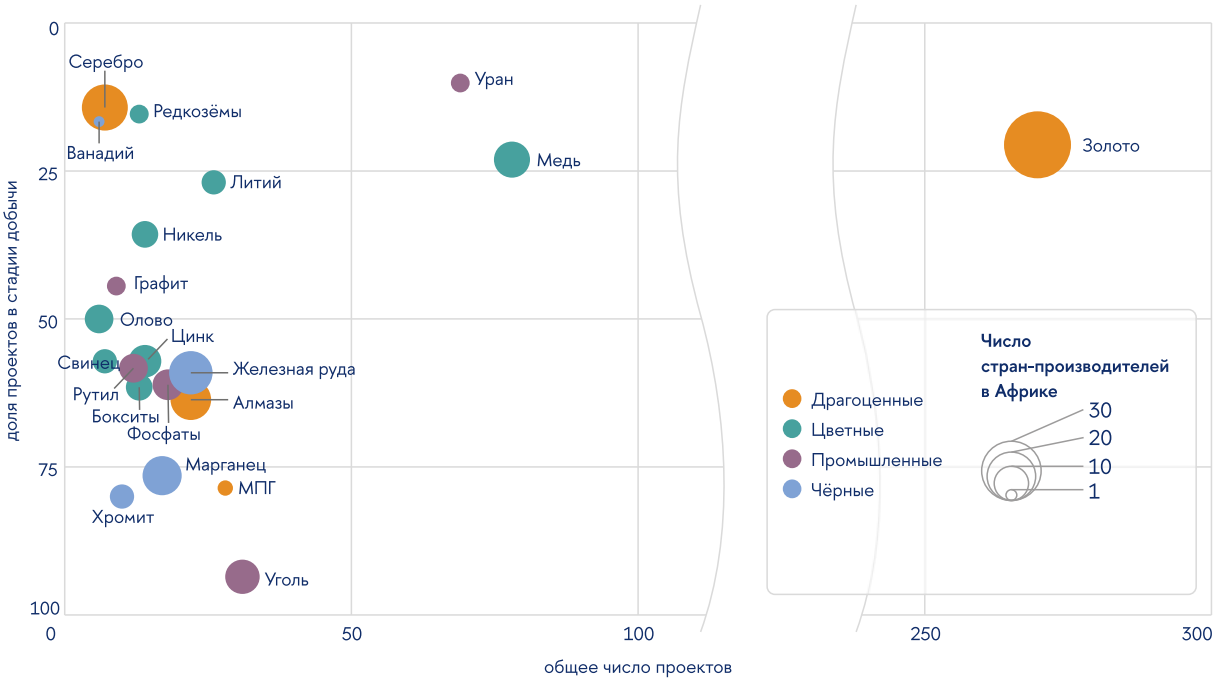
В категории черных и ферросплавных металлов очевидно лидерство Африки в мировой добыче тантала (78%), кобальта (77%), марганца (72%) и хрома (61,5%). Центром добычи первых двух металлов стала ДР Конго, хотя некоторый объем также приходится на Руанду, Эфиопию, Нигерию, Мозамбик и другие страны.

30 Ralph, J., Bargen, D. V., Martynov, P., Zhang, J., Que, X., Prabhu, A., ... & Ma, X. (2025). Mindat. org: The open access mineralogy database to accelerate data-intensive geoscience research. American Mineralogist, 110(6), 833-844.

31 Mining Hub (data intelligence platform). https://mininghub.com/

32 Миллионы лет назад алмазы из внутренних районов Южной Африки выносились течением реки Оранжевая в Атлантический океан. Благодаря волнам и течениям они осели в прибрежных отложениях, сформировав уникальные месторождения с запасами свыше 80 млн карат.

Степень освоения минеральных ресурсов Африки

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных аналитической платформы Mining Hub с ручными корректировками.

В группе цветных металлов основу вклада стран Африки в мировые объемы составляют бокситы (35%, почти вся добыча в Гвинее), медь (18%, пояс месторождений в ДР Конго и Замбии) и бериллий (17%, в основном Мозамбик).

Вместе с этим важно понимать основные направления развития горнодобывающего сектора африканских стран.

На этапе ранней разведки находится 397 проектов в 35 странах.

Большая их часть, как отмечалось ранее, ориентирована на золото (195), но также медь (54) и уран (47), литий (30), РЗЭ (17), никель (10). Проекты на стадии продвинутой разведки (всего их 143) показывают схожее распределение, хотя среди них нет ни одного литиевого.

Внешние игроки и их стратегии

За последние 15 лет в горнодобывающем секторе Африки существенно укрепились позиции китайских компаний. В 2024 г. на одну только СМОС пришлось 57% добычи кобальта в ДРК (против 36% годом ранее)[33,34].

За 2021–2023 гг. китайские инвесторы установили контроль над большинством перспективных литиевых рудников Зимбабве, а в крупнейшем железорудном проекте континента – Симанду в Гвинее – китайский капитал сегодня представлен во всех четырёх лицензионных блоках[34].

33 S&P Global. DRC cobalt export quotas to support cobalt prices, though challenges loom. URL: https://www.spglobal.com/market-intelligence/en/news-insights/research/2025/10/drc-cobalt-export-quotas-to-support-cobalt-prices-though-challenges-loom

34 Drewry. Commencement of operations at the Simandou mine unlocks a new era of long-haul iron ore flows. URL: https://www.drewry.co.uk/maritime-research-opinion-browser/maritime-research-opinions/commencement-of-operations-at-the-simandou-mine-unlocks-a-new-era-of-long-haul-iron-ore-flows

В 2007 г. ДРК и консорциум китайских компаний договорились о создании совместного предприятия Sicomines для разработки крупных месторождений меди и кобальта. Сделка предусматривала привлечение 9 млрд долл. на разработку месторождений и строительство дорог, больниц, университетов и другой инфраструктуры. Годовой бюджет ДР Конго тогда составлял всего 2,7 млрд долл. (сейчас – 22 млрд долл.). Условия проекта неоднократно пересматривались. МВФ требовал пересмотреть его условия из-за того, что в случае дефолта Sicomines обязательства переходили бы на правительство ДР Конго. В результате объем финансирования был сокращен до 6 млрд долл.

Строительство началось в 2013 г., коммерческая добыча – в 2015 г. В 2017 г. власти ДР Конго утвердили поправку, освободившую Sicomines от ряда налогов и таможенных платежей и позволившую выплачивать акционерам дивиденды до погашения внешних займов. После прихода к власти Феликса Чисекеди в 2021 г. началась проверка условий сделки. Аудит выявил отставание в реализации инфраструктурных обязательств, и переговоры начались вновь. В 2024 г. стороны согласовали дополнительное финансирование инфраструктуры на 5,8 млрд долл. и продлили лицензии на разработку месторождения.

Одновременно возросло и значение Африки для самого Китая: в 2022 г. на континент приходилось около 40% зарубежных горнодобывающих активов с участием китайского капитала, причём основная их часть была сосредоточена в ДРК, ЮАР и Замбии[35]. Эта консолидация формировалась постепенно и опиралась на разные механизмы обеспечения доступа к ресурсам.

До середины 2010-х гг. китайская стратегия строилась вокруг двух основных подходов. Наиболее известной стала формула «инфраструктура в обмен на ресурсы». После того как такой формат сделки был апробирован на нефтяном секторе Анголы, важнейшей вехой стал проект Sicomines в ДРК.

Впрочем, стоит заметить, что такого рода проектов у Китая не так много, и после Sicomines их «вторая волна» пришлась на 2017–2018 гг. (бокситы в Гвинее и Гане), когда позиции китайских компаний в Африке стали уже совершенно иными[36].

Однако в долгосрочной перспективе не менее важным для Китая оказалось приобретение миноритарных долей в проектах, управляемых западными компаниями. Так, в 2010 г. Chinalco за 1,4 млрд долл. приобрела 47% в проекте SimFer (месторождение железной руды Симанду), при этом функции оператора остались за Rio Tinto[37]. Подобные сделки решали сразу две задачи: обеспечивали доступ к востребованным китайской экономикой меди и железной руде и создавали условия для освоения технологий, управленческих практик и производственных компетенций китайскими инженерами[38]. Даже при первых полных поглощениях (например, приобретении MMG компании Anvil Mining в 2012 г.[39] или покупке Jinchuan компании Metorex в том же году[40]), несмотря на смену совета директоров, китайские инвесторы стремились сохранять существующий менеджмент и инженерный персонал, минимизируя операционные риски[41].

35 Landry, D. (2025) 'Chinese mining investment globally: Who, where, and how?', Resources Policy, 111, p. 105780. doi:10.1016/j.resourpol.2025.105780.

36 Chinese Resource-Backed Infrastructure Financing Investments: Comparing Governance in Guinea and Ghana. Policy Brief, No. 59/2021. https://www.econstor.eu/bitstream/10419/248238/1/sais-cari-pb59.pdf

37 Association for Iron & Steel Technology (AIST). Rio Tinto, Chinalco Sign MoU to Form Iron Ore Joint Venture. URL: https://www.aist.org/rio-tinto,-chinalco-sign-mou-to-form-iron-ore-joint-venture

38 Abdenur, A.E. 2017. Skirting or courting controversy? Chinese FDI in Latin American extractive industries. in Carbonnier, G., Campodonico, H., and Vazquez, S.T. (eds.) Alternative Pathways to Sustainable Development. Leiden, NL: Brill.

39 MMG Limited. Over 90% Ownership Secured at Anvil Offer Close. URL: https://www.mmg.com/investors/news-centre/anvil-offer-close-with-over-90-percent-d94/

40 Reuters. China's Jinchuan trumps Vale's Metorex bid. URL: https://www.reuters.com/article/business/chinas-jinchuan-trumps-vales-metorex-bid-idUSTRE76436Z/

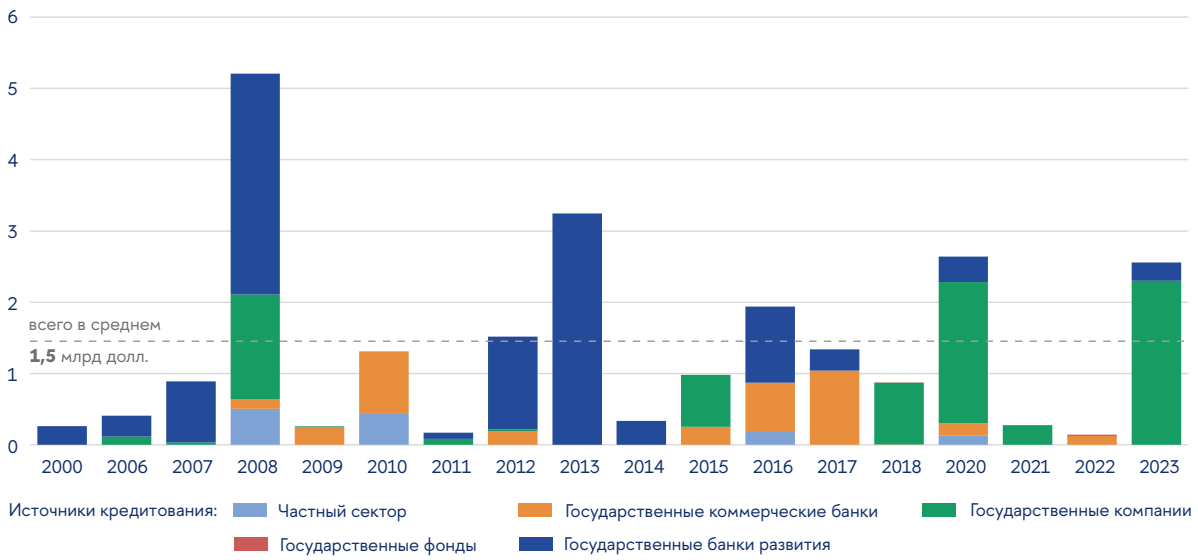
41 Miningmx. Jinchuan lays out strategy for Metorex. URL: https://www.miningmx.com/news/markets/23707-jinchuan-lays-out-strategy-for-metorex/

Параллельно формировалась собственная финансово-промышленная инфраструктура китайского присутствия в Африке. Особенно показателен опыт Замбии, где CNMC постепенно установила контроль над рядом медных активов, включая Чамбиши и Луаншья[42]. Их развитие финансировалось серией из 15 последовательных займов на общую сумму свыше 1,6 млрд долл. – от China Eximbank, Bank of China, China Construction Bank и ICBC, а в более поздних траншах и от самой CNMC[43]. В этом и похожих случаях китайские банки были непосредственно встроены в операционный цикл предприятий.

Переломным моментом стало завершение сырьевого суперцикла[44]. Падение цен на сырьевые товары ухудшило финансовое положение многих западных компаний. Для Китая это открыло возможности для масштабных поглощений. В 2015 г. Zijin Mining приобрела 49,5% проекта Камоа-Какула[45], а в 2016 г. CMOC выкупила у Freeport-McMoRan 80% месторождения Тенке-Фунгуруме[46]. Эти сделки продемонстрировали качественное изменение китайской модели финансирования. Если в случае с Sicomines ключевую роль играли государственные банки развития (China Development Bank и China Exim Bank), то в середине 2010-х гг. финансирование обеспечивали коммерческие банки, собственный капитал компаний и связанные инвестиционные структуры. Иными словами, межгосударственные ресурсные сделки постепенно уступили место классическим корпоративным механизмам M&A.

С того же времени изменился и характер инвестиций. Если ранее китайские компании преимущественно входили в существующие проекты как партнёры, то теперь они стали чаще

Динамика китайского кредитования горнодобывающих проектов в Африке, 2000–2023 гг., млрд долл.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных: Walsh, K., Escobar, B., Zhang, S., Zimmerman, J., Vlasto, L., Miao, S., Joshi, A., Bury, E., and Malik, A. A. 2026. Tracking China's Transition Mineral Financing: Methodology and Approach, Version 2.0. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary.

42 Industrial Info Resources. China's CNMC Acquires Zambia's Luanshya Copper Mines for $50 Million, Plans $400 Million Investment. URL: https://www.industrialinfo.com/news/article/chinas-cnmc-acquires-zambias-luanshya-copper-mines-for-50-million-plans-400-million-investment--147753

43 Walsh, K., Escobar, B., Zhang, S., Zimmerman, J., Vlasto, L., Miao, S., Joshi, A., Bury, E., and Malik, A. A. 2026. Tracking China's Transition Mineral Financing: Methodology and Approach, Version 2.0. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary.

44 Ведомости. Сырьевой суперцикл завершается. URL: https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2013/07/24/syrevoj-supercikl-zavershaetsya

45 Zijin Mining. Zijin To Acquire 49.5% Of Ivanhoe's Kamoa Stake For US$412 Mln In Cash. URL: https://www.zijinmining.com/news/media-detail-118909.htm

46 CMOC Group. CMOC to Acquire Freeport's Indirect 56% Interest in Tenke Fungurume for US$2.65 Billion. URL: https://kommunikasjon.ntb.no/pressemelding/10701623/cmoc-to-acquire-freeports-indirect-56-interest-in-tenke-fungurume-for-us265-billion?publisherId=90063

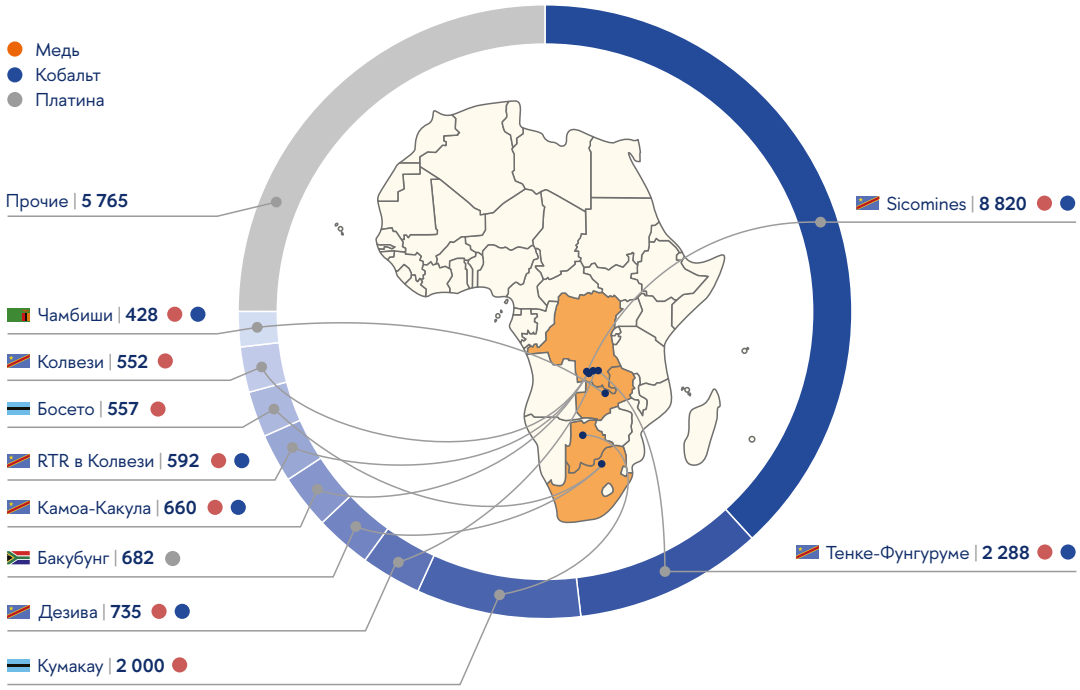
приобретать контроль над активами. В 2018 г. Zijin Mining за 1,4 млрд долл. выкупила канадскую Nevsun Resources вместе с её 60% долей в руднике Биша в Эритрее[47], а в 2020 г. CMOC приобрела у Freeport медно-кобальтовое месторождение Кисанфу в ДРК за 550 млн долл.[48] Вскоре после этого компания продала 25% актива производителю аккумуляторов CATL – тем самым контроль над добычей всё теснее увязывался с развитием переработки и производства аккумуляторов в Китае[49].

Кульминацией этой трансформации стал литиевый бум 2021–2024 гг., вызванный быстрым ростом китайской индустрии электромобилей.

При этом китайские компании стали системно сочетать различные инструменты присутствия – оффтейк-соглашения, фарм-ин-механизмы[50], миноритарное участие и последующий полный выкуп активов.

Например, в случае с литиевым месторождением Гуламина в Мали Ganfeng первоначально закрепила своё участие через долгосрочный

Распределение китайского финансирования по горнодобывающим проектам Африки, 2000–2023 гг., млн долл.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных: Walsh, K., Escobar, B., Zhang, S., Zimmerman, J., Vlasto, L., Miao, S., Joshi, A., Bury, E., and Malik, A. A. 2026. Tracking China's Transition Mineral Financing: Methodology and Approach, Version 2.0. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary.

47 Financial Post. China's Zijin Mining to buy Canada's Nevsun for about $1.8 billion after Lundin rejected. URL: https://financialpost.com/commodities/mining/update-1-chinas-zijin-mining-to-buy-canadas-nevsun-for-about-1-41-bln

48 CMOC Group Limited. CMOC Annouces Acquisition of Kisanfu Copper-cobalt Deposit in DRC. URL: https://en.cmoc.com/html/2020/News_1213/39.html

49 Mining Technology. CATL to acquire stake in DRC's Kisanfu copper-cobalt mine in $137m deal. URL: https://www.mining-technology.com/news/catl-acquire-stake-drcs-kisanfu-copper-cobalt-mine-137m-deal/

50 Сделка, при которой инвестор получает право войти в проект и приобрести долю в нём, финансируя работы, разведку или развитие месторождения. Таким образом, владелец проекта сохраняет контроль над активом, а новый инвестор вкладывает деньги или выполняет определённые обязательства, получая долю в проекте только после этого.

оффтейк на 350 тыс. т сподумена в год и приобретение миноритарной доли акций (9,9%) в операторе проекта Leo Lithium[51]. Однако в 2023 г., после ужесточения властями Мали горного кодекса и ухудшения финансового положения австралийского партнёра, китайская компания перешла к полному выкупу его доли. В мае 2024 г. Ganfeng объявила о полном выкупе доли Leo Lithium за 343 млн долл.[52]

Логика «мягкого входа» с возможностью последующего усиления контроля прослеживается и в ряде других проектов. В литиевом проекте Зулу (Зимбабве) Canmax Technologies первоначально предоставила Premier African Minerals как оператору проекта предоплату по оффтейк-соглашению под будущие поставки сподуменового концентрата[53]. После задержек с запуском производства условия сделки были пересмотрены: в случае непогашения задолженности поставками или денежными выплатами китайский инвестор получил право конвертировать её либо в долю в проекте, либо в акции Premier African Minerals[54]. В другом литиевом проекте – Маноно в ДРК – компания Suzhou CATH заключила соглашение с AVZ Minerals, согласно которому обязалась инвестировать 240 млн долл. и финансировать дальнейшее развитие в обмен на долю в совместном предприятии[55]. Кроме того, CATH получила расширенные права на оффтейк, что обеспечило вертикальную интеграцию поставок сырья для китайской аккумуляторной промышленности. Несмотря на различия в логике этих сделок, они раскрывают характерную стратегию поэтапного вхождения в актив: финансирование сочетается с долгосрочными коммерческими правами, а затем, по мере снижения инвестиционной неопределённости, контроль над проектом усиливается через механизмы увеличения участия.

Одним из наиболее показательных примеров другой модели финансирования стала покупка медного рудника Кумакау в Ботсване. В 2023 г. MMG договорилась о приобретении актива за 1,8 млрд долл.[56], а финансирование сделки было обеспечено крупнейшим единовременным займом на 2 млрд долл. со стороны структуры China Minmetals[57]. В отличие от описанных выше примеров поэтапного вхождения через оффтейк-финансирование или фарм-ин-соглашения, в данном случае имело место классическое M&A-поглощение, которое сразу же обеспечило контроль над активом. Кроме того, заметно, что для приобретения стратегически важных сырьевых активов Китай чаще полагается на стандартные финансовые инструменты, а не льготные «ресурсные» соглашения, более подверженные политической конъюнктуре.

На этом фоне актуальным становится вопрос о позициях западного капитала в горном секторе стран Африки. На первый взгляд, они остаются весьма сильными. Под контролем компаний из западных юрисдикций работают более 100 действующих добычных проектов, а в геологоразведке их преобладание выглядит почти абсолютным – 610 из 649 проектов[58]. Однако за этой статистикой стоит не столько Европа и лишь в ограниченной степени США, сколько Австралия и Канада. Их сохраняющиеся отраслевые компетенции многие годы доказывают свою конкурентоспособность. Впрочем, лидерство по общему числу проектов ещё не позволяет судить о реальном распределении контроля над минеральными ресурсами континента.

51 Mining Weekly. Leo signs shareholding and cooperation agreement with Ganfeng. URL: https://www.miningweekly.com/article/leo-signs-shareholding-and-cooperation-agreement-with-ganfeng-2023-05-29

52 Mining.com. Leo Lithium sells Mali project stake to Ganfeng for $342 million. URL: https://www.mining.com/web/leo-lithium-sells-mali-project-stake-to-ganfeng-for-342-million/

53 Investegate. Offtake and Prepayment Agreement. URL: https://www.investegate.co.uk/announcement/rns/premier-african-minerals-ltd--prem/offtake-and-prepayment-agreement/7697486

54 Investing.com. Premier African Minerals revises lithium project agreement with Canmax. URL: https://www.investing.com/news/company-news/premier-african-minerals-revises-lithium-project-agreement-with-canmax-93CH-3788114

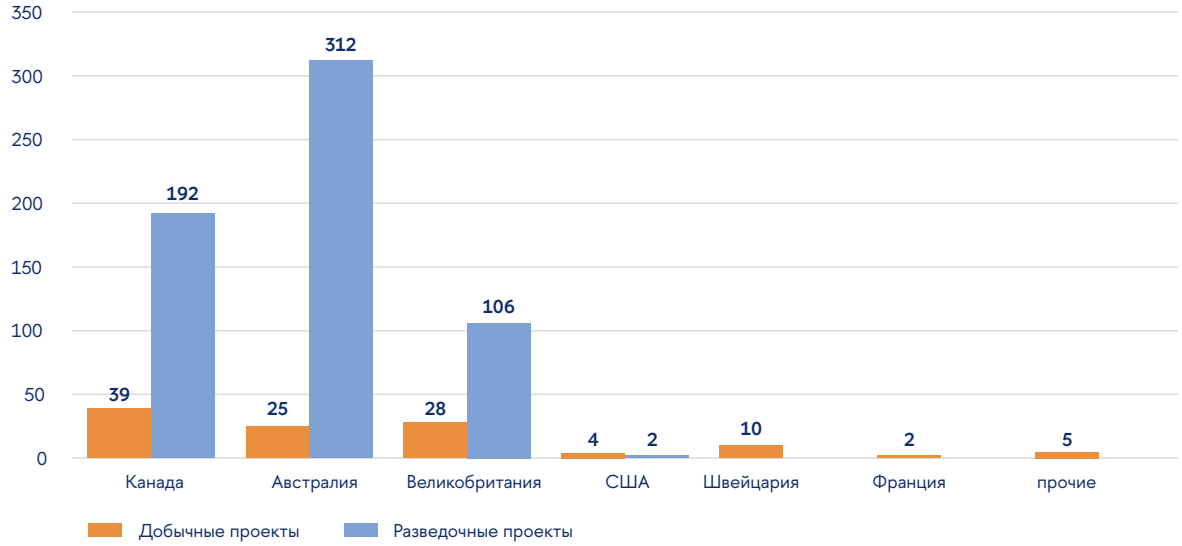
55 Hawilti. AVZ Minerals secures Chinese investor for major DRC lithium and tin project. URL: https://hawilti.com/industry/mining/avz-minerals-secures-chinese-investor-for-major-drc-lithium-and-tin-project/

56 MMG. MMG to acquire Khoemacau Copper Mine. URL: https://www.mmg.com/investors/news-centre/mmg-to-acquire-khoemacau-copper-mine/

57 Walsh, K., Escobar, B., Zhang, S., Zimmerman, J., Vlasto, L., Miao, S., Joshi, A., Bury, E., and Malik, A. A. 2026. Tracking China's Transition Mineral Financing: Methodology and Approach, Version 2.0. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary.

58 Mining Hub (data intelligence platform).

Количество западных компаний разного уровня, ведущих деятельность в Африке
(по стране регистрации)

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Mining Hub (data intelligence platform).

Указанные ранее цифры ориентированы на страну регистрации компании-оператора и потому не дают оценки происхождения капитала. Если учесть этот фактор, окажется, что ряд «западных» проектов уже частично встроен в китайские инвестиционные и производственно-сбытовые цепочки[59]. В частности, Kodal Minerals – это британский юниор, но развитие литиевого проекта Бугуни на юге Мали, где компания выступает оператором, обеспечивается китайской Hainan Mining. Через дочернюю Xinmao Investment она стала крупнейшим акционером, вложила около 100 млн долл. в разработку проекта и получила 51% в Kodal Mining UK[60]. Параллельно Hainan обеспечила себе право на приобретение всей продукции обогатительной фабрики и добилась представительства в совете директоров. Подобные случаи не единичны. В апреле 2022 г. австралийская Prospect Resources полностью продала свою долю в литиевом проекте Аркадия в Зимбабве компании Huayou Cobalt за 378 млн долл.[61]

Таким образом, актив, который от открытия месторождения был доведен до ТЭО и пилотного производства, перешёл под китайский контроль непосредственно перед началом промышленного освоения. Аналогичным образом в апреле 2024 г., спустя чуть более года после получения первого золота на крупнейшем новом месторождении Абужар, Zhaojin Capital получила контроль над австралийской Tietto Minerals, оценённой в сделке почти в 475 млн долл.[62] Подобные сделки показывают, что условное доминирование западных компаний на стадии разведки необязательно означает сохранение контроля над наиболее перспективными активами по мере перехода к добыче.

Вместе с тем было бы ошибкой сводить западное присутствие исключительно к этому. В отличие от Китая, где консолидация складывается вокруг крупных горнодобывающих групп и связанных с ними кредитно-финансовых институтов и опирается на вертикальную интеграцию, что позволяет

59 Mining.com. Kodal ships first spodumene concentrates to China. URL: https://kodalminerals.com/mining-com-kodal-ships-first-spodumene-concentrates-to-china/
60 Herbert Smith Freehills Kramer. Completion of Hainan Mining investment into the Bougouni lithium project. URL: https://www.hsfkramer.com/th/news/2023-11/completion-of-hainan-mining-investment-into-the-bougouni-lithium-project
61 Prospect Resources. Arcadia Case Study - Zimbabwe, Africa. URL: https://prospectresources.com.au/arcadia-case-study/
62 Murdoch, S. China's Zhaojin wins control of Australia's Tietto Minerals in $475 mln deal. URL: https://www.reuters.com/markets/deals/chinas-zhaojin-wins-control-australias-tietto-minerals-475-mln-deal-2024-05-01/

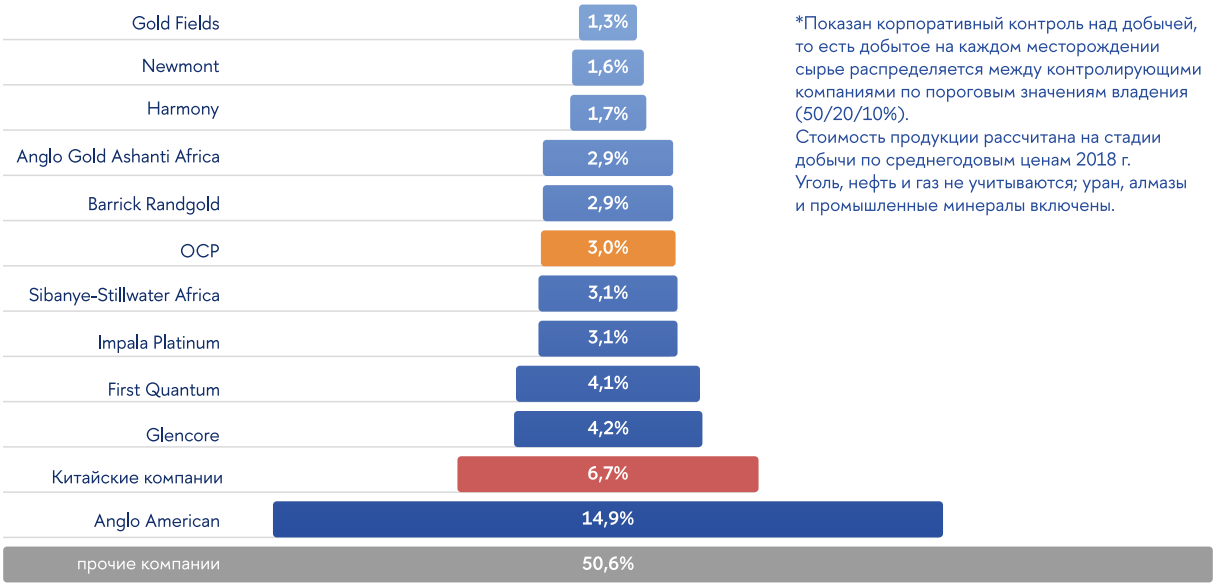
участвовать в менее рентабельных добычных проектах и составляет одно из основных конкурентных преимуществ Китая, западное присутствие, где ключевым фактором остается возврат на капитал, гораздо более фрагментировано и складывается из нескольких различных моделей.

Благодаря этому австралийские и канадские юниоры играют важную роль в формировании портфеля перспективных проектов и будущей ресурсной базы Африки.

Первую представляют Австралия и Канада. Для обеих стран характерно преобладание небольших публичных компаний (юниоров), привлекающих финансирование через биржи ASX и TSX Venture. Большинство из них не ставят цели самостоятельно перейти к добыче, а создают стоимость за счёт открытия, оценки и подготовки месторождений к дальнейшему освоению. На Австралию приходится 312 разведочных проектов, на Канаду – ещё 192[63]. После снижения геологических и инвестиционных рисков их активы приобретаются более крупными игроками.

Вторая модель связана с Лондоном как одним из ведущих мировых центров финансирования добывающей отрасли. Роль Великобритании чаще всего заключается в предоставлении платформы для привлечения капитала и организации инвестиционных сделок. Многие компании, акции которых обращаются на LSE и AIM, контролируют активы в различных регионах мира. Так, основные производственные активы Bushveld Minerals расположены в ЮАР, но для привлечения финансирования компания использовала Лондонскую биржу. Эта модель, помимо прочего, ориентирована на сопровождение сделок и перераспределение рисков между широким кругом инвесторов.

Доля компаний в стоимости добычи нетопливного минерального сырья в Африке*

*Показан корпоративный контроль над добычей, то есть добытое на каждом месторождении сырье распределяется между контролирующими компаниями по пороговым значениям владения (50/20/10%).
Стоимость продукции рассчитана на стадии добычи по среднегодовым ценам 2018 г.
Уголь, нефть и газ не учитываются; уран, алмазы и промышленные минералы включены.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Africa's mining potential: Current landscape, opportunities, and challenges. Edited by Julien Gourdon and Hugo Lapeyronie. AFD, 2025.

63 Mining Hub (data intelligence platform).

Наконец, третью группу составляют крупные ТНК, контролирующие действующие рудники и инфраструктуру. К ним относятся Glencore, Barrick, Anglo American, Rio Tinto и Newmont. Их стратегия принципиально отличается: новые проекты они предпочитают получать через поглощения, партнёрства или расширение существующих ресурсных баз.

Несмотря на относительное сокращение числа проектов, западные мейджоры сохраняют сильные позиции в добыче. Glencore контролирует одни из крупнейших медно-кобальтовых активов ДРК – Kamoto Copper Company и Mutanda Mining. Barrick сохраняет контроль над золотодобывающими комплексами Луло-Гункото в Мали и Кибали в ДР Конго, а также развивает медный проект Лумвана в Замбии. Rio Tinto, наряду с активами в ЮАР, участвует в разработке железорудного месторождения Симанду в Гвинее. Anglo American контролирует крупнейшую железорудную компанию ЮАР Kumba Iron Ore. Newmont начала оптимизацию портфеля после приобретения Newcrest в 2023 г. и уже продала рудник Акийем в Гане китайской Zijin Mining. Крупные западные игроки стремятся повышать качество портфеля активов, а не наращивать их количество.

Однако привычная для них стратегия работы в Африке подвержена двойному давлению.

С одной стороны, государства континента всё активнее пересматривают условия доступа иностранных инвесторов к своим ресурсам

Наиболее показательным стал конфликт Barrick с правительством Мали вокруг комплекса Луло-Гункото: спор о новом горном кодексе, налогообложении и распределении доходов привёл к фактической остановке операций в 2025 г. и завершился соглашением, предусматривавшим выплату 430 млн долл. и пересмотр условий работы[64].

Эпоха, когда западные мейджоры могли диктовать принимающим государствам свои условия, постепенно уходит в прошлое. С другой стороны, если прежде крупная западная корпорация могла относительно легко приобрести успешного юниора по завершении разведки, то теперь за те же активы она вынуждена конкурировать с китайскими компаниями, располагающими доступом к более дешёвому капиталу и готовыми платить премию за контроль над будущими поставками сырья.

Помимо этого, в Африке всё заметнее присутствуют и другие игроки: например, Индия, чьи интересы пока сосредоточены в цветных металлах и угле (угольная генерация обеспечивает почти половину энергомощностей страны)[65]. Так, Jindal Steel присутствует в ЮАР, Мозамбике, Ботсване, Мадагаскаре, Камеруне и Намибии, в основном занимаясь добычей угля и железной руды. В Мозамбике компания добывает около 5 млн т угля в год[66]. Уголь экспортируется по линии Сена в порт Бейра, причём Jindal владеет подвижным составом. В марте 2026 г. JSW Steel сообщила о намерении начать добычу коксующегося угля на новом месторождении в провинции Тете на северо-западе Мозамбика[67]. Конгломерат Vedanta Resources, в свою очередь, представлен в медно-цинковых проектах в Замбии (Конкола), Намибии (Скорпион) и ЮАР (Гамсберг), а также в добыче железной руды в Либерии (Боми, Мано).

В то же время ОАЭ усилили свои позиции как перевалочный хаб для африканского золота, в том числе добытого кустарно (во многом благодаря тому, что от ввозящих золото не требуются ни сертификаты происхождения, ни квитанции об уплате экспортных пошлин[68], и при этом на этих рынках приветствуется кустарное золото, поскольку под него была создана развитая аффинажно-реэкспортная инфраструктура, а в процессе аффинажа

64 Reuters. Canada's Barrick to pay $430 million to settle Mali gold mine dispute, Bloomberg News reports. URL: https://www.reuters.com/world/africa/barrick-mining-pay-430-million-settle-mali-gold-mine-dispute-bloomberg-news-2025-11-25/

65 IEA. India. URL: https://www.iea.org/countries/india

66 The Energy Year. Jindal forges ahead in Mozambique. URL: https://theenergyyear.com/articles/jindal-forges-ahead-in-mozambique/

67 Metalinfo.ru. Индийская JSW Steel будет добывать коксующийся уголь в Мозамбике. URL: https://www.metalinfo.ru/ru/news/182301

68 Reichel, V. (2018). Commerce illicite de l'or artisanal en Afrique subsaharienne. In Annales des Mines-Réalités industrielles (Vol. 2018, No. 4, pp. 35-39). Institut Mines-Télécom.

такого золота извлекают сопутствующие серебро, палладий и платину, что создает дополнительные выгоды)[69]. Кроме того, с марта 2024 г. структура International Resources Holding (Абу-Даби) представлена в медно-кобальтовом проекте Мопани в Замбии, а в июле 2023 г. заключила партнерское соглашение с властями ДРК по разработке 4 месторождений, оцененное в 1,9 млрд долл.[70]

Африканские игроки в Африке и за её пределами

Среди собственно африканских стран крупные горнодобывающие компании есть только у ЮАР и Марокко.

Южноафриканские компании, включая Valterra Platinum (бывшая Anglo American Platinum), Impala Platinum, Sibanye-Stillwater, Gold Fields, African Rainbow Minerals, выступают операторами проектов не только в ЮАР и других странах Африки, но и за пределами континента. Так, крупнейший в ЮАР производитель золота Harmony также занимается добычей в Папуа – Новой Гвинее и Австралии, где в октябре 2025 г. приобрела месторождение меди CSA за 1 млрд долл., что расширило традиционно ориентированный на золото портфель компании[71]. Gold Fields располагает активами в Австралии, Чили и Перу, а Sibanye-Stillwater продвинулась в диверсификации дальше остальных – и географически, и по номенклатуре. Хотя основной бизнес компании по-прежнему сосредоточен на МПГ в ЮАР, ей принадлежат единственные действующие активы платиноидов в США (штат Монтана), а также металлургический комплекс Columbus, где происходит переработка отработанных автомобильных катализаторов и других МПГ-содержащих материалов (также в США), месторождение цинка Сенчури в Австралии и активы в сегменте аккумуляторных материалов в Европе (литиевый проект Келибер в Финляндии и катодный проект ГаллиКам во Франции). Марокканская OCP удерживает около трети доли мирового рынка фосфатов, развивая свое присутствие и в других странах[72]. Кроме того, стоит иметь в виду марокканскую Managem, которая ведёт работу ещё в 6 государствах Африки (включая ДРК, Габон, Гвинею, Судан)[73].

Национальные стратегии развития горнодобывающего сектора

Страны Африки хорошо «считывают» интерес потенциальных партнёров к критическим ресурсам. Достаточно сказать, что на смену Африканскому видению развития минерально-сырьевого сектора, принятому Африканским союзом в 2009 г. и предлагавшему широкий подход по «прозрачному, справедливому и оптимальному» использованию всей ресурсной базы, от энергоносителей до строительных материалов, в конце 2024 г. пришла Африканская стратегия по «зелёным» минеральным ресурсам[74]. Новый документ отходит от идеи выстраивания «коридоров развития» с цепочками поставок на мировые рынки в пользу построения отдельных элементов этих цепочек внутри континента[75]. Помимо этого, было опубликовано множество других амбициозных документов стратегического планирования — в том числе и теми странами, где горный сектор пока не играет значимой роли в национальной экономике. Например, значительные усилия по привлечению инвесторов в разведку и разработку предпринимают Камерун, Республика Конго, Уганда, Чад, Бенин, Джибути и ЦАР.

Однако, чтобы лучше понять политику государств по развитию своего минерально-сырьевого сектора и выделить наиболее значимые тренды, Центр изучения Африки НИУ ВШЭ предлагает свою категоризацию стран континента.

69 Middle East Research and Information Project. Illicit Flows to the UAE Take the Shine off African Gold. URL: https://www.merip.org/2023/01/illicit-flows-to-the-uae-take-the-shine-off-african-gold/

70 African Markets. DR Congo signs $1.9 bn mining deal with UAE. URL: https://www.african-markets.com/en/news/central-africa/congo-kinshasa/dr-congo-signs-1-9-bn-mining-deal-with-uae

71 Ecofin Agency.South Africa's Harmony Gold Enters Copper Mining with a $1 Billion Acquisition. URL: https://www.ecofinagency.com/news-industry/2710-49868-south-africa-s-harmony-gold-enters-copper-mining-with-a-1-billion-acquisition

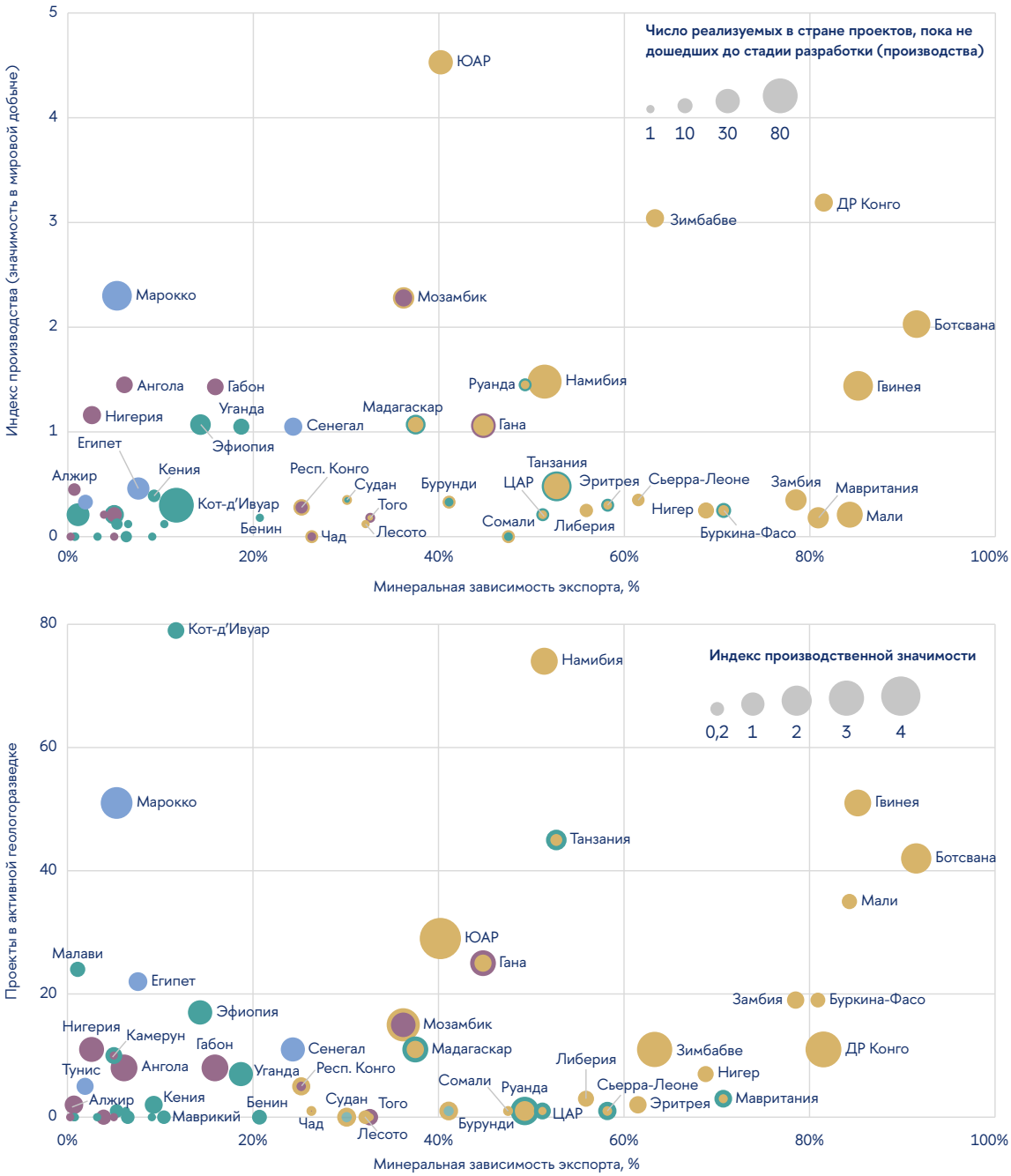
72 The North Africa Post. Morocco's OCP Group Listed Among Major Global Chemical Companies. URL: https://northafricapost.com/97169-moroccos-ocp-group-listed-among-major-global-chemical-companies.html

73 Managem Group. Our operations & projects. URL: https://www.managemgroup.com/en/nos-operations-projets

74 African Union. Africa Mining Vision. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/30984-doc-africa_mining_vision_english.pdf

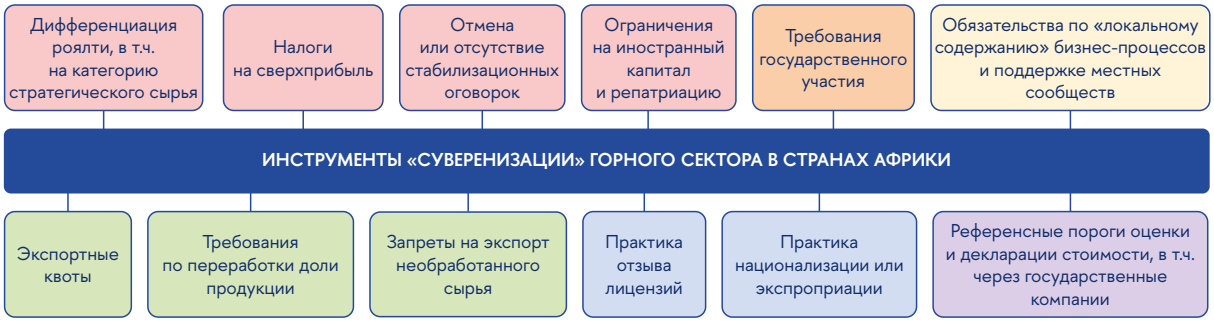
75 African Union. Africa's Green Minerals Strategy. December 2024. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/44539-doc-AGMS_Final_doc.pdf

Государства Африки с точки зрения развитости и значимости их горного сектора

- Экспорт страны на 30% и более зависит от минерально-сырьевого сектора
- Экспорт страны на 30% и более зависит от сельскохозяйственной продукции
- Экспорт страны на 30% и более зависит от топливно-энергетической продукции
- Ни один из трёх секторов не достигает 30% (без доминирующего сектора)
- Обводка контрастным цветом обозначает вторичный сектор, на который приходится 25% и более экспорта

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных UNCTAD State of Commodity Dependence (2025), World Mining Data (2026), Mining Hub (2026).

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

В основу этой первичной категоризации легли три фактора: зависимость мировых рынков от поставок минерального сырья или продуктов переработки из той или иной страны[76]; зависимость экспорта самой страны от минерального сырья[77]; а также проявляемый интерес инвесторов к дальнейшей работе в стране, измеряемый в числе действующих разведочных проектов[78]. Дополнительно выделены страны, чей экспорт зависит от энергоносителей и сельскохозяйственной продукции[79].

Первую категорию государств образуют страны, экспорт которых принципиально зависим от минерального сырья, но которые могут обращать эту зависимость в преимущество, пользуясь своим положением на мировых рынках сырья. К их числу можно отнести ДР Конго, Зимбабве, Ботсвану, Намибию, Гвинею, а также, отчасти, государства Сахеля и Замбию. Правительства этих государств наиболее выраженно преследуют политику «ресурсного национализма», включая в своё законодательство требования, которые можно объединить зонтичным термином «инструменты суверенизации».

Их максимальная концентрация – в ДР Конго и Зимбабве. Так, принятие нового Горного кодекса ДРК в 2018 г. привело к увеличению роялти на цветные металлы с 2 до 3,5%, при 10% ставке роялти на появившуюся категорию «стратегических минералов» (с 2022 г. к ним отнесены кобальт, германий, колумбит-танталит)[80] и 50% ставки налога на сверхприбыль, закреплении передачи 10%-ной доли акций государству (с её увеличением на 5% после каждого продления лицензии), которая не подлежит разводнению, а также отмене содержавшейся в кодексе 2002 г. стабилизационной оговорки. С 2025 г. властями введено квотирование экспорта, что позволяет государству дополнительно контролировать и стоимость, и объем[81]. В Зимбабве вывоз необработанной литиевой руды был запрещен сразу же после того, как основные позиции в этом секторе перешли к китайским компаниям[82]. Как только китайские операторы выполнили требования по минимальной первичной переработке (флотационные концентраты), последовало очередное ужесточение требований[83]. Причем заявленная цель правительства состояла не столько в обогащении

76 Под этим подразумевается доля страны в мировой добыче каждого ресурса, а также место страны в общемировом рейтинге по каждому ресурсу, которые рассчитаны на основе данных World Mining Data. Расчет выстроен в виде трёхкомпонентного индекса: число видов твердого минерального сырья, по которым страна выходит в тройку мировых лидеров; число видов твердого минерального сырья, по которым мировая доля страны превышает 5%; общее число видов сырья, добыча которых ведётся в стране, из 65 основных. Общая формула — квадратный корень суммы показателей.

77 В основе лежат данные ЮНКТАД по зависимости стран от экспорта твёрдоминерального, топливно-энергетического и аграрного сырья. Для классификации использована только первая категория, хотя вторая позволила дополнительно выделить «топливные экономики». Пороги зависимости определены так: 50% и более – структурная зависимость, от 30 до 50% – высокая зависимость, от 15 до 30% – умеренная зависимость, менее 15% – незначительный вклад горного сектора.

78 В основе лежат данные аналитической платформы Mining Hub. Для каждой страны подсчитано число проектов на стадиях ранней и продвинутой разведки, предварительной оценки и подготовки ТЭО, а также подготовки объекта к эксплуатации (строительство).

79 В основе лежат данные ЮНКТАД по зависимости стран от экспорта твёрдоминерального, топливно-энергетического и аграрного сырья. Выбранный порог – от 30%. Важно подчеркнуть, что этот критерий не исключительный, и в зависящей от ТЭК стране может также быть развит горный сектор.

80 Government of the Democratic Republic of the Congo. Décret n° 18/042 du 24 novembre 2018 portant déclaration du cobalt, du germanium et de la colombo-tantalite « coltan » comme substances minérales stratégiques. 2018. URL: https://faolex.fao.org/docs/pdf/cng212820.pdf

81 IEA. DRC ARECOMS Decision No. 004/2025 – Cobalt Quota System. URL: https://www.iea.org/policies/29138-drc-arecoms-decision-no-0042025-cobalt-quota-system

82 IEA. Export control on Lithium ore in Zimbabwe. URL: https://www.iea.org/policies/28974-export-control-on-lithium-ore-in-zimbabwe

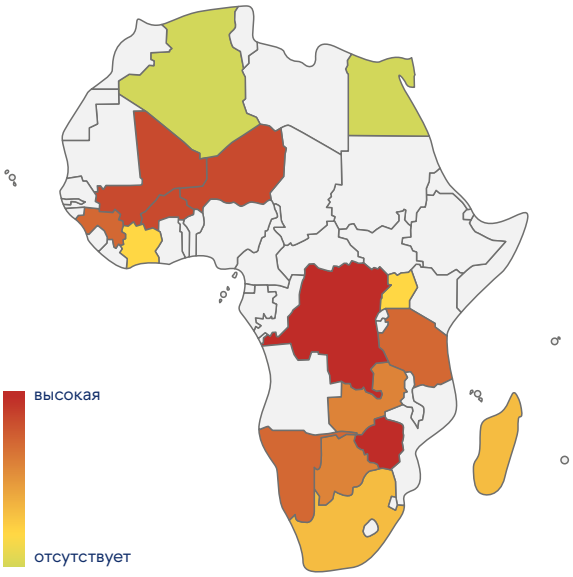
83 Ministry of Mines and Mining Development, Zimbabwe. Press Statement on Exports. 2026. URL: https://www.mines.gov.zw/wp-content/uploads/2026/02/PRESS-STATEMENT-ON-EXPORTS-1.pdf

руды как возможном стимуле для развития промышленности, а в том, чтобы избежать вывоза из страны прочих металлов под маркой «литиевой руды», поскольку зимбабвийские полиметаллические руды также содержат тантал, олово и РЗЭ[84]. Поскольку осязаемых альтернатив у присутствующих на рынке или потенциальных инвесторов нет, им приходится адаптировать свои бизнес-модели к новым условиям работы.

Схожий курс прослеживается в государствах Сахеля, особенно Мали, хотя рычаги давления на инвесторов с их стороны более ограничены. Однако Горный кодекс Мали, вступивший в силу с 2024 г., предполагает не только 10%-ную долю государственного участия, но и открывает для правительства возможность её теоретического увеличения ещё на 20–25%[85]. Кроме того, им были отменены налоговые льготы, а ставка роялти установлена на уровне 10–10,5%. В соседней Буркина-Фасо действуют ограничения на вывоз золота[86], а в Нигере в июне 2025 г. была национализирована принадлежавшая на 63% французской Orano компания SOMAÏR, управляющая урановым месторождением Арлит[87]. Наконец, в августе 2025 г. власти Гвинеи приняли решение отозвать лицензию у Guinea Alumina Corporation (структура Emirates Global Aluminium), ссылаясь на невыполнение обязательства построить глинозёмный завод, с передачей актива новой госкомпании Nimba Mining[88]. На фоне ДР Конго и Зимбабве эти страны в меньшей степени «концентрируют» в своем законодательстве инструменты суверенизации, но при этом, пользуясь своим положением крупнейших поставщиков, проявляют готовность задействовать более или менее жёсткие из них для отстаивания своих интересов.

Ко второй категории можно отнести несколько стран, где минеральные ресурсы не только

Концентрация «инструментов суверенизации» в горном законодательстве африканских стран

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

добываются в значимых масштабах, но и лежат в основе индустриальной модели страны. Благодаря тому, что их экономика достаточно диверсифицирована и добавленная стоимость создается «внутри», в экспортной статистике доля сырьевого экспорта не столь велика. Это можно заметить из позиции Марокко, ЮАР и отчасти Египта. Так, доля переработки фосфатов и производства удобрений в Марокко выросла с 67% в 2015 г. до 88% в 2025 г. Ключевую роль в этом процессе играет комплекс «Жорф-Ласфар». Более того, Марокко развивает своего рода «фосфатную дипломатию»: завоевание африканских рынков OCP при политической поддержке и за счёт строительства заводов в странах-партнёрах (в том числе Эфиопии, Нигерии, Кении, Сенегале, а также Танзании, Кот-д'Ивуаре и Габоне).

84 The Herald. Multi-mineral ores targeted . . . Govt moves to plug revenue leakages. URL: https://www.heraldonline.co.zw/multi-mineral-ores-targeted-govt-moves-to-plug-revenue-leakages/

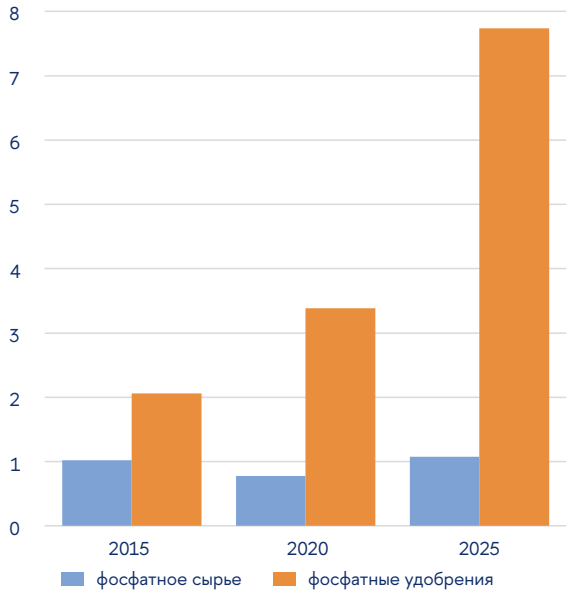
85 UNCTAD. Mali - Adopts new Mining Code and implementing decree. URL: https://investmentpolicy.unctad.org/investment-policy-monitor/measures/4352/adopts-new-mining-code-and-implementing-decree

86 Reuters. Burkina Faso suspends export permits for small-scale gold production. URL: https://www.reuters.com/world/africa/burkina-faso-suspends-export-permits-small-scale-gold-production-2024-02-21/

87 World Nuclear News. Orano opposes Somaïr nationalisation. URL: https://www.world-nuclear-news.org/articles/orano-opposes-somair-nationalisation

88 The Africa Report. Guinea ousts UAE bauxite giant – what's next for the industry? URL: https://www.theafricareport.com/389508/guinea-ousts-uae-bauxite-giant-whats-next-for-the-industry/

Стоимость марокканского экспорта по отдельным категориям, млн долл.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных TradeMap.

В ЮАР по-прежнему развит аффинаж золота и платиноидов. Местные операторы принимают на переработку доре, концентраты и штейн со всего континента: например, Rand Refinery используют доре из Ганы, Намибии, Ботсваны, Гвинеи, Мозамбика, Танзании, Мали, Эфиопии, Зимбабве и ДРК. Впрочем, выплавка ферросплавов переживает обратный процесс ввиду того, что инфраструктурно-энергетический кризис последних лет сделал ее нерентабельной (в 2026 г. действует всего 11 из 66 заводов[89], а доля ЮАР в мировом производстве упала с 50 до 19%)[90]. В результате ЮАР приходится наращивать экспорт хромовых руд в Китай, лишаясь дополнительной маржинальности за переработку. В 2026 г. Африканский банк развития отметил, что лидером континента по индустриализации (с учётом объёма и сложности производства, диверсификации экспорта, конкурентоспособности и встроенности в стоимостные цепочки) впервые стало Марокко, а не ЮАР[91]. Действительно, объемы железнодорожных перевозок упали с 226 млн т в 2017 г. до 160 млн т в 2025 г.[92] Эти проблемы привели к тому, что часть операторов стала прибегать к более дорогостоящим автомобильным перевозкам. Отдельный вопрос – тарифы на электроэнергию, которые приводили к неоднократным спорам операторов и госкомпании Eskom и вынудили многие горнодобывающие компании дополнительно вкладываться в собственные генерирующие мощности[93]. Эти обстоятельства также подталкивают исторически южноафриканских мейджоров искать возможности вне страны.

В третью категорию входят страны, чья экономика в значительной мере зависит от экспорта либо углеводородов (Алжир, Нигерия, Ангола, Чад, Камерун, Габон, Республика Конго), либо сельскохозяйственной продукции (Эфиопия, Уганда, Бурунди, Кения). Эти государства стремятся использовать свои твердые минеральные ресурсы как возможное направление для диверсификации экспорта (т.е. инициатива работы с инвесторами исходит от них). Способы привлечения капитала при этом расходятся. Часть стран идёт по пути либерализации законодательства. Так, в Алжире горный кодекс 2014 г. был заменен в 2025 г. новым законом, который упразднил государственную монополию на «стратегические субстанции» и допустил долю иностранного участия до 80%[94]. В Анголе с 2023 г. разрешено открывать и вести счета за рубежом, в том числе эскроу, без предварительного разрешения Нацбанка[95]. Другие государства привлекают капитал точечными фи-

89 African Mining Market. South Africa Chrome Paradox: Rich in the Ground, Losing the Profit at the Factory. URL: https://africanminingmarket.com/south-africa-chrome-paradox-rich-in-the-ground-losing-the-profit-at-the-factory/25964/

90 Green Building Africa. South Africa's ferrochrome crisis highlights Eskom reform imperative. URL: https://www.greenbuildingafrica.co.za/south-africas-ferrochrome-crisis-highlights-eskom-reform-imperative/

91 За рубежом. Индустриальный разворот: МАРОККО ВПЕРВЫЕ СТАЛО ПРОМЫШЛЕННЫМ ЛИДЕРОМ АФРИКИ. URL: https://zarubejom.ru/events/industrialnyy-razvorot/

92 eNCA. Transnet to compete for freight with private sector. URL: https://www.enca.com/business-news/transnet-compete-freight-private-sector

93 Energize. Eskom's relationship with mining is changing – Marokane. URL: https://www.energize.co.za/article/eskoms-relationship-with-mining-is-changing-marokane

94 Gide. The reform of the algerian mining sector: Law no. 25-12 of 3 august 2025 governing mining activities. URL: https://www.gide.com/en/news-insights/the-reform-of-the-algerian-mining-sector-law-no-25-12-of-3-august-2025-governing-mining-activities/

95 PwC. Angola - Foreign exchange regime applicable to the Mining Sector. URL: https://www.pwc.com/ao/en/services/tax/corporate-regulatory-services/regulatory-flashes/angola-foreign-exchange-regime-applicable-to-the-mining-sector.html

скально-таможенными льготами, но при этом сохраняют требования по государственному участию. Например, законы Камеруна предлагают (в общем виде) освобождение от патента и НДС на импорт оборудования и стройматериалов на этапе обустройства, а в период эксплуатации – поэтапное снижение налога на прибыль, свободу репатриации и иные льготы[96]. Схожим образом налог на прибыль и ставки роялти были снижены в Эфиопии[97]. Горный кодекс 2023 г. Мадагаскара показателен как попытка найти баланс интересов: с одной стороны, базовая ставка роялти повышена с 2 до 5%, но с другой стороны, обязательного требования по переработке сырья введено не было и, более того, для продукции, все же прошедшей обработку, предусмотрена льготная ставка роялти в размере 3,5%[98].

Кроме того, важны предпринимаемые государствами меры по формализации сектора, направленные на привлечение инвестиций. Они могут включать в себя картирование недр, ревизию выданных лицензий, вывод из тени кустарной добычи. В частности, Нигерия развернула борьбу с нелегальной добычей, учредив институт «горных маршалов» и кооперативы для старателей[99]. В 2019 г. в Кении был введен мораторий на выдачу новых и продление действующих лицензий. По итогам проверки было отозвано свыше 1,5 тыс. разрешений[100]. После завершения аэрогеофизического картирования недр лицензирование было возобновлено к концу 2023 г., однако для появившейся категории «стратегического сырья» делается это точечно.

Наконец, в четвёртую категорию попадают страны, где горный сектор исторически не был важным источником валютных поступлений, но где он получает импульс к развитию за счёт интереса внешних игроков, активно инвестирующих в разведочные проекты. Сюда прежде всего стоит отнести Кот-д'Ивуар и Танзанию, а также Сенегал, Мозамбик, Малави. Однако среди этих стран общего подхода не существует. Кот-д'Ивуар пока что показывает пример наибольшей свободы маневра для компаний. Пока большинство проектов – в разведке, государство не планирует ужесточать требования. В стране нет ни экспортных ограничений, ни требований по переработке, ни установленного потолка иностранного участия, ни налога на сверхприбыль, ни ограничений на репатриацию.

В странах Восточной Африки, таких как Танзания и Мозамбик, иная стратегия. Постепенно расширяя механизмы «захвата стоимости», они действуют пошагово и с оговорками, чтобы эти меры не сказались на динамике инвестиций в сектор. Так, президент Танзании Дж. Магуфули ввел ряд запретов и ограничений в 2017 г., но уже в 2019 г. был вынужден пойти на смягчение[101]. В частности, порог минимального участия танзанийских граждан в акционерном капитале был снижен с 51 до 20%[102]. При Самии Сулуху Хассан было восстановлено возмещение НДС на экспорт минерального сырья, а также снят запрет на использование международного арбитража для разрешения споров[103].

В Мозамбике повышенный интерес инвесторов, как в Танзании в эпоху Дж. Магуфули, привел к ужесточению законодательства. В мае – июне 2026 г. новым законом были, среди прочего, введены повышенные требования для появившейся категории «стратегических минералов», экспорт необработанного сырья – запрещен,

96 UNCTAD. Law N° 2013/004 of 18 April 2013 to lay down private investment incentives in the Republic of Cameroon. URL: https://investmentpolicy.unctad.org/investment-laws/laws/278/cameroon-cameroon-investment-incentives-law-2013

97 S&P Global. Ethiopia mining regulatory review. URL: https://www.spglobal.com/market-intelligence/en/news-insights/research/ethiopia-mining-regulatory-review

98 Dentons Mining Law Blog. Madagascar's New Mining Code: The Key to Unlocking Local and Global Sustainable Development? URL: https://www.dentonsmininglaw.com/madagascars-new-mining-code-the-key-to-unlocking-local-and-global-sustainable-development/

99 Federal Ministry of Mines and Steel Development. Alake Commissions Mining Marshals to Combat Illegal Mining. URL: https://fmino.gov.ng/alake-commissions-mining-marshals-to-combat-illegal-mining/

100 The Star. Audit of mining licenses issued to investors completed – CS Mvurya. URL: https://www.the-star.co.ke/news/2023-05-02-audit-of-mining-licenses-issued-to-investors-completed-cs-mvurya

101 TanzaniaInvest. Tanzania Ban Export of Mineral Concentrates. URL: https://www.tanzaniainvest.com/mining/ban-export-mineral-concentrates

102 UNCTAD. United Republic of Tanzania - Amendments to the Mining Local Content Regulations. URL: https://investmentpolicy.unctad.org/investment-policy-monitor/measures/3372/united-republic-of-tanzania-amendments-to-the-mining-local-content-regulations

103 African Minerals Development Centre. Unpacking the African Green Mineral Strategy: A Q&A Discussion with Kudakwashe Manjonjo of Power Shift Africa. URL: https://www.africangreenminerals.com/news/featured-news/2025/unpacking-the-african-green-mineral-strategy

обязательная неразмываемая доля государства установлена в размере минимум 15%[104].

Главным остается вопрос, насколько государствам Африки удастся воспользоваться сложившейся конъюнктурой, чтобы не только привлечь капитал к изучению и освоению своих недр, но и создать задел для внутреннего развития.

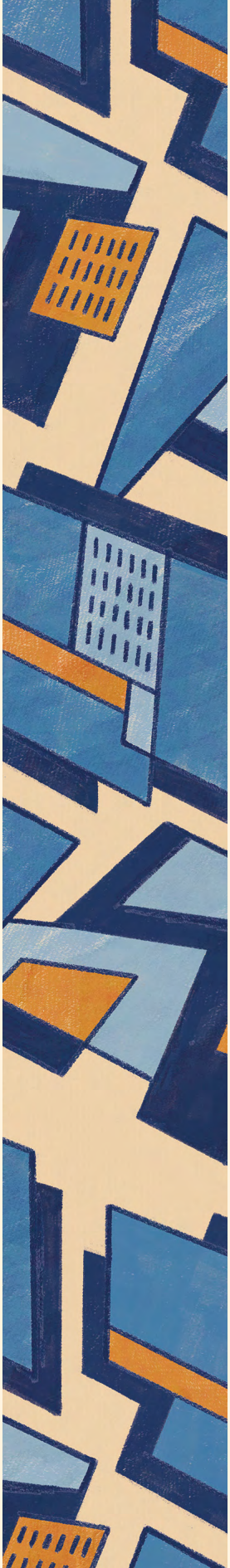
Пока что рассуждения по встраиванию в стоимостные цепочки отдают приоритет мерам, которые заставляют компании заниматься переработкой на местах. Некоторые страны даже заявили об амбициях производить у себя литиевые и никелевые батареи. Однако настоящим успехом может стать не размещение у себя отдельных элементов чужих производственных цепочек, а интеграция горного сектора с потребностями внутреннего рынка. Во многих работах справедливо отмечается, что категория «критического» и «стратегического» сырья носит для Африки внешний, конъюнктурный характер.

Гораздо более стратегическую роль, как представляется, в перспективе могут сыграть «промышленные ресурсы» (также известные как «минералы развития»[105] – асбест, барит, бентонит, полевой шпат, флюорит, гипс, каолин, магнезит, сера, вермикулит, циркон) и создание отраслей на их основе. На них нет существенного спроса на мировых рынках, а потому стимулы к развитию их переработки могут исходить только со стороны правительств. Так, Нигерии удалось создать успешную цементную отрасль (Dangote, BUA, Lafarge), причём стимулирование внутреннего спроса сочетается с работой на других африканских рынках. Более того, развитие горного сектора в этом направлении, пусть и не обеспечивает потоки валютной выручки, создаёт больше рабочих мест, чем ориентированные на экспорт проекты. Здесь стоит заметить, что горный сектор в целом создает меньшую занятость в экономике, чем принято считать. Так, по данным МОТ за 2023 г., совокупно в Африке в нем было занято менее 5 млн человек[106]. Возможно, вклад в становление промышленных мощностей, основанных на «минералах развития», в странах Африки могли бы внести и внешние игроки, если бы прописываемые в горных кодексах требования по переработке увязывались бы не с добываемым сырьем, а с минералами, переработка которых была бы востребована прежде всего на внутренних рынках.

104 Reuters. Mozambique tightens grip on mining with 15% state stake rule, local processing. URL: https://www.reuters.com/world/africa/mozambique-tightens-grip-mining-with-15-state-stake-rule-local-processing-2026-06-04

105 Franks, Daniel M. (2020). Reclaiming the neglected minerals of development. The Extractive Industries and Society 7 (2) 453-460. https://doi.org/10.1016/j.exis.2020.02.002

106 ILO. Mining. URL: https://www.ilo.org/topics-and-sectors/industries-and-sectors/mining

ГОРОДА: ДЕМОГРАФИЯ, ЭКОНОМИКА, ИНФРАСТРУКТУРА

Цветков А.А., Свиридов В.Ю.

Города: демография, экономика, инфраструктура

Урбанизация Африки – процесс роста населения городов и их роли в общественном устройстве, политике и экономике – идёт беспрецедентными темпами и превышает даже темпы урбанизации в Восточной Азии в конце XX в.

Так, по данным Всемирного банка в период с 1960 по 2025 г. городское население Китая выросло на 606%, Японии – на 94%, а Африки – на 1709%[1].

В 1950 г. городское население Африки составляло всего 33 млн человек, а к 2000 г. выросло до 248 млн[2]. В период 2020–2025 гг. городское население росло на 3%/г., или на 61 тыс./д. По данным ОЭСР за 2025 г., примерно 829 млн африканцев живут в городах[3]. Исчисления другими методами дают число в диапазоне от 719 до 838 млн человек.

Все суждения об уровне урбанизации и численности городского населения зависят от определения того, что такое город. Правительства и Всемирный банк часто определяют городское поселение по строгим критериям: в статистику записываются только населённые пункты, носящие статус города, и только в их административных границах (т.н. city-proper). В то же время под эгидой ООН идёт переход на более гибкую систему оценки **«уровня урбанизации» (DEGURBA)**. Эта система учитывает все населённые пункты с плотностью населения от 300 человек на км^2 и с населением от 5 тыс. человек[4]. То есть малые населённые пункты, официально не считающиеся городами, но обладающие признаками городской застройки, вносятся в статистику. Внедрение этой системы позволяет более точно определять уровень урбанизации и гармонизировать отчётность (переход на DEGURBA уже поддержан ОЭСР, ФАО, UN-Habitat и другими организациями).

В то же время новая система ещё не внедрена в отчёты некоторых международных организаций (например, Всемирного банка или UN DESA), и она практически не используется государственными статистическими агентствами. Помимо этого, в национальную статистику в некоторых случаях включаются и дополнительные критерии (наличие сетевого электричества и водопровода, мощение улиц, занятость во вторичном и третичном секторах и пр.). Эти факторы не учитываются в методологии уровня урбанизации.

Всемирный банк часто ссылается на национальную статистику, а ОЭСР, параллельно с имплементацией DEGURBA, продолжает использовать методологию собственного проекта «Africapolis», который относит к городским только поселения численностью от 10 тыс. жителей[5]. Этот метод даёт более консервативную оценку, которая во многом лучше отражает конвенциональное понимание «города». В результате может наблюдаться существенное расхождение в данных за один и тот же период.

1 Urban Population. World Bank Group. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL?
2 Aiyede, E. R. (2025) Governance and the Resilience of Cities in Africa.
3 OECD et al. (2025), Africa's Urbanisation Dynamics 2025: Planning for Urban Expansion, West African Studies, OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd.org/en/publications/africa-s-urbanisation-dynamics-2025_2a47845c-en.html
4 United Nations (2025). World Urbanization Prospects 2025: Summary of Results. UN DESA/POP/2025/TR/ NO. 12. New York: United Nations. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/world-urbanization-prospects-2025
5 OECD et al. (2025), Africa's Urbanisation Dynamics 2025: Planning for Urban Expansion, West African Studies, OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd.org/en/publications/africa-s-urbanisation-dynamics-2025_2a47845c-en.html

Так, например, по методологии DEGURBA, в 2025 г. 73% населения Африки жило в городах[6], при этом Всемирный банк считает, что в том же году этот показатель составлял только 45%[7], а ОЭСР – 57%[8]. Стоит также отметить, что при использовании любой методологии к городам будут относиться поселения, конвенционально не воспринимающиеся как «города», в особенности в европейском понимании.

Разница в методологии очень показательна на примере Руанды. По данным переписи 2022 г., в Руанде 28% городского населения. В это число включены столица Кигали и её города-спутники, вторичные города, районные центры и т.н. «периурбанные» территории на стыке города и села. За десять лет до выделения «периурбанных» территорий доля городского населения определялась в 12%[9]. Всемирный банк, на основе собственных вычислений, даёт оценку в 31% в 2025 г., Africapolis, проект ОЭСР, определил долю городского населения Руанды в 67%, а инновационная методология DEGURBA – в 94%. Разная методология даёт результаты с разбросом от 12% до 94%. В данной главе, где это возможно, отдаётся предпочтение данным Всемирного банка и ОЭСР, которые, на наш взгляд, представляют собой «золотую середину» между разными методологиями.

По прогнозу ОЭСР, городское население континента превысит 1,4 млрд к 2050 г., две трети всех африканцев будут жить в городах, а Африка станет вторым по абсолютной численности городского населения континентом в мире (после Азии)[10]. Это означает, что к середине века в африканских городах будет жить больше людей, чем сегодня живёт на континенте вообще. Также к 2050 г. в Африке будет 17 городов с населением свыше 10 млн человек и 159 городов с населением свыше 1 млн[11].

Урбанизация в Африке – системный процесс, определяющий жизнь континента. Изменения в демографии, структуре потребления, экономике и образе жизни, а также развитие транспорта, информационных технологий и строительства вызваны не в последнюю очередь именно урбанизацией. Изучение и осмысление этого процесса критически важно для понимания изменений, которые будут происходить на континенте в ближайшие десятилетия.

Африканская урбанизация

Сегодня самая урбанизированная часть континента – Северная Африка.

По данным ОЭСР за 2025 г. 83% населения уже проживает в городах, а к 2050 г. этот показатель вырастет до 87%, что сделает регион вторым самым урбанизированным регионом мира (после Центральной и Южной Азии, 88%)[12]. В Центральной Африке сегодня около 54% населения живёт в городах, и по данным ООН, к 2050 г. в этом регионе будет наблюдаться рост доли городского населения до 66%. При этом по общему количеству горожан лидирует Западная Африка – 237 млн человек.

6 United Nations (2025). World Urbanization Prospects 2025: Summary of Results. UN DESA/POP/2025/TR/ NO. 12. New York: United Nations. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/world-urbanization-prospects-2025

7 World Bank Group. Urban population (% of total population). URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS

8 OECD et al. (2025), Africa's Urbanisation Dynamics 2025: Planning for Urban Expansion, West African Studies, OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd.org/en/publications/africa-s-urbanisation-dynamics-2025_2a47845c-en.html

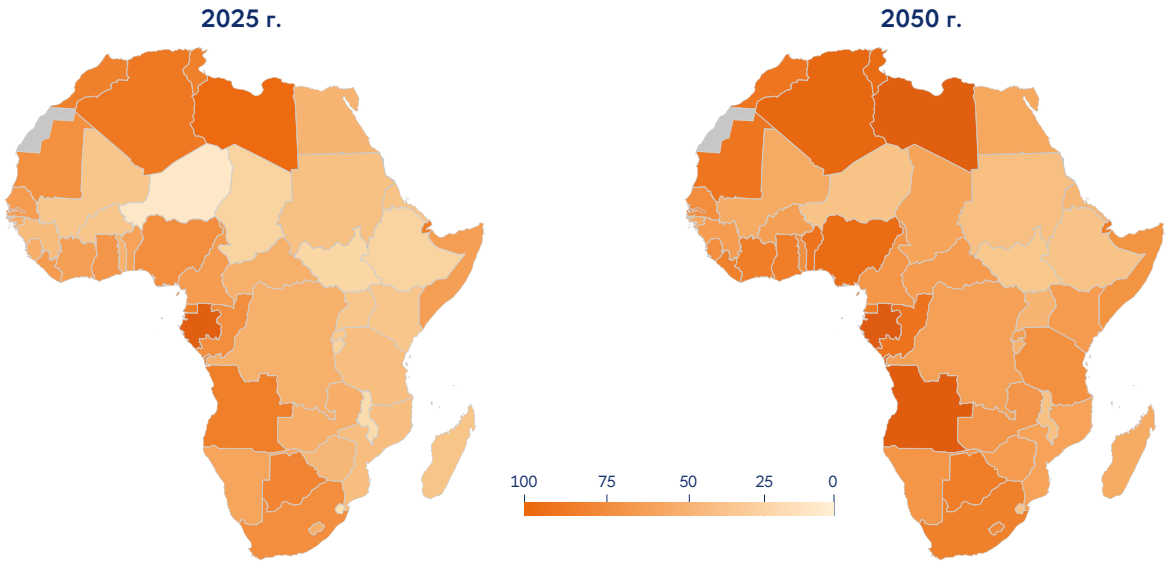
9 Подробнее – см. главу «Население».

10 OECD et al. (2025), Africa's Urbanisation Dynamics 2025: Planning for Urban Expansion, West African Studies, OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd.org/en/publications/africa-s-urbanisation-dynamics-2025_2a47845c-en.html

11 Ibid

12 United Nations (2025). World Urbanization Prospects 2025: Summary of Results. UN DESA/POP/2025/TR/ NO. 12. New York: United Nations. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/world-urbanization-prospects-2025

Городское население в странах Африки

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ООН.

Самый неурбанизированный регион – Восточная Африка с 47% городского населения. Несмотря на то, что у некоторых стран региона показатели превышают средние значения по континенту (в Кении 84% городского населения, в Джибути – 70%), некоторые страны региона сильно отстают по темпам урбанизации (в Эфиопии в 2025 г. только 31% населения жило в городах, на Мадагаскаре – 25%). Однако к 2050 г. доля городских жителей Восточной Африки, по прогнозам, достигнет 57%.

По данным Всемирного банка за 2025 г. самые урбанизированные страны на континенте: Габон (92% городского населения), Ливия (88%), Кабо-Верде (77%), Алжир (76%) и Джибути (73%). Самые неурбанизированные: Малави (17%), Нигер (18%), Южный Судан (21%) и Эфиопия (24%)[13]. В абсолютных числах наибольшее число горожан сегодня проживает в Нигерии (140 млн), Египте (108 млн), ЮАР (47 млн), ДРК (53 млн) и Кении (45 млн).

Из этих данных видно, что Центральную Африку ожидает самый стремительный рост городского населения, в то время как, например, в ЮАР текущий потолок урбанизации практически достигнут и дальнейший рост будет более плавным.

Среди крупнейших агломераций Африки можно назвать Каир (26 млн человек), Лагос (12 млн), Луанду (11 млн), Киншасу (10 млн) и Дар-эс-Салам (8 млн)[14]. К 2050 г. эти города вырастут ещё больше: население Лагоса составит почти 37 млн человек, а Каира – 55 млн человек[15].

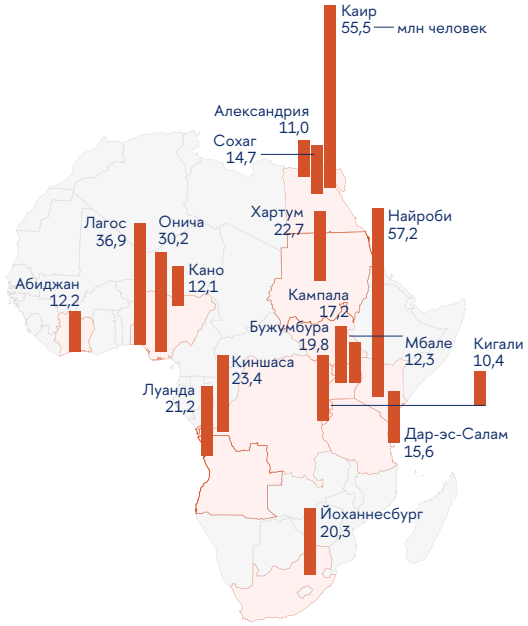
По расчётам ОЭСР, до 80% всего демографического прироста африканского населения с 2020 по 2050 г. будет «поглощено» городскими районами. Рост городского населения опережает рост населения вообще. Если за рассматриваемый период население в целом будет расти примерно на 1,7% ежегодно, то городское население будет ра-

13 Urban population (% of total population). World Bank Group/ URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS

14 United Nations (2025). World Urbanization Prospects 2025: Summary of Results. UN DESA/POP/2025/TR/ NO. 12. New York: United Nations. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/world-urbanization-prospects-2025

15 OECD et al. (2025), Africa's Urbanisation Dynamics 2025: Planning for Urban Expansion, West African Studies, OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd.org/en/publications/africa-s-urbanisation-dynamics-2025_2a47845c-en.html

17 мегагородов Африки к 2050 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ОЭСР.

сти на 2,3%. Эта тенденция уже видна во многих странах: например, в Нигере население растёт на 2,9% в год, а городское – на 4,2% в год[16]. В среднем по континенту коэффициент рождаемости составляет 3,9 ребёнка на женщину в городах и 5,8 ребёнка на женщину в сельской местности[17]. В отличие от международного опыта, когда урбанизация и улучшение качества жизни приводили к резкому снижению рождаемости, в Африке во второй половине XX в. наблюдалась обратная тенденция: рождаемость росла в условиях роста благосостояния и падала во время кризисов[18]. Помимо этого, сохраняются страны, в которых городское население растёт при сохранении сельских темпов рождаемости (так, например, в Нигере коэффициент рождаемости среди городского населения составляет 5,6, а в Нигерии – 4,5)[19,20]. Тем не менее тренд на снижение рождаемости вследствие распространения образования среди женщин, более позднего возраста вступления в брак и снижения детской смертности приводит к устойчивой тенденции снижения коэффициента рождаемости в городах[21].

Почему растут города Африки?

Городское население Африки увеличивается не только за счёт естественного прироста, который формирует основу роста населения городов[22]. Другим важным фактором роста городского населения выступает миграция из деревень. С одной стороны, в города людей привлекают более высокий уровень жизни, перспективы заработка и более благоприятная экономическая обстановка, с другой – из деревни людей выталкивают бедность, нехватка земли и социальные кризисы, в том числе связанные с безопасностью.

Помимо этого, климатические угрозы (засухи и наводнения) также ответственны за миграцию из деревень в города.

По данным Всемирного банка, к 2050 г. по причинам, связанным с климатом, в города может переехать около 86 млн человек[23].

16 OECD et al. (2025), Africa's Urbanisation Dynamics 2025: Planning for Urban Expansion, West African Studies, OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd.org/en/publications/africa-s-urbanisation-dynamics-2025_2a47845c-en.html

17 Tesfa D, Tiruneh SA, Gebremariam AD, Azanaw MM, Engidaw MT, Kefale B, Abebe B, Dessalegn T and Tiruneh M. 2023. The pooled estimate of the total fertility rate in sub-Saharan Africa using recent (2010–2018) Demographic and Health Survey data

18 Подробнее – см. главу «Население»

19 Tesfa D, Tiruneh SA, Gebremariam AD, Azanaw MM, Engidaw MT, Kefale B, Abebe B, Dessalegn T and Tiruneh M. 2023. The pooled estimate of the total fertility rate in sub-Saharan Africa using recent (2010–2018) Demographic and Health Survey data

20 Для сравнения, рождаемость в сельской местности в Нигере и Нигерии составляет 8,1 и 5,9 соответственно.

21 Tesfa D, Tiruneh SA, Gebremariam AD, Azanaw MM, Engidaw MT, Kefale B, Abebe B, Dessalegn T and Tiruneh M. 2023. The pooled estimate of the total fertility rate in sub-Saharan Africa using recent (2010–2018) Demographic and Health Survey data

22 United Nations. World Urbanization Prospects 2025: Summary of Results. UN DESA/POP/2025/TR/ NO. 12. New York: United Nations. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/world-urbanization-prospects-2025

23 The World Bank. Climate Change Could Force 216 Million People to Migrate Within Their Own Countries by 2050. PRESS RELEASE NO:2022/12/CCG. URL: https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2021/09/13/climate-change-could-force-216-million-people-to-migrate-within-their-own-countries-by-2050

Хотя в основном миграция происходит внутри одной страны, иммигранты вносят вклад в рост городского населения. Они притягиваются в первую очередь в города, где уже проживают их соотечественники. Так, диаспора йоруба в Абиджане сформировала устойчивые каналы связи с нигерийской родиной, и нынешний приток йоруба в Кот-д'Ивуар обеспечен не в последнюю очередь связями с местной диаспорой[24].

Третий немаловажный фактор после естественного прироста и миграции – разрастание агломераций, особенно крупных. Города растут территориально, поглощая сельские поселения вокруг, увеличивая таким образом численность городского населения. Так, по прогнозам ОЭСР, 36% роста населения Кампалы до 2050 г. будет обеспечено за счёт слияния и поглощения ближайших городов-спутников и сельских поселений. Прогнозируется, что Кампала в будущем поглотит 230 сельских поселений, а также города Кьямписи, Лугази, Ньеру, Джинджа и Иганга, население каждого из которых превышает 100 тыс. человек[25]. Другой пример – Дакар, площадь которого в 1942 г. составляла всего 9,4 км^2, а сегодня – 80 км^2. Этот прирост был обеспечен за счёт поглощения десятков деревень и хуторов[26].

Ещё более стремительным будет рост Найроби. Население города, по оценке ОЭСР, может вырасти с 7 млн до 57 млн за счёт слияния с окрестностями[27], образовав мегалополис Найроби-Кисуму. Население кенийской столицы без учёта территориального расширения к 2050 г. достигнет 25 млн человек. Ещё 33 млн добавятся к населению Найроби за счёт слияний. Этим феноменом объясняется появление в будущем на континенте т.н. «мегагородов».

При этом рост площади, занимаемой городами, т.н. «городского следа», в свою очередь опережает рост численности городского населения. По прогнозу ОЭСР, с 2020 по 2050 г. городская территория среднего африканского города будет расти на 3,2% в год, в то время как численность населения только на 2,3%[28]. При этом рост территории обеспечен в первую очередь не новой инфраструктурой, а неэффективным использованием земли: вместо уплотнения к городу «прирастают» новые территории, поскольку строительство на периферии дешевле, из-за чего плотность населения остаётся низкой[29].

Структура потребления городского жителя

По данным ЭКА ООН, более 60% горожан в Африке имеют смартфон или компьютер, а 33% – и то, и другое. Среди жителей городов выше уровень цифровой грамотности. Также в городах выше уровень покрытия мобильной связью третьего, четвёртого и пятого поколений[30].

Горожане покупают продукты питания в магазинах и на рынках. По данным Urban Institute, в Дар-эс-Саламе горожане покупают 96–99% продуктов питания, в то время как в сельской местности этот показатель равен 50%. В Кении эти показатели составляют 98% и 70% соответственно. Аналогично в Малави горожанами покупается до 90% продуктов питания, в то время как жителями сельской местности – только 30%. Городской продовольственный рынок заметен в структуре национальных экономик: в Намибии он составляет 500 млн долл., и на него приходится 12% ВВП. К 2030 г. 75% всей продаваемой на континенте еды будет покупаться жителями городов[31].

24 Adeniran, Adebusuyi Isaac. Migration and Regional Integration in West Africa: A Borderless ECOWAS. New York: Palgrave Macmillan, 2014.
25 OECD et al. (2025), Africa's Urbanisation Dynamics 2025: Planning for Urban Expansion, West African Studies, OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd.org/en/publications/africa-s-urbanisation-dynamics-2025_2a47845c-en.html
26 Ibid.
27 Ibid.
28 Ibid.
29 Подробнее – см. главу «Население».
30 United Nations Economic Commission for Africa (2024). State of urbanization in Africa 2024. URL: https://www.uneca.org/state-of-urbanization-in-africa
31 Romanik, Clare. (2007). The Urban Institute. An Urban-Rural Focus on Food Markets in Africa. URL: https://www.urban.org/sites/default/files/publication/31436/411604-An-Urban-Rural-Focus-on-Food-Markets-in-Africa.PDF

Меняются и пищевые привычки населения: в городской среде наблюдается т.н. **«пищевой переход»**, когда сокращается количество потребляемых традиционных культур (например, сорго) и увеличивается потребление пшеницы и риса. Так, например, в Мозамбике житель города потребляет на 60% больше риса, чем житель сельской местности. В городах растёт потребление мяса, масла, яиц и молочных продуктов. В Малави средний житель города тратит на молочные продукты и яйца 7% от бюджета, в то время как житель деревни только 1%[32].

В городах, в отличие от деревень, растёт потребление еды, приготовленной другими людьми на продажу. Речь идёт об уличных торговцах едой, кафе и ресторанах. По данным Urban Institute, в Аккре бедные домохозяйства тратят на уличную еду до 39% своего дохода, а домохозяйства с более высоким достатком – 26%. Об изменении образа жизни также свидетельствуют растущий круглогодичный спрос на сезонные товары, консервы и замороженные продукты[33].

В изменении демографической структуры и структуры потребления прослеживается фундаментальное онтологическое изменение африканского города. Сегодня африканцы – конечные бенефициары городского развития, повышение уровня жизни которых напрямую вытекает из развития и роста городов. Так было не всегда: в колониальную эпоху городское развитие исключало коренное население, а города служили инструментом колониального управления.

Колониальное наследие африканского города

Во-первых, многие африканские города были основаны как порты. В колониальную эпоху одной из основных функций прибрежного города было обслуживать порт и железную дорогу, ведущую от порта к местам, где добывают ресурсы[34]. Помимо этого, именно прибрежные города-порты в большинстве случаев брали на себя административные функции. Так, Дакар, Леопольдвиль (теперь Киншаса), Луанда, Лагос и др. стали центрами колониальных владений, что привело к цементированию их политической и экономической роли и, как следствие, дисбалансам в развитии уже в постколониальный период.

Во-вторых, колониальное наследие до сих пор находит отражение в планировке африканских городов: бывшие европейские кварталы, такие как Ойстер-бей в Дар-эс-Саламе, сегодня остаются зонами концентрации деловой активности, в то время как окраины, которые раньше использовались для сегрегации местного населения, отстают в развитии, потому что колониальный город не предполагал расширения для включения в него окраинных районов[35]. На современном этапе такой подход к городскому планированию приводит к сложностям с интеграцией неформальных поселений, образующихся на окраинах, и связыванием их с городским пространством.

Сохраняется заметная разница между французскими и британскими колониальными поселениями. Из-за британского подхода к колониальному управлению многие англофонные города сегодня имеют два наследственных ядра: европейский колониальный район и районы «традиционной власти». Из-за этого, а также из-за пересекающихся и противоречащих друг другу прав собственности на землю, города на территориях бывших британских колоний чаще страдают от расползания и проблем неформальных поселений. По данным Всемирного банка, бывшие британские колониальные города на 25% более фрагментированы, чем франкофонные, в них фиксируется на 50% больше участков **«очаговой фрагментированной застройки»**,

32 Ibid.

33 Romanik, Clare. (2007). The Urban Institute. An Urban-Rural Focus on Food Markets in Africa. URL: https://www.urban.org/sites/default/files/publication/31436/411604-An-Urban-Rural-Focus-on-Food-Markets-in-Africa.PDF

34 World Bank, Lawrence, Martha, Alfonso Cabrillo Losada, Marissa Moore, Betty Onginjo, Tom Opiyo, Jorge Rebelo, and Bello Sambo. 2023. Developing Urban Rail Corridors in African Cities Washington, DC: World Bank. URL: https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099061324063512468

35 Richard Slater and Euan Crispin - The State of Urban Governance in Africa. African Development Bank 2022. URL: https://www.afdb.org/sites/default/files/2023/01/18/the_state_of_urban_governance_in_africa_-_sudap_paper_-_afdb_umdf_-_2022.pdf

то есть урбанизированных территорий, отрезанных от основного городского массива[36]. Иллюстрация этого феномена – город Кисуму в Кении: город разделён на историческое ядро с низкой плотностью застройки и чёткими строгими правилами землепользования и «родовые земли» на окраинах, характеризующиеся высокой плотностью застройки и неформальными поселениями[37].

В целом города Африки примерно на 20–25% сильнее страдают от городского расползания, чем города в других регионах мира. Проблему усугубляет отсутствие грамотного территориального планирования и неэффективное использование земли: например, в Хараре и Мапуту до 30% земли, находящейся в радиусе 5 км от центра города, остаётся незастроенной или недоиспользуется[38].

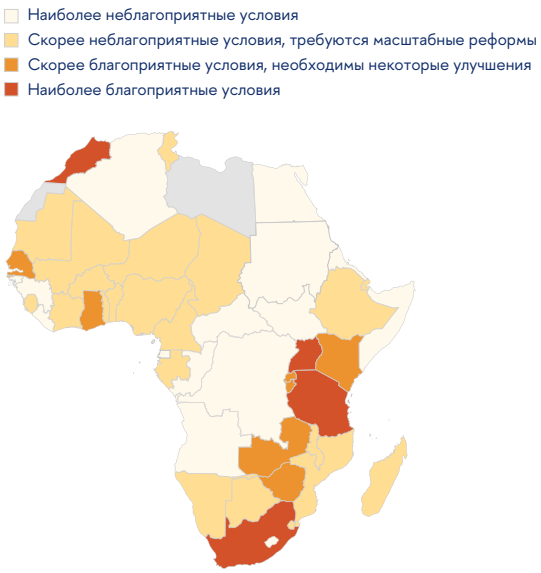
Стоит также отметить, что из прогнозируемого прироста городского населения в Африке 81% придётся на внутренние районы материка. К 2050 г. 69 из 100 городских агломераций (от 1 млн человек) и 6 из 17 агломераций свыше 10 млн человек будут расположены во внутренних районах континента[39].

Эта тенденция означает постепенный отход от классической модели африканского города-порта. Развитие городов внутри материка означает постепенное уничтожение постколониальной архитектуры хозяйственных комплексов, завязанной на экспорт ресурсов, развитие внутреннего потребления и торговли. В то же время рост городов во внутренних районах вынуждает правительства больше тратиться на транспортную инфраструктуру, связывающую новые города с традиционными центрами. Несмотря на первичную дороговизну обеспечения связанности, в долгосрочной перспективе развитие внутренних районов приведёт к появлению связанных рынков и гармоничному развитию территорий страны.

Автономия и проблемы управления городами Африки

Один из основных вызовов для африканских городов – становление собственной агентности. В 2021 г. международная организация United Cities and Local Governments провела исследование по оценке роли местных властей в управлении городским развитием. 41 из 53 рассмотренных африканских стран были оценены как страны с «неблагоприятным» или «скорее неблагоприятным» климатом для эффективной работы местных правительств. Только 4 страны (Марокко, Уганда, Танзания и ЮАР) получили рейтинг «наиболее благоприятные»[40].

Страны Африки по уровню условий для деятельности городских администраций и региональных органов власти, 2024 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных CAHF.

36 Lall, Somik Vinay, J. Vernon Henderson, and Anthony J. Venables. 2017. Africa's Cities: Opening Doors to the World. Washington, DC: World Bank Group. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/africa-regional-studies/publication/african-cities-opening-doors-to-the-world

37 Richard Slater and Euan Crispin - The State of Urban Governance in Africa. African Development Bank 2022. URL: https://www.afdb.org/sites/default/files/2023/01/18/the_state_of_urban_governance_in_africa_-_sudap_paper_-_afdb_umdf_-_2022.pdf

38 Ibid.

39 OECD et al. (2025), Africa's Urbanisation Dynamics 2025: Planning for Urban Expansion, West African Studies, OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd.org/en/publications/africa-s-urbanisation-dynamics-2025_2a47845c-en.html

40 Lena Gutheil, "Decentralization and Its Effects on Urban Governance in Africa", Ifri Studies, Ifri, April 2024. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/decentralization_and_its_effects_on_urban_governance_in_africa.pdf

Положение городской автономии в Африке очень хрупкое: практика показывает, что городская автономия[41] может быть ликвидирована политической волей центрального правительства. Так, например, в Кампале в 2010 г. выборный городской совет был упразднён центральным правительством и заменён Управлением столицы Кампалы (KCCA), находящимся под прямым контролем президента[42]. Похожая ситуация произошла в Кении: в 2020 г. ключевые функции городской администрации Найроби были переданы в ведение Центральной столичной службы Найроби (NMS) (в 2022 г. после выборов губернатора они были возвращены в ведение администрации округа Найроби)[43].

Другой проблемой выступает **институциональная фрагментация.** У многих ведомств пересекаются зоны ответственности, а органы публичной власти соперничают с неформальными (в т.ч. «традиционными») институтами за управление территорией. Так, например, по данным AfDB, в Гане более половины комитетов муниципальных образований (самый низкий уровень управления в муниципальных органах власти) практически не функционируют из-за отсутствия определённых обязанностей[44].

Ещё одна фундаментальная проблема – неспособность аккумулировать достаточные для эффективного управления ресурсы. В среднем по миру 25% всех доходов органов государственной власти приходится на региональные администрации, в то время как в Африке этот показатель равен 12%[45]. Основной источник доходов на региональном уровне – сборы с налогов на имущество. Например, в Хараре (Зимбабве) они формируют до 40% доходов города. Такая структура доходов не может гарантировать автономию города из-за низкого уровня сборов: в среднем по Африке сумма поступлений от налогов на владение собственностью составляет 8 долл. на душу населения, при том что среднемировой показатель превышает 220 долл. на душу населения[46].

Успешный пример применения на практике принципов децентрализации и городской автономии – ЮАР. Город Кейптаун зарабатывает примерно 2,3 млрд долл. в год. Доходы от оплаты услуг энерго- и водоснабжения составляют 42% городского бюджета[47], а на дотации из центра приходится только 15% городских доходов[48]. Йоханнесбург также самостоятельно формирует 42% городского бюджета и даже обладает собственным кредитным рейтингом, независимым от национального[49].

В целом в этом вопросе ЮАР представляет собой скорее исключение из правил. Йоханнесбург располагает самым большим бюджетом в Африке, более 5 млрд долл. в 2024–2025 гг.[50] На втором месте – Кейптаун (4,7 млрд)[51],

41 OECD et al. (2025), Africa's Urbanisation Dynamics 2025: Planning for Urban Expansion, West African Studies, OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd.org/en/publications/africa-s-urbanisation-dynamics-2025_2a47845c-en.html

42 Lena Gutheil, "Decentralization and Its Effects on Urban Governance in Africa", Ifri Studies, Ifri, April 2024. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/decentralization_and_its_effects_on_urban_governance_in_africa.pdf

43 Ibid.

44 Richard Slater and Euan Crispin - The State of Urban Governance in Africa. African Development Bank 2022. URL: https://www.afdb.org/sites/default/files/2023/01/18/the_state_of_urban_governance_in_africa_-_sudap_paper_-_afdb_umdf_-_2022.pdf

45 OECD et al. (2025), Africa's Urbanisation Dynamics 2025: Planning for Urban Expansion, West African Studies, OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd.org/en/publications/africa-s-urbanisation-dynamics-2025_2a47845c-en.html

46 OECD et al. (2025), Africa's Urbanisation Dynamics 2025: Planning for Urban Expansion, West African Studies, OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd.org/en/publications/africa-s-urbanisation-dynamics-2025_2a47845c-en.html

47 Ibid.

48 Richard Slater and Euan Crispin - The State of Urban Governance in Africa. African Development Bank 2022. URL: https://www.afdb.org/sites/default/files/2023/01/18/the_state_of_urban_governance_in_africa_-_sudap_paper_-_afdb_umdf_-_2022.pdf

49 OECD et al. (2025), Africa's Urbanisation Dynamics 2025: Planning for Urban Expansion, West African Studies, OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd.org/en/publications/africa-s-urbanisation-dynamics-2025_2a47845c-en.html

50 Inside Metros. 2025. City of Joburg tables R89.4 billion budget and boosts capex spending to R8.7 billion. URL:https://insidemetros.co.za/2025/05/28/city-of-joburg-tables-r89-4-billion-budget-and-boosts-capex-spending-to-r8-7-billion/

51 Moneyweb. 2025. Cape Town's R76.4bn budget finally gets the green light. URL: https://www.moneyweb.co.za/news/south-africa/cape-towns-r76-4bn-budget-finally-gets-the-green-light/

на третьем – Дурбан (4,4 млрд)[52], а на четвёртом – Претория (3,2 млрд)[53]. При этом обычно крупный африканский город располагает бюджетом до 1 млрд долл. Например, Найроби (328 млн)[54] или Касабланка (708 млн)[55].

Одна из фундаментальных проблем африканских городов – дефицит кадров. Самые образованные и квалифицированные кадры предпочитают работу в частном секторе или в правительствах работе в муниципалитетах из-за ограниченных карьерных возможностей и низкой зарплаты: зарплаты старшего управленческого и технического персонала в муниципалитетах составляют не более 15–20% от уровня оплаты труда на аналогичных должностях в частном секторе или международных компаниях[56].

Роль города в экономике

Мировой опыт показывает, что при достижении уровня урбанизации в 60% роль обрабатывающей промышленности в структуре ВВП должна достигать 15–20%. Африканский опыт отличается от мирового: африканские города часто развиваются по модели **«урбанизация без индустриализации»**, роль обрабатывающей промышленности остаётся на уровне 10% даже при достижении нужного количества городского населения[60]. Такая ситуация складывается из-за ориентированности экономик на экспорт природных ресурсов. В странах, сильно зависящих от их экспорта, как правило, развивается городская экономика, в которой доминируют неторгуемые услуги (услуги красоты, недвижимость и общественное питание). За подобными городами закрепился термин **«города потребления»**[61].

В таких условиях африканские муниципалитеты страдают от дефицита компетенций и невозможности выполнять свои функции. По данным AfDB, в 2017 г. в эфиопском городе Дыре-Дауа только 1% сотрудников городской администрации обладали дипломом о высшем образовании, а дефицит кадров составлял 89% в сфере городского планирования и 87% в сфере городских финансов[57]. В среднем в городах Эфиопии на 1 тыс. жителей приходилось 1,4 технического специалиста или управленца. По данным исследования Cities Alliance, в городах других африканских стран этот показатель ещё ниже: в Гане, Мозамбике и Уганде он составляет примерно 0,4 на 1 тыс. человек. Для сравнения, в Индии, одном из мировых лидеров по утечке мозгов и дефициту кадров, этот показатель составляет 8 человек на 1 тыс.[58]. Особенно критична ситуация в сфере городского планирования: по данным ОЭСР, в Либерии на всю страну есть только 6 аккредитованных планировщиков, в Буркина-Фасо – 14. Для сравнения – в странах ОЭСР на 100 тыс. человек приходится 21,5 планировщика, а в Африке – 1. В среднем по континенту африканские города укомплектованы управленческим и техническим персоналом менее чем на треть от необходимого уровня[59].

52 EThekwini Newsflash. 2025. Mayor Hosts Successful Post-Budget Speech Breakfast With Business Stakeholders. URL: https://www.durban.gov.za/press-statement/Mayor+hosts+successful+post-budget+speech+breakfast+with+business+stakeholders

53 IOL. 2025. Tshwane coalition approves R52.2 billion draft Budget for 2025/26. URL: https://iol.co.za/news/politics/2025-05-16-tshwane-coalition-approves-r52-2-billion-draft-budget-for-202526/

54 Nairobi City County 2025/26 FY Quarter 1 Budget Implementation Report. URL: https://nairobi.go.ke/download/nairobi-city-county-2025-26-fy-quarter-1-budget-implementation-report

55 Medias24. 2025. En 2025, un budget de plus de 5 MMDH pour la ville de Casablanca. URL: https://medias24.com/2024/10/22/en-2025-un-budget-de-plus-de-5-mmdh-pour-la-ville-de-casablanca

56 Richard Slater and Euan Crispin - The State of Urban Governance in Africa. African Development Bank 2022. URL: https://www.afdb.org/sites/default/files/2023/01/18/the_state_of_urban_governance_in_africa_-_sudap_paper_-_afdb_umdf_-_2022.pdf

57 Richard Slater and Euan Crispin - The State of Urban Governance in Africa. African Development Bank 2022. URL: https://www.afdb.org/sites/default/files/2023/01/18/the_state_of_urban_governance_in_africa_-_sudap_paper_-_afdb_umdf_-_2022.pdf

58 Ibid.

59 OECD et al. (2025), Africa's Urbanisation Dynamics 2025: Planning for Urban Expansion, West African Studies, OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd.org/en/publications/africa-s-urbanisation-dynamics-2025_2a47845c-en.html

60 Lall, Somik Vinay, J. Vernon Henderson, and Anthony J. Venables. 2017. Africa's Cities: Opening Doors to the World. Washington, DC: World Bank Group. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/africa-regional-studies/publication/african-cities-opening-doors-to-the-world

61 Lall, Somik Vinay, J. Vernon Henderson, and Anthony J. Venables. 2017. Africa's Cities: Opening Doors to the World. Washington, DC: World Bank Group. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/africa-regional-studies/publication/african-cities-opening-doors-to-the-world

Иными словами, некоторые африканские города перешли в фазу постиндустриальной экономики, не пройдя фазу индустриальной.

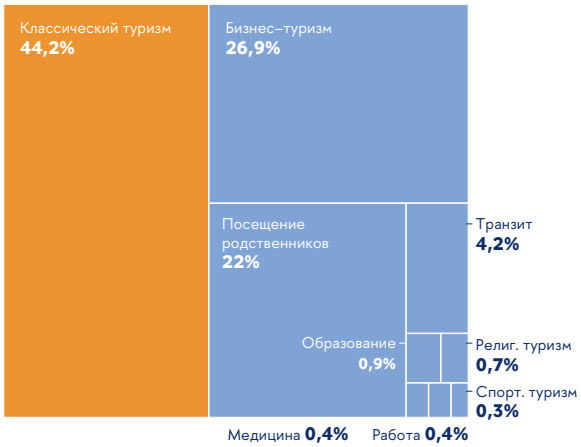
Такая ситуация помогает добиться относительно роста уровня жизни, но оставляет нерешённой проблему отсутствия промышленной и инфраструктурной базы города, что обуславливает неустойчивость и хрупкость такого роста.

Новый фактор в развитии городской экономики – туризм. В 1990 г. в Африку приезжало всего 6,7 млн туристов ежегодно. За десять лет турпоток вырос на 300% – до 26,2 млн посещений в 2000 г., а доходы от туризма выросли с 2,3 млрд долл. до 3,7 млрд[62]. С тех пор турпоток в Африку неуклонно рос и в 2024 г. составил 74 млн человек[63].

По прогнозу Africa Growth Initiative, к 2035 г. континент будут ежегодно посещать 280 млн туристов[64].

Визитная карточка туризма в Африку – природный туризм. Сафари в Восточной и Южной частях Африки, хождение по вулканам в ДРК и «охота на лемуров» на Мадагаскаре сегодня стали самыми быстрорастущими секторами континентального туризма[65]. Но несмотря на ключевую роль природных комплексов, города также привлекают крупные турпотоки.

Характеристика туристического потока в Кению, 2024 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Министерства туризма и дикой природы Кении.

В частности, речь идёт о бизнес-туризме. Так, организация конференций, встреч и саммитов вывела в топ по посещаемости Найроби, Йоханнесбург и Кейптаун. Основные направления для африканского бизнес-туризма: Марокко, Египет, Кения и ЮАР[66].

По данным на 2025 г., самыми посещаемыми странами континента были Марокко (17,5 млн человек), Египет (16 млн человек), Тунис (10 млн человек) и ЮАР (8,5 млн человек)[67]. Отметим, что по данным AGI, до 10 млн человек из ежегодно пересекающих границы африканских стран – сами африканцы[68].

62 Signé, Landry. "Africa's Tourism Potential: Trends, Drivers, Opportunities, and Strategies." Washington, DC: Brookings Institution, 2018. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2018/12/africas-tourism-potential_landrysigne1.pdf

63 Breisinger, Clemens & Wiebelt, Manfred & Omune, Lensa & Breisinger, Milena & Bordignon, Jacopo, 2025. "Tourism for development: A SAM-multiplier study on sports tourism in Kenya," Kenya SSP Working Paper 2, International Food Policy Research Institute (IFPRI).

64 Signé, Landry. "Africa's Tourism Potential: Trends, Drivers, Opportunities, and Strategies." Washington, DC: Brookings Institution, 2018. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2018/12/africas-tourism-potential_landrysigne1.pdf

65 Signé, Landry. "Africa's Tourism Potential: Trends, Drivers, Opportunities, and Strategies." Washington, DC: Brookings Institution, 2018. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2018/12/africas-tourism-potential_landrysigne1.pdf

66 Christie, Iain, Eneida Fernandes, Hannah Messerli, and Louise Twining-Ward. 2014. Tourism in Africa: Harnessing Tourism for Growth and Improved Livelihoods. Africa Development Forum series. Washington, DC: World Bank. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/738471468299123752/pdf/Tourism-in-Africa-harnessing-tourism-for-growth-and-improved-livelihoods.pdf

67 Breisinger, Clemens & Wiebelt, Manfred & Omune, Lensa & Breisinger, Milena & Bordignon, Jacopo, 2025. "Tourism for development: A SAM-multiplier study on sports tourism in Kenya," Kenya SSP Working Paper 2, International Food Policy Research Institute (IFPRI).

68 Nyasha, Sheilla; Odhiambo, Nicholas M.; Asongu, Simplice (2020) : The impact of tourism development on economic growth in sub-Saharan Africa, AGDI Working Paper, No. WP/20/044, African Governance and Development Institute (AGDI), Yaoundé

Жильё и жилищное строительство

Дефицит жилья – фундаментальная проблема африканских городов. По данным ОЭСР[69,70], Нигерия испытывает дефицит в 17 млн жилых единиц, Ангола – почти в 2 млн, в Камеруне и Кот-д'Ивуаре – более чем по 700 тыс.[71] В Гане годовая потребность составляет от 70 тыс. до 133 тыс. единиц, однако текущие темпы строительства покрывают лишь 33% этого спроса, что привело к накопленному дефициту в 2 млн единиц[72]. В Намибии к 2030 г. для покрытия спроса требуется строительство 30 тыс. единиц жилья в год, а Государственное жилищное предприятие (NHE) с 1993 г. построило только около 21,5 тыс. домов при наличии задолженности по строительству около 300 тыс. домов[73].

Жилищный сектор в Африке недоинвестирован: африканские страны с низким уровнем дохода вкладывают в него лишь 4,9% ВВП, в то время как аналогичные экономики в других регионах тратят 5,5%. Это приводит к тому, что строительство жилья отстаёт от темпов урбанизации в среднем на девять лет[74]. Ситуация усугубляется дороговизной построенной недвижимости и издержками, связанными с её приобретением.

Во-первых, проблему представляют расходы на регистрацию недвижимости. В среднем в странах Африки южнее Сахары регистрация недвижимости занимает 59 дней и требует 9% от её стоимости, что в два раза дольше и в три раза дороже, чем в Европе[75]. Бюрократические сложности есть и у застройщиков. Получение разрешений на строительство в среднем занимает 171 день и стоит 737% от дохода на душу населения, что почти в девять раз дороже, чем в странах ОЭСР с высоким уровнем дохода[76].

Во-вторых, стоимость единицы жилья сравнимого качества в Африке может быть сравнительно выше, чем в других регионах мира, из-за дороговизны строительных материалов. В Гане до 90% всех стройматериалов импортируется, что не может не сказываться на конечной цене[77]. В Танзании 70% материалов, включая цемент и сталь, закупаются за рубежом. Цена 50-килограммового мешка цемента в 2024 г. составляла 9 долл. в Габоне и до 15 долл. на Коморах. При этом более 60% домовладельцев, например, в Габоне вынуждены прибегать к самостоятельному строительству, нанимая рабочих на неформальном рынке[78].

Официальное (формальное) строительство ведётся государственными агентствами, частными застройщиками и международными финансовыми институтами, однако объёмы строительства остаются низкими. В Эфиопии в рамках государственной программы IHDP с 2006 г. построено было около 250 тыс. квартир, однако из-за высокого первоначального взноса она не смогла решить проблему доступа к жилью для беднейших слоёв населения[79].

69 UN-Habitat. (2026). State of African Cities Report 2026: Harnessing the value of urban land for socioeconomic transformation in African cities. United Nations Human Settlements Programme. URL: https://unhabitat.org/executive-summary-of-the-state-of-african-cities-report-2026-harnessing-the-value-of-urban-land-for

70 Под единицей жилья (жилой единицей) понимается отдельное жилое пространство, где человек или семья могут жить, есть и спать самостоятельно. Оно должно иметь прямой вход снаружи или через общий коридор. Примерами жилой единицы могут служить отдельный дом, квартира или передвижной дом.

71 OECD et al. (2025), Africa's Urbanisation Dynamics 2025: Planning for Urban Expansion, West African Studies, OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd.org/en/publications/africa-s-urbanisation-dynamics-2025_2a47845c-en.html

72 Centre for Affordable Housing Finance in Africa (2024). 2024 Yearbook: Housing Finance in Africa. Johannesburg, South Africa. URL: http://housingfinanceafrica.org

73 Centre for Affordable Housing Finance in Africa (2024). 2024 Yearbook: Housing Finance in Africa. Namibia country profile. Johannesburg, South Africa. URL: https://housingfinanceafrica.org/wp-content/uploads/2025/03/NAMIBIA.pdf

74 Lall, Somik Vinay, J. Vernon Henderson, and Anthony J. Venables. 2017. Africa's Cities: Opening Doors to the World. Washington, DC: World Bank Group. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/africa-regional-studies/publication/african-cities-opening-doors-to-the-world

75 Ibid.

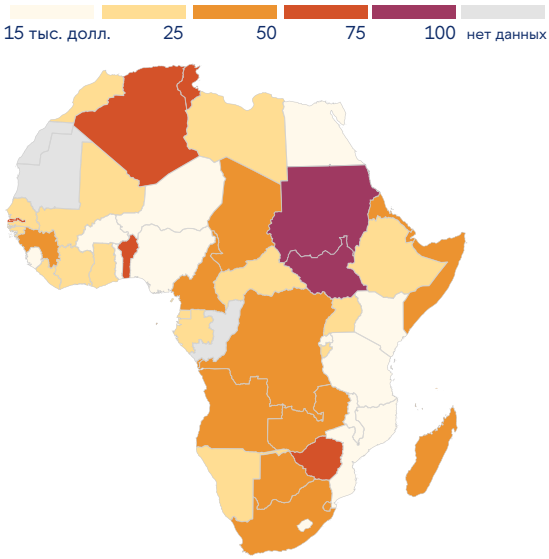
76 Lall, Somik Vinay, J. Vernon Henderson, and Anthony J. Venables. 2017. Africa's Cities: Opening Doors to the World. Washington, DC: World Bank Group. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/africa-regional-studies/publication/african-cities-opening-doors-to-the-world

77 Centre for Affordable Housing Finance in Africa (2024). 2024 Yearbook: Housing Finance in Africa. Johannesburg, South Africa. URL: http://housingfinanceafrica.org

78 Ibid.

79 UN-Habitat. (2026). State of African Cities Report 2026: Harnessing the value of urban land for socioeconomic transformation in African cities. United Nations Human Settlements Programme. URL: https://unhabitat.org/executive-summary-of-the-state-of-african-cities-report-2026-harnessing-the-value-of-urban-land-for

Минимальная цена одной единицы жилья в странах Африки, 2024 г., тыс. долл.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных CAHF.

Стоимость самого дешёвого дома от застройщика варьируется от 3,5 тыс. долл. в Нигерии и 7,5 тыс. долл. в Кении до 34 тыс. в ЮАР и 60 тыс. в Бенине[80].

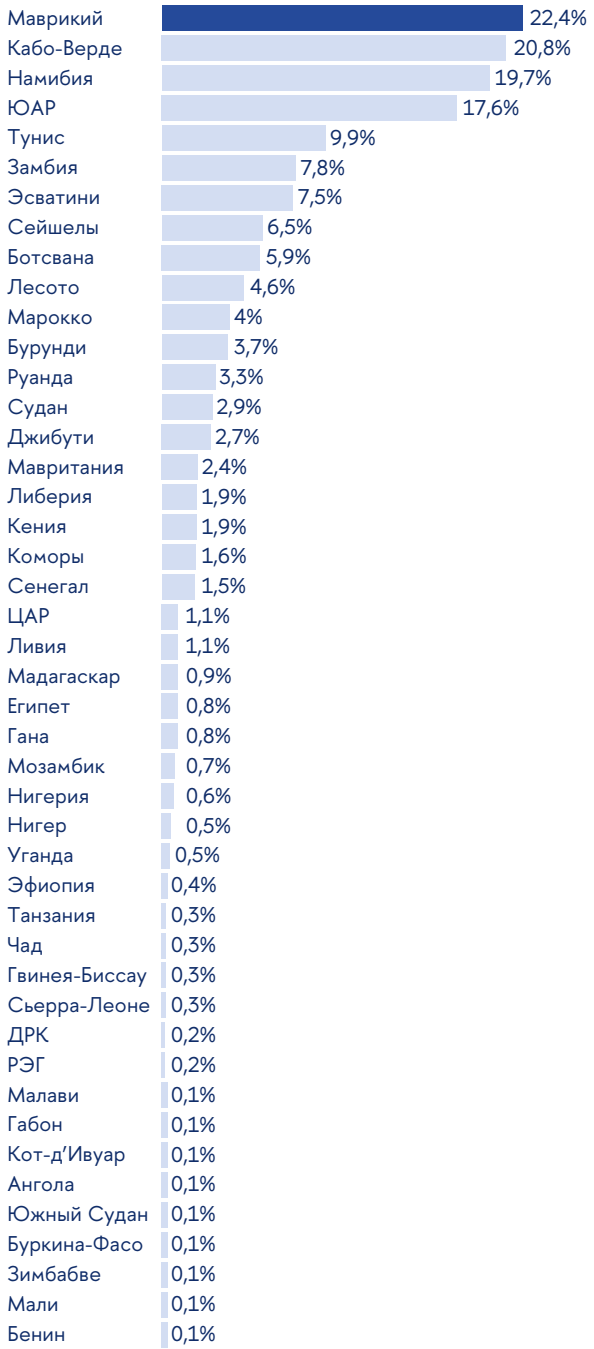
В последние годы всё более заметной становится роль частных застройщиков. Один из континентальных лидеров – гамбийская **Taf Africa Global** (основана в Гамбии, головной офис в Дубае, ОАЭ) ведёт строительство в Гамбии, Нигерии, Сенегале, Руанде, Кот-Д'Ивуаре, Того, Сьерра-Леоне и Мозамбике и ставит перед собой цель «построить 1 млн доступных качественных домов и стать лидирующим африканским девелопером к 2038 г.»[81]. Taf Africa специализируется на строительстве частных домов. **Jobomax Homes** (специализируется на Западной Африке (Республика Гвинея, Гана, Сьерра-Леоне, Камерун), но зарегистрирован и базируется в США (штаб-квартира в Филадельфии, ранее называлась American Homebuilders of West Africa)[82], **OVID Holding**, крупнейший частный застройщик в Эфиопии, заявляет об общем портфеле строительных контрактов более чем 15 млрд долл.[83]

Зарегистрированная в Абу-Даби компания **Eagle Hills Properties** в партнёрстве с правительством Эфиопии в 2018 г. запустила строительство мегапроекта La Gare, жилого комплекса премиум-класса. Стоимость проекта – 2 млрд долл., правительство Эфиопии выступает акционером с долей в 27%[84]. Привлечение иностранных застройщиков, с одной стороны, позволяет задействовать их ресурсы для модернизации городской инфраструктуры, но с другой – поднимает вопрос о влиянии внешних акторов на государственную строительную политику. Для строительства La Gare были снесены объекты культурного наследия, а жители были выселены в другие районы города, причём зачастую с понижением качества условий проживания[85]. Влияние иностранных застройщиков на процесс принятия решений о градостроительной политике – серьёзный вызов для африканских городов.

Место ведущих девелоперов в ряде стран занимают государственные строительные предприятия, например, **National Housing and Construction Company** в Уганде. Часто они совмещают операционную деятельность с регулированием: так, например, **MAETUR** в Камеруне продаёт земельные участки в Дуале и Яунде по льготным ценам при условии, что они будут застроены в течение трёх лет[86].

80 Centre for Affordable Housing Finance in Africa (2024). 2024 Yearbook: Housing Finance in Africa. Johannesburg, South Africa. URL: http://housingfinanceafrica.org
81 Taf Africa Global. URL: https://www.tafafricaglobal.com/about-us
82 Jobomax. URL: https://www.jobomax.com/
83 OVID-Holding. URL: https://ovid-group.com/about-us/
84 Africa Arbitration. Abu Dhabi firm launches $2b Ethiopia construction. URL: https://africaarbitration.org/2018/11/26/abu-dhabi-firm-launches-2b-ethiopia-construction/
85 The Observer. Bulldozers raze homes and history as Ethiopia's PM builds his new Dubai. URL: https://observer.co.uk/news/international/article/bulldozers-raze-homes-and-history-as-ethiopias-leader-builds-his-new-dubai
86 Centre for Affordable Housing Finance in Africa (2024). 2024 Yearbook: Housing Finance in Africa. Johannesburg, South Africa. URL: http://housingfinanceafrica.org

Отношение объёма ипотечных кредитов к ВВП в странах Африки

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных CAHF.

Несмотря на поддержку, государственные строительные предприятия зачастую оказываются неэффективными: как в случае с упомянутым намибийским Государственным жилищным предприятием, которое с 1990-х гг. накопило задолженность[87] в 300 тыс. жилых единиц[88]. Распространяются различные модели **государственно-частного партнёрства**. Так, например, упомянутый OVID Holding взял на себя обязательства по ревитализации района Аваре в Аддис-Абебе[89] в партнёрстве с правительством страны.

Финансирование через ипотечные механизмы остаётся недоступным для большинства: показатель отношения объёма ипотечных кредитов к ВВП, характеризующий проникновение ипотеки в экономику страны, минимален. Например, он составляет 0,1% в Габоне и 0,16% в Экваториальной Гвинее. Для сравнения, в странах ОЭСР этот показатель равен 25–60%[90].

Дороговизна материалов, бюрократические сложности и низкие темпы строительства делают покупку жилья пока неподъёмной для среднего африканца. Вместе с тем ключевой проблемой может быть и нехватка реалистичных планов развития городов, которые бы опирались на достоверные данные. Наличие таких планов и воли к их воплощению постепенно обеспечит привлечение инвестиций в локализацию производства стройматериалов, а также банковское финансирование в сектор. В целом формализация сектора жилищного строительства может привести к появлению одного из наиболее перспективных и масштабных направлений для частных инвестиций на континенте.

87 В данном контексте под задолженностью понимается объём невыполненных обязательств по строительству жилья для будущих собственников.

88 Centre for Affordable Housing Finance in Africa (2024). 2024 Yearbook: Housing Finance in Africa. Namibia country profile. Johannesburg, South Africa. URL: https://housingfinanceafrica.org/wp-content/uploads/2025/03/NAMIBIA.pdf

89 UN-Habitat. (2026). State of African Cities Report 2026: Harnessing the value of urban land for socioeconomic transformation in African cities. United Nations Human Settlements Programme. URL: https://unhabitat.org/executive-summary-of-the-state-of-african-cities-report-2026-harnessing-the-value-of-urban-land-for

90 Centre for Affordable Housing Finance in Africa (2024). 2024 Yearbook: Housing Finance in Africa. Johannesburg, South Africa. URL: http://housingfinanceafrica.org

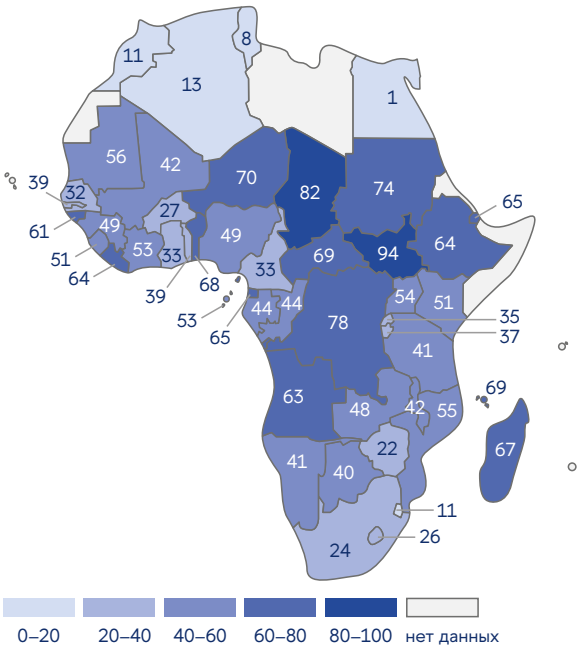
Проблема неформальных поселений

Городские трущобы – доминирующая черта африканской урбанизации: 54% городского населения континента проживает в неформальных поселениях[91]. В Южном Судане доля жителей трущоб достигает 94%, в Чаде – 82%, в Демократической Республике Конго – 78%, в Судане – 74%, в Эфиопии – 64%. В Лагосе двое из трёх жителей (66%) живут вне формального сектора[92].

Ситуация осложняется тем, что большая часть рынка неформального жилья – аренда. В трущобах Уганды 56% жилья занимают арендаторы, а в собственности жильё находится только у 30% жителей[93]. Это в свою очередь означает, что многие из живущих в неформальных районах рискуют остаться без жилья в случае финансовых трудностей. Неформальные районы обладают низким уровнем санитарной безопасности и высокой плотностью населения. Плотность населения в неформальных районах может в 10 раз превышать показатели формальных кварталов[94], достигая экстремальных значений перенаселённости: в Абиджане 50% жителей живут по три и более человека в одной комнате, в Дар-эс-Саламе – 28%[95]. Среди других проблем можно выделить отсутствие стандартов безопасности строительства: только 16% городских домохозяйств в Африке имеют капитальные крыши (то есть крыши из бетона или черепицы), а также высокий уровень преступности[96].

В Южном Судане 90% домов представляют собой «мазанки» с соломенными крышами, где доступ к чистой воде имеют лишь 38%, а к электричеству – 22% горожан[97]. Неэффективное использование земли в центре городов

Городское население, проживающее в неформальных поселениях, %

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных CAHF.

ведёт к серьёзным экономическим потерям. Район **Кибера** (крупнейшая трущоба Найроби) потенциально лишает экономику города 1 млрд долл. (условная стоимость земли)[98]. В 2003 г. Министерством жилищного строительства Кении совместно с UN-Habitat была запущена **программа модернизации трущоб Кении (KENSUP)**, в рамках которой предполагалось расселить жителей Киберы в более современное жильё. Проект столкнулся с проблемой: из-за укоренившихся горизонтальных связей, экономической выгоды и непривычного образа жизни некоторые горожане предпочитали сдавать новое жильё среднему классу, а сами пере-

91 UN-Habitat. (2026). State of African Cities Report 2026: Harnessing the value of urban land for socioeconomic transformation in African cities. United Nations Human Settlements Programme. URL: https://unhabitat.org/executive-summary-of-the-state-of-african-cities-report-2026-harnessing-the-value-of-urban-land-for

92 Centre for Affordable Housing Finance in Africa (2024). 2024 Yearbook: Housing Finance in Africa. Johannesburg, South Africa. URL: http://housingfinanceafrica.org

93 Centre for Affordable Housing Finance in Africa (2024). 2024 Yearbook: Housing Finance in Africa. Johannesburg, South Africa. URL: http://housingfinanceafrica.org

94 United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2024). World Population Prospects 2024: Summary of Results (UN DESA/POP/2024/TR/NO. 9). URL: https://population.un.org/wpp/assets/Files/WPP2024_Summary-of-Results.pdf

95 Lall, Somik Vinay, J. Vernon Henderson, and Anthony J. Venables. 2017. Africa's Cities: Opening Doors to the World. Washington, DC: World Bank Group. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/africa-regional-studies/publication/african-cities-opening-doors-to-the-world

96 Lall, Somik Vinay, J. Vernon Henderson, and Anthony J. Venables. 2017. Africa's Cities: Opening Doors to the World. Washington, DC: World Bank Group. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/africa-regional-studies/publication/african-cities-opening-doors-to-the-world

97 Centre for Affordable Housing Finance in Africa (2024). 2024 Yearbook: Housing Finance in Africa. Johannesburg, South Africa. URL: http://housingfinanceafrica.org

98 Lall, Somik Vinay, J. Vernon Henderson, and Anthony J. Venables. 2017. Africa's Cities: Opening Doors to the World. Washington, DC: World Bank Group. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/africa-regional-studies/publication/african-cities-opening-doors-to-the-world

езжали обратно в Киберу, где могли улучшить условия жизни за счёт денег, полученных от сдачи новых квартир в аренду[99]. В результате программа до сих пор не завершена и проблема неформальных поселений остаётся одной из ключевых для кенийской столицы.

Из-за подобных случаев наблюдается постепенный отказ от стратегии принудительного сноса неформальных поселений в пользу стратегии ревитализации, легализации и интеграции неформальных районов в ткань города. В Эфиопии в 2003–2005 гг. власти выдали сертификаты на 20 млн земельных участков, стоимость регистрации каждого из которых не превышала один доллар[100]. Намибия внедрила закон о гибком землевладении (**Flexible Land Tenure Act**), позволяющий жителям трущоб получать документы для бессрочного проживания, что потенциально поможет 30% населения страны[101]. Сенегал в 2011 г. упростил систему регистрации собственности, разрешив бесплатно конвертировать временные разрешения на проживание в постоянные акты собственности[102].

В Уганде реализуется проект по ревитализации трущоб **Кисенья** в Кампале, где через картирование с помощью спутников и дронов документируются права жителей и пробелы в инфраструктуре для последующей интеграции района в городскую ткань[103]. При этом в целом цифровизация регистрации прав собственности в Африке недоразвита. Единые реестры, облачные сервисы и системы обмена данными распространены меньше, чем личные мобильные устройства, и пока не могут быть основой решения проблем городского развития[104].

Городской транспорт

Развитие доступной и качественной транспортной инфраструктуры – основа устойчивого городского развития, обеспечения связности городов. Во-первых, речь идёт об автомобильном транспорте. Общая протяжённость африканских дорог составляет 1,75 млн км, а плотность дорожной сети оценивается в 24,3 км на единицу площади, что более чем вдвое ниже среднего показателя для других развивающихся регионов (54,2 км)[105]. В Аддис-Абебе, Дар-эс-Саламе, Кигали и Найроби асфальтированные дороги практически исчезают за пределами центральных деловых районов, что затрудняет ежедневные поездки с периферии для большинства домохозяйств[106]. В Лагосе из-за пробок горожане каждый день теряют 14 млн часов, что эквивалентно потере 4,3 млрд долл. ежегодно[107]. Из-за устаревания автопарка, нерегулируемого трафика и низкокачественной транспортной инфраструктуры в африканских городах остра проблема безопасности на дорогах. Здесь Африка вписывается в общемировой тренд: проблемы с безопасностью на дорогах актуальны для всех стран с низким и средним уровнем доходов. Эти страны владеют менее 60% мирового автопарка, но на них приходится 90% всех смертей на дорогах[108]. В частности, в Гвинее наблюдается самый высокий уровень смертности в результате ДТП в Африке – 37 летальных исходов на 100 тыс. чел. (для сравнения, в Того – 22, а в Габоне – 12)[109].

Одно из самых перспективных решений для транспортных проблем – развитие общественного транспорта, например, **систем скоростного автобусного транспорта (BRT)**. Первой полноценной системой BRT в Африке стала запущенная в марте 2008 г. в Лагосе (Нигерия) система «**BRT Lite**»,

99 ONE. Why residents of Kibera slum are rejecting new housing plans. URL: https://www.one.org/stories/why-residents-of-kibera-slum-are-rejecting-new-housing-plans/
100 Ibid.
101 UN-Habitat. (2026). State of African Cities Report 2026: Harnessing the value of urban land for socioeconomic transformation in African cities. United Nations Human Settlements Programme. URL: https://unhabitat.org/executive-summary-of-the-state-of-african-cities-report-2026-harnessing-the-value-of-urban-land-for
102 Ibid.
103 Ibid.
104 Подробнее – см. главу «Инфраструктура связи и цифровизация».
105 Bhorat, Haroon, and Finn Tarp, eds. Africa's Lions: Growth Traps and Opportunities for Six African Economies. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2016.
106 Lall, Somik Vinay, J. Vernon Henderson, and Anthony J. Venables. 2017. Africa's Cities: Opening Doors to the World. Washington, DC: World Bank Group. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/africa-regional-studies/publication/african-cities-opening-doors-to-the-world
107 OECD et al. (2025), Africa's Urbanisation Dynamics 2025: Planning for Urban Expansion, West African Studies, OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd.org/en/publications/africa-s-urbanisation-dynamics-2025_2a47845c-en.html
108 World Bank, Lawrence, Martha, Alfonso Cabrillo Losada, Marissa Moore, Betty Onginjo, Tom Opiyo, Jorge Rebelo, and Bello Sambo. 2023. Developing Urban Rail Corridors in African Cities Washington, DC: World Bank. URL: https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099061324063512468
109 World Health Organization. World Health Statistics 2026. URL: https://www.who.int/data/gho/whs-annex/

которая задействовала 220 автобусов и перевозила более 200 тыс. пассажиров в день, а общее число перевезенных пассажиров с момента запуска превысило 380 млн человек[110]. В 2016 г. в Лагосе была запущена вторая фаза, расширившая систему до полноценного стандарта BRT[111]. В Танзании реализуется проект **Dar es Salaam Rapid Transit (DART)**, в рамках которого функционирует сеть из шести участков общей протяженностью 137 км коридоров с 18 терминалами и 228 станциями[112]. В ЮАР системы BRT работают в крупнейших городах: Rea Vaya в Йоханнесбурге (2009) и MyCiTi в Кейптауне (2011), а также A Re Yeng в Претории (2014) и Yarona в Рюстенбурге (2022)[113]. Амбициозно спроектирована система BRT в Дакаре (Сенегал), целевые показатели для которой – перевозка 300 тыс. пассажиров ежедневно и сокращение среднего времени поездки с 95 до 45 минут[114]. Проект координируется Исполнительным советом городского транспорта Дакара (CETUD) при поддержке Всемирного банка, который выделил на инициативу 50 млн долл. Общий бюджет всей программы составляет 400 млн долл.[115]

Параллельно с BRT в африканских городах развиваются системы **легкового рельсового транспорта (LRT)**. Первой такой системой в Африке стала открытая в 2015 г. сеть в Аддис-Абебе (Эфиопия), построенная за 475 млн долл., из которых 85% составил кредит China Exim Bank. Система длиной в 34,2 км состоит из двух линий и 41 станции, работает с эксплуатационной скоростью 65 км/ч и рассчитана на 15 тыс. пассажиров/час в одном направлении[116]. В Лагосе реализуется программа **Lagos Urban Rail Network (LURN)**, которая предполагает строительство 7 линий LRT общей протяженностью 298 км. Первая, голубая линия длиной 27 км открылась в сентябре 2023 г. и способна перевозить 400 тыс. пассажиров в день. Вторая, красная линия длиной 37 км открылась в 2024 г. и способна обслуживать от 750 тыс. до 1,1 млн человек ежедневно[117].

Однако эффективность систем LRT и BRT ограничена. Например, Rea Vaya в Йоханнесбурге достигла лишь 22% от запланированного пассажиропотока, а коэффициент окупаемости затрат за счёт тарифов (то есть доля расходов транспортной системы, покрываемой за счёт платы за проезд) составляет всего 30% в Йоханнесбурге и 40% в Кейптауне[118]. Инфраструктурные ограничения не позволяют быстро добираться до рабочих мест, и, следовательно, ограничивают выбор работы. Так, к примеру, DART ежедневно перевозит 180 тыс. пассажиров, что составляет всего 7,8% от общей доли общественного транспорта в городе. При этом во время сбоев оставшиеся на линии автобусы переполняются и начинают пропускать станции, усугубляя транспортный кризис[119]. В Дар-эс-Саламе среднестатистический житель за час езды на общественном транспорте может добраться лишь до 12% рабочих мест, а в Аруше – до 34%[120].

Более того, основным видом общественного транспорта во многих городах Африки остаются частные маршрутные такси и микроавтобусы малой вместимости. Например, в Дар-эс-Саламе 5 тыс. т.н. «даладала» отвечают за 61% всех поездок по городу (82%, если исключить передвижение пешком). Большая часть даладала (90%) старше 10 лет, 54% – старше 15 лет.

110 World Bank, Lawrence, Martha, Alfonso Cabrillo Losada, Marissa Moore, Betty Onginjo, Tom Opiyo, Jorge Rebelo, and Bello Sambo. 2023. Developing Urban Rail Corridors in African Cities Washington, DC: World Bank. URL: https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099061324063512468

111 Alison Chetty, Christoffel Venter. 2025. Evolution of bus rapid transit concepts in Sub-Saharan Africa: towards lighter design and incremental deployment.

112 Ibid.

113 Emmanuel Theodore Asimeng, Franco Jauregui-Fung. 2025. Tailoring bus rapid transit to the complex realities of African Cities: Critical issues and public policy planning approaches.

114 Chang, A; de Faria M; Strengthening Urban Climate Policy and Finance in Dakar, Senegal // Princeton School of Public and International Affairs . - January 2025

115 Rapport Final "PREPARATION D'UNE EXPÉRIENCE PILOTE D'UN SYSTÈME DE BUS RAPIDES SUR VOIE RÉSERVÉE À DAKAR (BRT)" № SFG 2891. Ministères des Infrastructures, des Transports Terrestres et du Désenclavement. - Janvier 2017.

116 Sekasi, J.; Martens, M.L. Assessing the Contributions of Urban Light Rail Transit to the Sustainable Development of Addis Ababa. Sustainability 2021, 13, 5667.

117 World Bank, Lawrence, Martha, Alfonso Cabrillo Losada, Marissa Moore, Betty Onginjo, Tom Opiyo, Jorge Rebelo, and Bello Sambo. 2023. Developing Urban Rail Corridors in African Cities Washington, DC: World Bank. URL: https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099061324063512468

118 Alison Chetty, Christoffel Venter. 2025. Evolution of bus rapid transit concepts in Sub-Saharan Africa: towards lighter design and incremental deployment

119 Gebregiorgis, G. A., & Greiving, S. (2026). Dar es Salaam's Bus-Rapid-Transit system in view of systemic criticality. Transportation Research Interdisciplinary Perspectives, 36, 101824. https://doi.org/10.1016/j.trip.2025.101824

120 Танзания: возможности и риски. [Текст] : экспертно-аналитический справочник / А.А. Маслов, А.В. Бондаренко и др.; под общ. ред. А.А. Маслова; Центр изучения Африки, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — Москва, 2024. — 140 с. — 250 экз. — ISBN 978-5-6052729-1-5 (в обл.). — ISBN 978-5-6052729-2-2 (e-book).

Машины часто находятся в плохом техническом состоянии, перегружены и не имеют фактического расписания. Более того, по данным Всемирного банка до 93% всех ДТП в Дар-эс-Саламе происходят именно с участием микроавтобусов. В целом в стране по данным ВОЗ происходит 29,2 смерти в ДТП на 100 тыс. жителей (20-е место в мире), а экономические потери от ДТП доходят до 10% ВВП[121].

В Аккре система BRT, запущенная в 2016 г., столкнулась с нехваткой финансирования, ее работа была приостановлена в 2018 г. и возобновлена в 2019 г. только в пиковые часы[122]. Для беднейших 20% населения стоимость двух ежедневных поездок на общественном транспорте в Лагосе превышает 100% их располагаемого дохода, в Дар-эс-Саламе составляет 53%, а в Абудже – 49%[123]. Неподъёмная цена принуждает жителей к пешим перемещениям: доля пеших перемещений составляет 40% в Лагосе и Мапуту, 46% в Найроби и 70% в Дар-эс-Саламе[124]. При средней скорости пешехода 4 км/ч житель может охватить площадь всего в 50 км^2 за час, что в случае, например, Найроби покрывает лишь 7% территории города[125].

Развитие общественного транспорта в городах Африки в первую очередь упирается в нехватку финансирования. Увеличение платы за проезд на BRT в Лагосе в 2022 г., призванное обеспечить окупаемость системы, привело к падению выручки на 72% из-за того, что проезд стал слишком дорогим для среднего горожанина[126].

Авиационный сектор – важная составляющая городской транспортной инфраструктуры, но сегодня африканский авиасектор сталкивается с фундаментальными проблемами: он располагает лишь 4% мест в системе мировых пассажирских авиаперевозок, стоимость перелётов внутри континента в 2 раза выше, чем в Латинской Америке, и в 4 раза выше, чем на внутренних рейсах в США[127], уровень авиационных происшествий (1 на 471 тыс. вылетов) вдвое превышает среднемировой показатель, а 16 африканских национальных перевозчиков находятся под полным или частичным запретом на полёты в Европу[128]. При этом ситуация быстро развивается: либерализация воздушного пространства в рамках **договора Ямусукро** позволила сократить время полёта между городами (по маршруту Лагос – Касабланка, к примеру, более чем на 75%) и установить правила конкуренции между авиалиниями[129]. Ключевые авиаузлы континента: Аддис-Абеба, Йоханнесбург и Найроби, а Аккра, Абуджа, Дакар, Дар-эс-Салам и Лагос активно развиваются как региональные хабы[130].

С точки зрения городского планирования авиасектор представляет интерес из-за влияния аэропортов на городское развитие. Появляется новая форма города – «аэрополис», то есть город, в котором экономика, территориальное планирование и инфраструктура формируются исходя из потребностей крупного аэропорта. Наличие аэропорта естественным образом увеличивает границы агломерации, поскольку аэропорты, как правило, располагаются на удалении от центра города.

121 Madinda, E. and Mfinanga, D. A. An Analysis of Minibus Transport Operational Problems in Dar es Salaam. Department of Transportation and Geotechnical Engineering, University of Dar es Salaam, Tanzania / African Centre of Excellence for Studies in Public and Non-motorised Transport (ACET). 2013. URL: https://repository.up.ac.za/server/api/core/bitstreams/0cf100d8-0e15-4b21-b69d-904f7edb775b/content

122 Alison Chetty, Christoffel Venter. 2025. Evolution of bus rapid transit concepts in Sub-Saharan Africa: towards lighter design and incremental deployment

123 Lall, Somik Vinay, J. Vernon Henderson, and Anthony J. Venables. 2017. Africa's Cities: Opening Doors to the World. Washington, DC: World Bank Group. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/africa-regional-studies/publication/african-cities-opening-doors-to-the-world

124 World Bank, Lawrence, Martha, Alfonso Cabrillo Losada, Marissa Moore, Betty Onginjo, Tom Opiyo, Jorge Rebelo, and Bello Sambo. 2023. Developing Urban Rail Corridors in African Cities Washington, DC: World Bank. URL: https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099061324063512468

125 Lall, Somik Vinay, J. Vernon Henderson, and Anthony J. Venables. 2017. Africa's Cities: Opening Doors to the World. Washington, DC: World Bank Group. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/africa-regional-studies/publication/african-cities-opening-doors-to-the-world

126 World Bank, Lawrence, Martha, Alfonso Cabrillo Losada, Marissa Moore, Betty Onginjo, Tom Opiyo, Jorge Rebelo, and Bello Sambo. 2023. Developing Urban Rail Corridors in African Cities Washington, DC: World Bank. URL: https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099061324063512468

127 Signé, Landry. "Africa's Tourism Potential: Trends, Drivers, Opportunities, and Strategies." Washington, DC: Brookings Institution, 2018. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2018/12/africas-tourism-potential_landrysigne1.pdf

128 Christie, Iain, Eneida Fernandes, Hannah Messerli, and Louise Twining-Ward. 2014. Tourism in Africa: Harnessing Tourism for Growth and Improved Livelihoods. Africa Development Forum series. Washington, DC: World Bank. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/738471468299123752/pdf/Tourism-in-Africa-harnessing-tourism-for-growth-and-improved-livelihoods.pdf

129 Signé, Landry. "Africa's Tourism Potential: Trends, Drivers, Opportunities, and Strategies." Washington, DC: Brookings Institution, 2018. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2018/12/africas-tourism-potential_landrysigne1.pdf

130 Christie, Iain, Eneida Fernandes, Hannah Messerli, and Louise Twining-Ward. 2014. Tourism in Africa: Harnessing Tourism for Growth and Improved Livelihoods. Africa Development Forum series. Washington, DC: World Bank. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/738471468299123752/pdf/Tourism-in-Africa-harnessing-tourism-for-growth-and-improved-livelihoods.pdf

Связь аэропорта с городом посредством торговых, туристических и экономических (в том числе напрямую не связанных с авиацией) связей может расширять агломерацию до 30 км и сформировать целые районы обслуживающей аэропорт застройки и инфраструктуру[131]. Так, в 2014 г. в зоне аэропорта Йоханнесбурга было зафиксировано 1629 работающих предприятий, в зоне аэропорта Кейптауна – 461[132].

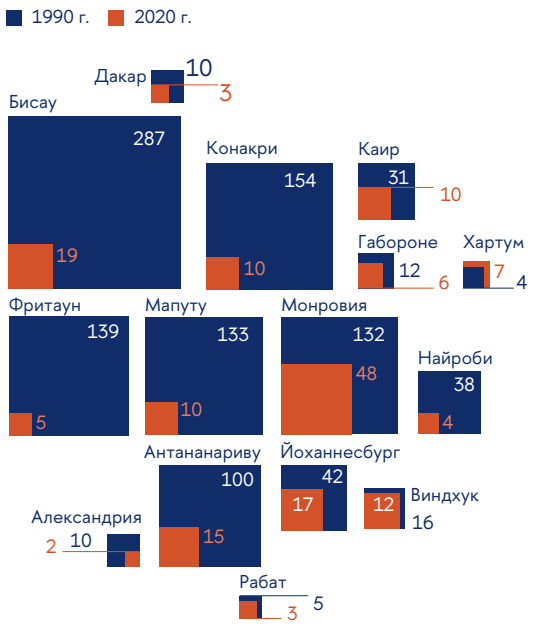
Городская среда

Помимо утилитарного развития транспорта, экономики и решения проблем управления, африканские города должны быть комфортны для горожан. Зелёные зоны, парки, велодорожки, безопасные пешеходные переходы и пр. составляют основу безопасности и комфорта. Сегодня в Африке есть проблема неревитализованной городской среды. По данным UN-Habitat, только 15% городской земли в Африке отведено под пешеходные улицы и общественные пространства. Для сравнения, целевой показатель организации составляет 45–50%. Меньше трети населения африканских городов имеет прямой доступ к открытым общественным пространствам (в пределах 400 метров от места жительства)[133].

Остро стоит и проблема зелёных зон. По оценке ООН 2024 г. площадь зелёных насаждений в африканских городах сокращается быстрее, чем в любом другом регионе мира. Африканские городские планировщики часто воспринимают зелёные зоны как неиспользуемое пространство, а потому их сохранение на этапе планирования – не приоритет. На опыте Кампалы и Аддис-Абебы можно увидеть, что зелёные зоны создаются с нуля по мере необходимости, постфактум, и не служат интегральной частью планировочной стратегии. В результате, по оценке исследования 108 городов континента, проведённого UN-Habitat, среднее количество зелёных пространств на душу населения сократилось с 57 м^2 в 1990 г. до 15 м^2 в 2020 г.[134]

Одна из основных проблем планировки африканских городов – ориентированность на автомобили: пешеходных зон мало, а городские развязки предназначены в основном для автомобилистов[135]. По опросу жителей Мапуту, 25% горожан не чувствуют себя в безопасности у проезжих частей, а 40% ощущают физическую опасность при пешем транзите до автобусной остановки или ж/д станции. Во многих районах сохраняются проблемы отсутствия освещения и инфраструктуры для людей с ограниченными возможностями[136].

Динамика площади зелёных зон, м^2 на человека в 1990 г. и 2020 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных UN-Habitat.

131 Masilonyane Mokhele. 2017. Spatial economic evolution of the airport-centric developments of Cape Town and OR Tambo international airports in South Africa.

132 Ibid.

133 UN-Habitat. (2026). State of African Cities Report 2026: Harnessing the value of urban land for socioeconomic transformation in African cities. United Nations Human Settlements Programme. URL: https://unhabitat.org/executive-summary-of-the-state-of-african-cities-report-2026-harnessing-the-value-of-urban-land-for

134 UN-Habitat. (2026). State of African Cities Report 2026: Harnessing the value of urban land for socioeconomic transformation in African cities. United Nations Human Settlements Programme. URL: https://unhabitat.org/executive-summary-of-the-state-of-african-cities-report-2026-harnessing-the-value-of-urban-land-for

135 World Bank, Lawrence, Martha, Alfonso Cabrillo Losada, Marissa Moore, Betty Onginjo, Tom Opiyo, Jorge Rebelo, and Bello Sambo. 2023. Developing Urban Rail Corridors in African Cities Washington, DC: World Bank. URL: https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099061324063512468

136 World Bank, Lawrence, Martha, Alfonso Cabrillo Losada, Marissa Moore, Betty Onginjo, Tom Opiyo, Jorge Rebelo, and Bello Sambo. 2023. Developing Urban Rail Corridors in African Cities Washington, DC: World Bank. URL: https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099061324063512468

Брендинг и идентичность

Африканские города – маяки африканской идентичности и основа развития африканского «бренда». Во-первых, города концентрируют объекты культурного наследия. По данным Всемирного банка, около 40% всех туристических поездок в Африку включают «культурную составляющую»[137]. При этом по данным ЮНЕСКО, на континенте находится почти половина всех объектов культурного наследия, находящихся под угрозой (43%)[138]. Из этого следует, что африканские ОКН нуждаются в более тщательной оценке и выработке систематической политики их сохранения.

Во-вторых, помимо существующих древних сооружений, города Африки концентрируют современные уникальные объекты архитектуры, а также продвигают континентальный и национальный брендинг в своей градостроительной политике. Так, в Аддис-Абебе был реализован масштабный план по установке уличных фонарей, напоминающих пальмы.

Уникальные объекты архитектуры часто строятся при помощи иностранных инвесторов. Так, например, «Монумент африканского возрождения» в Дакаре и Мемориал Агостиньо Нето в Луанде были построены северокорейской компанией Mansudae Overseas Projects, а нынешняя архитектурная доминанта Аддис-Абебы, штаб-квартира Коммерческого Банка Эфиопии, была построена китайской China State Construction Engineering Corporation.

Сотрудничество международных строительных компаний с Африкой даёт континенту ресурсы для продвижения собственного бренда. Величественные сооружения, небоскрёбы и монументальные памятники способствуют трансформации образа африканских городов и росту их привлекательности в глазах мировой общественности.

Возможности для России в городах Африки

Урбанизация в Африке представляет возможности выхода на африканские рынки для российских компаний. Основное направление, где уже видны значительные успехи, – рынок такси и платформенная экономика. **Yango Group**, изначально дочерняя компания конгломерата «Яндекс», ныне работающая независимо, вышла на рынки такси в Кот-Д'Ивуаре, Сенегале, Гане, Анголе, Камеруне, Замбии и Эфиопии. В мае 2026 г. компания объявила о выделении 150 млн долл. на дальнейшее расширение в ещё 10 африканских стран. Конкурентное преимущество Yango – возможность подключать к своей экосистеме уже существующие таксопарки, что снижает затраты на первоначальный выход на рынок и исключает все издержки работы с индивидуальными водителями. Yango открывает ранее неосвоенные рынки малых экономик, что позволяет диверсифицировать операции и избежать издержек конкуренции с крупными компаниями в Нигерии, Кении, ЮАР и других крупных экономиках[139].

137 Christie, Iain, Eneida Fernandes, Hannah Messerli, and Louise Twining-Ward. 2014. Tourism in Africa: Harnessing Tourism for Growth and Improved Livelihoods. Africa Development Forum series. Washington, DC: World Bank. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/738471468299123752/pdf/Tourism-in-Africa-harnessing-tourism-for-growth-and-improved-livelihoods.pdf

138 Ibid.

139 Ecofin Agency. 2026. "Yango Plans $150 Million Expansion Into New African Markets". URL: https://www.ecofinagency.com/news/2005-55752-yango-plans-150-million-expansion-into-new-african-markets

ИНФРАСТРУКТУРА СВЯЗИ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ

Головко Н.М., Сухова Д.М.

Инфраструктура связи и цифровизация[1]

С начала 2000-х гг. информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) стали заметным фактором социально-экономического развития стран Африки. В отличие от Европы, Северной Америки и части Восточной Азии, где цифровизация опиралась на уже существовавшую фиксированную телефонную и широкополосную инфраструктуру, цифровизация значительной части Африки происходила преимущественно за счет развития мобильной связи. Распространение сотовых сетей, дешевых телефонов, а затем и смартфонов задало специфическую траекторию цифровизации континента, при которой многие услуги стали развиваться на базе мобильных сетей при ограниченной физической инфраструктуре, слабом распространении фиксированного широкополосного доступа и ограниченной плотности внутренних оптоволоконных магистралей.

Теперь в крупных африканских городах повседневную жизнь трудно представить без мобильных платежей, онлайн-сервисов, навигации, мессенджеров, платформенной занятости и электронных государственных услуг.[2] Цифровизация все глубже проникает в государственное управление, финансы, образование, занятость и повседневные практики населения. Поэтому рассмотрение любых политических, экономических и общественных процессов в Африке подразумевает учет особенностей их цифровизации. Тем не менее цифровизация любого аспекта жизни предполагает опору на физическую инфраструктуру, которая зачастую бывает общей или смежной и для госуправления, и для платформенной экономики, и для мобильных платежей между обычными гражданами.

Сети связи, кабели и спутниковые системы, центры обработки данных и другие элементы инфраструктуры, без которых невозможно устойчивое цифровое развитие, необходимы для всех направлений цифровизации, однако представления о приоритетах их развития существенно разнятся.

По мере расширения доступа к связи большее значение стали приобретать вопросы, связанные с контролем над инфраструктурой и данными.

Наряду с сохраняющимися проблемами доступа к интернету, стоимости трафика, доступности устройств и качества внутренних сетей появились новые вызовы, связанные с маршрутизацией и хранением данных, зависимостью от иностранных кабельных и спутниковых операторов, использованием африканских рынков как площадок для тестирования систем искусственного интеллекта, а также растущей нагрузкой центров обработки данных, ИИ-инфраструктуры и криптомайнинга на энергосистемы. Вопросы контроля над данными, цифровой инфраструктурой и технологической зависимостью от внешних поставщиков становятся все более важной частью цифровой политики африканских государств.

Международная телекоммуникационная связность континента за последние годы существенно выросла. К 2026 г. Африка связана с глобальной сетью десятками подводных кабельных систем, а совокупная протяженность наземных оптоволоконных линий превысила 1,3 млн км. Международная пропускная способность африканских сетей в 2020–2024 гг. увеличивалась в среднем на 41% в год. Отдельные страны уже располагают каналами связи, измеряемыми терабитами в секунду.

1 Исследование выполнено в рамках Программы трансфера компетенций в сфере цифровизация госуправления стран Африки, координацию которой осуществляет Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

2 E-Governance in Africa 2026: Digitalisation Across Sectors. Maslov A., Golovko N. et al.; Higher School of Economics Center for African Studies. - Moscow, 2026. - 196 p.

В Кении международная пропускная способность в конце 2025 г. превышала 24 Тбит/с, в Марокко в 2024 г. – 5,4 Тбит/с, в Алжире – 4,3 Тбит/с, в Танзании в 2025 г. – 2,9 Тбит/с.

Расширение международных линий пока не привело к сопоставимому развитию внутренних сетей. Лишь 30% жителей Африки проживали в пределах 10 км от узла оптоволоконной сети на 2023 г.[3] Особые трудности испытывают внутренние районы и государства без выхода к морю. Стоимость и надежность связи в них в значительной степени зависят от состояния трансграничных маршрутов и условий доступа к инфраструктуре соседних государств.

Доступ к интернету, устройствам и покрытие сотовой связью

Уровень использования интернета в Африке остается существенно ниже общемировых показателей.

В 2025 г. интернетом пользовались около 36% населения континента, что, несмотря на рост по сравнению с 25% в 2019 г., свидетельствует о сохранении значительного цифрового разрыва как с другими регионами, так и внутри континента.

Для сравнения: в Европе, Великобритании, Северной и Латинской Америке средний уровень интернет-проникновения достигает 88–93%, в Азии – около 77%, на Ближнем Востоке – около 70%.

По состоянию на 2024 г. примерно 77% африканцев проживали в зоне покрытия сетей 3G и 44% – сетей LTE[4]. При этом наличие сигнала не означает использование мобильного интернета. Расширение телекоммуникационной инфраструктуры привело к сокращению доли жителей, не охваченных сетью, с 41 до 9% за период с 2015 по 2024 г. Доля населения, живущая в зоне покрытия сетей, но ими не пользующаяся, напротив, возросла с 40 до 64%[5].

Разрыв между владением телефоном и полноценным доступом к интернету виден по структуре устройств. По данным Afrobarometer по 39 странам за 2021–2023 гг., персональным компьютером владели около 18% респондентов, а 67% не имели компьютера даже на уровне домохозяйства[6]. Поэтому для большинства пользователей телефон остается главным устройством доступа: в телефонном исследовании Afrobarometer 2024 г. в семи странах 85% респондентов назвали мобильный телефон основным средством выхода в сеть[7]. Компьютеры используются преимущественно в государственных учреждениях, компаниях и университетах, а среди населения – в обеспеченных городских домохозяйствах и профессиональной среде.

Мобильными телефонами владеет в среднем 66% населения Африки южнее Сахары, при этом значительная часть устройств – кнопочные телефоны, используемые для звонков и отправки СМС. Помимо смартфонов, на континенте распространены фичерфоны (feature phones) – кнопочные мобильные устройства с возможностью ограниченного выхода в интернет, проведения операций с использованием мобильных денег и USSD-банкинга. В 2025 г. они составляли 45% от всех мобильных телефонов[8].

3 ITU. Measuring digital development. State of digital development and trends in the Africa region: Challenges and opportunities. April 2025. URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/ind/D-IND-SDDT_AFR-2025-PDF-E.pdf

4 ITU and UNESCO. 2025. The State of Broadband in Africa 2025. URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-s/opb/pol/S-POL-BROADBAND.32-2025-PDF-E.pdf

5 GSMA. Accelerating Smartphone Adoption in Africa. URL: https://www.gsmaintelligence.com/research/accelerating-smartphone-adoption-in-africa

6 Afrobarometer. Africa's digital divide is closing, but participation in the digital(ised) economy remains highly uneven. URL: https://www.afrobarometer.org/wp-content/uploads/2025/08/PP95-Digital-divide-in-Africa-closing-but-participation-in-digitalised-economy-still-uneven-Afrobarometer-23aug25.pdf

7 Afrobarometer. Africans are increasingly online, but awareness and practice of digital safety remain low, Afrobarometer telephone survey across seven African countries shows. URL: https://www.afrobarometer.org/articles/africans-are-increasingly-online-but-awareness-and-practice-of-digital-safety-remain-low-afrobarometer-telephone-survey-across-seven-african-countries-shows/

8 Omdia. Mackenzie A. Feature phones create a network API opportunity in Africa and Asia & Oceania. URL: https://omdia.tech.informa.com/om138327/feature-phones-create-a-network-api-opportunity-in-africa-and-asia--oceania

В 2017 г. гонконгская KaiOS Technologies разработала операционную систему, позволяющую использовать интернет на кнопочных телефонах низкого ценового сегмента. Устройства, использующие данную ОС, имеют физическую клавиатуру и небольшой экран, но могут поддерживать 3G и 4G, Wi-Fi и встроенный браузер. С 2019 г. компания начала сотрудничать с крупными операторами (Vodacom, Orange, MTN и др.) для разработки и вывода кнопочных телефонов с расширенными функциями на африканские рынки. В Танзании совместно с Vodafone компания запустила Smart Kitochi Phone[9], для рынков, где присутствует MTN, был разработан MTN Smart, модель Sanza была запущена совместно с Orange. Телефоны отпускаются по стоимости 20 долл.

В региональном разрезе уровень доступа населения к интернету неоднороден. Наиболее высокие средние показатели подключения к интернету – в Северной Африке, где без учета Судана (данные недоступны) среднее значение составляет 80%, а также в южной части Африки – 63%. В то же время в Восточной Африке средний показатель составляет 31%, в Центральной и Западной Африке – по 41%[10,11]. Среди островных государств уровень подключения составлял 88% на Сейшельских островах, 73% на Маврикии, 75% в Кабо-Верде и 34% на Коморских островах.

Мобильный доступ — основная форма подключения к интернету в Африке: в 2025 г. на 100 жителей континента приходилось 56 подписок на услуги мобильного широкополосного доступа и 92 подписки на услуги мобильной сотовой связи.

При этом 5G-покрытие охватывает лишь около 12% населения региона. Африканцы в основном пользуются сетями 4G, зона покрытия которых охватывает около 63% населения, в то время как сети 3G охватывают 14%[12].

В странах Африки также распространена практика использования нескольких сим-карт одновременно. Переключение между операторами обусловлено различиями в качестве связи в зависимости от местности, а также ценовыми факторами[13]. Статистика количества мобильных подключений также подтверждает широкое распространение использования более чем одной сим-карты. В начале 2025 г. в ЮАР насчитывалось 124 млн мобильных подключений – 193% от численности населения[14], а в Марокко – 54,9 млн[15] (143%).

Правительства африканских государств внедряют дополнительные меры верификации и вводят требования по регистрации сим-карт на государственный идентификационный номер. В связи с этим статистика мобильных операторов претерпевает существенные изменения. Например, в 2020 г. правительство Нигерии установило требования по привязке сим-карт к государственному идентификационному номеру, и в 2024 г. Нигерийская комиссия по связи отключила мобильные номера пользователей, которые не прошли идентификацию. В результате число активных абонентов в Нигерии резко сократилось с 225 млн в 2023 г. до 165 млн в 2024 г.[16]

9 KaiOS. Vodacom launches Smart Kitochi, Tanzania's first smart feature phone powered by KaiOS. URL: https://www.kaiostech.com/vodacom-launches-smart-kitochi-tanzanias-first-smart-feature-phone-powered-by-kaios/

10 Деление на регионы в соответствии с классификацией ООН.

11 ITU DataHub. Individuals using the Internet. URL: https://datahub.itu.int/data/?e=701&c=&i=11624

12 ITU. Facts and Figures 2025. Subscriptions. URL: https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/2025/10/15/ff25-subscriptions/

13 GSMA Intelligence. Variable network quality a key driver of multi-SIM ownership. URL:https://www.gsmaintelligence.com/research/variable-network-quality-a-key-driver-of-multi-sim-ownership

14 DataReportal. Digital 2025: South Africa. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-south-africa

15 DataReportal. Digital 2025: Morocco. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-morocco

16 Punch Nigeria Limited. NIN–SIM policy erased 59.7m phone lines — NCC. URL: https://punchng.com/nin-sim-policy-erased-59-7m-phone-lines-ncc/

Объем интернет-трафика в Африке демонстрирует стабильный рост. В 2022 г. объем фиксированного широкополосного трафика составлял 13 эксабайт (ЭБ)[17], мобильного широкополосного трафика – 17,5 ЭБ. В 2025 г. эти показатели достигли 27,3 и 43 ЭБ. Таким образом, мобильный широкополосный трафик растет быстрее и превышает фиксированный, что подтверждает доминирующую роль мобильного интернета в Африке. Несмотря на рост совокупного трафика, интенсивность использования интернета остается сравнительно низкой. В 2025 г. средний месячный объем трафика на одну подписку составлял 156 ГБ для фиксированного широкополосного доступа и 5 ГБ для мобильного широкополосного доступа. Средний показатель мобильного интернет-трафика в Африке – 5,2 ГБ на одну подписку в месяц, что составляет лишь около одной трети от среднемирового уровня в 15,3 ГБ [18].

В возрастной структуре пользователей преобладает молодежь: 50% пользователей приходится на группу 15–24 лет, тогда как на более старшие возрастные категории – около 32%.[19,20]

Проблема доступа к устройствам остается самостоятельным ограничением.

В 2023 г. смартфоны составляли около 51% подключений к мобильным сетям в странах Африки южнее Сахары; к 2030 г. их доля может вырасти до 81%.

Однако цена устройства часто остается барьером. В странах Африки южнее Сахары стоимость базового смартфона может составлять около 45% месячного дохода, тогда как в Латинской Америке – около 10%, а в Европе, Восточной Азии и странах MENA – 23–24%. В конце 2010-х гг. стоимость входного интернет-устройства превышала 120% месячного дохода беднейших 20% населения. Поэтому наличие покрытия 3G или 4G не гарантирует регулярное использование мобильного интернета.

Международные организации и технологические компании считают т.н. «цифровой разрыв» (digital divide) основным препятствием, которое необходимо преодолеть Африке на пути к цифровизации. Достижение максимального охвата пользователей, в том числе в сельской местности, в максимально короткие сроки отвечает задачам крупнейших производителей оборудования и программного обеспечения, и они используют различные каналы (например, международные организации) для того, чтобы лоббировать эту повестку в африканских государствах. Например, продвигают специальные налоговые льготы для импортеров мобильных устройств, смартфонов, оборудования и проч. В какой мере максимальное проникновение мобильного интернета должно быть приоритетом для самих африканцев – вопрос открытый.

Снижение стоимости смартфонов рассматривается как отдельное направление борьбы с цифровым разрывом. В 2024 г. GSMA запустила Handset Affordability Coalition, в которой участвуют международные организации, финансовые институты, операторы связи и производители устройств, включая Всемирный банк, МСУ и WEF Edison Alliance. Цель инициативы – снизить стоимость интернет-устройств в странах с низким и средним уровнем дохода, где цена смартфона остается одним из главных барьеров для подключения к мобильному интернету. В Кении Safaricom при участии Google в июле 2020 г. запустила программу Lipa Mdogo Mdogo (суах. «плати понемногу»), позволявшую покупать

17 1 эксабайт (ЭБ) равен 8×10^{12} мегабайтам.
18 ITU. Facts and Figures 2025. Internet traffic. URL: https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/2025/10/15/ff25-internet-traffic/
19 ITU. Facts and Figures 2025. The gender digital divide. URL: https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/2025/10/15/ff25-the-gender-digital-divide/
20 ITU. Facts and Figures 2025. Youth Internet use. URL: https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/2025/10/15/ff25-youth-internet-use/

смартфоны Android Go с первоначальным взносом 1 тыс. кенийских шиллингов (ок. 9,3 долл.) и ежедневными платежами по 20 шиллингов (ок. 0,2 долл.). MTN, в свою очередь, продвигает дешевые 4G- и 5G-смартфоны для перевода пользователей из сетей 2G и 3G: в ЮАР компания предложила 1,2 млн клиентов с предоплатной системой расчетов приобрести 4G-смартфоны от 99 рандов (ок. 5,4 долл.), а также выпустила доступный 5G-смартфон MTN Icon 5G.

Для мобильных операторов дешевый смартфон означает рост потребления данных, ускорение перехода с 2G и 3G на 4G и 5G, а также повышение окупаемости вложений в спектр, базовые станции и магистральные сети. Для цифровых платформ рост числа пользователей смартфонов расширяет рынки приложений, рекламы, платежей, геоданных и данных о пользовательском поведении. Для производителей устройств это способ расширить продажи на рынках, где проникновение смартфонов еще не достигло уровня насыщения. Поэтому инициативы по снижению стоимости смартфонов одновременно решают социальную задачу подключения и создают новые рынки для телекоммуникационных, платформенных и финтех-компаний.

Однако расширение доступа к устройствам само по себе не решает проблему цифрового разрыва. Дешевый смартфон создает возможность подключения, но его долгосрочная ценность зависит от того, существует ли вокруг него необходимая цифровая экосистема: система цифровой идентификации, доступные мобильные платежи, государственные услуги, реестры населения, земли и бизнеса, каналы межведомственного обмена и локальная инфраструктура хранения данных. Опыт Южной Кореи, одного из мировых лидеров в цифровизации, показывает значение заранее сформированной государственной цифровой инфраструктуры. Цифровизация в Корее началась с административных баз и сетей: в 1987–1991 гг. в рамках National Basic Information System Project были оцифрованы и связаны шесть ключевых направлений государственного учета: регистрация населения, учет недвижимости, регистрация транспортных средств, занятость, таможенное оформление и экономическая статистика. В 2005–2007 гг. были созданы государственные интегрированные дата-центры в Тэджоне и Кванджу, объединившие более 1400 систем электронного правительства, ранее размещенных в 44 различных ведомствах. Параллельно развивалась фиксированная широкополосная инфраструктура для подключения домохозяйств, бизнеса и государственных учреждений к высокоскоростному интернету.

В Африке последовательность пока во многом обратная: мобильные устройства, приложения и платформы распространяются быстрее, чем единые реестры, государственные облака, системы межведомственного обмена данными и фиксированный доступ. Удешевление смартфонов и расширение доступа к устройствам увеличивает аудиторию мобильного интернета и рынок цифровых платформ, но само по себе не обеспечивает устойчивого доступа граждан к системе государственных услуг и тем более не обеспечивает их защищенность.

В 2025 г. в Африку было поставлено 84 млн смартфонов, которые составили около 55% всех поставок мобильных телефонов. Лидер рынка – китайская компания Transsion, поставившая 40 млн устройств и занявшая 48% рынка, хотя ее доля снизилась с 51% годом ранее. Samsung (Республика Корея) обеспечил 15 млн поставок и занял 18% рынка, около 11 млн устройств поставила Xiaomi (Китай), доля рынка которой – 13%. Наиболее высокий темп роста продемонстрировала HONOR (Китай), поставки компании увеличились с 1,4 млн в 2024 г. до 3,5 млн устройств в 2025 г., а доля рынка возросла с 2 до 4%. На поставки китайской OPPO также приходится около 3,4 млн устройств[21]. Рынок остается зависимым от импорта из Китая и других азиатских стран, поскольку локальная производственная база развита слабо. При этом устройство с заводской ценой около 50 долл. в Китае обычно продается на африканских рынках за 90–110 долл., то есть на 80–120% дороже[22].

21 Omdia Informa TechTarget. Omdia: African smartphone market jumps 14% in 4Q25, as entry-tier pressures signal 2026 reset. URL: https://omdia.tech.informa.com/pr/2026/feb/african-smartphone-market-jumps-14percent-in-4a25-as-entry-tier-pressures-signal-2026-reset

22 GSMA. Accelerating Smartphone Adoption in Africa. URL: https://www.gsma.com/about-us/regions/africa/wp-content/uploads/2025/11/GSMA-SmartPhone_Adoption_Report_sm.pdf

Высокая конечная стоимость смартфонов формируется за счет расходов на логистику, таможенное оформление, налоги, сертификацию и дистрибьюцию. НДС, налог на товары и услуги, импортные пошлины составляют до 25–30% от итоговой цены, прибыль дистрибьюторов – около 5–10%, маржа ритейлеров – 10–20%[23]. Среди мер, которые принимают африканские правительства для повышения доступности устройств, – налоговые льготы для дешевых смартфонов (в Кении в рамках единого внешнего таможенного тарифа ВАС действует нулевая импортная пошлина на смартфоны, собранные на локальных мощностях, с 2022 г. применяется режим нулевой ставки НДС)[24], а также локализация производства.

Наиболее заметным центром локализации становится Египет: к концу 2025 г. там работали 15 международных брендов с совокупным объемом производства около 10 млн телефонов. В стране развернуто производство корейского Samsung, китайских Xiaomi, OPPO, Vivo и Infinix (бренд Transsion), а также финской Nokia[25]. Масштабное производство мобильных устройств развернуто и в Кении, где в 2023 г. начала работу East Africa Device Assembly Kenya Limited – совместное предприятие Safaricom, кенийского оператора Jamii Telecom и китайского производителя Shenzhen TeleOne Technology[26]. Благодаря запуску локального производства правительство снизило затраты на импорт деталей для сборки устройств, что позволило снизить среднюю стоимость смартфонов на 30%[27]. За 2025–2026 гг. компания произвела около 700 тыс. устройств[28].

Рынки операторов связи

Африканский рынок мобильной связи характеризуется присутствием нескольких крупных международных групп и государственных или региональных операторов. Как правило, лицензия международного оператора оформляется на местную операционную компанию, но контроль принадлежит иностранной или региональной группе.

В 48 из 54 стран Африки среди основных операторов присутствует по крайней мере одна компания, контролируемая внешней международной группой.

К числу стран, где государство сохраняет, в большей или меньшей степени, операционный контроль за рынком мобильной связи относятся Джибути, Эфиопия, Эритрея, Ливия, Намибия, Сомали и Зимбабве.

Наиболее влиятельные группы компаний, контролирующие основную часть операторов в африканских государствах – **MTN** (ЮАР, менее 20% у госкорпорации, остальные инвесторы частные: фонды из США и др.), **Vodacom** (южноафриканская компания, на 65% принадлежит британскому Vodafone), **Airtel Africa** (принадлежит индийской Bharti Airtel), Orange (Франция), **Maroc Telecom** (53% принадлежат государственной телекоммуникационной компании ОАЭ e&), **AXIAN** (работает под брендом Yas, Маврикий) и **Africell** (Великобритания). Их присутствие различается в зависимости от региона: франкофонные страны Западной и Центральной Африки в большей степени связаны с Orange и Maroc Telecom, в Восточной и Южной частях Африки доминируют Vodacom, Safaricom, Airtel Africa и MTN. В странах Северной Африки существенную роль в капитале операторов занимают ближневосточные операторы – включая Ooredoo (Катар), e& (ОАЭ)

23 Ibid.

24 Тем не менее в 2026 г. обсуждается возможность изменения этого режима. TechCabal. Kenya's new tax proposals threaten M-KOPA, Sun King phone assembly plants. URL: https://techcabal.com/2026/06/09/kenya-new-tax-proposals-m-kopa-sun-king-phone/

25 We Are Tech Africa. Egypt's Al-Sisi Pushes Local Telecom Equipment Manufacturing. URL: https://www.wearetech.africa/en/fils-uk/news/telecom/egypt-s-al-sisi-pushes-local-telecom-equipment-manufacturing

26 Safaricom. Kenya Sets Up First Smartphone Assembling Plant in East Africa. URL: https://www.safaricom.co.ke/media-center-landing/press-releases/kenya-sets-up-first-smartphone-assembling-plant-in-east-africa

27 The Kenyan Wall Street. Kenya's Devices Assembly Plant Sells 360k Devices in First Year. URL: https://kenyanwallstreet.com/kenyas-devices-assembly-plant-sells-360k-devices-in-first-year

28 Business Daily. Safaricom-backed firm assembles 700,000 devices in a year. URL: https://www.businessdailyafrica.com/bd/corporate/companies/safaricom-backed-firm-assembles-700-000-devices-in-a-year-5504228

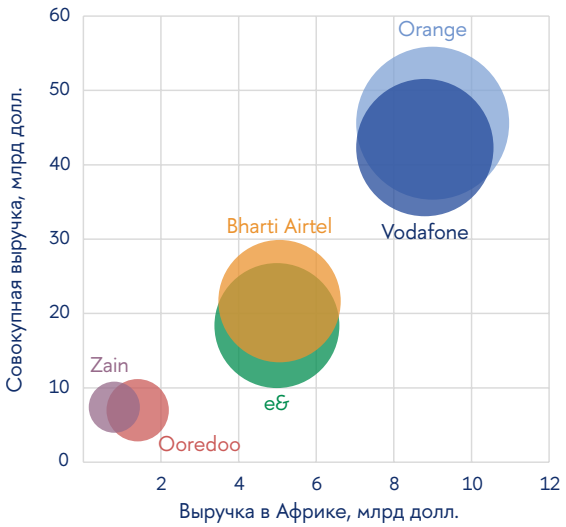
и Zain (Кувейт). Таким образом, на африканских рынках мобильной связи пересекаются зоны влияния ряда крупных международных групп.

В 2025 финансовом году африканский сегмент Vodafone Group обеспечил около 8,8 млрд выручки, что соответствует примерно 21% совокупной выручки компании, и 2,9 млрд прибыли до процентов, налогов и амортизации после учета арендных обязательств (EBITDAaL). Финансовые сервисы – наиболее быстрорастущий сегмент: в ЮАР выручка составила около 199 млн долл. (рост на 12% в год), в Египте – около 128 млн (19% в год). Дополнительный вклад обеспечивает кенийская Safaricom PLC, выручка которой составила около 3,2 млрд долл. в 2025 г., Vodafone получила от Safaricom около 153 млн долл. дивидендов[29].

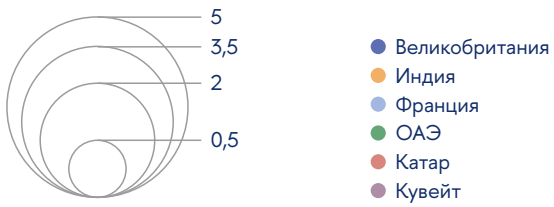
Airtel Africa принесла Bharti Airtel 5 млрд долл. при общей выручке группы около 21 млрд долл., прибыль бизнеса до уплаты налога на прибыль, процентов по кредитам и амортизации (EBITDA) – около 2,3 млрд долл.[30] Рынки стран Африки и Ближнего Востока (не дифференцируются в финансовых показателях) принесли Orange около 9 млрд долл. выручки из 46 млрд долл. совокупной выручки группы, и около 4 млрд долл. из 14 млрд долл. EBITDAaL[31]. В структуре e& африканские активы сосредоточены в Maroc Telecom Group и e& Egypt: вместе они обеспечили около 5 млрд долл. выручки и около 2 млрд долл. EBITDA, в то время как совокупные показатели группы составили около 20 млрд долл. выручки и 9 млрд долл. EBITDA[32].

Алжир и Тунис составили около 1,4 млрд долл. выручки Ooredoo и 0,6 млрд долл. EBITDA, что соответствует примерно 20% выручки и 21% EBITDA всей группы[33]. Африканское направление Zain представлено Суданом и Южным Суданом, на которые пришлось около 800 млн долл. из 7,4 млрд долл. совокупной выручки группы, при этом большая часть прибыли обеспечена за счет Судана: 661 млн долл. и 373 млн долл. EBITDA[34].

Выручка международных операторов связи на рынках стран Африки, 2025 г.

EBITDA/EBITDAaL по Африке, млрд долл.

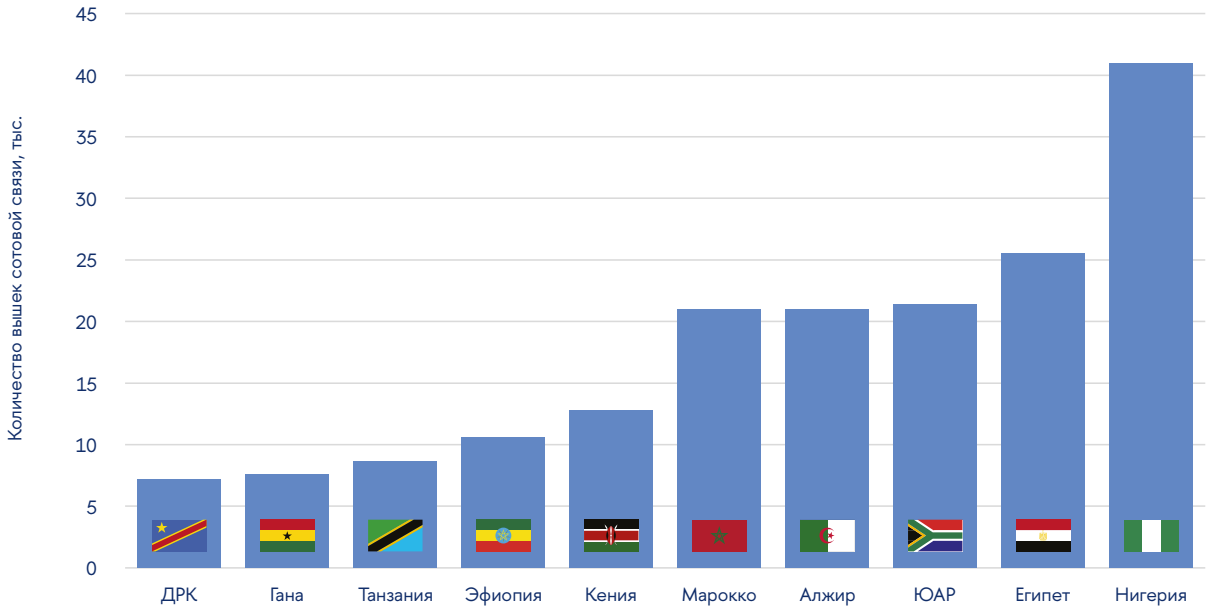
Источник: Центр изучения Африки на основе финансовых отчетов компаний.

Базовые станции мобильной связи

Башни сотовой связи относятся к пассивной телекоммуникационной инфраструктуре, размещающей оборудование мобильных операторов связи. В большинстве стран Африки телекоммуникационная инфраструктура используется совместно несколькими операторами. Независимые компании, обеспечивающие эксплуатацию телекоммуникационных вышек без требования к получению лицензии оператора, действуют во всех странах континента, кроме

29 Vodafone Group Plc. Annual Report 2025. URL: https://reports.investors.vodafone.com/view/897876789/i/
30 Bharti Airtel Limited. Integrated Report and Annual Financial Statements 2024-25. URL: https://www.airtel.in/airtel-annual-report-2024-25/pdf/30_Airtel_IAR_2024-25_Financial%20Statements.pdf
31 Orange. Our financial indicators. URL: https://investisseurs-individuels.orange.com/en/financial_indicators
32 Emirates Telecommunications Group Company PJSC. Earnings Release – Fourth Quarter 2025. 24 February 2026. URL: https://apigateway.adx.ae/adx/cdn/1.0/content/download/4705301
33 Ooredoo. Annual Report 2025. URL: https://www.ooredoo.com/2025-annual-report/
34 Zain. Zain Operations. URL: https://zain.com/AR2025/zain-operations/

Страны-лидеры по количеству вышек сотовой связи, 2025 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных TowerXchange.

Египта, Эфиопии, Марокко и Мозамбика, где существуют дополнительные требования по регистрации[35].

Совокупный объем услуг базовых станций мобильной связи и сопутствующей инфраструктуры в Африке составил 3,5 млрд долл. в 2024 г.[36]

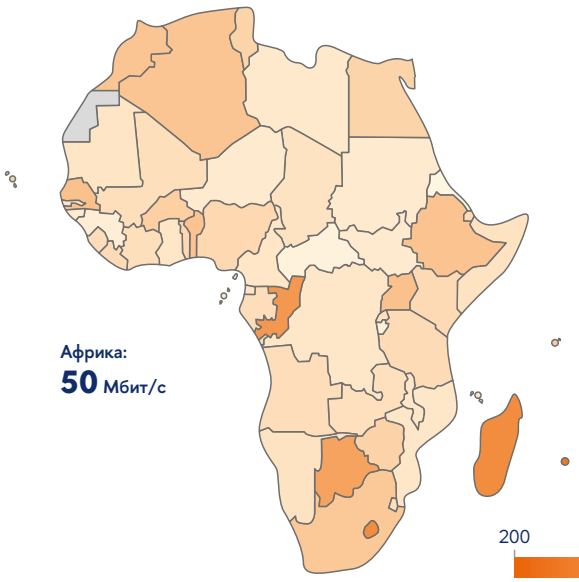
Данный показатель охватывает стоимость строительства и обслуживания инфраструктуры, аренды и совместного использования площадок операторами.

Для Африки характерны три основные модели владения и управления телекоммуникационной инфраструктурой. Первая модель представлена независимыми компаниями, владеющими инфраструктурой и предоставляющими ее мобильным операторам на условиях совместного размещения оборудования и долгосрочной аренды. К этой группе относятся Helios Towers, IHS Towers и American Tower Corporation, предоставляющие одну и ту же башенную площадку нескольким операторам связи для снижения их капитальных затрат. В то же время ряд операторов владеет частью сетевых площадок самостоятельно, финансирует их строительство, модернизацию и эксплуатацию. Например, Ethio Telecom владеет телекоммуникационной инфраструктурой в Эфиопии, а маврикийский оператор AXIAN (Yas) с 2011 г. развивает инфраструктурное направление как отдельное и использует вышки как для собственных целей, так и предоставляет их в аренду другим операторам через компанию TowerCo of Africa, которая владеет телекоммуникационной инфраструктурой на Мадагаскаре, в Танзании, Уганде и ДРК.

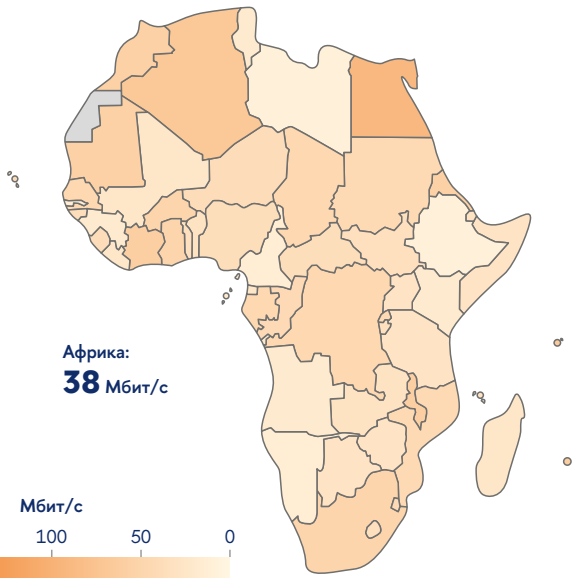
35 Telecom Advisory Services. The Independent Tower Industry as a Key Enabler of the Development of African Telecommunications. URL: https://s24.q4cdn.com/543663333/files/doc_downloads/2024/04/09/2024-africa-white-paper.pdf

36 Ken Research. Africa Telecom Towers and Allied Market. URL: https://www.kenresearch.com/africa-telecom-towers-and-allied-market

Средняя скорость мобильного интернета в странах Африки, 2025 г.

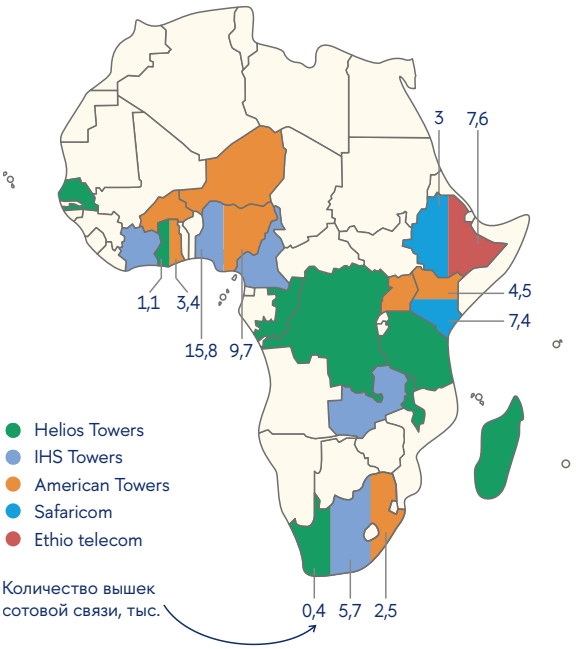

Средняя скорость широкополосного интернета в странах Африки, 2025 г.

Источник: Центр изучения Африки на основе данных Всемирного банка и Speedtest.

Основные операторы телекоммуникационной инфраструктуры в странах Африки, 2025 г.

Источник: Центр изучения Африки на основе данных отчетов компаний и TowerXchange.

Антенны, радиорелейные тарелки и иное используемое оборудование принадлежат клиентам-операторам и обслуживаются ими самостоятельно. Вместимость оборудования на башнях зависит от их типа и высоты, а также размеров и назначения антенн. Например, большинство башен IHS Towers может обслуживать не менее трех операторов.

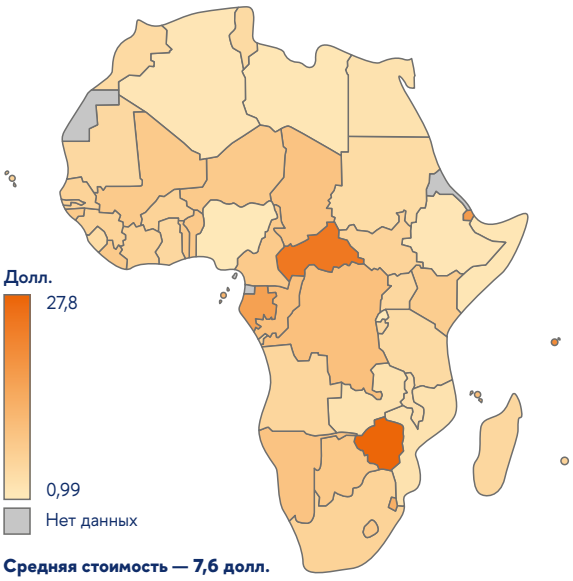
Стоимость услуг связи

Стоимость пакета мобильного интернета объемом 5 ГБ в Африке существенно выше, чем в других регионах мира: в 2024 г. такой пакет стоил в среднем 7% валового национального дохода (ВНД) на душу населения в Африке против 1,5% в мире.

В 2025 г. этот показатель снизился до 5%, в среднем составляя 7,6 долл. Стоимость пакета фиксированного интернета объемом 5 ГБ в 2026 г. составляет 14% ВНД на душу населения, или 22,7 долл.[37] Это ежемесячная стоимость самого недорогого тарифа, по которому пользователи получают не менее 5 ГБ в месяц при скорости интернета не менее 256 Кбит/с. Учитываются тарифы интернет-провайдеров или операторов с крупнейшей долей рынка, использующих технологии FTTH (fiber-to-the-home), DSL (Digital Subscriber Line), кабельный доступ или фиксированный беспроводной доступ.

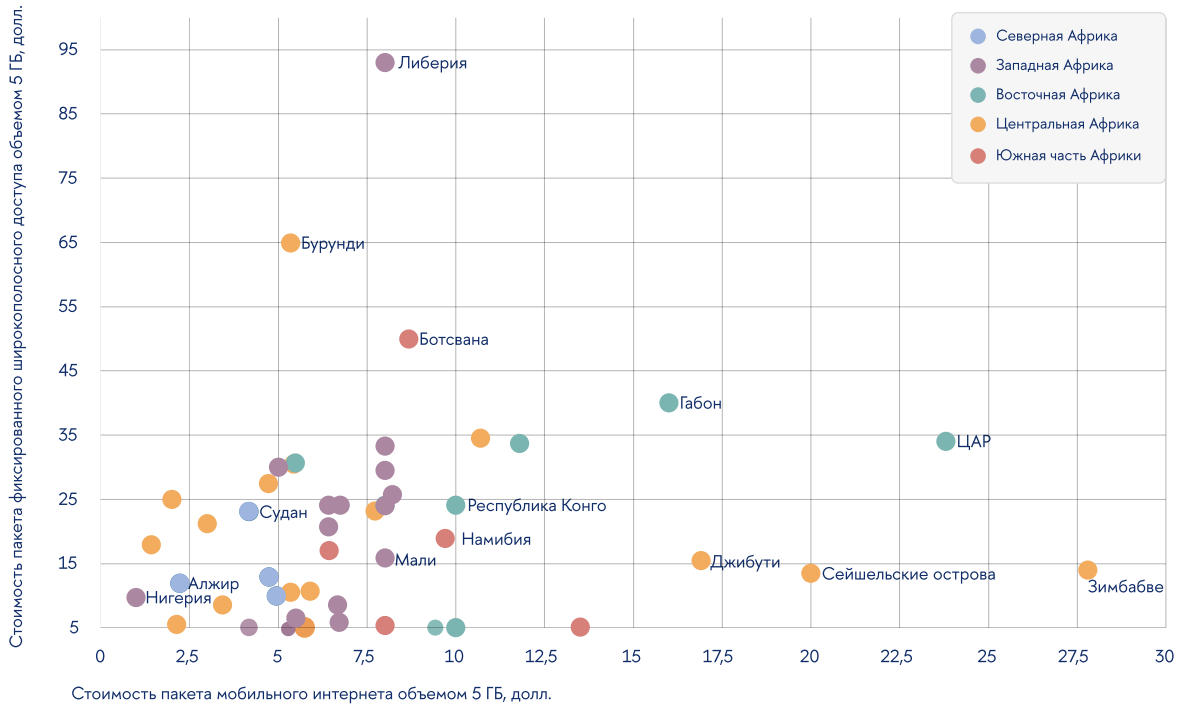
Наименьшая средняя стоимость фиксированного широкополосного интернета объемом 5 ГБ в странах Северной Африки – около 11 долл. в 2025 г. Это связано с относительно низкими тарифами в Египте, Ливии и Марокко, где стоимость пакета составляет соответственно 4,7, 4 и 9,9 долл. При этом в Судане стоимость в 23 долл. заметно превышает уровень большинства стран региона.

Стоимость мобильного интернет-пакета 5 ГБ без голосовой связи, 2025 г.

Источник: Центр изучения Африки на основе данных МСЭ.

Стоимость интернет-пакетов в странах Африки, 2025 г.

Примечание: Ежемесячная стоимость тарифов.
Источник: Центр изучения Африки на основе данных МСЭ.

37 ITU. Facts and Figures 2025. Affordability of ICT services. URL: https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/2025/10/15/ff25-affordability-of-ict-services/

В Восточной Африке средняя стоимость составляет около 20,4 долл. Самые низкие тарифы в регионе зафиксированы в Замбии (3,54 долл.) и Эфиопии (5,52 долл.), тогда как наиболее высокие – в Бурунди (64,9 долл.), на Коморских Островах (34,5 долл.) и Уганде (30,5 долл.)[38].

Мобильный интернет в Африке значительно дешевле. Наиболее низкая стоимость в регионе и на всем континенте – в Нигерии, где 5 ГБ интернета в среднем стоят 1 долл. При этом цены на пакеты интернета в Зимбабве (27,8 долл.), на Сейшельских Островах (20 долл.) и в Джибути (16,9 долл.) одни из самых высоких на континенте[39].

Кабельная инфраструктура

Подводные кабели остаются основой международного обмена данными (до 90%). Через них проходит подавляющая часть интернет-трафика между Африкой, Европой, Азией, Америкой и Ближним Востоком.

По состоянию на июнь 2026 г. крупнейший кабельный узел континента – Египет, к которому подключены 15 действующих подводных кабельных систем.

Следующую группу составляют ЮАР и Джибути – по 11 действующих кабельных систем. В Западной и Восточной Африке наиболее крупными узлами выступают Нигерия и Кения, к каждой из которых подходит по восемь действующих подводных кабельных систем.

Владение подводной кабельной инфраструктурой обычно организовано через консорциумы телекоммуникационных операторов, инфраструктурных компаний и крупных технологических корпораций. В более ранних проектах заметную роль играли государственные операторы, правительства и институты развития; в 2010–2020-х гг. усилилось участие крупнейших поставщиков облачных услуг и цифровых платформ, прежде всего Google и Meta[40]. Google, к примеру, построила частный кабель Equiano между Португалией и ЮАР, Meta инициировала проект кабеля 2Africa.

Участие крупнейших технологических компаний увеличивает объем международной пропускной способности и может снижать стоимость транзита, но одновременно усложняет структуру контроля над инфраструктурой. В классической консорциумной модели пропускная способность кабеля распределялась между участниками консорциума пропорционально их инвестиционному участию, после чего операторы коммерциализировали ее через контракт на неоспоримое право пользования (IRU) или продажу каналов другим операторам, интернет-провайдерам и корпоративным клиентам. В проектах с участием крупнейших облачных и платформенных компаний кабельная пропускная способность все чаще проектируется с учетом их собственных потребностей в передаче данных между дата-центрами, обслуживании облачных сервисов и распространении контента. Для африканских стран это дает более быстрый доступ к крупным каналам связи, но усиливает зависимость от компаний, контролирующих облачные платформы, сети доставки контента (CDN), точки присутствия и последующую обработку данных.

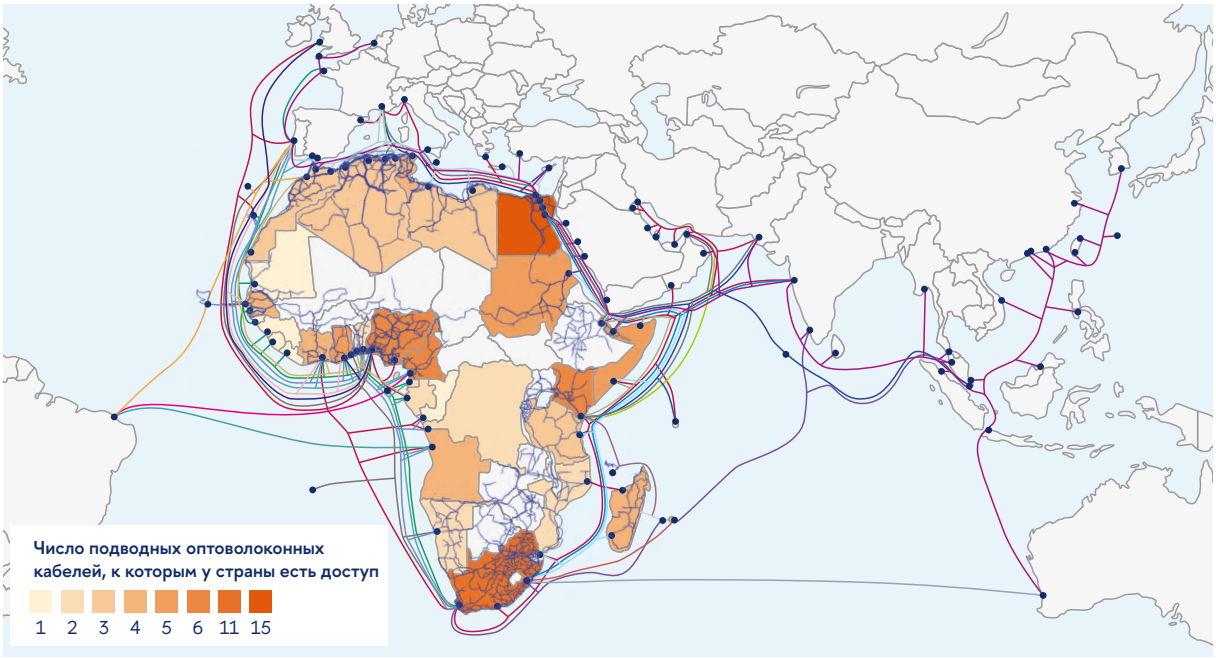
Контроль над кабельной инфраструктурой, как правило, распределен между несколькими уровнями: собственниками волоконных пар и оператором подводной системы, локальным партнером по приземлению кабеля, владельцем станции приземления, операторами наземных магистральных сетей, а также владельцами ЦОД и точек обмена трафиком. В отдельных странах эти функции сосредоточены у одной компании или у группы связанных операторов. Зачастую точкой приземления руководит частный оператор: например, в Сенегале точкой приземления кабеля 2Africa управляет Sonatel, принадлежащий французской группе Orange.

38 ITU DataHub. Fixed-broadband Internet 5GB. URL: https://datahub.itu.int/data/?i=33331&e=1

39 ITU DataHub. Data-only mobile broadband basket 5 GB. URL: https://datahub.itu.int/data/?i=36056&e=1&u=USD

40 Компания Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией, и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

Оптоволоконные кабели Африки

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных изучения Международного союза электросвязи.

Покупателями международной кабельной емкости выступают в том числе мобильные операторы, однако они приобретают ее на оптовом рынке – в виде IP-транзита, выделенных каналов, отдельных длин волн или долгосрочных прав пользования. Например, стоимость IP-транзита для крупного канала в Найроби в 2020 г. оценивалась примерно в 4,54 долл. за Мбит/с в месяц. Канал пропускной способностью 10 Гбит/с обходился бы примерно в 45,4 тыс. долл. в месяц и при средней загрузке на 30% мог передавать около 972 ТБ данных. В пересчете на 5 ГБ международная передача данных составляла бы лишь небольшую часть розничного тарифа, поскольку стоимость канала распределялась между большим числом абонентов. При этом операторы обычно платят за предоставленную пропускную способность, а не за каждый переданный гигабайт.

Наличие станции приземления само по себе не гарантирует дешевый доступ к международной пропускной способности. Стоимость соединения может оставаться высокой из-за платы за доступ к станции, ограниченной конкуренции на участке от побережья до столицы или крупного города, контроля над магистральным маршрутом и отсутствия нейтральных по отношению к операторам ЦОД.

Такая проблема особенно заметна в странах, где международный кабель фактически входит в закрытую инфраструктуру одного оператора, а альтернативные маршруты развиты слабо.

Следующее звено инфраструктурной цепочки – внешние транзитные узлы, через которые африканский трафик выходит на глобальные рынки. Для большинства стран Африки главным внешним направлением остается Европа, где сосредоточены крупные станции приземления и точки присутствия облачных провайдеров.

Наиболее значимый европейский узел – Марсель, куда выходят 13 подводных кабельных систем, связанных с Африкой.

Для Восточной Африки и маршрутов между Европой и Азией сопоставимое значение имеют Ближний Восток и Индийский океан, поскольку существенная часть кабелей идет через Суэц, Оман, Саудовскую Аравию, Индию и Юго-Восточную Азию.

Новые кабельные проекты все чаще подключаются непосредственно к коммерческим ЦОД.

Это несколько отличается от классической модели, при которой подводный кабель сначала подключался к отдельной прибрежной станции приземления, а затем через сухопутный волоконно-оптический канал связывался с городскими ЦОД и точкой обмена интернет-трафиком. В Нигерии система Equiano имеет точку приземления в дата-центре OADC Lagos, принадлежащем группе WIOCC[41]. В Намибии Google выбрала частного намибийского оператора Paratus и государственную компанию Telecom Namibia в качестве партнеров по станции приземления в Свакопмунде.

Одним из крупнейших проектов последних лет стал кабель 2Africa протяженностью около 45 тыс. км. Строительство было инициировано компанией Meta в 2020 г., завершено к концу 2025 г. Кабель соединяет 46 точек в 33 странах Африки, Европы, Ближнего Востока и Южной Азии. Проектная пропускная способность достигает 180 Тбит/с. В консорциум входят Meta, Bayobab, center3, China Mobile International, Orange, Telecom Egypt, Vodafone и WIOCC. Проходит по Атлантическому и Индийскому океанам, Красному и Средиземному морям, образуя кольцо вокруг Африки и соединяя ее с Европой и Ближним Востоком. Система охватывает западное, южное и восточное побережья Африки и должна расширить число точек международного подключения для прибрежных государств. Модель 2Africa предполагает открытый доступ к станциям приземления, при этом оператор точки подключения может быть отключен от системы при нарушении требований к доступу.

География подводных кабелей также постепенно расширяется. В 2024 г. Google объявила о проекте Umoja (суах. «единство») – первом прямом оптоволоконном маршруте между Африкой и Австралией. Система должна соединить Австралию с ЮАР по подводному кабелю, а далее с Кенией через наземный участок, проходящий по территории Уганды, Руанды, ДР Конго, Замбии, Зимбабве и ЮАР. Наземный сегмент реализуется совместно с Liquid Intelligent Technologies и должен дать внутренним странам Восточной, Центральной и Южной части Африки дополнительные точки доступа к международной емкости. Ориентировочный ввод в эксплуатацию – 2027 г. Длина кабеля составит порядка 13 тыс. км, пропускная способность не раскрывалась.

41 West Indian Ocean Cable Company – оператор магистральной цифровой инфраструктуры, созданный в 2008 г. как консорциум африканских телекоммуникационных компаний для участия в кабельной системе Eastern Africa Submarine Cable System. Среди его акционеров – Dalkom Somalia, Djibouti Telecom, LPTIC Libya, TDM/TMCEL Mozambique, Telkom Kenya, Uganda Telecom и Zantel Tanzania; позднее в капитал группы вошли нигерийская инвестиционная компания African Capital Alliance (2021 г.) и IFC Всемирного банка (2022 г.).

С одной стороны, подобная модель может сокращать скорость и стоимость передачи данных между подводным кабелем, точкой обмена трафиком и облачной инфраструктурой, но одновременно при этом возрастает влияние владельцев ЦОД и оптоволоконных сетей.

Сухопутная оптоволоконная инфраструктура

Сухопутная оптоволоконная инфраструктура Африки постепенно расширяется, однако ее развитие территориально неравномерно: основные магистрали концентрируются в прибрежных странах и трансграничных коридорах, тогда как часть внутренних и менее населенных территорий остается хуже связанной, а мобильная связь остается доминирующей.

По состоянию на 2024 г. протяженность действующих сухопутных оптоволоконных линий на континенте составляла 1 337 158 км[42].

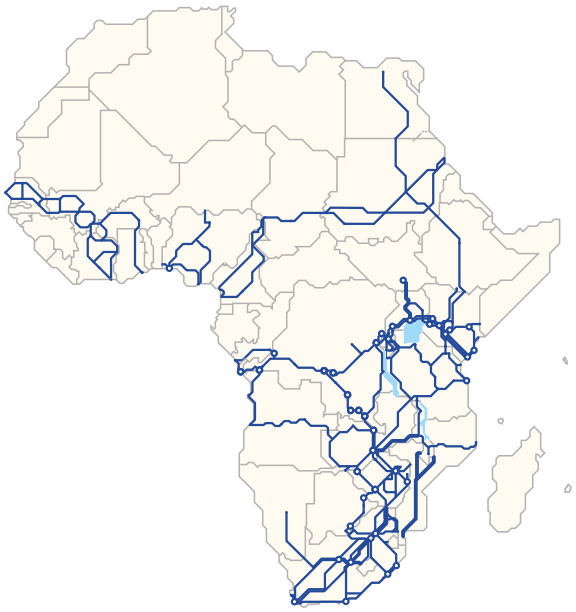
Структура владения этой инфраструктурой смешанная. Крупные сети контролируются как панафриканскими частными операторами, так и государственными телекоммуникационными компаниями. При этом заявленный километраж сети не всегда означает полное физическое владение каждым участком: операторы могут владеть линиями напрямую, арендовать пропускную способность, иметь долгосрочные права пользования или получать доступ к маршрутам через партнерские соглашения.

К числу крупнейших частных игроков относятся Liquid Technologies[43] с сетью более 110 тыс. км в 20 странах Африки; Bayobab – инфраструктурная компания южноафриканской группы MTN, располагающая более чем 127 тыс. км оптики; WIOCC – с 75 тыс. км; а также Airtel Africa, управлявшая на конец 2025 г. более чем 81,5 тыс. км линий.

Наиболее протяженные магистральные сети расположены в Алжире и ЮАР – около 265 и 200 тыс. км соответственно.

В Нигерии на 2026 г. насчитывается около 35 тыс. км магистральной оптики, однако в рамках федерального проекта Project BRIDGE (финансирование – АфБР и ВБ) планирует построить еще 90 тыс. км и увеличить общую протяженность сети как минимум до 125 тыс. км. Развертывание проекта было запланировано на IV квартал 2025 г., а завершение – в течение трех–пяти лет, то есть ориентировочно к 2028–2030 гг.

Трансграничная оптоволоконная сеть Liquid Intelligence Technologies, 2025 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Liquid Intelligence Technologies.

42 African Telecommunications Union. Africa Broadband Outlook 2024. URL: https://atuuat.africa/wp-content/uploads/2024/11/Africa-Broadband-Outlook-2024-v1-00-DRAFT-FINAL-08.11.2024.pdf

43 Liquid Intelligent Technologies – зарегистрированный в Зимбабве оператор цифровой инфраструктуры, принадлежит британской компании Cassava Technologies (владелец – Страйв Массива, британский бизнесмен зимбабвийского происхождения).

После реализации проекта Нигерия, согласно оценкам нигерийского правительства и Африканского банка развития, должна стать третьей по протяженности сухопутной магистральной сети в Африке.

Отсутствие выхода к морю остается одним из ключевых инфраструктурных ограничений для внутренних государств. Эфиопия зависит от маршрутов через Джибути, Кению и Сомали. Руанда и Уганда получают большую часть международной емкости через Кению и Танзанию. Замбия использует выходы через Танзанию, Анголу, ЮАР. Любое повреждение трансграничного участка, изменение тарифа или политическое осложнение на маршруте влияет на стоимость связи и устойчивость государственных и коммерческих цифровых сервисов.

В марте 2024 г. повреждения MainOne, WACS, ACE и SAT-3/WASC у западного побережья Африки вызвали перебои в 13 странах. Красное море остается еще одним уязвимым участком. Повреждения кабелей и риски судоходства у побережья Йемена в 2024–2025 гг. задерживали реализацию ряда проектов, включая отдельные участки 2Africa.

Значительная часть новых сухопутных проектов направлена на создание альтернативных коридоров для стран без выхода к морю и внутренних районов континента.

В 2025 г. Нигер завершил строительство 1031 км государственной и трансграничной оптоволоконной сети в рамках транссахарского проекта. Крупный проект East2West, реализуемый Bayobab и Africa50 (стоимость – ок. 320 млн долл.), предусматривает строительство около 16,5 тыс. км сухопутной оптики между восточным и западным побережьями Африки в Кении, Южном Судане, ЦАР, Республике Конго, Танзании, Руанде, Уганде, ДР Конго, Мозамбике, Малави, Замбии и Анголе. Система сухопутных маршрутов должна связать внутренние части Центральной, Восточной и Южной Африки с подводными кабелями на обоих побережьях. В феврале 2026 г. Paratus ввела в эксплуатацию маршрут Гома – Момбаса протяженностью около 2 тыс. км. Линия проходит от Гомы в восточной части ДР Конго, через Кигали, Кампалу и Найроби, к Момбасе и имеет прямые соединения с крупными дата-центрами в этих городах, что дает восточной части ДР Конго выход к кенийским подводным кабелям и снижает зависимость от отдельных перегруженных или менее устойчивых направлений.

Спутниковая связь и низкоорбитальные системы

До распространения низкоорбитальных систем спутниковая связь в Африке занимала преимущественно нишу резервной и специализированной инфраструктуры. Ее роль в массовом интернет-трафике оставалась ограниченной: основная международная пропускная способность передается по подводным и сухопутным оптоволоконным сетям, тогда как спутниковые каналы используются там, где наземная связь была недоступна, ненадежна или требовала резервирования.

По состоянию на 2024 г. совокупная доля трафика, проходящего через спутниковые каналы, остается ниже 5%.

Геостационарные спутники сохраняют значение прежде всего в вещании, корпоративной связи и подключении удаленных объектов. Среди ключевых вещательных орбитальных позиций для Африки можно выделить 7/8° з.д., 36° в.д., 16° в.д., 7° в.д. и 68,5° в.д. Орбитальная позиция обозначает долготу над экватором, в районе которой спутник на геостационарной орбите остается неподвижным относительно поверхности Земли. В спутниковом вещании вокруг таких позиций формируются т. н. вещательные кластеры – устойчивые группы спутников, телеканалов, операторов платного ТВ и домохозяйств, чьи антенны

ориентированы на одну и ту же точку неба. Для Северной Африки важнейший кластер – Eutelsat–Nilesat 7/8° з.д., охватывающий около 95% спутниковых домохозяйств региона. Для Африки южнее Сахары наиболее значимая позиция – 36° в.д., где работают EUTELSAT 36C и EUTELSAT 36D, ключевые центры платного телевидения для Африки южнее Сахары: по состоянию на 2026 г. позиция 36° в.д. обслуживала прежде всего рынки платного телевидения Южной, Западной и Восточной Африки – более 7 млн домохозяйств и свыше 500 телеканалов; позиция 16° в.д. была ориентирована на Западную и Центральную Африку, в частности франкоязычные рынки региона, – более 5 млн домохозяйств и около 260 телеканалов; позиция 7° в.д. использовалась главным образом для Восточной Африки – около 3,5 млн домохозяйств и около 250 телеканалов[44].

Распространение низкоорбитальных систем изменило структуру рынка в первой половине 2020-х гг. В отличие от геостационарных спутников, находящихся на высоте около 35,8 тыс. км и обеспечивающих широкое покрытие при высокой задержке сигнала, низкоорбитальные аппараты работают на значительно меньшей высоте (ок. 1,2 тыс. км) и дают меньшую задержку. Основными сегментами стали розничный фиксированный интернет, спутниковые каналы для базовых станций, подключение добывающих предприятий, государственных и социальных объектов, а также прямое соединение мобильных телефонов со спутником.

Starlink – крупнейшая розничная низкоорбитальная система на континенте. По состоянию на март 2026 г. SpaceX насчитывала примерно 9,6 тыс. низкоорбитальных спутников и обслуживала около 10,3 млн абонентов в 164 странах, территориях и рынках.

На июль 2026 г. Starlink был доступен в 28 африканских странах.

В Нигерии во втором квартале 2025 г. насчитывалось 66,5 тыс. подключений Starlink, что соответствовало 21% абонентов в небольшом сегменте лицензированных провайдеров фиксированного интернет-доступа. В Руанде в июне 2025 г. было 4489 абонентов Starlink, или 5% фиксированных подключений страны. Объем трафика компании во втором квартале 2025 г. составил около 3,6 млн ГБ, или 3% фиксированного трафика. В Зимбабве к концу 2025 г. трафик Starlink достиг 168 млн ГБ, что соответствовало 35% всего фиксированного интернет-трафика страны.

Eutelsat OneWeb развивается преимущественно как оптовая и корпоративная низкоорбитальная система. После объединения Eutelsat и OneWeb компания стала многоорбитальным оператором, совмещающим геостационарные спутники для вещания и широкозонного покрытия с низкоорбитальной группировкой OneWeb. Низкоорбитальная часть сети включает более 600 спутников на высоте около 1200 км и рассчитана на передачу данных с меньшей задержкой для операторов связи, предприятий, государственных заказчиков, морского и авиационного транспорта. В Африке ее работа опирается на шлюзовые станции в Гане, Сенегале, Анголе, ЮАР и Маврикии; станцию в Танзании планировалось ввести к концу 2026 г. Точки присутствия действуют в Гане, Нигерии, Анголе, ЮАР и Кении.

Другой крупнейший игрок мирового рынка низкоорбитальных спутниковых систем, Amazon Leo / Project Kuiper к 2026 г. еще не имел заметного коммерческого присутствия в Африке, но начал регуляторную и инфраструктурную подготовку к выходу на рынок. В январе 2026 г. компания получила семилетнее разрешение на предоставление спутниковых услуг в Нигерии. В Кении ее местная структура в апреле 2026 г. подала заявку на лицензию оператора сетевой инфраструктуры, а в июне – на лицензию международного шлюзового оператора для создания первой шлюзовой станции.

44 Eutelsat. Eutelsat: Africa's strategic satellite operator. URL: https://www.eutelsat.com/system/files/2026-06/DOC_Brochure_Eutelsat_Africa-Strategic-Satellite-Operator_V1_EN.pdf

В низкоорбитальном сегменте доминируют преимущественно западные компании. Китайские игроки рынка низкоорбитальных систем Guowang и Qianfan (SpaceSail) по состоянию на 2026 г. не имеют коммерческого присутствия в Африке. SpaceSail предпринимала первые шаги по выходу на рынок, в частности зарегистрировала в 2025 г. товарные знаки в ЮАР, тогда как Guowang остается ориентированной преимущественно на внутренние государственные задачи Китая.

Низкоорбитальные системы при этом создают ряд дополнительных рисков, связанных с транзитом данных. Низкоорбитальная связь создает дополнительный маршрут передачи данных в обход слабой наземной инфраструктуры. Пользовательский терминал передает сигнал на спутник, после чего трафик поступает на шлюзовую станцию либо передается между спутниками до точки выхода. Далее он направляется в магистральную сеть, точку обмена трафиком, ЦОД или облачную платформу. Если шлюзовая станция, точка присутствия, точка обмена трафиком, облачная платформа и центр обработки данных находятся за пределами страны, контроль регулятора над маршрутизацией и обработкой данных ограничивается только частью этой цепочки.

Для Африки подобный тип трансграничной передачи данных не уникален: значительная часть трафика уже проходит через международные кабели, зарубежные транзитные сети, европейские и американские облачные платформы. Специфика низкоорбитальных систем состоит в скорости развертывания и меньшей зависимости от внутренней оптики. Такие каналы используются для удаленных школ, медицинских учреждений, месторождений, базовых станций мобильных операторов, объектов НКО, логистических компаний и государственных пунктов обслуживания. В этих сегментах данные о населении, платежах, местоположении, сельском хозяйстве, здравоохранении и работе инфраструктуры могут передаваться через сеть иностранного спутникового оператора и далее обрабатываться в зарубежных облачных системах.

Энергетическое измерение также существенно. Терминалы Starlink в зависимости от модели потребляют от 25–40 до 110–150 Вт. Наиболее распространенные стандартные терминалы используют около 75–100 Вт, что при непрерывной работе дает 657–876 кВт·ч в год на одно устройство. Совокупное число публично зарегистрированных подключений в Нигерии, Кении и Зимбабве к концу 2025 г. превышало 155 тыс. Если предположить круглосуточную работу стандартных терминалов, их нагрузка составила бы 11,7–15,6 МВт, или 102–137 ГВт·ч в год. Этот расчет приблизителен и не учитывает фактическое время работы, роутеры, аккумуляторы, солнечные системы, шлюзы и охлаждение. Такая нагрузка пока остается несущественной, однако по мере роста числа терминалов она может увеличиваться и становиться заметной прежде всего на локальном уровне. В перспективе спутниковая сеть Starlink может использоваться как инфраструктура передачи данных для удаленных дата-центров, размещенных рядом с источниками дешевой энергии. Это позволит экспортировать вычислительные мощности без строительства магистральных ЛЭП и наземной оптики, направляя энергетические ресурсы региона на обслуживание внешних цифровых платформ и ИИ-систем и консервируя энергодефицит на континенте.

Регуляторы постепенно вырабатывают подходы к низкоорбитальным операторам. Нигерия, Кения, Руанда, Гана, Зимбабве, Уганда и другие страны разрешили работу Starlink, однако в ряде государств запуск сопровождался ограничениями и спорами. В ДР Конго Starlink первоначально не имел разрешения на работу, а использование его терминалов было запрещено из-за опасений, что спутниковой связью могут пользоваться вооруженные группы, в т.ч. M23; в 2025 г. запрет был снят, Starlink получил лицензию. В Намибии власти пресекали использование Starlink как нелицензированного сервиса: регулятор предупреждал пользователей, конфисковывал незаконные терминалы, а в марте 2026 г. отклонил заявку Starlink из-за несоответствия требованиям по местному участию. В ЮАР запуск также не состоялся: препятствием оставались

правила о 30-процентном участии «исторически ущемленных групп» населения в капитале телеком-лицензиатов, а попытка предложить вместо этого требования особые условия, позволяющие иностранным компаниям засчитывать инвестиции в цифровую инфраструктуру вместо прямой продажи доли, не удалась: регулятор ICASA заявил, что не может признать такую альтернативу без изменения законодательства.

Космические программы и технологии

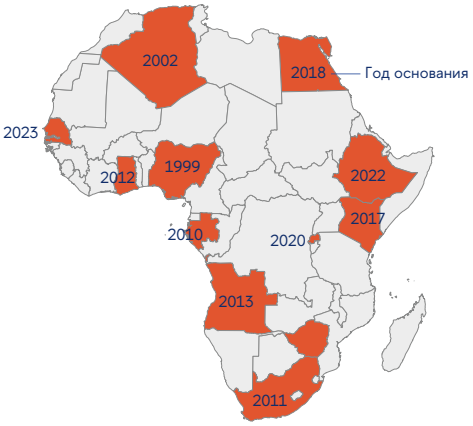
Космические программы африканских государств развиваются прежде всего вокруг дистанционного зондирования Земли, спутниковой связи, метеорологии, навигации и мониторинга ресурсов. В большинстве стран этот сектор остается государственным с высокой зависимостью от иностранных производителей и пусковых операторов.

Первые космические площадки создавались в Африке Францией на территории колониального Алжира. В постколониальной истории континента одной из ключевых площадок стала платформа Сан-Марко, часть космического центра Луиджи Брольо возле г. Малинди на побережье Кении. Проект реализовывался Италией при участии NASA. Центр был создан в 1964 г.[45], а в 1967 г. с платформы был запущен итальянский спутник San Marco-2. Всего с 1967 по 1988 гг. оттуда были выведены на орбиту девять спутников: четыре итальянских, четыре американских и один британский. Последний орбитальный запуск состоялся 25 марта 1988 г. В октябре 2024 г. Италия объявила о планах вновь использовать центр для запуска низкоорбитальных микроспутников дистанционного зондирования и подготовки кенийских и итальянских специалистов.

Первым спутником, принадлежащим африканскому государству, стал египетский Nilesat 101, запущенный в 1998 г.

Крупные государственные институты появились в конце 1990-х – 2010-х гг.: нигерийское агентство NASRDA было создано в 1999 г., Алжирское космическое агентство – в 2002 г., Южноафриканское SANSA начало работу в 2010 г., Кенийское космическое агентство – в 2017 г., Египетское космическое агентство – в 2018 г., Руандийское космическое агентство – в 2020 г. На континентальном уровне Африканский союз в 2016 г. принял Африканскую космическую политику и стратегию, а в 2018 г. – статут Африканского космического агентства (AfSA). Функции руководящего органа для агентства выполняет Африканский космический совет. Первые члены совета были избраны и назначены Исполнительным советом Африканского союза в феврале 2024 г.; совет отвечает за координацию деятельности AfSA, выработку континентальной политики, распределение ресурсов, взаимодействие с государственными агентствами и международными

Наличие специализированного космического агентства в странах Африки, 2026 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых источников.

45 При этом первым африканским полигоном, с которого был выполнен орбитальный запуск, ранее стал Хаммагир в Алжире, откуда Франция в 1965 г. вывела на орбиту спутник Astérix.

партнерами. Агентство фактически начало работу в апреле 2025 г., когда состоялась его официальная инаугурация в Каире.

Оценочный объем африканской космической экономики по состоянию на 2024 г. – 25 млрд долл., к 2030 г. сектор может вырасти до 39 млрд долл. при среднегодовом темпе роста около 8%[46].

Эта оценка включает производство спутников и их компонентов, навигационные сервисы, спутниковое телевидение, связь, дистанционное зондирование Земли, геопространственные данные, наземное оборудование, обработку данных и прикладные сервисы. Крупнейший сегмент – навигация и геолокационные сервисы, связанные с использованием GPS и других глобальных навигационных систем в смартфонах, логистике, картографировании и сельском хозяйстве; их объем оценивался примерно в 17 млрд долл. Второе крупное направление – спутниковое телевидение – около 5,6 млрд долл. Значительно меньший, но быстро растущий сегмент – дистанционное зондирование Земли: в 2024 г. его объем оценивался в 210 млн долл., к 2030 г. рост сектора прогнозируется до 333 млн долл.

Собственное производство спутников и компонентов занимает гораздо меньшую нишу, а производственная база остается узкой. Более 60% африканских компаний, работающих с компонентами спутников, расположены в ЮАР, прежде всего в западнокапском кластере вокруг Кейптауна и Стелленбоша. В этот сегмент входят производители оптических полезных нагрузок, радиочастотных компонентов и малых спутников. При этом южноафриканская космическая промышленность в значительной степени ориентирована на экспорт: около 95% выручки отрасли формируется за счет зарубежных рынков, а менее 1% выручки африканских производителей спутниковых компонентов приходится на клиентов с самого континента.

Государственные расходы, как правило, концентрируются в нескольких крупных проектах. В ЮАР значительная часть космического бюджета связана с Square Kilometre Array (SKA) – международным проектом радиотелескопа, разворачиваемого в ЮАР и Австралии; южноафриканская часть строится в Кару. В 2026 г. на SKA в ЮАР было предусмотрено около 79% государственных космических расходов.

В Анголе основная часть бюджета была связана с аппаратом дистанционного зондирования ANGEO-1: о контракте с Airbus Defence and Space было объявлено в марте 2023 г., в январе 2025 г. Ангола подписала с французским банком Société Générale при государственной гарантии Франции соглашение на 261 млн долл., а в марте 2026 г. проект перешел к стадии реализации на площадке Airbus в Тулузе на юго-западе Франции; на ANGEO-1 приходилось около 97% космических расходов страны. Марокко, в свою очередь, делает ставку на спутники наблюдения высокого разрешения: после запуска Mohammed VI-A и Mohammed VI-B в 2017–2018 гг., построенных Airbus Defence and Space и Thales Alenia Space, страна в 2024 г. подписала соглашение примерно на 1 млрд долл. с Israel Aerospace Industries о приобретении двух аппаратов Ofek 13, при этом ежегодные расходы по программе в бюджетных оценках 2025–2026 гг. составляли около 202 млн долл.

По состоянию на 2026 г. 18 африканских стран запустили в общей сложности 68 спутников, лидер по числу аппаратов – Египет с 15 спутниками, второе место занимала ЮАР с 13; далее следовали Нигерия, Алжир и Марокко.

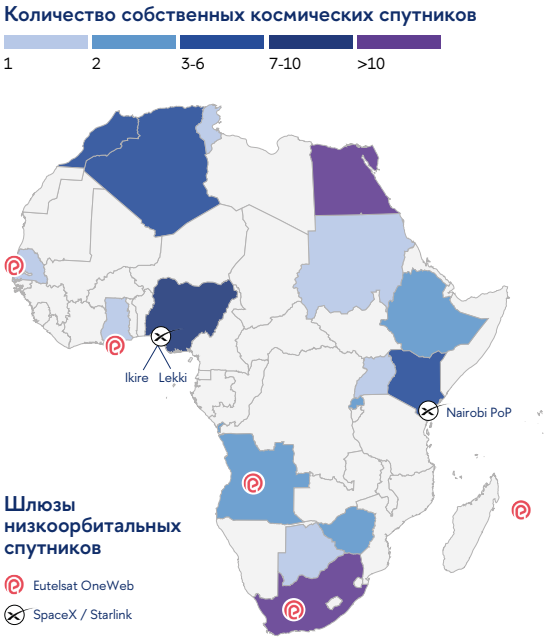
46 Space in Africa. African Space Economy Valued at USD 24.95 Billion, Projected to Reach USD 39.52 Billion by 2030. URL: https://spaceinafrica.com/2025/12/18/african-space-economy-valued-at-usd-24-95-billion-projected-to-reach-usd-39-52-billion-by-2030/

Значительную часть африканских аппаратов составляют наноспутники. По оценке Space in Africa, из 68 спутников, запущенных африканскими странами к началу 2026 г., 46% аппаратов были наноспутниками[47]. Как правило, это спутники массой от 1 до 10 кг, часто выполненные в формате CubeSat: базовый блок 1U имеет размер около 10 × 10 × 10 см, а более крупные конфигурации 2U, 3U, 6U и выше собираются из нескольких таких блоков. Для университетов и молодых космических агентств CubeSat снижает стоимость входа в проектирование, сборку и эксплуатацию спутников, но обычно имеет ограниченный срок службы, невысокое качество данных по сравнению с крупными специализированными спутниками и сохраняет зависимость от иностранных компонентов.

Африканский космический сектор остается встроенным во внешние производственные и пусковые цепочки. Африканские спутники, как правило, выводятся на орбиту с зарубежных площадок – в России и Казахстане, Китае, США, Французской Гвиане, Индии и Японии. Европейский союз остается одним из ключевых партнеров в данном секторе. GMES & Africa – совместная программа Африканского союза и ЕС, реализация которой начата в 2007 г. Программа ориентирована на применение данных Copernicus и других спутниковых источников для мониторинга природных ресурсов и климатических рисков.

В январе 2025 г. ЕС и Африканский союз объявили о старте программы Africa–EU Space Partnership Programme объемом около 104 млн долл.; программа должна расширить доступ африканских институтов к европейским системам Copernicus, Galileo и EGNOS, поддержать сервисы раннего предупреждения, подготовку специалистов. В мае 2026 г. Африканский союз и ЕС запустили African Meteorological Satellite Application Facility (AMSAF) – континентальный центр применения метеорологических спутниковых данных для климатического прогнозирования.

Спутниковая инфраструктура стран Африки, 2025 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Spacehubs Africa и отчетов компаний.

Китай также выступает активным игроком на данном направлении. К 2026 г. у КНР было порядка 23 космических соглашений с африканскими странами. США присутствуют прежде всего через NASA. К 2026 г. Нигерия, Руанда, Ангола, Сенегал и Марокко подписали Artemis Accords – предложенный США набор принципов гражданского освоения Луны и дальнего космоса. Япония через программы KiboCUBE и BIRDS поддерживала разработку малых спутников для Ганы, Нигерии, Кении, Маврикия, Уганды и Зимбабве. Россия также важна в данном секторе как партнер по запуску спутников: африканские аппараты неоднократно выводились на орбиту российскими ракетами, а в мае 2026 г. AfSA и Роскосмос подписали MoU.

Практическая отдача от развития космических технологий для Африки будет расти по мере

47 Space in Africa. Why Africa must move beyond nano-satellites toward operational space capability. URL: https://spaceinafrica.com/2026/04/02/why-africa-must-move-beyond-nano-satellites-toward-operational-space-capability/

институционализации и «взросления» сектора, развития наземных станций, подготовки специалистов по геоаналитике, а также будет зависеть от способности встраивать спутниковые данные в реальные хозяйственные и административные процессы: сельское хозяйство, метеорологию, добычу, безопасность и городское управление, кадастровый учет.

Центры обработки данных и данные как экономический актив

Африканский рынок центров обработки данных формировался с начала 2000-х гг. Первые площадки создавались банками, операторами связи и т.п. для собственных нужд: они обслуживали платежные системы, биллинг, корпоративные базы данных. Коммерческая модель нейтральных по отношению к операторам ЦОД, где сторонние клиенты размещают свое оборудование и подключаются к разным провайдерам связи, стала появляться в конце 2000-х гг. Первый подобный центр, основанный оператором Teraco, в Африке появился в 2008 г. в ЮАР. Развитие рынка пришлось на 2010-е гг. и было связано с прокладкой новых подводных кабелей, ростом мобильного трафика, появлением точек обмена трафиком, расширением банковских и платежных сервисов, а затем – с приходом глобальных облачных платформ.

ЦОД – базовый элемент цифровой инфраструктуры наряду с кабельными сетями и телекоммуникациями. Африканский союз в цифровой стратегии на 2020–2030 гг. рассматривает развитие ЦОД и вычислительных мощностей как одно из ключевых условий цифровой трансформации[48]. Рамочная политика Африканского союза в области данных указывает на дефицит инфраструктуры хранения и обработки данных и необходимость регулирования облачных сервисов и ЦОД[49]. Континентальная стратегия по искусственному интеллекту 2024 г. относит вычислительные мощности, ЦОД и облачную инфраструктуру к числу ключевых условий развития ИИ на континенте[50].

По международным меркам рынки Африки остаются небольшими.

На 2024 г. на Африку приходилось около 0,6% глобальной мощности ЦОД; совокупная действующая критическая IT-мощность коммерческих ЦОД Африки составляла около 500 МВт, строящиеся мощности – 238 МВт, заявленные проекты – еще 656 МВт[51].

ЮАР занимает доминирующее положение в коммерческом сегменте. По оценке Xalam, на 2025 г. на нее приходилось около 350 МВт действующей коммерческой IT-мощности, примерно 60 МВт в строительстве и до 260 МВт заявленного портфеля. Далее следовали Нигерия с примерно 17 МВт действующей мощности, Кения – около 13 МВт, Эфиопия – 10 МВт, Кот-д'Ивуар – 5 МВт, Гана – 4,8 МВт, Уганда – 2 МВт, Сенегал – 1,6 МВт, Руанда – около 1 МВт. При этом Нигерия имела около 70 МВт мощностей в строительстве, Кения – около 30 МВт.

За пределами такой статистики нередко остаются специализированные вычислительные объекты, такие как центры криптовалютного майнинга. Они могут действовать на основании лицензий и договоров с государственными энергокомпаниями, но не предоставлять обычные услуги колокации или облачных вычислений и поэтому не учитываться как коммерческие ЦОД.

48 African Union. Digital Transformation Strategy for Africa (2020–2030). URL: https://au.int/sites/default/files/documents/38507-doc-dts-english.pdf
49 African Union. African Union Data Policy Framework. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/42078-doc-DATA-POLICY-FRAMEWORKS-2024-ENG-V2.pdf
50 African Union. Continental Artificial Intelligence Strategy. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/44004-doc-EN-_Continental_AI_Strategy_July_2024.pdf
51 Мощность ЦОД традиционно принято измерять максимальной мощностью, которую объект способен подавать на вычислительные стойки. Africa Data Centres Association. Data Centres in Africa 2026. URL: https://africadca.org/wp-content/uploads/2026/02/DataCentresInAfrica2026-EN.pdf

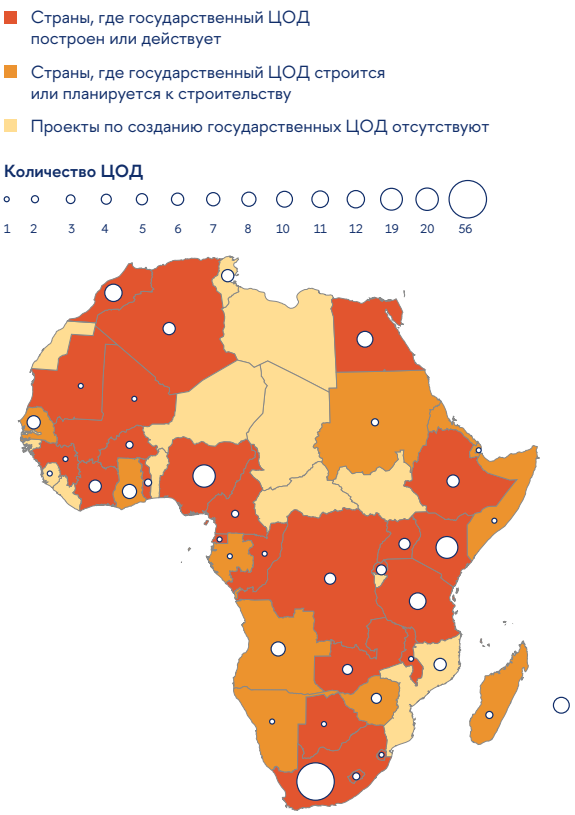
Так, в Эфиопии коммерческая IT-мощность ЦОД оценивалась примерно в 10 МВт, тогда как одна только майнинговая площадка российской компании BitCluster, введенная в эксплуатацию в декабре 2023 г., располагает мощностью в 120 МВт. В целом для криптовалютного майнинга в стране было выделено порядка 600 МВт по состоянию на 2024 г., однако эта цифра характеризует мощность электроснабжения, а не фактическую критическую IT-нагрузку действующих объектов.

Структура собственности ЦОД показывает лидирующую роль иностранного капитала и международных инфраструктурных платформ. Teraco, крупнейший оператор в ЮАР, с 2022 г. контролируется американской Digital Realty. Американская Equinix вышла на африканский рынок в апреле 2022 г., завершив приобретение нигерийской MainOne за 320 млн долл.; вместе с MainOne она получила площадки в Нигерии, Гане и Кот-д'Ивуаре. Голландская Raxio Group в апреле 2025 г. получила 100 млн долл. финансирования от ВБ для расширения сети в Эфиопии, Анголе, Кот-д'Ивуаре, Мозамбике, ДР Конго и Уганде. Китайское присутствие в этом сегменте заметно прежде всего через Huawei. В ЮАР Huawei Cloud работает с 2019 г., к 2024 г. компания обслуживала более 1 тыс. клиентов и входила в тройку крупнейших облачных провайдеров страны. Помимо облачных сервисов, Huawei поставляет оборудование и инженерные решения для государственных дата-центров.

Отдельная категория собственников включает т.н. панафриканские группы – Open Access Data Centres (входит в WIOCC Group), Africa Data Centres (принадлежит Cassava Technologies), iXAfrica (принадлежит британскому инвестфонду Investment Partners), iColo (принадлежит американской Digital Realty) и т.д., зачастую также связанные с крупными европейскими и американскими операторами. Заявленный «панафриканский» характер этих компаний обычно отражает географию деятельности, но необязательно африканское происхождение или локальный контроль капитала.

Государственные и ведомственные ЦОД занимают меньшую долю в коммерческой мощности. По состоянию на 2026 г. государственные ЦОД эксплуатируются в 25 странах: Алжир, Бенин, Ботсвана, Буркина-Фасо, Гвинея, ДР Конго, Египет, Замбия, Камерун, Кения, Коморы, Кот-д'Ивуар, Маврикий, Мавритания, Малави, Мали, Марокко, Нигерия, Республика Конго, Руанда, Танзания, Уганда, Экваториальная Гвинея, Эфиопия, ЮАР.

Центры обработки данных в странах Африки, 2026 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Xalam Analytics и Data Center Map.

Значение государственных ЦОД связано, помимо прочего, с возможностью превращать данные в экономический актив.

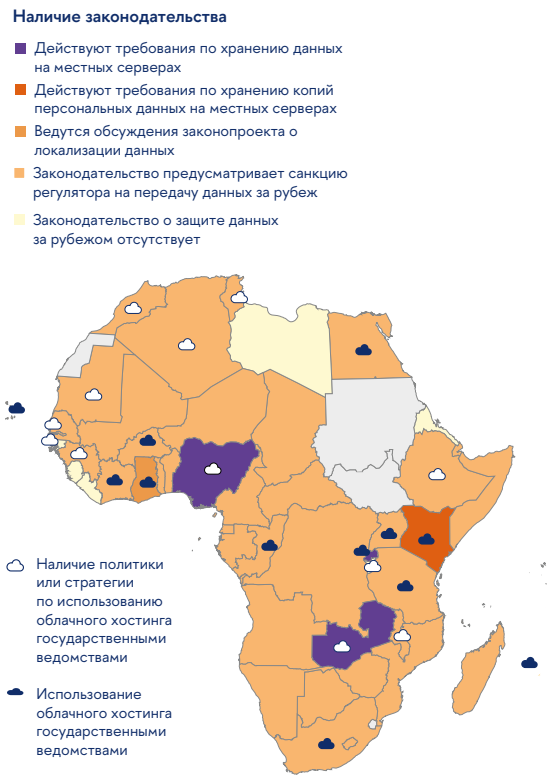
Рамочная политика Африканского союза в области данных исходит из того, что управление данными должно обеспечивать пользу африканским странам и их гражданам и способствовать развитию. Наиболее развитый канал монетизации – платная верификация данных о населении. В Гане National Identification Authority (NIA) продает организациям доступ к проверке Ghana Card. Банки, операторы связи, страховые компании, кредиторы и госучреждения используют такую проверку при открытии счетов, регистрации SIM-карт, выдаче кредитов, страховании и т.д. В тарифах NIA на 2026 г. проверка личности считается за один запрос: простая проверка с ответом «да/нет» стоила от 0,6 до 0,1 седи

Регулирование в области защиты персональных данных, 2026 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ЮНКТАД и European Centre for Development Policy Management.

Регулирование в области локализации данных в странах Африки, 2026 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Всемирного банка и European Centre for Development Policy Management.

в зависимости от месячного объема, а проверка с передачей согласованного набора данных – до 3 седи (ок. 0,26 долл.) за запрос при малых объемах[52].

При этом платный доступ может мешать обмену данными внутри самого государства. В Танзании, согласно данным аудита 2023 г., Государственное управление по идентификации NIDA взимало 500 танзанийских шиллингов (ок. 0,19 долл.) за один запрос к базе идентификационных данных[53]. При подключении к GovESB – государственной шине обмена данными – такие сборы создавали финансовые и правовые ограничения для других ведомств, к примеру, бизнес-регистратора BRELA. В Гане в 2025 г. NIA отключила от платформы по верификации данных налоговую службу Ghana Revenue Authority из-за задолженности.

52 National Identification Authority. January 2026 New Fees and Charges. URL: https://nia.gov.gh/wp-content/uploads/January-2026-New-Fees-and-Charges-For-Website.pdf

53 National Audit Office of Tanzania. Annual General Report on Audit of Information Systems FY 2022–23. URL: https://www.nao.go.tz/uploads/Annual_General_Report_on_Audit_of_Information_Systems_FY_2022-23.pdf

Более сложная модель только формируется. В Кении в проекте политики управления данными 2026 г. обсуждалось создание государственной платформы, через которую обезличенные государственные наборы данных, включая демографические и земельные данные, могли бы предоставляться исследователям и бизнесу за плату.

Для многих африканских государств проблема состоит в том, что доходы формируются пока за счет простых операций: проверки личности, выписки из реестра, карты, справки или разрешения. Более дорогие продукты создаются в кредитном скоринге, страховании, логистике, рекламе, анализе рисков, недропользовании и обучении ИИ-моделей. Эти сегменты чаще контролируют операторы связи, финтех-компании, облачные платформы и иностранные поставщики аналитики. Поэтому значимость государственных ЦОД, реестров данных и локальных API заключается, помимо прочего, в том, чтобы создать новые возможности для коммерческого использования данных.

Возможности для России

В контексте стремительного развития ИКТ в Африке, с учетом специфичности процесса, для России как для государства, имеющего богатый опыт применения цифровых технологий в госуправлении, открывается ряд возможностей, которые, однако, определяются структурой рынка. В массовой мобильной связи, подводных кабелях, коммерческих облаках, пользовательских платформах и значительной части оборудования уже закрепились крупные международные технологические компании. Вместе с тем для многих африканских государств все большее значение приобретает повестка цифрового суверенитета. В этой связи растет спрос на государственные цифровые системы, защищенную инфраструктуру, локальное хранение данных, решения в области кибербезопасности и подготовку специалистов.

Российское участие может быть востребовано в проектах, где заказчиком выступает государство, а предмет работ – контроль над данными,

Энергетика – одно из главных ограничений развития ЦОД в Африке. Средний показатель PUE (Power Usage Effectiveness) на континенте – 1,67 при мировом ориентире около 1,58[54]. Давление особенно заметно в городах с нестабильной сетью. Из-за перебоев сети в Лагосе операторы широко используют дизельную генерацию: по оценке Xalam, в коммерческом сегменте ЦОД Нигерии потребление дизельной энергии примерно в 3–5 раз превышает текущее потребление из распределительной сети[55].

Рост экономики искусственного интеллекта создает для Африки новый энергетический вызов. Глобальная энергоемкость сектора ИИ-вычислений к 2030 г. может вырасти в семь раз, а дополнительный спрос на установленную мощность превысить 100 ГВт. Для Африки это важно, поскольку значительная часть еще не распределенных глобальных энергетических ресурсов находится именно на континенте: один только гидроэнергетический потенциал реки Конго оценивается примерно в 100 ГВт. Такой масштаб делает крупные африканские источники генерации привлекательными для дата-центров и ИИ-инфраструктуры[56]. Электроэнергия таким образом может продаваться вычислительным площадкам рядом с источником генерации, а данные передаваться за пределы страны без сопоставимых инвестиций в магистральные ЛЭП, распределительные сети и массовое энергоснабжение.

54 Africa Data Centres Association. Data Centres in Africa 2026. URL: https://africadca.org/wp-content/uploads/2026/02/DataCentresInAfrica2026-EN.pdf

55 D4D Hub. A Xalam Analytics Country Report. Data Center Market Brief: Nigeria. URL: https://cms.d4dhub.eu/assets/Initiatives/Data-Governance-in-Africa/Digital-Investment-Facility/2507_Country-Market-Briefs/Data-Center-Market-Brief-Nigeria.pdf

56 Маслов А. А. Возвращение Африки // Россия в глобальной политике. 2026. Т. 24. № 2. С. 220–237. URL: https://globalaffairs.ru/articles/vozvrashhenie-afriki-maslov/

безопасность, локальное размещение систем и подготовка специалистов. К таким направлениям относятся защищенные каналы связи для органов власти, СУБД, цифровизация реестров, межведомственный обмен данными, электронная подпись, электронный документооборот, центры мониторинга киберугроз, ситуационные центры для критических социально-экономических секторов и подготовка профильных кадров. Кроме того, востребованы могут быть целевые программы подготовки африканских студентов в российских университетах в сферах кибербезопасности и науки о данных.

Отдельное значение имеют прикладные системы для отраслей, где государство сохраняет ведущую роль: кадастр, миграционный учет, налоговое администрирование, энергетика и мониторинг инфраструктуры.

На этом направлении возможны проекты, совмещающие геоинформационные сервисы, данные дистанционного зондирования, защищенное хранение и отраслевую аналитику. Наиболее устойчивой выглядит работа с теми элементами цифровой инфраструктуры, которые остаются под государственным контролем и требуют долгосрочного сопровождения.

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПЛАНЫ РАЗВИТИЯ: ОТ СТРАТЕГИЙ ДО РЕАЛИЗАЦИИ

Сухова Д.М.

При участии Ульяновой Ю.А.

Долгосрочные планы развития: от стратегий до реализации

Истоки планирования

Практика долгосрочного планирования начала складываться в начале XX в. как способ системного определения целей национального развития и механизмов их достижения. В 1919 г. губернатор британской колонии Золотой Берег (ныне Гана) Гордон Гуггисберг разработал десятилетний план развития территории на 1920–1930 гг. Документ вошел в историю как План Гуггисберга (Guggisberg Plan) и охватывал вопросы развития инфраструктуры, здравоохранения, образования и административного управления колонией. Этот документ стал первым долгосрочным планом комплексного развития страны (обширной автономной территории)[1,2].

Первой страной, где долгосрочное планирование приобрело системный характер, стал СССР. Предпосылки для его развития сформировались еще в Российской империи, прежде всего в сфере энергетики, транспорта и промышленности. Наработки российских инженеров по развитию районных электростанций, использованию угля и торфа и развитию сетевой энергетики легли в основу первого долгосрочного плана по электрификации, принятого уже при советской власти. В 1920 г. Государственная комиссия по электрификации России под руководством Г.М. Кржижановского подготовила план ГОЭЛРО, утвержденный на VIII Всероссийском съезде Советов в качестве общегосударственной программы электрификации и восстановления хозяйства.

Впоследствии советское руководство перешло к системе пятилетнего планирования – т.н. «пятилеткам». Первый пятилетний план СССР был принят в 1929 г. и закрепил модель директивного планирования, ориентированного на ускоренную индустриализацию, развитие тяжелой промышленности, изменение ее отраслевой структуры и мобилизацию человеческих ресурсов. За пределами СССР системное планирование начало распространяться позднее и сперва охватывало такой же временной диапазон. После Второй мировой войны многолетние планы, построенные как по директивной модели (как в СССР), так и по индикативной, стали инструментами для восстановления разрушенных экономик и модернизации промышленности. Одной из первых к среднесрочному планированию перешла Франция: первый план восстановления и модернизации готовился в 1945–1946 гг., после запуска плана Маршалла в 1948 г. плановые документы стали частью механизма распределения ресурсов и внешней помощи[3]. С середины 1950-х гг. государственные программы социально-экономического развития начали формироваться в Японии, первый пятилетний план правительства охватывал 1956–1960 гг.[4] Китай перешел к пятилетнему планированию в 1953 г., когда началась реализация Первого пятилетнего плана на 1953–1957 гг.[5]

1 United Nations Economic Commission for Africa. Planning for Africa's development. Lessons, insights and messages from past and present experiences. URL: https://archive.uneca.org/sites/default/files/PublicationFiles/planning_for_africas_development_hr_fullen.pdf

2 Wiemers A. "It is All He Can Do to Cope with the Roads in His Own District": Labor, Community, and Development in Northern Ghana, 1919–1936. International Labor and Working-Class History. 2017;92:89-113. doi:10.1017/S0147547917000102

3 United Nations Economic Commission for Africa. Planning for Africa's development. Lessons, insights and messages from past and present experiences. URL: https://archive.uneca.org/sites/default/files/PublicationFiles/planning_for_africas_development_hr_fullen.pdf

4 Japan's Five Year Economic Plan. Annals of Public and Cooperative Economics, 26: 309-312. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1467-8292.1955.tb02026.x

5 The Office of the Chargé d'Affaires of the People's Republic of China in the Republic of Lithuania. History. Contemporary Period(1949-). URL: https://lt.china-office.gov.cn/eng/ljzg/zgjk/lsgk/200405/t20040530_2911565.htm

Деколонизация планирования в Африке

Начало долгосрочному планированию в Африке было положено колониальными администрациями, но получило распространение уже после обретения странами независимости. Правительство сохранившей независимость Эфиопии внедрило инструменты планирования в 1944 г. при императоре Хайле Селассие I, во время правления которого при поддержке миссии американских технических экспертов была разработана десятилетняя программа промышленного развития.

Колониальная администрация Нигерии в 1946 г. разработала Десятилетний план развития и благосостояния страны (Ten-Year Plan of Development and Welfare for Nigeria (1946–1956)). После получения независимости правительство Нигерии перешло к разработке примерно пятилетних планов (1962–1968 гг., 1970–1974 гг., 1975–1980 гг., 1981–1985 гг.). Среди приоритетных для новых правительств задач были ускорение темпов роста ВВП, развитие инфраструктуры, транспорта, связи, энергетики, образования, здравоохранения и расширение занятости населения.

Пятилетний план развития Ганы на 1951–1956 гг. стал первой программой, за реализацию которой отвечали местные органы самоуправления, а не колониальная администрация. После получения независимости первый президент Кваме Нкрума поддержал централизованное планирование и ускоренную индустриализацию. Второй пятилетний план охватывал 1959–1964 гг., Семилетний план 1963–1970 гг. был направлен на структурную перестройку экономики, развитие промышленности и снижение зависимости от экспорта сырья[6].

К 1965 г. планы развития были приняты в 35 африканских странах.

Часть стран опиралась на социалистические модели развития (Гана, Эфиопия, Уганда, Тунис, Сейшелы и др.), в то время как другие развивались как рыночные экономики (Нигерия, Камерун и др.). В 1960–1970-е гг. многие страны выбрали централизованные модели не только из-за идеологического влияния социализма, но и по практическим причинам: слабость частного сектора, ограниченность кадровых и институциональных возможностей определяли спрос на централизованные государственные решения[7].

Вклад СССР в планирование африканских стран на заре независимости проявлялся прежде всего через подготовку кадров и работу советских специалистов в странах, выбравших социалистическую ориентацию. Например, в Судане после военного переворота 1969 г. новые власти отменили реализацию ранее разработанного плана на 1968–1972 гг. Вместо него был принят Пятилетний план экономического и социального развития на 1970/71–1974/75 гг., готовившийся при участии 15 советских специалистов по планированию. В качестве приоритетов выделялись социалистическое развитие, расширение роли государственного сектора, рост ВВП до 7,6% в год, социальных услуг и экспортной выручки[8]. В Сомали СССР принимал участие в разработке трехлетнего плана 1971–1973 гг., предполагавшего развитие сельского хозяйства и создание новых промышленных предприятий[9].

В 1970–80-х гг. правительством большинства стран были приняты программы структурной адаптации, продвигаемые международными финансовыми институтами, что означало свертывание усилий в области самостоятельного государственного стратегического планирования.

6 United Nations Economic Commission for Africa. Planning for Africa's development. Lessons, insights and messages from past and present experiences. URL: https://archive.uneca.org/sites/default/files/PublicationFiles/planning_for_africas_development_hr_fullen.pdf

7 Там же.

8 Central Intelligence Agency. Intelligence Memorandum. Soviet Economic and Military Presence in the Sudan. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85T00875R001700020015-2.pdf

9 Metz H.C. Somalia: A Country Study. Washington: GPO for the Library of Congress. 1992. URL: https://countrystudies.us/somalia/59.htm

К концу 1990-х гг. начался новый виток развития госпланирования, призванный увязать инициативы по сокращению долгового бремени с национальными бюджетами и финансированием внешних партнеров. Дополнительный импульс для возврата к государственному долгосрочному и среднесрочному планированию дало принятие Целей развития тысячелетия ООН (ЦРТ) в 2000 г. Как ЦРТ, так и принятые в 2015 г. Цели устойчивого развития (ЦУР) ООН определяли цели, но не пути их достижения и стали в целом важным шагом в сторону от однолинейной западноцентричной модели развития с жёсткой системой оценок и предписаний, оторванных от интересов населения.

Общеконтинентальные рамочные планы развития начали разрабатываться под эгидой Организации Африканского единства с 1979 г., когда странами-членами объединения была принята Монровийская стратегия, рассчитанная до 2000 г. Ключевым документом для ее реализации стал Лагосский план действий 1980 г., за которым последовала Программа экономического восстановления Африки на 1986–1990 гг. и Абуджийский договор 1991 г., закрепивший поэтапное формирование Африканского экономического сообщества через региональные объединения. После создания Африканского союза в 2002 г. общеафриканская повестка развития получила новую институциональную рамку. Ее ключевым ориентиром стала «Повестка 2063», принятая в 2015 г. и задающая долгосрочные приоритеты, с которыми государства-члены соотносят национальные стратегии развития[10]. Планирование и координация опираются также на десятилетние «планы осуществления», до 2023, 2033 и т.д. годов, принимаемые в привязке к «Повестке 2063».

Стратегическое планирование на современном этапе

По состоянию на середину 2026 г. национальные стратегии или сопоставимые актуальные документы стратегического планирования опубликованы в 47 странах[11]. Среди стран, в которых актуальные долгосрочные стратегии еще не опубликованы или отсутствуют, – Алжир, Эритрея, Эсватини, Габон, Гамбия, Ливия и Южный Судан. У Гвинеи-Бисау стратегия формально опубликована, но срок ее действия уже истек.

Причины отсутствия актуальной долгосрочной стратегии различаются. В Алжире, например, стратегические документы разработаны, но не публикуются: президентская пресс-служба заявляет о реализации «стратегического плана развития»[12]. В Эритрее Национальный план развития на 2027–2031 гг. находится в процессе разработки при поддержке ПРООН и еще не опубликован. В Эсватини срок действия долгосрочного Видения 2022 завершился, новая долгосрочная стратегия принята не была.

В ряде стран разрыв в планировании связан с политической нестабильностью. В Габоне после переворота 2023 г. стратегическое планирование реализуется в рамках краткосрочного Национального плана развития переходного периода на 2024–2026 гг.[13] В Гамбии разработка долгосрочной стратегии Vision 2050, по данным Министерства финансов от 2026 г., остается незавершенной[14]. В Ливии формирование единой долгосрочной рамки осложняется сохраняющейся политической нестабильностью и дублированием государственных институтов, однако в 2026 г. опубликована Стратегия водной безопасности до 2050 г.[15]

10 African Union. Agenda 2063: The Africa We Want. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/33126-doc-framework_document_book.pdf

11 В случаях, когда долгосрочные стратегические документы находятся на стадии разработки, в анализ были включены последние краткосрочные стратегии. Среди данных стран – ДРК, где доступен план развития на 2024–2028 гг.; Гвинея-Бисау, актуальный доступный документ датируется 2025 г.; Лесото со стратегией на 2023/24–2027/28 гг.; Сомали со стратегией на 2024–2029 гг.; Буркина-Фасо с документом на 2026–2030 гг.; ЦАР с планом на 2024–2028 гг.; Республика Конго, где опубликован среднесрочный план на 2022–2026 гг., тогда как долгосрочная стратегия Congo 2048 не находится в открытом доступе.

12 Algérie Presse Service. Algeria's strategic development plan taking concrete shape on ground. URL: https://www.aps.dz/en/presidency-news/mmw6e13i-algeria-s-strategic-development-plan-taking-concrete-shape-on-ground

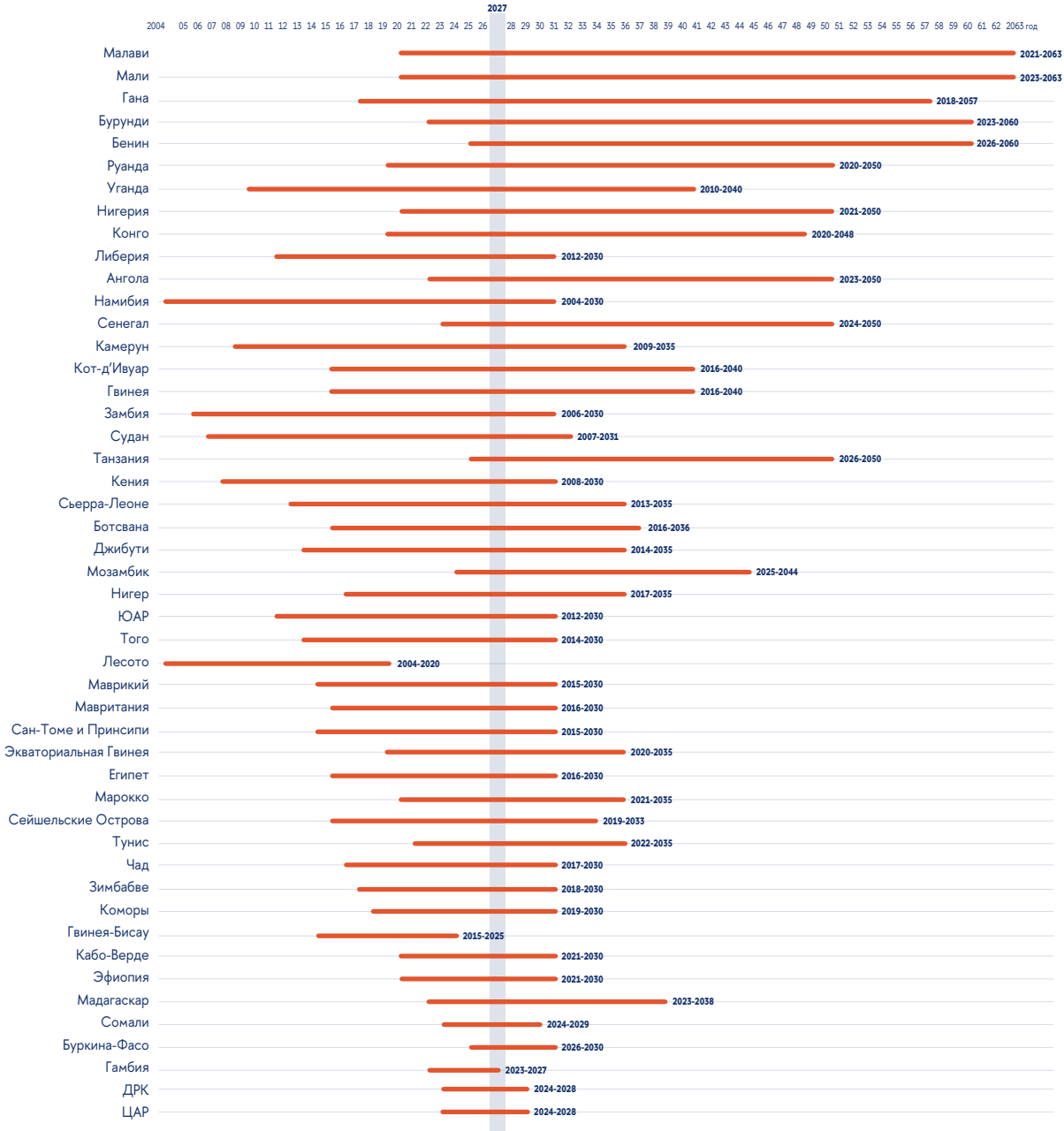
13 Ministere de l'Economie et des Participations. Le Plan National de Développement pour la Transition (PNDT) 2024–2026. URL:https://www.scribd.com/document/707434365/PNDT-Gabon-2024-2026-CTRI

14 Ministry of Finance and Economic Affairs. End Evaluation Report of the Public Finance Management Strategy (PFM) 2021-2025. URL: https://mofea.gov.gm/wp-content/uploads/2026/04/END-EVALUATION-REPORT-OF-THE-PUBLIC-FINANCE-MANAGEMENT-STRATEGY-2021-2025.pdf

15 UNDP. Libya Launches 2050 National Water Security Strategy to Combat Scarcity and Build Climate Resilience. URL: https://www.undp.org/libya/news/libya-launches-2050-national-water-security-strategy-combat-scarcity-and-build-climate-resilience

В Южном Судане Национальная стратегия развития на 2021–2024 гг. истекла, в 2026 г. правительство проводит консультации по новому плану развития на 2026–2036 гг.[16] В Гвинее-Бисау долгосрочная стратегия на 2015–2025 гг. завершилась, новая версия не опубликована.

Долгосрочные стратегии стран Африки, 2026 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых источников.

16 South Sudan Broadcasting Corporation. Finance Ministry Holds Consultations On Development Plan 2026–2036. URL: https://ssbc.gov.ss/news-detail.php?cat=news&id=547

Долгосрочное планирование распространено по всему миру – документы с различной степенью регулярности принимаются правительствами всех 194 стран, признанных ООН[17]. Наличие единой общеконтинентальной повестки отличает Африку от других регионов мира (исключая Европу).

Долгосрочные стратегии развития в африканских странах выполняют несколько взаимосвязанных функций. Во-первых, в таких документах руководство задает основные направления развития, определяет приоритеты для отраслевых политик, бюджетирования, инфраструктурных программ, реформ государственного управления и социального развития. Зачастую за планирование отвечают институты, подведомственные президенту, выполняющему функции и законодательной, и исполнительной власти. Во-вторых, стратегии выполняют политическую функцию и служат инструментом согласования внутренних макроэкономических целей с региональными и международными повестками – ЦУР ООН, Повесткой Африканского союза 2063, Африканской континентальной зоной свободной торговли (African Continental Free Trade Area, AfCFTA) и стратегиями региональных организаций.

В-третьих, стратегии обладают символическим значением и формируют образ желаемого будущего, обращаются к населению (в том числе как к избирателям, где это актуально).

Большинство стратегий африканских государств не ограничиваются текущим политическим или бюджетным циклом и задают образ развития на одно или несколько поколений. Несмотря на общую парадигму долгосрочного планирования, сроки, на которые рассчитаны стратегии, различаются. На горизонт 5–10 лет ориентируются Буркина-Фасо, ЦАР, ДР Конго, Кабо-Верде, Эфиопия, Гвинея-Бисау, Лесото, Республика Конго и Сомали. На 11–19 лет – Чад, Коморы, Египет, Экваториальная Гвинея, Либерия, Мадагаскар, Мавритания, Маврикий, Марокко, Мозамбик, Нигер, Сан-Томе и Принсипи, Сейшелы, ЮАР, Того, Тунис и Зимбабве.

На 20–30 лет строят планы Ангола, Ботсвана, Камерун, Кот-д'Ивуар, Джибути, Гвинея, Кения, Намибия, Нигерия, Руанда, Сенегал, Сьерра-Леоне, Судан, Танзания, Уганда и Замбия. Долгосрочный горизонт 35–40 лет и более встречается реже: в Бурунди, Гане, Малави, Мали и Бенине.

Видения будущего

Образ будущего, продвигаемый государством, концептуализирован в формулировке самого Видения (vision). Несмотря на декларативный характер, Видения становятся политическими слоганами на весь период реализации стратегии и зачастую отражают ключевые проблемные зоны, на преодоление которых ориентирована стратегия. Вместе с тем проблемно-ориентированный подход, больше свойственный европейскому мышлению, для африканских стратегий не стал догмой. Многие из них ориентированы на цели, которые не формулируются на языке решения/преодоления проблем.

В странах Западной Африки, прежде всего в зоне Сахеля, в формулировках видения особенно заметны мотивы суверенитета, безопасности, национального единства и устойчивости. В стратегии Мали образ будущего описан как стремление стать «суверенной и единой в своем культурном многообразии нацией, солидарным и справедливым обществом, хорошо управляемой и безопасной страной, сильной и развитой экономикой, государством с высоким уровнем человеческого развития и устойчиво сохраняемой окружающей средой». В Буркина-Фасо видение формулируется как создание «суверенной и процветающей нации, выстраивающей эндогенное и устойчивое развитие на благо всех».

17 University College London. Anggunia S. Supplementary Data - Assessing SDG Integration in National Development Plans and Their Outcomes. 2025. URL: https://doi.org/10.5522/04/28035587.v1

В Восточной Африке акценты смещаются к конкурентоспособности, модернизации и устойчивому развитию. Кенийская Vision 2030 формулирует цель как превращение страны к 2030 г. в «глобально конкурентоспособную и процветающую страну с высоким качеством жизни». В Танзании Dira 2050 также строится вокруг идеи устойчивого и инклюзивного развития: правительство обязуется обеспечить управление страной «на основах справедливости, прочного мира, национальной стабильности и безопасных систем, способствующих инклюзивному и устойчивому развитию».

В странах Южной части Африки цели чаще строятся вокруг преодоления социального неравенства, расширения возможностей граждан и достижения статуса страны со средним уровнем дохода. В ЮАР образ страны в 2030 г. представлен через идею заново созданного общества: «Теперь, в 2030 г., мы живем в стране, которую мы преобразовали. Мы создали дом, где каждый чувствует себя свободным, но связанным с другими; где каждый раскрывает свой потенциал. Мы гордимся тем, что стали заботливым обществом». В Зимбабве формулировка выражена как движение «к процветающему и расширяющему возможности обществу с уровнем дохода выше среднего к 2030 г.».

Наиболее распространенный тематический блок связан с экономической трансформацией: диверсификация, индустриализация, повышение конкурентоспособности и развитие экономики знаний акцентированы в Видениях 50% стран[18]. Большинство правительств рассматривают долгосрочное развитие через расширение производственной базы и переход к более разветвленной структуре экономики.

Важное место занимает социальное измерение. Темы, связанные с повышением качества жизни, благосостоянием общества, снижением уровня бедности и расширением доступа к базовым услугам, встречаются в 27 стратегиях[19]. Таким образом, экономическая трансформация в большинстве документов соотносится с улучшением благосостояния населения. Переход к более высокому уровню экономического развития также фиксируется в формулировке Видения. Цели достижения статусов развивающейся (emerging), со средним уровнем дохода (middle-income), с уровнем дохода выше среднего (upper-middle-income), высоким уровнем дохода (high-income), статуса развитой или индустриализированной страны присутствуют в стратегиях 22 стран Африки[20].

Сквозной нарратив об эффективном управлении, мире, безопасности и национальном единстве присутствует в 16 стратегиях[21] и отражает стремление государств связать развитие не только с экономическим ростом, но и с устойчивостью институтов, внутренней стабильностью и объединением общества, особенно в тех случаях, когда государства находятся в острых фазах внутренних конфликтов. Нарратив об укреплении роли в мире и регионе встречается у стран, позиционирующих себя как будущие региональные хабы: Бенин, Джибути, Гана, Кабо-Верде, Маврикий, Марокко. При этом для части стран характерны амбиции в политическом пространстве (Бенин «намерен укрепить свою заметность и влияние на региональной и международной арене», Гана выделяет «укрепление роли в международных делах» в качестве отдельной цели и стремится «укрепить способность предоставлять международную помощь развитию, включая вклад в мир, безопасность и гуманитарную помощь в Африке и за ее пределами»).

18 Ангола, Кабо-Верде, Конго, Кот-д'Ивуар, ДРК, Джибути, Египет, Экваториальная Гвинея, Эфиопия, Гана, Кения, Лесото, Малави, Мали, Маврикий, Марокко, Мозамбик, Нигерия, Руанда, Сан-Томе и Принсипи, Сенегал, Сьерра-Леоне, Танзания, Того, Тунис, Уганда, Зимбабве.

19 Бенин, Ботсвана, Бурунди, Кабо-Верде, Камерун, ЦАР, ДРК, Египет, Экваториальная Гвинея, Эфиопия, Гана, Гвинея, Кения, Мадагаскар, Мали, Мавритания, Марокко, Намибия, Руанда, Сенегал, Сейшелы, Сьерра-Леоне, ЮАР, Танзания, Уганда, Замбия, Зимбабве.

20 Ботсвана, Бурунди, Кабо-Верде, Камерун, Чад, Коморские острова, ДРК, Экваториальная Гвинея, Гвинея, Кения, Мадагаскар, Малави, Мали, Нигер, Нигерия, Руанда, Сьерра-Леоне, Судан, Танзания, Уганда, Замбия и Зимбабве.

21 Бенин, Буркина-Фасо, ЦАР, Чад, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Либерия, Мадагаскар, Мали, Мозамбик, Нигер, Сенегал, Сомали, ЮАР, Судан.

Макромодели развития: сходства и различия стратегий

Сравнительный анализ национальных стратегий развития демонстрирует, что большинство стран Африки формулируют схожий набор стратегических направлений (pillars), раскрытых в отдельных разделах планов. Подавляющее большинство документов выделяет взаимосвязанные приоритеты, которые можно объединить в четыре группы: 1) экономическая трансформация и диверсификация; 2) развитие человеческого капитала; 3) модернизация инфраструктуры; 4) укрепление государственных институтов и социальной стабильности.

В секторальном разрезе наиболее системно воспроизводятся приоритеты в отношении сельского хозяйства и агропромышленной переработки, транспортно-логистической и энергетической инфраструктуры, промышленности (индустриализации), цифровой экономики и здравоохранения. У островных государств растет интерес к развитию «зеленой» и «голубой» экономики, в то время как в странах сахаро-сахельской зоны особое внимание уделяется вопросам безопасности и борьбы с терроризмом.

Блок, посвященный общественному развитию и укреплению человеческого капитала, воспроизводится наиболее системно на уровне стратегических направлений. Он представлен в 45 из 47 документов и не выделен в качестве самостоятельного тематического направления только в стратегиях Республики Конго и Того. Национальный план развития Республики Конго (Plan National de Developpement 2022–2026) основан на шести экономических приоритетах: развитии сельского хозяйства, промышленности, специальных экономических зон, туризма, цифровой экономики и сектора недвижимости.

Долгосрочная стратегия Того (Politique Nationale de l'industrie du Togo 2024–2040) также имеет секторальную направленность: первая ось связана с развитием приоритетных производственных цепочек, вторая – с улучшением общих условий «промышленной конкурентоспособности». В обоих документах социальная проблематика не исключена из общей логики развития, но не выделяется как отдельный смысловой блок.

Порядок перечисления приоритетных направлений позволяет выявить, какие задачи государство рассматривает как первоочередные с учетом стартовых условий и доступных ресурсов. В 18 странах[22] первым (по порядку следования) приоритетом в различных формулировках заявлена индустриализация (экономический рост, конкурентоспособность и/или промышленная трансформация). В том же количестве документов[23] начальный раздел посвящен вопросам управления, безопасности, национального единства или поддержания мира.

Тема человеческого капитала открывает перечень приоритетных направлений в стратегиях семи стран – Анголы, Камеруна, Египта, Экваториальной Гвинеи, Намибии, Руанды и Туниса.

Социальная повестка присутствует во всех стратегиях, но при этом рассматривается скорее в качестве инструмента для трансформации и не становится самоцелью.

Сельское хозяйство также занимает значительную долю в содержательной структуре стратегий, но реже оформляется как отдельный стратегический приоритет. В большинстве документов аграрный сектор включен в более широкие блоки, посвященные экономической трансформации. Упоминание сферы содержится в названии «оси» или «основы» в стратегиях Коморских островов, Республики Конго, Малави, Нигера, Нигерии и Руанды, в Мали упоминается продовольственный суверенитет.

22 Бенин, Ботсвана, Кабо-Верде, Кот-д'Ивуар, Эфиопия, Гана, Кения, Лесото, Либерия, Мавритания, Маврикий, Марокко, Сан-Томе и Принсипи, Сенегал, Сьерра-Леоне, ЮАР, Того, Замбия.

23 Буркина-Фасо, Бурунди, Центральноафриканская Республика, Чад, ДРК, Джибути, Гвинея, Гвинея-Бисау, Мадагаскар, Мали, Мозамбик, Нигер, Нигерия, Сейшелы, Сомали, Судан, Танзания, Зимбабве

Сырьевые экспортеры

Нигерия

Долгосрочная стратегия Nigeria Agenda 2050[24], разработанная Министерством финансов, бюджета и национального планирования в 2021 г., представляет собой основной документ экономического планирования Нигерии, направленный на переход страны к статусу государства с доходом выше среднего, формирование индустриальной экономики, а также обеспечение устойчивого развития. Стратегия служит основой для системы среднесрочных пятилетних планов (National Development Plan 2021–2025 и т.д.) и выступает рамочным документом, задающим вектор для среднесрочного планирования и мониторинга реализации программ развития.

В документе развитие Нигерии рассматривается через призму структурных ограничений, которые препятствуют переходу к более производительной экономической модели. Среди ключевых проблем выделены нестабильный экономический рост, высокая динамика прироста населения, проблемы с безопасностью, слабая диверсификация экономики, низкая производительность, высокая импортозависимость, инфраструктурные дефициты в энергетике и транспорте, слабость институтов государственного управления, высокий уровень бедности, безработицы и неравенства. Центральная идея стратегии – переход от сырьевой и импортозависимой модели к диверсифицированной экономике.

Стратегия построена вокруг семи основных направлений: государственное управление, прогрессивный экономический рост, развитие сельского хозяйства, укрепление промышленного производства, развитие инфраструктуры, образования и здравоохранения. Направления раскрываются в шести разделах и 28 отраслевых главах, охватывающих сельское хозяйство и продовольственную безопасность, добывающий сектор, нефть и газ, индустриализацию и обрабатывающую промышленность, финансовые услуги, торговлю и деловую среду, энергетику, транспорт, науку и технологии, цифровую трансформацию, образование, здравоохранение, занятость, гендерное равенство, управление, безопасность и борьбу с коррупцией. Стратегия также содержит развернутую систему КПЭ: для большинства секторов указаны исходные значения и целевые экономические показатели на каждые 5 лет до 2050 г.

Ключевой макроэкономический ориентир – достижение среднегодового реального роста ВВП около 7% (при среднем росте в 1% за 2015–2025 гг. и 4% в 2025 г.) за период 2021–2050 гг. К 2050 г. номинальный ВВП Нигерии должен увеличиться с 420 млрд долл. в 2020 г. до 12 трлн долл., а ВВП на душу населения – с 2 084 долл. до 33 328 долл. Доля инвестиций в ВВП должна вырасти с 29 до 40%, при этом основной объем финансирования предполагается привлечь за счет частного сектора, прямых иностранных инвестиций, государственно-частных партнерств и более эффективного использования государственных инвестиций. Одновременно стратегия предусматривает увеличение числа занятых с 47 млн человек в 2020 г. до 203 млн к 2050 г., снижение безработицы с 33 до 6%, а также сокращение числа бедных с 83 млн до 2 млн человек.

24 Nigeria Agenda 2050. URL: https://faolex.fao.org/docs/pdf/nig217433.pdf

Одним из центральных направлений экономической трансформации выступает изменение структуры производства и экспорта. Доля промышленного сектора в ВВП должна увеличиться с 29% в 2020 г. до 48% в 2050 г., прежде всего за счет роста обрабатывающей промышленности (охватывающей пищевую промышленность и производство напитков и табачных изделий, текстиля, химическую и фармацевтическую продукцию, нефтепереработку, металлургию, производство электроники, автомобилей и другие виды производства) – с 13 до 26%[25]. В структуре товарного экспорта доля продукции обрабатывающей промышленности должна вырасти с 8 до 68%, в то время как доля топлива и добывающей продукции должна снизиться с 87 до 20%. Таким образом, правительство Нигерии стремится к изменению модели внешнеэкономической специализации.

В нефтегазовом секторе стратегия правительства состоит в снижении структурной зависимости от нефти при одновременном повышении эффективности переработки, развитии газовой инфраструктуры и применении низкоуглеродных решений. Доля нефти и газа в ВВП должна снизиться с 7% в 2020 г. до 0,5% к 2050 г.; добыча нефти в целевых расчетах сокращается с 1,8 млн баррелей в сутки до 1 млн баррелей, тогда как добыча газа должна увеличиться с 8 до 30 млрд ст. куб. футов в сутки. В качестве инструментов указаны реализация Petroleum Industry Act, развитие газоперерабатывающих мощностей, восстановление трубопроводов, расширение участия частного сектора в переработке, распределении и сбыте нефтегазовой продукции, развитие низкоуглеродных технологий, водородной энергетики.

Человеческий капитал занимает в стратегии одно из центральных мест, поскольку демографическая структура Нигерии одновременно рассматривается и как возможность, и как риск. Документ связывает реализацию демографического дивиденда с развитием образования, здравоохранения, повышением уровня занятости и развитием технических навыков. В образовании выделены проблемы низкой грамотности, значительного числа детей, не имеющих доступа к школьному образованию, недостаточной интеграции STEM-направлений (Science, Technology, Engineering, Mathematics), слабого финансирования. Основные направления политики включают устранение неравного доступа к образованию между шестью геополитическими зонами страны, цифровизацию образования, подготовку и переподготовку учителей, развитие профессионально-технического образования и повышение качества высшего образования.

Аграрные рынки

Танзания

Стратегия The Tanzania Development Vision 2050 (DIRA 2050), разработанная Национальной комиссией по планированию Танзании в 2025 г., определяет ключевые направления социально-экономической трансформации страны, направленные на формирование индустриализированной, основанной на знаниях экономики с доходом выше среднего и совокупным объемом около 1 трлн долл. при доходе на душу населения в размере 7 тыс. долл.

25 В нигерийской стратегии промышленность рассматривается как один из основных драйверов экономического роста. К конкурентным преимуществам страны относятся крупный внутренний потребительский рынок, наличие собственной сырьевой базы, относительно низкая стоимость рабочей силы и потенциал развития трудоемких производств, а также возможность превращения Нигерии в промышленный центр ЭКОВАС.

В соответствии с документом основные драйверы развития – интегрированная логистическая система, позволяющая использовать географическое положение страны для формирования регионального торгового хаба; развитие науки, технологий и инновационных экосистем; расширение инвестиций в исследования и разработки (не менее 1% ВВП) и формирование партнерств между университетами и сектором производства; масштабная цифровая трансформация экономики и государственного управления; развитие устойчивой энергетической системы с перспективой превращения страны в экспортера энергии.

Стратегия также предусматривает ликвидацию крайней бедности, повышение ожидаемой продолжительности жизни до 75 лет, обеспечение всеобщего доступа к здравоохранению, образованию, социальной защите и базовой инфраструктуре, расширение формальной занятости до 50% населения, повышение уровня цифровой грамотности до 70% граждан и перевод 80% государственных услуг в цифровой формат. Реализация стратегии предполагается на основе межсекторального взаимодействия государства, частного сектора, гражданского общества и инвесторов с активным использованием механизмов ГЧП, увеличения объема инвестиций в инфраструктуру, инновации, а также развития человеческого капитала.

Индустриально-логистические хабы

Марокко

Стратегия «Новая модель развития» Марокко до 2035 г. (Le Nouveau Modèle de Développement), подготовленная Специальной комиссией по модели развития Марокко (CSMD), учрежденной королем Мухаммедом VI в 2019 г., формулирует образ будущего страны через категории демократии и достойной жизни граждан. Центральное место в видении занимает переход к модели развития, ориентированной на формирование добавленной стоимости и «раскрытие национального потенциала». В документе Марокко позиционируется не только как государство, ориентированное на внутреннюю модернизацию, но и как будущая региональная держава, претендующая на активное участие в решении глобальных вопросов.

Основные цели стратегии – укрепление демократических институтов, развитие человеческого капитала, создание условий для самореализации граждан, обеспечение равных возможностей и социальной интеграции, продвижение гендерного равенства, сохранение историко-культурной и религиозной идентичности, справедливое распределение создаваемого богатства, ответственное использование ресурсов. В центр стратегии помещены граждане страны, которые рассматриваются как основной ресурс для развития. В качестве дополнительных приоритетов выделяются цифровизация страны, превращение Марокко в региональный хаб высшего образования, исследований и инноваций, лидерство в низкоуглеродной энергетике, развитие статуса регионального финансового центра и продвижение товаров под брендом Made in Maroc.

Стратегия содержит набор КПЭ. Так, к 2035 г. ВВП на душу населения по ППС должен вырасти с 7826 до 16 000 долл. при среднегодовом росте выше 6%, участие в глобальных цепочках добавленной стоимости – с 43 до 60%. Показатель индекса человеческого капитала должен вырасти с 0,5 до 0,75, доля 15-летних учащихся, владеющих базовыми навыками чтения, математики и естественных наук – с 27 до 75%. В гендерной повестке акцентируется важность экономической активности женщин: доля работающих женщин должна возрасти с 22 до 45%, а общая доля формальной занятости – с 41 до 80%.

Экономики в повышенной зоне риска

Мали

Стратегия Республики Мали Vision Mali 2063, разработанная в 2023–2024 гг. Министерством экономики и финансов, рассчитана на 40-летний период, разделенный на четыре декады. Таким образом, сроки ее реализации привязаны к континентальной «Повестке 2063» и её «планам осуществления», в чём можно усмотреть жест доброй воли и примирения в адрес Афросоюза, членство Мали в котором было приостановлено после военного переворота 2021 г.

Основная цель Стратегии – создание новой Мали (Mali Kura) и трансформация государства в «суверенную, единую, стабильную и процветающую нацию с сильной экономикой и высоким уровнем человеческого потенциала». Одной из центральных тем стратегии становятся вопросы безопасности – правительство отмечает ослабление центральных сил обороны, рост влияния вооруженных группировок, усиление трансграничной преступности.

В стратегии заявлены цели по достижению среднегодового темпа роста ВВП на уровне около 10% в течение 30 лет, что должно обеспечить увеличение дохода на душу населения до 13 900 долл. к 2063 г. Правительство также стремится к снижению доли населения, живущего за чертой бедности, до 10%, достижению коэффициента Джини (неравенство) на уровне 0,2, обеспечению полного доступа населения к питьевой воде, увеличению отношения общего объема выданных государством и частным банковским сектором кредитов к ВВП до 80%, а также обеспечению к 2063 г. притока прямых иностранных инвестиций в объеме около 5 млрд долл. По данным Всемирного банка, чистый приток ПИИ в Мали в 2024 г. составлял около 0,9 млрд долл.[26] – целевой уровень примерно в пять раз превышает текущий. При этом реализация всех целей и проектов, заявленных в Стратегии, возможна при привлечении существенных внутренних ресурсов.

Для реализации Стратегии правительство разработало одиннадцать стратегических проектов, направленных на развитие аграрного сектора, энергетики, индустриализацию, технологическое развитие, укрепление человеческого капитала и экологическую устойчивость.

26 World Bank Group. Foreign direct investment, net inflows (BoP, current US$) - Mali. URL: https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD?locations=ML

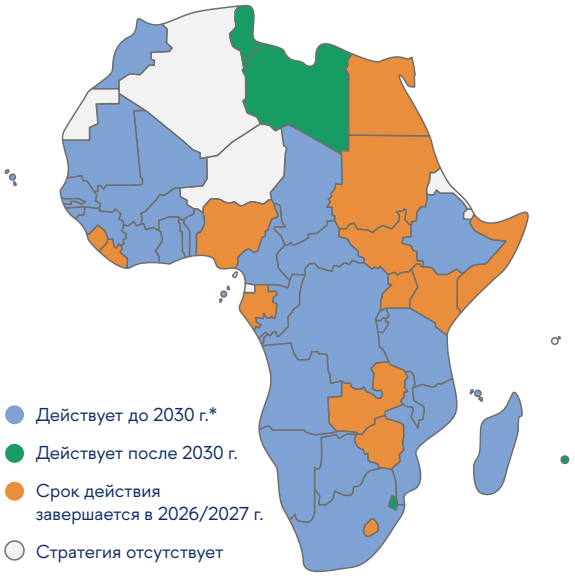
Основные источники финансирования проектов, заявленных в Стратегии – инвестиции (около 0,9 млрд долл. в год, что совпадает с уровнем ПИИ в 2024 г.), в основном обусловленные реформой горнодобывающего сектора в рамках нового Кодекса горнодобывающей промышленности (принят в 2023 г.)[27], дополнительные бюджетные доходы (около 0,2 млрд долл.), доходы местных компаний, обусловленные локализацией (около 9 млрд долл.), а также увеличение объема экспортной выручки, фактически репатриируемой в страну (около 18 млрд долл.)[28].

Привлекает внимание, что в малийской стратегии основой роста должны стать внутренние инвестиции, которые по плану должны в 6+ раз превысить привлеченные из-за рубежа. Стратегия готовилась в рамках взятого Мали курса на суверенное развитие и с осознанием необходимости опоры прежде всего на собственные силы. Государственные инвестиции почти везде в Африке становятся основным механизмом обеспечения развития и роста, что начинает отражаться и в культуре стратегического планирования (см. главу «Макроэкономика» в этой книге).

Отраслевые стратегии

Отраслевые стратегии в Африке чаще всего принимаются по пяти основным сферам развития: образование, энергетика, здравоохранение, сельское хозяйство и цифровая трансформация. По охвату лидирует образование: 44 страны имеют отдельные секторальные планы с горизонтом планирования в среднем до 2030 г. Вопросы образования встроены в международные механизмы планирования через реализацию ЦУР 4, целей Глобального партнерства в области образования (Global Partnership for Education) и при поддержке Международного института планирования образования ЮНЕСКО (UNESCO International Institute for Educational Planning). Например, Стратегический план по образованию Ганы (Ghana Education Strategic Plan) на 2018–2030 гг.[29] оформлен в качестве дорожной карты по достижению ЦУР и национальных целей. Для сопоставления целевых и фактических показателей правительство Ганы формирует ежегодные Отчеты о результатах деятельности сектора образования Ганы (Ghana Education Sector Performance Report)[30].

Стратегии в области образования, 2026 г.

*Включая стратегии, срок действия которых заканчивается в 2028 и 2029 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ЮНЕСКО.

27 Новый кодекс позволяет государству получать 10%-ную долю участия в горнодобывающих проектах с возможностью выкупить ещё до 20% в течение первых двух лет эксплуатации. Ещё до 5% может быть передано малийским частным инвесторам. Совокупная доля государства и частного национального капитала в новых проектах может достигать 35% против прежних 20%. UNCTAD. Mali adopts new Mining Code and implementing decree. URL: https://investmentpolicy.unctad.org/investment-policy-monitor/measures/4352/adopts-new-mining-code-and-implementing-decree

28 Центральный банк государств Западной Африки отдельно рассчитывает долю экспортной выручки, репатриируемой в страну: в 2019 г., например, из экспортной выручки стран валютного союза репатриировалось 68%, а не 100%. По текущим правилам ЦБ, экспортер должен репатриировать 100% экспортной выручки, при этом не менее 80% валютной выручки поступает в ЦБ. Мера, указанная в стратегии, направлена на сокращение объёма экспортных поступлений, которые фактически остаются за пределами банковской системы государств Западной Африки или не возвращаются в установленные сроки.

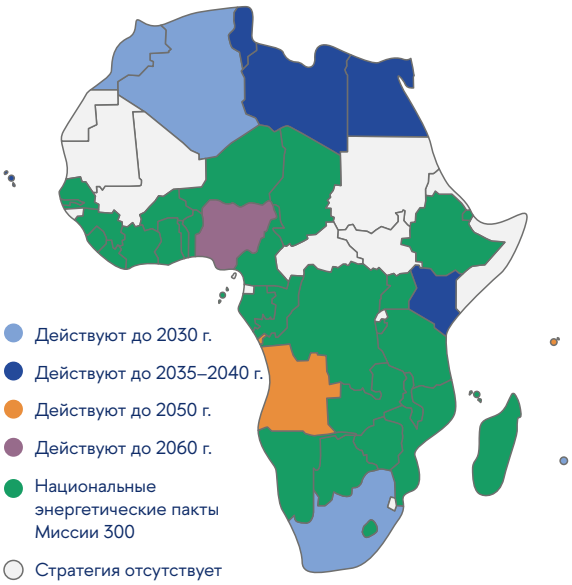
29 Ministry of Education. Education Strategic Plan 2018–2030. URL: https://www.globalpartnership.org/node/document/download?file=sites/default/files/2019-05-education-strategic-plan-2018-2030.pdf

30 Ministry of Education. Education Sector Performance Report 2018. URL: https://www.ndpc.gov.gh/media/Ministry_of_Education_APR_2018.pdf

Стратегии в области развития **энергетики** приняты в 38 странах. При этом большая часть африканских стран участвует в Mission 300, совместной инициативе Всемирного банка и Африканского банка развития, цель которой – обеспечить доступ к электроэнергии для 300 млн человек в странах Африки к 2030 г.[31] По состоянию на 2026 г. планы в рамках Mission 300 приняты в 35 странах[32]. В январе 2025 г. «Национальные энергетические пакты» (National Energy Compacts) – обязательства, которые на себя берут страны в области развития энергетики – представили ДР Конго, Замбия, Кот-д'Ивуар, Либерия, Мавритания, Мадагаскар, Малави, Нигерия, Нигер, Сенегал, Танзания и Чад. В сентябре список участников инициативы расширился с принятием подобных документов в Бенине, Ботсване, Бурунди, Гамбии, Гане, Гвинее, Камеруне, Кении, на Коморских островах, Лесото, Мозамбике, Намибии, Республике Конго, Сан-Томе и Принсипи, Сьерра-Леоне, Того и Эфиопии.

В области **здравоохранения** отдельные стратегии или среднесрочные планы приняты в 37 странах. При этом в здравоохранении наличие формальной привязки к другим секторальным и среднесрочным документам не всегда носит содержательный характер. В Замбии Стратегия общественного здравоохранения (Community Health Strategy) 2017 г. вызвала критику со стороны доноров, участвовавших в процессе подготовки документа. Они обратились к главе Министерства здравоохранения, указав, что не были в достаточной степени вовлечены в консультации, их позиции не были учтены, а сама стратегия плохо согласована с Национальным стратегическим планом здравоохранения на 2017–2021 гг. (National Health Strategic Plan 2017–2021)[33].

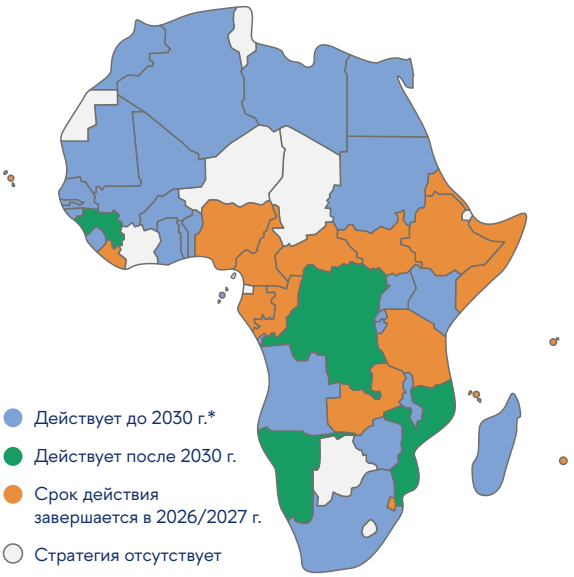
Стратегии в области энергетики, 2026 г.

Миссия 300 запущена Всемирным банком в 2024 г. для улучшения доступа к электроэнергии в Африке. Срок действия большинства стратегий — до 2030 г., в Танзании и Эфиопии — до 2034 г., в Мавритании — до 2035 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Международного энергетического агентства.

Стратегии в области здравоохранения, 2026 г.

*Включая стратегии, срок действия которых заканчивается в 2028 и 2029 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ВОЗ.

31 World Bank Group. Mission 300. URL:https://www.worldbank.org/ext/en/energizingafrica

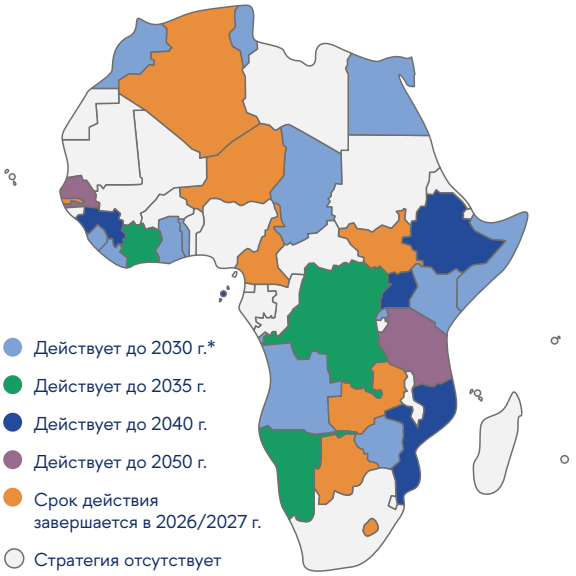
32 World Bank Group. National Energy Compacts. URL: https://www.worldbank.org/ext/en/energizingafrica/national-energy-compacts

33 Zulu J.M., Chavula M.P. et al. Exploring Politics and Contestation in the Policy Process: The Case of Zambia's Contested Community Health Strategy. International Journal of Health Policy and Management. URL: https://www.ijhpm.com/article_4153.html

В итоговом обзоре исполнения Национального стратегического плана сектора здравоохранения на 2010–2015 гг. (National Health Sector Strategic Plan) Сьерра-Леоне отмечалось, что программные приоритеты не были согласованы с планом и Совместной программой работ и финансирования (Joint Programme of Work and Funding)[34].

Отраслевые документы по развитию **сельского хозяйства** приняты в 32 странах. Как правило, они представляют собой национальные планы сельскохозяйственных инвестиций (National Agricultural Investment Plans, NAIPs) или страновые пакты по продовольствию и сельскому хозяйству (Country Food and Agriculture Delivery Compacts). Документы встроены в общеконтинентальную Комплексную программу развития сельского хозяйства в Африке (Comprehensive Africa Agriculture Development Programme, CAADP) – программу Африканского союза, принятую после принятия Мапутской декларации по сельскому хозяйству и продовольственной безопасности (Maputo Declaration on Agriculture and Food Security in Africa) в 2003 г. Декларация в качестве ключевых целей выделила направление странами не менее 10% государственных расходов на сельское хозяйство и достижение ежегодного роста сельскохозяйственного ВВП не менее чем на 6%, создаваемого за счет производства продукции сельского хозяйства[35,36]. В 2014 г. с принятием Малабской декларации (Malabo Declaration on Accelerated Agricultural Growth and Transformation for Shared Prosperity and Improved Livelihoods) правительствами были уточнены цели по ликвидации голода и недоедания, развитию внутриафриканской торговли сельскохозяйственной продукцией, повышению устойчивости продовольственных систем.

Стратегии в области сельского хозяйства, 2026 г.

*Включая стратегии, срок действия которых заканчивается в 2028 и 2029 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ФАО.

К 2026 г. стратегии в области **цифровой трансформации** приняты в 42 странах Африки, но сроки и степень актуальности национальных документов заметно различаются.

Наиболее распространенный горизонт планирования – до 2030 г., что во многом соответствует общеафриканской Digital Transformation Strategy for Africa 2020–2030, принятой Африканским союзом в качестве рамки цифрового развития континента[37].

Значительное влияние на цифровое развитие континента оказывает Всемирный банк, в 2018 г. запустивший программу Digital Economy for Africa (DE4A) для расширения доступа к интернету среди населения, государственных ведомств и частного сектора[38].

34 Government of Sierra Leone. Ministry of Health and Sanitation. Review of the Implementation of the National Health Sector Strategic Plan 2010-2015. URL: https://www.afro.who.int/sites/default/files/2017-05/nhssp.pdf

35 "Agricultural GDP".

36 African Union. Inaugural Biennial Review Report of the African Union Commission on the Implementation of the Malabo Declaration on Accelerated Agricultural Growth and Transformation for Shared prosperity and Improved Livelihoods. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/34698-doc-33640-rp-33640-wd-full_br_report_eng.pdf

37 African Union. The Digital Transformation Strategy for Africa (2020-2030). URL: https://au.int/en/documents/20200518/digital-transformation-strategy-africa-2020-2030

38 World Bank Group. The Digital Economy for Africa Initiative. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/all-africa-digital-transformation

При финансовой поддержке Всемирного банка правительствами африканских государств реализуются как инфраструктурные проекты, так и программы по развитию электронных государственных услуг. С 2019 по 2024 г. в рамках программы реализовано 70 проектов[39]. DE4A официально заявлена в качестве инициативы, направленной на достижение целей, заявленных в стратегии цифровой трансформации Афросоюза.

Внешние партнеры участвуют в подготовке стратегических документов и финансируют связанные с ними программы цифровой трансформации. В большинстве стран фасилитаторами цифровой трансформации становится целый ряд партнеров, действующих под эгидой программ Всемирного банка и ЕС; азиатские государственные фонды развития (в основном из Японии и Кореи) также находятся в структуре партнерских организаций Банка. В Нигерии, например, в разработке планов по цифровизации государственного управления принимала участие Korea International Cooperation Agency (KOICA)[40,41], в Танзании рамочная стратегия для сектора ИКТ профинансирована Всемирным банком[42], в Зимбабве участие в разработке стратегии принимали не западные институты, а ЭКА ООН[43]. В Бурунди разработка стратегических документов для ИКТ-сектора поддерживается и финансируется в рамках Digital Foundations Project Всемирного банка[44]. Отдельно выделяется Гамбия, где National Digital Economy Master Plan 2023–2033 был подготовлен эстонской e-Governance Academy в рамках проекта AU-EU Digital for Development Hub[45].

Стратегии в сфере ИКТ наиболее разнообразны по охвату и тематической направленности. Помимо рамочной стратегии, координирующей всю цифровую трансформацию в стране, действуют отдельные секторальные планы по развитию кибербезопасности, цифровых государственных услуг, мобильных решений в области здравоохранения и сельского хозяйства, а в последние годы распространение получили документы по развитию больших данных и ИИ. При этом список партнеров, участвующих в разработке подобных документов, может не совпадать: тренд на диверсификацию партнерств проявляется и в формулировании документов. Например, Эфиопия в долгосрочной стратегии развития Digital Ethiopia 2030[46] рассматривает несколько форматов международного взаимодействия, в которых сочетаются многосторонние объединения, международные финансовые и торговые институты и дискуссионные площадки.

Сотрудничество в рамках БРИКС в Эфиопии связывают с укреплением цифрового суверенитета, развитием собственных технологий и локальных цифровых решений в сельском хозяйстве, здравоохранении и электронном государственном управлении. Отдельно отмечается потенциал взаимодействия с инновационными центрами БРИКС и реализации совместных проектов в области ИИ и кибербезопасности как инструментов диверсификации внешних партнерств. Всемирный банк поддерживает проекты по цифровизации государственного управления (GovTech), цифровую идентификацию Fayda и реформы государственного сектора, Африканский банк развития – инфраструктурные проекты, ЕС – инициативы в области защиты данных и государственное управление, ITU – разработку телекоммуникационных стандартов, ВТО – формирование правил международной цифровой торговли.

39 eTrade for all. Digital Transformation Drives Development in Africa. URL: https://etradeforall.org/news/digital-transformation-drives-development-africa

40 Federal Ministry Of Communications. Nigeria E-Government Master Plan. URL: https://fmcide.gov.ng/wp-content/uploads/2023/11/NgeGovMP.pdf

41 Voice of Nigeria. Korean Agency urges Nigeria to implement e-governance master plan. URL: https://von.gov.ng/korean-agency-urges-nigeria-to-implement-e-governance-master-plan

42 Ministry of Information, Communication and Information Technology. Tanzania Digital Economy Strategic Framework (2024-2034). URL: https://ictc.go.tz/storage/44/01J5TJNDHDVTA3AHVQN9CR6BV7.pdf

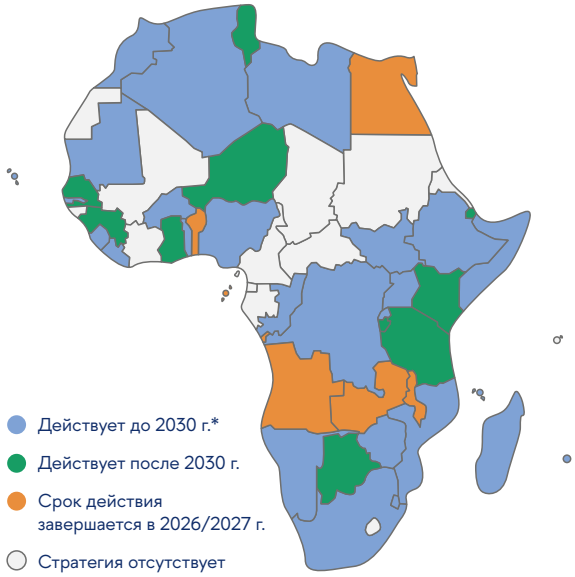
43 Ministry of Information Communication Technology, Postal And Courier Services. National ICT Policy 2022-2027. URL: https://www.ictministry.gov.zw/assets/documents/National%20ICT%20Policy%202022-2027.pdf

44 World Bank Group. Burundi - Digital Foundations Project (English). URL: https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/207441655916156350

45 Government of The Gambia. Ministry of Communications and Digital Economy. National Digital Economy Master Plan 2023-2033. URL: https://mocde.gov.gm/wp-content/uploads/2023/10/Final-The-Gambia-Digital-Economy-Master-Plan-2023-20233.pdf

46 Federal Democratic Republic of Ethiopia. Digital Ethiopia Vision 2030. URL: https://www.scribd.com/document/964470793/Digital-Ethiopia-2030-Draft-v7

Стратегии цифровой трансформации, 2026 г.

*Включая стратегии, срок действия которых заканчивается в 2028 и 2029 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных МСЭ и министерств цифровой трансформации.

Эфиопия также участвует в международных дискуссионных форматах, в основном действующих под эгидой ООН – WSIS и Global Digital Compact, где поднимаются вопросы этичного использования ИИ, защиты прав человека в цифровом пространстве, развития цифровой грамотности.

Реализация стратегий

Планирование не заканчивается принятием документа. Успешная реализация стратегии зависит от уровня координации деятельности институтов, связи стратегии с бюджетом и согласования между центральным и местным уровнями. ЭКА ООН называет несоответствие (divide) между планированием и бюджетированием основным фактором, препятствующим выполнению планов[47]. Центральные органы, отвечающие за планирование, зачастую оказываются институционально слабее министерств финансов, что вызывает трудности для попадания приоритетов из стратегий в строки государственных бюджетов. Бюджетные рамки часто формируются исходя из прежних расходов ведомств, поэтому проекты и сферы, получающие финансирование, не всегда совпадают с приоритетами национальных планов.

Во многих странах Африки системы мониторинга и оценки возникали прежде всего как ответ на требования доноров, что в свою очередь приводило к формированию отчетности, ориентированной «вовне», а не в ответ на внутренний спрос государства. При недостаточной централизации и координации возникает множество параллельных механизмов отчетности: ведомственные, донорские, проектные, региональные, что приводит к дублированию, пересечению полномочий и сбору некорректных статистических данных. Дефицит данных и чрезмерный фокус на отслеживании расходов вместо результатов ЭКА ООН также выделяет в качестве основных барьеров для успешной реализации планов развития[48].

Преодоление этих проблем предполагает формальное закрепление в секторальных планах конкретных механизмов мониторинга и оценки: распределения ответственности между институтами, контроля за периодичностью отчетности, наборов ключевых показателей, надежных источников данных и процедур корректировки политик по итогам внутренних и внешних оценок их исполнения.

Степень практической проработки стратегических документов существенно различается: часть стратегий содержит конкретные целевые показатели, индикаторы и механизмы мониторинга, тогда как другие ограничиваются более общими формулировками целей и направлений развития. Например, среди стран, приводящих количественные цели, исходные значения целевых показателей, конкретные наборы ключевых показателей эффективности (КПЭ) и матрицы индикаторов – Ангола, Бенин, Буркина-Фасо,

47 United Nations Economic Commission for Africa. Planning for Africa's development. Lessons, insights and messages from past and present experiences. URL: https://archive.uneca.org/sites/default/files/PublicationFiles/planning_for_africas_development_hr_fullen.pdf

48 Там же.

Бурунди, ЦАР, Чад, Эфиопия, Кения, Нигерия и Руанда. Количественные ориентиры по отдельным секторам или описание механизмов реализации задач плана присутствуют у Ботсваны, Кабо-Верде, Коморских островов, Ганы и Гвинеи-Бисау, при этом полноценная матрица КПЭ по всем направлениям развития отсутствует. В Камеруне и Гвинее сформулированы лишь цели и направления развития без измеримых показателей.

Например, в Гане Среднесрочный план развития сектора здравоохранения (Health Sector Medium-Term Development Plan 2026–2029) содержит отдельную главу о мониторинге и оценке. За общий контроль отвечает Министерство здравоохранения, но в структуры мониторинга также включены Служба здравоохранения Ганы (Ghana Health Service), Христианская ассоциация здравоохранения Ганы (Christian Health Association of Ghana), министерства, департаменты и ведомства, а также столичные, муниципальные и районные ассамблеи, частный сектор, университеты, НПО и партнеры по развитию. План предусматривает проведение ежегодных оценок, среднесрочную оценку и итоговую оценку эффективности. Ежегодная оценка должна совпадать с результатами ежегодного обзора сектора здравоохранения, а результаты должны использоваться для годового планирования и бюджетирования[49].

Цели и задачи ганского Среднесрочного плана развития сектора здравоохранения на 2026–2029 гг. (Health Sector Medium-Term Development Plan) соответствуют положениям Согласованной программы экономической и социальной политики развития (Coordinated Programme of Economic and Social Development Policies), Среднесрочной рамочной программе национальной политики развития на 2026–2029 гг. (Medium-Term National Development Policy Framework), дорожной карте всеобщего охвата услугами здравоохранения (Universal Health Coverage), а также согласованы с ЦУР и Повесткой Африканского союза до 2063 г.

Секторальный стратегический план по ИКТ и инновациям (ICT and Innovation Sector Strategic Plan 2024–2029) Руанды связан с Второй национальной стратегией трансформации NST2 (Second National Strategy for Transformation), Вторым мастер-планом «Умная Руанда» (Smart Rwanda Master Plan II), Стратегией цифровой трансформации Африки (Digital Transformation Strategy for Africa 2020–2030) и Повесткой Африканского союза до 2063 г. Реализация сопровождается четкой матрицей мониторинга и оценки, разработанной руандийским Министерством финансов и экономического планирования. Данные должны собираться ежегодно, рамка мониторинга и оценки пересматривается раз в два года[50]. Правительство Руанды определяет наборы ключевых показателей: по итогам реализации плана доля граждан старше 15 лет с навыками базовой цифровой грамотности должна вырасти с 53 до 100%, 500 тыс. человек должны пройти обучение для получения навыков в области ИКТ, 1 млн – базовому кодингу и т.п. Ответственными указаны Министерство информационных технологий и инноваций (Ministry of ICT and Innovation), Управление информационного общества Руанды (Rwanda Information Society Authority), Национальный институт статистики Руанды (National Institute of Statistics of Rwanda) и другие ведомства.

В сельском хозяйстве механизмы мониторинга определены, например, в Нигерии. Национальный инвестиционный план по агропродовольственным системам (National Agri-food Systems Investment Plan 2026–2027, NASIP) связан с Комплексной программой развития сельского хозяйства в Африке, Кампальской декларацией 2025 г., долгосрочной стратегией Нигерии до 2050 г. (Nigeria Agenda 2050) и среднесрочным Национальным планом развития на 2021–2025 гг. Механизм реализации NASIP многоуровневый: Национальный комитет по реализации (National Implementation Committee) под председательством министра сельского хозяйства отвечает за стратегический надзор и контроль использования средств,

49 Ministry of Health. Health Sector Medium-Term Development Plan (MTDP) 2026 - 2029. URL: https://www.ndpc.gov.gh/media/Ministry_of_Health___2026-2029_MTDP.pdf

50 Ministry of ICT and Innovation. ICT Sector Strategic Plan (2024 – 2029). URL: https://www.minict.gov.rw/fileadmin/user_upload/minict_user_upload/Documents/Strategies/ICT___SSP_2024-2029_.pdf

Технический рабочий комитет (Technical Working Committee) во главе с постоянным секретарем обеспечивает согласование NASIP, MTSS и секторальных КПЭ. Комитеты по реализации на уровне штатов (State Implementation Committees) отвечают за реализацию через инвестиционные планы агропродовольственных систем штатов (State Agri-food Systems Investment Plans), комитеты по реализации на уровне местного самоуправления (Local Government Implementation Committees) отвечают за сбор данных и нижний уровень отчетности[51].

Финансирование стратегий

Финансовые механизмы в долгосрочных стратегиях развития представлены менее системно, чем формулировки видения, стратегические приоритеты и секторальные блоки. Около 10 стран указывают относительно конкретные финансовые параметры: совокупную стоимость реализации, инвестиционную потребность, объем обеспеченного финансирования или дефицита. Например, в Буркина-Фасо стоимость реализации плана на 2026–2030 гг. оценена в 36 190 млрд франков КФА (около 64 млрд долл.), из которых 64% должны покрываться за счет собственных ресурсов, 6% – за счет внешних источников, а 30% требуют дополнительного финансирования. На текущие расходы приходится 41% от общей стоимости плана, на инвестиционные расходы – 35%, на погашение государственного долга – 24%. Утвержденный государственный бюджет Буркина-Фасо на 2025 г. предусматривал 5,5 млрд долл. поступлений и 6 млрд долл. расходов.

Среднегодовая стоимость реализации плана развития – 13 млрд долл. – примерно в два раза выше всех годовых расходов государственного бюджета 2025 г.[52]

В Центральноафриканской Республике стоимость реализации Национального плана развития на 2024–2028 гг., включающего 543 проекта[53], составляет около 13 млрд долл., при этом обеспечено только 24%, потребность в дополнительном финансировании достигает 75%. В сентябре 2025 г. правительство объявило о том, что 9 млрд долл. из заявленных 13 млрд уже покрыто, точные источники финансирования не названы[54]. В ДРК стоимость плана на 2024–2028 гг. оценена в 95 млрд долл., прогнозируемое обеспеченное финансирование – 53%, доля недостающего финансирования – 47%. Под совокупной стоимостью реализации стратегий в разных странах подразумеваются различные аспекты – стоимость реализации инвестиционных проектов и программ (как в ЦАР и ДРК), или же совокупный объем расходов, связанный с реализацией плана и включающий погашение государственного долга.

Использование собственных ресурсов – ключевой источник финансирования планов развития, заявленный в документах большинства стран.

При этом финансовые параметры реализации представлены преимущественно на уровне описания инструментов и возможных источников финансирования, без детализированной информации о требуемых расходах. Конкретизация целей по увеличению объема налоговых поступлений для восполнения бюджетных дефицитов присутствует в 28 стратегиях[55].

51 Federal Ministry of Agriculture and Food Security. National Agri-Food Systems Investment Plan (NASIP) 2026-2027. URL: https://agriculture.gov.ng/wp-content/uploads/2026/03/Agricfood-System-Investment-Plan-1.pdf

52 Сопоставление носит условный характер: стоимость плана развития включает не только инвестиционные и текущие расходы, но и погашение государственного долга, поэтому ее охват шире стандартных бюджетных расходов.

53 PR Newswire. The Central African Republic launches a large-scale program for the future. URL: https://www.prnewswire.co.uk/news-releases/the-central-african-republic-launches-a-large-scale-program-for-the-future-302546889.html

54 African Security Analysis. Central African Republic Secures $9 Billion for 2024–2028 Development Plan. URL: https://www.africansecurityanalysis.com/updates/central-african-republic-secures-usd9-billion-for-2024-2028-development-plan

55 Ангола, Бенин, Буркина-Фасо, Камерун, ЦАР, Чад, Коморские острова, Республика Конго, Кот-д'Ивуар, ДРК, Джибути, Египет, Экваториальная Гвинея, Эфиопия, Кения, Лесото, Мадагаскар, Мали, Мавритания, Марокко, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Судан, Танзания, Уганда и Зимбабве.

Привлечение частного сектора для финансирования стратегии – универсальный механизм, заявленный почти во всех документах. В 19 странах отдельно выделяются прямые иностранные инвестиции (ПИИ)[56], а в 16 стратегиях указана необходимость государственно-частного партнерства и реализации проектов по модели «строительство – эксплуатация – передача» (Build-Operate-Transfer, B-O-T)[57]. При этом частный сектор чаще всего заявлен как предполагаемый источник финансирования: перечень проектов, условия участия частного капитала и его соотношение с государственными ресурсами не раскрываются.

Механизмы экономического взаимодействия с диаспорой (денежные переводы мигрантов, инвестиции соотечественников, проживающих за рубежом, и выпуск специальных облигаций для диаспоры) зафиксированы в стратегиях Буркина-Фасо, Бурунди, Кабо-Верде, Центральноафриканской Республики, Чада, Коморских островов, Ганы, Кении и Сьерра-Леоне. Климатическое и «зеленое» финансирование также учитывается в 9 странах: Анголе, Буркина-Фасо, ЦАР, на Коморских островах, в Египте, Кении, Малави, Сьерра-Леоне и Того. Распространение получают и инновационные финансовые инструменты, среди которых – зеленые облигации, исламский банкинг, торговля квотами на эмиссии парниковых газов (carbon trading).

Кто пишет стратегии: государственные органы и внешние участники

Национальное планирование

В основном за разработку стратегий отвечают профильные органы исполнительной власти – министерства планирования или их аналоги. Из 47 проанализированных Центром изучения Африки НИУ ВШЭ стратегий в 21 стране[58] за их подготовку отвечало министерство планирования и/или экономического развития. В десяти странах[59] (в основном англоязычных) ключевую роль в подготовке документа играли специализированные органы национального планирования – комиссии, советы или иные структуры, отвечающие за стратегическое развитие: Национальная комиссия по планированию (National Planning Commission) в Малави, Намибии, ЮАР и Танзании, Национальный орган планирования (National Planning Authority) в Уганде, Национальная комиссия по планированию развития (National Development Planning Commission) в Гане, Комиссия по планированию и развитию (Planning and Development Commission) в Эфиопии или близкие по функциям институты, находящиеся как правило, в подчинении главы государства (и за рамками собственно правительства).

В шести странах[60] разработка стратегии напрямую связана с высшей исполнительной властью. Например, в Ботсване Vision 2036 была подготовлена Presidential Task Team, в Марокко план разрабатывала Специальная комиссия по модели развития (Commission spéciale sur le modèle de développement), назначенная королем Мухаммедом VI. В ряде стран стратегии подготовлены через особые экспертно-координационные механизмы, не сводимые только к одному министерству. В 11 странах формальный разработчик обозначен более обобщенно как «правительство», а не конкретное ведомство[61].

56 Ангола, Бурунди, Чад, Коморы, Конго, ДРК, Джибути, Египет, Экваториальная Гвинея, Гана, Гвинея-Бисау, Кения, Лесото, Мадагаскар, Мавритания, Нигер, Сенегал, Судан, Зимбабве.

57 Бенин, Буркина-Фасо, Бурунди, Кабо-Верде, ЦАР, Чад, Конго, ДРК, Гвинея-Бисау, Лесото, Мадагаскар, Малави, Мавритания, Мозамбик, Сан-Томе и Принсипи, Уганда.

58 Буркина-Фасо, Камерун, Центральноафриканская Республика, Чад, Кот-д'Ивуар, Демократическая Республика Конго, Джибути, Египет, Гвинея, Либерия, Мали, Мавритания, Мозамбик, Нигер, Нигерия, Сейшелы, Сьерра-Леоне, Сомали, Того, Тунис, Замбия.

59 Бенин, Эфиопия, Гана, Кения, Малави, Намибия, ЮАР, Судан, Танзания, Уганда.

60 Ботсвана, Бурунди, Маврикий, Марокко, Сенегал, Зимбабве.

61 Ангола, Бенин, Бурунди, Кабо-Верде, Коморские острова, Конго, Экваториальная Гвинея, Гвинея-Бисау, Лесото, Руанда, Сан-Томе и Принсипи.

Внешние партнеры

Центром изучения Африки НИУ ВШЭ был проведен анализ 47 стратегических документов, который показал, что участие внешних доноров и международных организаций не всегда отражено на уровне авторства. Даже при наличии экспертной, технической или финансовой поддержки при подготовке стратегии иностранные институты нередко фиксируются не как соавторы, а в отдельных разделах, посвященных консультационному процессу, благодарностям, механизмам финансирования или реализации долгосрочных планов.

На формальном уровне процесс разработки стратегий автономен в большинстве стран. В 32 странах прямое участие внешних акторов в подготовке стратегии не зафиксировано в тексте документа. При этом международные организации, доноры и региональные институты могут упоминаться как источники финансирования, участники консультаций, посредники в согласовании национальных целей с международными повестками развития. Отчетливо выраженное внешнее участие в разработке и обсуждении подготовки стратегии зафиксировано в 14 странах[62].

Наиболее заметным внешним участником в процессе подготовки национальных стратегий развития выступает Программа развития ООН, или ПРООН (United Nations Development Programme, UNDP).

В соответствии с мандатом организации, ее работа в странах Африки включает поддержку правительств в формулировании политик (policies) для продвижения ЦУР и Повестки 2063[63]. В структуру организаций ПРООН, занимающихся африканским треком, входят Региональное бюро по Африке в Нью-Йорке, Региональный сервисный центр по Африке в Аддис-Абебе и региональные хабы в Дакаре, Найроби и Претории. С 2018 г. должность директора Регионального бюро по Африке занимает Ахунна Эзиаконва, родившаяся в Нигерии. Региональным сервисным центром руководит ганец Маттиас Нааб.

Работа по подготовке стратегий ведется Региональной программой для Африки совместно с подразделениями Регионального сервисного центра и страновыми офисами ПРООН. Совместно с Африканским банком развития, ЭКА ООН и Новым партнерством для развития Африки (AUDA-NEPAD) в 2021 г. ПРООН разработала Гид по интегрированному планированию в Африке (Guide for Integrated Planning in Africa). Документ подготовлен для учета при разработке планов и их согласования с ЦУР и Повесткой 2063[64]. Подготовкой доклада руководила Клаудия Мелим-Маклеод (в 2026 г. – директор исследовательского центра Future Horizons Institute в Норвегии), среди участников – Алессандра Казацца (Центр ПРООН по вопросам устойчивости в Африке в Найроби, в 2026 г. – постоянный представитель ПРООН в Гвинее-Бисау; происхождение – Италия) и Ахмед аль-Авах (руководитель подразделения стратегического консультирования в области информационных технологий ЭКА ООН, в 2026 г. – директор по технологиям Экономической и социальной комиссии ООН для Западной Азии (ЭСКЗА) в Бейруте; происхождение – Йемен).

Участие ПРООН указано в стратегических документах 10 стран: Ботсваны, Чада, Коморских островов, Джибути, Либерии, Малави, Намибии, Сан-Томе и Принсипи, Сьерра-Леоне и Экваториальной Гвинеи. При этом формат взаимодействия различается в зависимости от страны.

На Коморских островах ПРООН профинансировала разработку стратегии, в Джибути и Ботсване организация отмечена в качестве «технического партнера» при подготовке документа. В Либерии участие организации связано с поддержкой проектов, заявленных в рамках

62 Ботсвана, Коморы, Демократическая Республика Конго, Джибути, Египет, Экваториальная Гвинея, Кения, Либерия, Малави, Мавритания, Мозамбик, Сейшелы, Сьерра-Леоне и Сомали. Внешняя поддержка обозначена как техническая, консультационная, экспертная или финансовая.

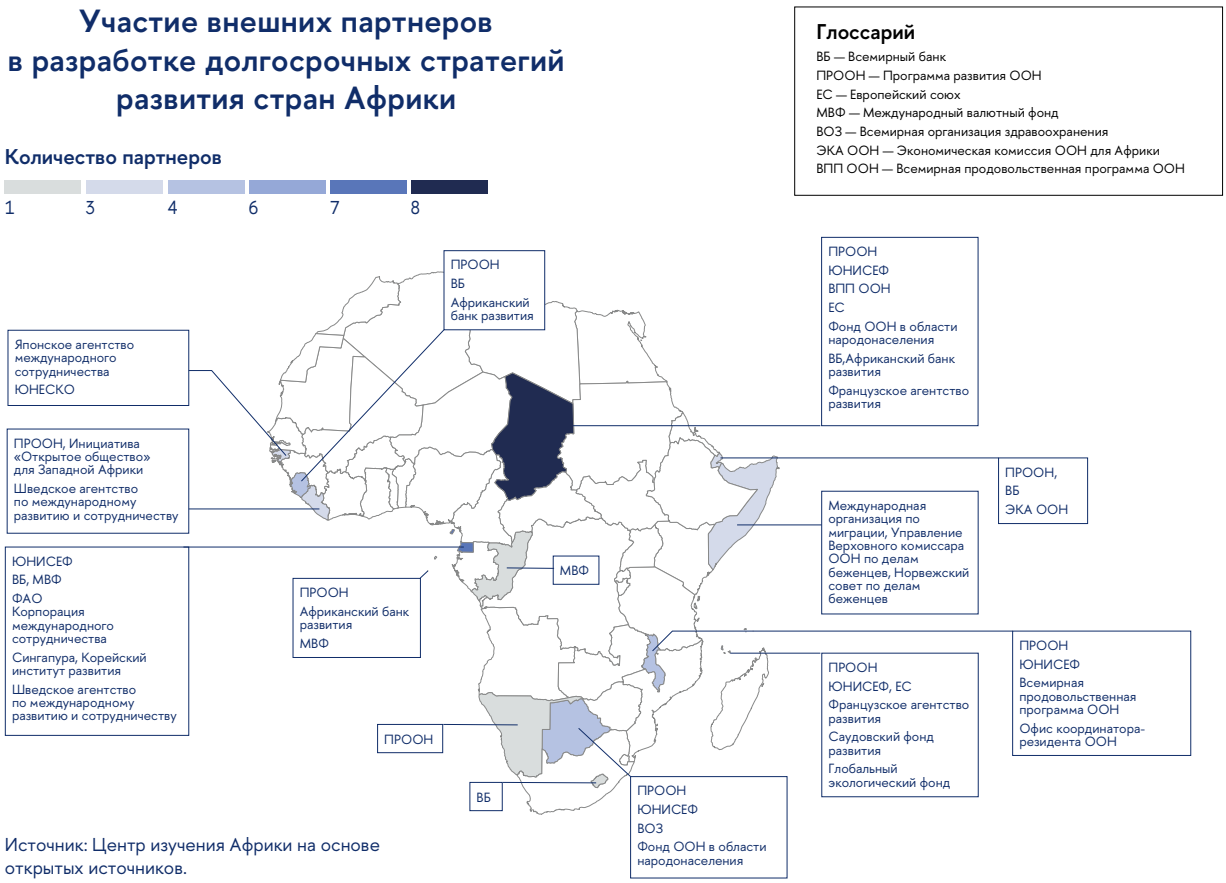
63 United Nations Development Programme. URL: https://www.undp.org/africa/about-us

64 United Nations Development Programme. Guide for Integrated Planning in Africa. URL: https://www.undp.org/africa/publications/guide-integrated-planning-africa

стратегии, а также с финансированием отдельных элементов процесса подготовки стратегии. В Малави структуры системы ООН, включая ПРООН, упоминаются в контексте поддержки процесса выработки долгосрочного видения развития (envisioning process). В Сьерра-Леоне ПРООН представляла донорское сообщество в Национальном техническом комитете (National Technical Committee) и участвовала в обсуждении проекта стратегии совместно с Африканским банком развития (African Development Bank) и Всемирным банком.

Участие ЮНИСЕФ (United Nations Children's Fund, UNICEF) зафиксировано в стратегиях Ботсваны, Чада, Коморских островов, Экваториальной Гвинеи и Малави. В Ботсване ЮНИСЕФ упоминается вместе с ПРООН, Всемирной организацией здравоохранения (World Health Organization, WHO) и Фондом ООН в области народонаселения (United Nations Population Fund, UNFPA) среди институтов, предоставивших технические ресурсы или консультационные услуги. Всемирный банк в большинстве случаев выступает в качестве финансового партнера, а не разработчика стратегии. Его прямое участие в финансировании и стратегических консультациях при разработке документа отдельно зафиксировано в документах Чада, Джибути, Экваториальной Гвинеи, Лесото[65] и Сьерра-Леоне. Объем прямого финансирования разработки стратегий не раскрывается.

Участие внешних партнеров в разработке долгосрочных стратегий развития стран Африки

Источник: Центр изучения Африки на основе открытых источников.

65 Всемирный банк финансировал Проект модернизации государственного сектора (Public Sector Modernisation Project) на 10 млн долл. Цель проекта – укрепление стратегического планирования и повышение эффективности фискального и кадрового управления. В компоненте 1 указана поддержка подготовки Второго национального стратегического плана развития Лесото. При этом сумма на подготовку плана отдельно не выделена: весь компонент «стратегическое планирование и фискальное управление» составлял 2 млн долл.

Африканский банк развития (African Development Bank, AfDB)[66] упоминается в стратегиях Чада, Экваториальной Гвинеи, Республики Конго, Сан-Томе и Принсипи и Сьерра-Леоне. Его роль в большей степени связана с инфраструктурным развитием, энергетикой и индустриализацией. Французское агентство развития (Agence française de développement, AFD)[67] и Европейский союз принимали участие в разработке документов 2 стран – Чада и Коморских островов. Всемирная продовольственная программа (World Food Programme, WFP)[68] – в стратегиях Чада и Малави, Международный валютный фонд (International Monetary Fund, IMF) – в документах Республики Конго и Экваториальной Гвинеи.

Наряду с крупными многосторонними институтами в разработке ряда стратегий принимали участие региональные внешние партнеры, среди которых – Японское агентство международного сотрудничества (Japan International Cooperation Agency, JICA) в Гвинее-Бисау. В стратегии Коморских островов упоминаются Саудовский фонд развития (Saudi Fund for Development) и Глобальный экологический фонд (Global Environment Facility, GEF), в Экваториальной Гвинее – Сингапурское агентство сотрудничества (Singapore Cooperation Enterprise) и Корейский институт развития (Korea Development Institute, KDI), в Либерии – Инициатива «Открытое общество для Западной Африки» (Open Society Initiative for West Africa, OSIWA) и Шведское агентство международного сотрудничества в области развития (Swedish International Development Cooperation Agency, SIDA), в Сомали – Международная организация по миграции (International Organization for Migration, IOM), Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (United Nations High Commissioner for Refugees, UNHCR) и Норвежский совет по делам беженцев (Norwegian Refugee Council, NRC)[69] .

По результатам исследования Центра изучения Африки НИУ ВШЭ можно выделить несколько способов участия внешних партнеров в процессе стратегического планирования. Первая модель предполагает наличие прямой технической или консультативной поддержки при подготовке стратегии, что позволяет отнести институт к непосредственным разработчикам документа, влияющим на формулирование стратегических целей.

При этом в большинстве стран внешние доноры участвуют в реализации стратегии, но не имеют статуса разработчика.

Вторая модель характерна для большинства стран, где внешние партнеры представлены как потенциальные источники грантов и кредитов, технической помощи, инвестиций или как участники секторальных программ – но не принимают участие в экспертных консультациях.

Траектории развития

Долгосрочные стратегии развития стран Африки характеризуются рядом устойчиво воспроизводимых, сквозных элементов содержания. К числу наиболее распространенных направлений трансформации, упоминаемых большинством правительств, относятся диверсификация экономики, развитие инфраструктуры, укрепление человеческого капитала и цифровизация. Ряд стран (например, Бенин, Мали и Гана) в своих

66 African Development Bank. URL: https://www.afdb.org/en

67 Agence française de développement. URL: https://www.afd.fr/fr

68 World Food Programme. URL: https://www.wfp.org/

69 Выбор внешних партнеров в этих случаях отражает совпадение приоритетов страны со специализацией внешних институтов. Например, в Гвинее-Бисау участие Японии связано прежде всего с японской специализацией в аграрной политике и рисоводстве в Африке. JICA совместно с Альянсом за зеленую революцию в Африке (Alliance for a Green Revolution in Africa, AGRA) запустила Коалицию за развитие рисоводства в Африке (Coalition for African Rice Development, CARD) в 2008 г. CARD поддерживает страны Африки в подготовке национальных стратегий развития рисоводства. В 2024 г. Гвинея-Бисау завершила вторую часть Национальной стратегии развития рисоводства (National Rice Development Strategy, NRDS) при участии механизма CARD. // Coalition for African Rice Development. Guinea-Bissau, February 2024. URL: https://riceforafrica.net/guinea-bissau-february-2024/; Саудовский фонд развития связан с линией поддержки инфраструктурных и социальных проектов в малых развивающихся государствах. Например, в 2022 г. SFD предоставил Коморам 5 млн долл. на проект водоснабжения, который должен был охватить около 83 тыс. человек в 17 деревнях. // Arab News. Saudi Fund for Development helps Comoros with $5m water project. URL: https://arab.news/g2g45; В Сомали привлечение IOM, UNHCR и NRC обусловлено масштабом внутреннего перемещения населения и необходимостью включить вопросы миграции, возвращения, защиты и долгосрочных решений для перемещенных лиц в национальное планирование.

стратегиях уделяет отдельное внимание культурному прошлому страны, необходимости его сохранения и превращения в своего рода «бренд». Структура документов и иерархия приоритетов, выбранные правительствами, позволяют оценить, какие образы будущего государства стремятся транслировать гражданам, внешним партнерам и потенциальным инвесторам.

Стратегическое планирование в африканских странах формируется с учетом влияния крупных международных организаций и многосторонних доноров, однако не сводится к внешнему воздействию.

В отдельных случаях значимую роль играют также страновые институты развития внешних партнеров, финансирующие гуманитарные, инфраструктурные, образовательные и отраслевые проекты. Таким образом, долгосрочные стратегии выступают в качестве механизмов для укрепления внешнего сотрудничества и закрепления тех или иных отраслей за конкретными внешними партнерами.

Для России данная сфера остается недостаточно раскрытым направлением взаимодействия с африканскими государствами. Российские государственные и негосударственные организации обладают потенциалом к участию не только в реализации отдельных инфраструктурных, гуманитарных или образовательных проектов, но и в экспертном сопровождении долгосрочного планирования: подготовке отраслевых стратегий, разработке нормативной и институциональной базы, формировании программ подготовки кадров и проектного управления. Такая работа может осуществляться российскими неправительственными организациями, экспертными центрами и университетами при поддержке институтов развития и профильных государственных и международных структур.

Интегральная оценка стратегий

Качество стратегического планирования во многом определяет, насколько национальная стратегия способна выполнять не только декларативную, но и практическую функцию: связывать долгосрочные приоритеты с конкретными механизмами реализации и измеримыми результатами. В 2025 г. Экономическая комиссия ООН для Африки разработала рамку для анализа стратегий в зависимости от их уровня эффективности, который можно определить в зависимости от принципов формирования документа. ЭКА ООН опирается на подход А. Чимхоу, Д. Халма и Л. Манро[70], классифицирующих национальные планы развития по четырем категориям: характеру процесса планирования (централизованному, или основанному на участии широкого круга заинтересованных сторон), методу формулирования стратегии (составлена ограниченным кругом экспертов или широким кругом участников из различных сфер), качеству данных и степени отражения стратегией общественных настроений.

Таким образом, ЭКА ООН выделяет семь критериев эффективного планирования: 1) привлечение заинтересованных сторон; 2) интегрированность и согласованность долгосрочных и секторальных стратегий; 3) использование актуальных данных; 4) наличие системы мониторинга; 5) межведомственная координация; 6) механизмы управления рисками; 7) согласованность с более широкими национальными и международными рамками развития (Повестка 2063, ЦУР ООН)[71]. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) выделяет шесть измерений, применяемых для оценки национальных стратегий развития – релевантность, согласованность, результативность, ресурсная эффективность, потенциальное воздействие и устойчивость.

70 Chimhowu A.O, Hulme D., Munro L.T. The "New" National Development Planning and Global Development Goals: Processes and Partnerships. World Development. Vol 120. 2019. Pp.76-89. https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.03.013

71 UNECA. Towards an Effective and Agile Development Planning Institutional Architecture in Africa. Development Planning Section, Macroeconomics, Finance and Governance Division. December 2025. URL: https://www.uneca.org/eca-events/sites/default/files/resources/documents/mgd/committee-economic-governance-third-session/towards_an_effective_devt_planning_eng.pdf

Авторы

Маслов
Андрей Александрович
директор Центра изучения Африки НИУ ВШЭ

Бондаренко
Анна Валентиновна
исполнительный директор, ООО «Интеграция Экспертизы»

Головко
Николай Максимович
ведущий эксперт Центра изучения Африки НИУ ВШЭ

Давыдов
Артем Витальевич
кандидат филологических наук, доцент кафедры африканистики СПбГУ

Добронравин
Николай Александрович
доктор филологических наук, заведующий отделом этнографии Африки МАЭ РАН

Липатов
Павел Юрьевич
студент НИУ ВШЭ

Панин
Никита Алексеевич
кандидат политических наук, эксперт Центра изучения Африки НИУ ВШЭ

Свиридов
Всеволод Юрьевич
заместитель директора Центра изучения Африки НИУ ВШЭ (2024–2026 гг.)

Смирнов
Кирилл Владимирович
стажер-исследователь Центра изучения Африки НИУ ВШЭ

Сухова
Дарья Максимовна
научный сотрудник, ООО «Интеграция Экспертизы»

Ульянова
Юлия Алексеевна
стажер-исследователь Центра изучения Африки НИУ ВШЭ

Цветков
Аркадий Андреевич
стажер-исследователь Центра изучения Африки НИУ ВШЭ

Организационное обеспечение

Слюсарчук
Полина Алексеевна
заместитель директора Центра изучения Африки НИУ ВШЭ

Болдырева
Любовь Владимировна
Начальник отдела администрирования и координации Центра изучения Африки НИУ ВШЭ

Предметный указатель

Африканский банк развития 20, 42, 137, 147, 188, 197–198, 224, 250, 252, 257–259

Африканский союз 22, 36, 52–53, 65, 92, 134, 150, 158, 184, 229, 231–233, 234, 240, 242, 251–253, 254

Безработица 93–95, 101, 113–116, 245

Биоразнообразие 142–144, 147, 153–160

БРИКС 253

Валютные резервы 137–140

Внутренний рынок 49, 88, 133, 190

Возобновляемые источники энергии 113, 133–134, 235

Глобализация 57

Города 13–18, 20, 101, 132–133, 191–210

Данные 212, 226–228, 231–236, 252–253, 260

- Большие данные 252
- Локализация данных 234
- ЦОД 212, 222–225, 228, 232–235

Диверсификация экспорта 127, 132, 188

Диаспоры 24–26, 57, 83, 95, 98, 127, 135, 196, 256

Долг 117, 119, 124–126, 136–138, 145, 150, 255

- Внешний долг 117, 124–125, 137–138
- Внутренний долг 124, 137

Добыча полезных ископаемых 122–123, 134, 163, 169–190, 249

Знание 67, 132, 158, 243, 246

Здравоохранение 27–54, 78, 82–85, 93, 97, 106, 117–119, 125, 136, 244–254, 258

Изменение климата 25, 147–150, 156, 195

Инфраструктура 117–124, 128, 130–134, 147, 158, 163, 177–178, 183, 188, 191–236, 238–239, 244–247, 252, 259–260

Искусственный интеллект 72–73, 212, 228, 232, 235, 252–253

Информационно-коммуникационные технологии 110, 134, 211–236, 252, 254

Ислам 57, 64–65, 76–91, 100–102, 105–107, 256

Кибербезопасность 131, 235–236, 252

Критические минералы 173–174, 190

Международная помощь развитию 24, 136, 243

Миграции 15, 22–24, 56–60, 69, 73, 98, 195–196, 236

Мобильные деньги 47, 212

Налоги 24, 44, 116–117, 120–124, 134, 136, 177, 183, 186–187, 189, 199, 217, 234, 236, 255

Национальный парк 151, 159–160, 163, 165–166

Неформальная экономика 116, 122

Планирование 66, 132, 159, 184, 197–200, 207–209, 225, 237–260

Природный капитал 141–168

Прямые иностранные инвестиции 24, 111, 119, 122–123, 133–137, 245, 248–249, 256

Регулятор 39, 47–52, 227–229, 234

Религиозные организации 75–108

Рост населения 10-12, 74, 132, 143, 162, 164, 192, 194–196, 245

Спутники 13, 162–163, 206, 212, 226–232

Стратегия 35–36, 41, 45, 70, 73, 77, 104, 110, 132, 145–146, 158, 162, 173, 176–177, 180, 183–184, 186, 188–190, 206, 209, 229, 232, 237–260

Суверенитет 51–53, 107, 136, 162–163, 186–187, 242, 244, 248–249, 252

- Продовольственный 244
- Цифровой 252

Торговля 24–26, 46, 52, 56–57, 60–61, 64–65, 74, 78–79, 104, 110, 113–114, 126–132, 134, 143, 148, 156, 160–161, 198, 242, 245, 251–252, 256

Транспорт 20, 32, 47, 78, 105, 119–120, 126–132, 150, 166, 193, 198, 206–209, 227, 238–239, 244–245

Туризм 107, 110, 113, 143, 150, 159–160, 165–167, 201, 244

Урбанизация 15–17, 20-23, 30, 38, 57, 73, 98, 132–133, 152, 192–210

Фармацевтический рынок 39, 42–52

Христианство 77–79, 83, 91–106, 254

Цифровизация 71–73, 117–118, 124, 131–133, 165, 206, 211–236, 246–247, 251–252, 254, 259

- Государственного управления 132, 212, 216, 235–236, 247, 252
- Цифровые валюты 232–233
- Энергетического сектора 236

Человеческий капитал 36, 70, 92, 244, 246–248, 259

ЭКА ООН 196, 252–253, 257, 260

Языки 55–74, 76, 79, 83, 91, 98, 101–102, 242

О Центре изучения Африки НИУ ВШЭ

Центр изучения Африки НИУ ВШЭ

Центр изучения Африки НИУ ВШЭ (ЦИА ВШЭ) открыт в 2020 г. в связи с ростом значения Африки как направления внешней политики и экономического взаимодействия для России. ЦИА специализируется на экспертно-аналитической работе, изучении рынков стран Африки, оценке финансовых, юридических и политических рисков. **Основная задача** — комплексная экспертиза проектов, реализуемых или предлагаемых к реализации в Африке российскими организациями, анализ рисков и поиск возможностей.

Центр изучения Африки НИУ ВШЭ

К 2026 г. ЦИА НИУ ВШЭ — ведущий в России центр прикладной экспертизы по рискам и возможностям для ведения бизнеса в Африке.

Ключевые направления исследования Центра — изучение энергетических, продовольственных и информационно-коммуникационных рынков стран Африки; транспортно-логистической и финансовой инфраструктуры, систем принятия решений и бизнес-среды, оценка рисков — финансовых, юридических и политических, а также экспертиза проектов, реализуемых и предлагаемых к реализации в Африке предприятиями с российским участием. Ведется разработка систем поддержки принятия решений и геоинформационных систем для российского бизнеса и органов исполнительной власти.

Одно из приоритетных направлений работы в рамках научных и экспертно-аналитических проектов Центра — подготовка кадров во взаимодействии с университетами, исследовательскими центрами, министерствами и ведомствами стран Африки, в том числе реализация программ дополнительного профессионального образования для чиновников среднего и высшего звена стран Африки и России и подготовка кадров для российских компаний с интересами в Африке.

В 2023 г. ЦИА НИУ ВШЭ опубликовал и представил на ряде площадок экспертно-аналитический справочник **«Африка 2023. Возможности и риски»**, который дал ответы на часто задаваемые вопросы о современном положении стран Африки, возможностях для развития сотрудничества с ними и угрозах, которые необходимо принять во внимание. Основные разделы посвящены человеческому капиталу Африки (население, образование, культура), природным ресурсам (полезные ископаемые, экосистемы, вода), продовольственным рынкам, экономике (торговля, долги, санкции, валюты), инфраструктуре (транспорт, энергетика, города, цифровизация), политическим системам, безопасности, интеграционным процессам, политике других стран в Африке, российско-африканским отношениям.

На полях Первой министерской конференции Россия — Африка в 2024 г. состоялась презентация англоязычного экспертно-аналитического издания «**Africa 2025: Prospects and Challenges**».

Книга подготовлена коллективом Центра при участии ведущих африканских экспертов. В тексте рассмотрен широкий круг тем: макроэкономическое положение стран Африки, их внутренний и внешний долг, стоимость заемного финансирования и степень внешнеторговой диверсификации; основные тенденции в области сельского хозяйства и потребительских привычек, связь продовольственного суверенитета и роста населения, роль удобрений и систем резервирования продовольствия в решении продовольственных кризисов; состояние электроэнергетики стран Африки, роль дизельной генерации и возможности, которые энергетический переход открывает для стран Африки; а также цифровизация государственного управления, основные тенденции в области образования, развитие креативной экономики, растущая роль африканского бизнеса в экономике Африки и то, как Африку воспринимают ведущие мировые аналитические центры. Сквозная тема издания: суверенитет — финансовый, продовольственный, энергетический, цифровой, культурный и образовательный.

В 2025 г. на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) состоялась презентация третьего издания книги, выпущенный при поддержке компании «Иннопрактика». Предисловие к изданию подготовил Олусегун Обасанджо, нигерийский политический деятель, экс-президент Нигерии, посредник Африканского союза, Восточноафриканского сообщества (ВАС) и Сообщества развития Юга Африки (САДК). В сентябре 2025 г. было презентовано русскоязычное издание справочника **«Африка 2025. Возможности и риски»**.

За время работы сотрудниками ЦИА НИУ ВШЭ и внешними экспертами было подготовлено, издано и презентовано несколько десятков осевых публикаций, в том числе книга «E-Governance in Africa: Opportunities and Challenges», доклад «Россия — Египет: траектория сотрудничества», доклад «Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России», Валдайский доклад «Перспективы и задачи российско-африканского сотрудничества», аграрные гиды по странам Африки, экспертно-аналитический справочник «Танзания: возможности и риски».

В 2023 г. в рамках Экономического и гуманитарного форума Россия — Африка ЦИА НИУ ВШЭ при поддержке компании «Иннопрактика» представил **Программу трансфера компетенций в сфере цифровизации государственного управления стран Африки**, а в декабре того же года руководители профильных ведомств африканских государств приняли участие в Зимней школе по обмену опытом в сфере цифровизации госуправления для чиновников из стран Африки. В рамках Программы Центр проводит образовательные и экспертные мероприятия, оказывает содействие в формировании архитектуры и повестки международных мероприятий формата Россия — Африка (Первая министерская конференция Россия — Африка в 2024 г., Глобальный цифровой форум в 2025 г., Вторая министерская конференция Россия — Африка в 2025 г.).

При поддержке компании «Иннопрактика» с 2023 г. функционирует электронный ресурс Программы трансфера компетенций **E-Governance Knowledge Hub**, на котором публикуется информация о развитии электронного правительства и цифровизации в странах Африки, проектах, актуальных вызовах и возможных ИТ-решениях.

E-Governance Knowledge Hub

Центр изучения Африки НИУ ВШЭ развивает сеть контактов с ведущими экспертами, лидерами общественного мнения стран Африки, международными и африканскими организациями, в том числе с Экономической комиссией ООН по Африке и Африканским союзом, министерствами и ведомствами стран Африки, исследовательскими центрами и университетами.

Для заметок

Информационно-справочное издание

Африка 2027
Возможности и риски

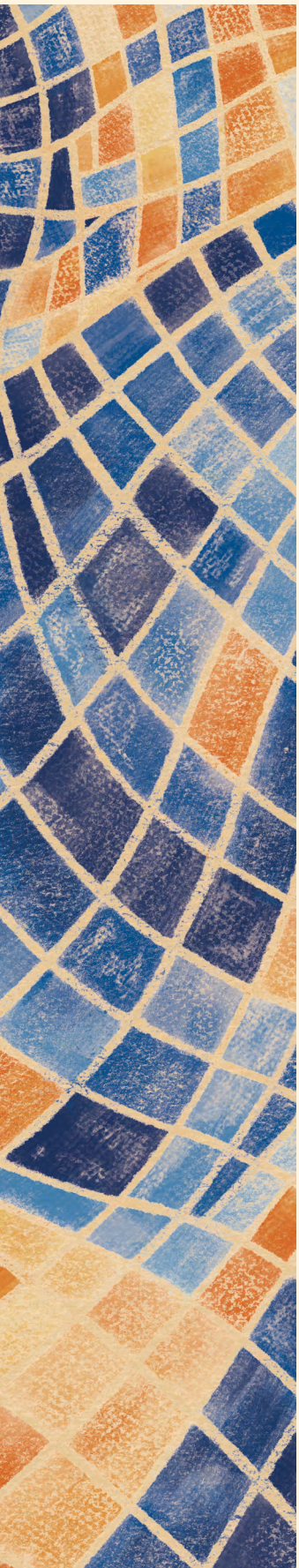
Экспертно-аналитический справочник

Под общей редакцией А.А. Маслова

Верстка: Денис Комаров
Дизайн обложки: Любовь Гаговская
Художники инфографики: Екатерина Невструева, Олеся Кандаурова

Подписано в печать 03.09.2026. Формат 84x108/16
Гарнитура HSE Sans
Тираж 35 экз.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
тел.: +7 (495) 772-95-90 доб. 15598

«Африка 2027. Возможности и риски» — экспертно-аналитический справочник, посвящённый ключевым тенденциям, вызовам и перспективам развития континента. Он продолжает серию изданий «Африка 2023. Возможности и риски», «Africa 2025: Prospects and Challenges», а также «Африка 2025. Возможности и риски».

Новое издание существенно расширяет тематический охват серии. Наряду с анализом макроэкономической динамики и стратегий развития стран Африки особое внимание уделено демографическим тенденциям, системам здравоохранения, языковому разнообразию и религиозным организациям, природному капиталу и урбанизации. Отдельные разделы посвящены ключевым для экономического развития континента отраслям — добыче полезных ископаемых и информационно-коммуникационным технологиям.

Книга подготовлена командой экспертов и исследователей, объединённой Центром изучения Африки НИУ ВШЭ.

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Центр изучения Африки